5.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
женскимъ курсамъ.
Шкафъ XCII. 10 Уг I
Полка 9 3 9
№ 6 5 57

Русская Исторія
К. Бестужевъ-Рюмина

Лен. Гос. Ун-т
13456

Лекціи по русской исторіи Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина

Переизданіе курса 18 79/80 ак. года

358/1913

БИБЛІОТЕКА О-ва для доставл. средствъ В. Ж. КУРСАМЪ.

Новгородъ

Новгородъ составляетъ совершенно особое явленіе въ Русской исторіи, которое давно уже старались объяснить различнымъ образомъ. Такъ покойный Полевой сравнилъ его съ западноевропейскими коммунами; теперь же, благодаря труду С. М. Соловьева: „объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ," вопросъ объ Новгородѣ сталъ на новую, прочную, почву. Теперь мы видимъ, что явленіе это, такъ же, какъ и всѣ другія явленія русской жизни, выходятъ изъ общихъ условій древнерусской, древнеславянской, или лучше сказать: обще-арійской жизни; на общей подкладкѣ древне-арійскихъ общинъ выросъ Новгородъ, какъ и государства древняго міра — Римское, Аѳинское и др. и не съ точки зрѣнія средневѣковыхъ городовъ можетъ быть разсматриваемъ бытъ и устройство Новгорода. Относительно этого я не стану пускаться въ соображенія и выводы, такъ какъ вопросъ этотъ на надлежащей почвѣ въ трудахъ* А. И. Никитскаго. Замѣтивъ, что Псковъ представляетъ аналогію съ общинами древняго міра, онъ высказываетъ разныя соображенія объ устройствѣ общинъ арійскихъ; на туже почву ставитъ онъ и вопросъ объ Новгородѣ. Аналогія и сближенія, которыя онъ дѣлаетъ, бываютъ иногда ошибочны, но путь изслѣдованій его несомнѣнно вѣренъ. Въ Новгородѣ отчасти отразились явленія, общія

* „Значеніе церкви въ древнемъ Новгородѣ"; „Очеркъ внут. ист. Пскова."

всѣмъ государствамъ древняго міра: явленіе гражданъ города, владѣющаго огромнымъ пространствомъ земли, составляющаго вотчинное государство въ собственномъ смыслѣ. Съ нашей, теперешней точки зрѣнія явленіе это подобно тому, что было въ древнемъ Римѣ. Какъ городъ Римъ былъ господиномъ всего пространства Римской республики, такъ и городъ Новгородъ былъ господиномъ всѣхъ Новгородскихъ владѣній. На это явленіе нужно всегда обращать вниманіе, говоря объ устройствѣ Новгорода. Жители его, какъ и жители его пригородовъ, были сами государями, частями, такъ сказать, государя - Великаго Новгорода; оттого возникаетъ и та сторона дѣла, на которую обратилъ вниманіе С. М. Соловьевъ: Иванъ Васильевичъ III, говоря съ послами новгородскими, объявляетъ имъ, что они должны признать его полнымъ властелиномъ, такимъ государемъ, каковъ онъ въ Москвѣ, а въ Москвѣ не было такого устройства, такого гражданства, какъ въ Новгородѣ. Отсюда понятны тѣ споры, которые возникли на вѣчѣ Новгородскомъ, когда пріѣхавшіе изъ Москвы послы объявили, что новгородцы должны называть князя „государемъ". По новгородскимъ понятіямъ его называть государемъ нельзя: государь самъ Великій Новгородъ; вотъ та точка зрѣнія, съ которой многое объясняется въ исторіи и бытѣ Новгорода. Въ дальнѣйшемъ изученіи исторіи мы увидимъ и другія точки соприкосновенія его съ общинами древняго міра.

Что же касается средневѣковыхъ городовъ, то они имѣютъ свой особенный характеръ, отличный отъ городовъ древняго міра. Какъ образовались эти средневѣковые города? Эти города вмѣстѣ съ окружающей ихъ землей находились подъ покровительствомъ феодальныхъ сюзереновъ, вассаловъ королей, но съ теченіемъ времени эти города отпали отъ феодаловъ, или откупались отъ королей и освободились своими

собственными средствами, образовывали вольные города; среди жителей этихъ городовъ образовывалось сословіе горожанъ. Оттого-то Итальянцы во время борьбы феодаловъ съ городами и стремились изгнать жившихъ въ городахъ феодаловъ, потому что по образованіи сословій, освободившіеся города организовывали свое особое управленіе. Вообще чрезъ всю почти средневѣковую жизнь проходитъ элементъ сословный, и его начала такимъ образомъ входятъ неизбѣжно и въ обще-европейскую исторію. Отсюда и ясенъ смыслъ борьбы въ средневѣковой Европѣ. Далѣе между городами могли происходить столкновенія, коммерческія сношенія, также вражда другъ съ другомъ, или съ феодалами, но ничего подобнаго не было въ нашемъ Новгородѣ. Въ памятникахъ Новгородскихъ мы встрѣчаемъ благословеніе отъ архіепископа, поклонъ отъ посадника и бояръ, житыхъ людей, лучшихъ людей, среднихъ людей, - однимъ словомъ отъ всего Новгорода, которой составляетъ одно цѣлое; возьмемъ грамматы Полоцкія, и тамъ стоитъ также поклонъ отъ бояръ, житыхъ людей, средняго сословія, - все это одно цѣлое. Вообще мы видимъ, что въ Новгородѣ сословныхъ отличій нѣтъ, потому и сословной борьбы; а если и была борьба, то основанія для нея были другія. Что мы видимъ въ древнихъ городахъ?

Расширяются владѣнія города, гражданъ становится больше и больше, становиться много, такъ оказалось государей, отъ этаго является возможность опираться на низшее сословіе, поддерживая его, поддерживая и пролетаріатъ, съ расширеніемъ круга гражданства въ Римѣ борьба между пролетаріатомъ и знатью привела, наконецъ, къ императорской власти. Мы увидимъ потомъ, что аналогичная борьба между городскими элементами въ Новгородѣ привела къ тому же самому: утвержденіе власти Московскаго великаго князя въ Новгородѣ основано было на томъ же самомъ, на чемъ утверждался и принципатъ въ древнемъ Римѣ: противъ богатыхъ людей, которые своими интригами и ссорами возмущаютъ спокойствіе государства и своими многочисленными кліентами берутъ перевѣсъ на вѣче (что

было и на римскихъ комиціяхъ) низшее сословіе — черный народъ ищетъ опоры въ Москвѣ, давая возможность и средства къ утвержденію ея власти въ Новгородѣ.

Территорія Новгорода.

Область Новгорода была громадна. Она простиралась отъ каменнаго пояса (Уральск. горъ) въ различныхъ видахъ зависимости. Мы знаемъ, что въ область Новгородскую входила Пермь, Югра и Печора. Вся область Новгорода (или область св. Софіи) дѣлилась на 5 пятинъ: Водскую (по Ладожскому озеру), Обонежскую (до Бѣлаго моря), Бѣжецкую (до Мсты), Шелонскую (отъ Ловати до Луги), Деревскую (до Ловати). Пространство этихъ пятинъ занимало (вмѣстѣ съ Псковской областью) нынѣшнія губерніи: Новгородскую, С. Петербургскую, часть Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Вятской, Вологодскую, западную часть Ярославской, часть Тверской и Псковскую. Бѣлозерская область сюда не входитъ: она составляла владѣнія князей бѣлозерскихъ, родственниковъ ростовскимъ и суздальскимъ. По этимъ пятинамъ были разсѣяны пригороды: Псковъ, Изборскъ, Ладога, Руса и др.; пригороды эти имѣли право присылать своихъ представителей на вѣче Новгородское, куда Новгородцы призывали даже и инородцевъ, жившихъ на ихъ землѣ.

Описаніе древняго Новгорода.

Центромъ всей Новгородской земли былъ Новгородъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова. На правомъ берегу — сторона Торговая съ двумя концами: Плотницкимъ и Словенскимъ, а на лѣвомъ — Софійская съ тремя концами: Неревскимъ, Загороднымъ и Гончарнымъ; центромъ Новгорода былъ Дѣтинецъ (кремль), гдѣ былъ соборъ св. Софіи, и гдѣ жилъ архіепископъ; князь же Новгородскій жилъ на Торговой сторонѣ и чаще на Городищѣ; можетъ быть тутъ и было первоначальное поселеніе Рюрика.

Древность Новгорода

Упоминанія объ Новгородѣ восходятъ еще къ началу нашей исторіи, къ началу лѣтописнаго сказанія о призваніи Рюрика. Но есть преданіе и дру-

ой формаціи, чѣмъ занесенное въ лѣтопись преданіе о Варягахъ, есть преданіе о болѣе древнемъ существованіи Новгорода, напр. преданіе о томъ, что еще апостолъ Андрей былъ въ Новгородѣ. Кромѣ того новѣйшіе изслѣдователи основываютъ свое мнѣніе о древнемъ существованіи Новгорода на томъ, что еще у Іорданда, писателя VI вѣка (въ его трудѣ: „de Getorum sive Gothorum oridine") есть извѣстіе о „lacus Mursianus", подъ которымъ разумѣютъ озеро Ильмень („Мойско" въ баснословныхъ разсказахъ о Новгородѣ, „civitas Novietunensis" — Новгородъ у Іорданда), извѣстіе очень важное, если бы можно было положиться на его достовѣрность; но извѣстіе это темно и не пояснено болѣе подробными свѣдѣніями о странахъ, о которыхъ онъ говоритъ. При томъ Іордандъ, жившій въ VI вѣкѣ, писалъ о Готахъ, жившихъ за 2-3 столѣтія до его времени, такъ что къ извѣстіямъ его нужно относиться съ осторожностью.

Мнѣнія о происхожденіи первыхъ поселеній въ Новгородѣ.

Теперь вопросъ: откуда же взялись Славянскія поселенія въ Новгородѣ? На этотъ вопросъ предлагается очень много отвѣтовъ и новѣйшіе изъ нихъ заключаются въ томъ, что жители Новгорода были первоначально поселенцами Старгорода на Балтійскомъ морѣ, но слѣдуетъ замѣтить, что дать окончательный отвѣтъ на этотъ темный вопросъ мудрено; есть ли отношеніе между Старгородомъ Мекленбургскимъ и нашимъ Новгородомъ, сказать трудно. Есть еще мнѣніе между Славистами, что по берегамъ Балтійскаго моря жили Славяне, на которыхъ совершали походы нѣмецкія дружины и покоряли ихъ; съ этими Балтійскими Славянами и сближаютъ славянъ Новгородскихъ (А. Ѳ. Гильфердингъ), но мнѣніе это не принято даже всѣми Славистами, такъ что собственно говоря, возникновеніе Славянскихъ поселеній въ Новгородѣ — вопросъ не рѣшенный.

Не знаю впрочемъ, въ какой степени раскопки, произведенныя Ивановскимъ, могутъ служить прочной опорой для выводовъ о первыхъ поселеніяхъ въ Новгородѣ, потому что, когда дѣло идетъ о столь

отдаленной эпохѣ, не всегда ясно, къ какому именно времени принадлежатъ открытія. Вѣроятно, когда раскопки эти будутъ доведены до конца, то онѣ приведутъ къ болѣе положительнымъ выводамъ на счетъ первого поселенія въ Новгородѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что племя, населявшее Новгородъ въ древности было крайнимъ, потому что на окраинахъ главнымъ образомъ и сохраняется имя народа; такъ мы знаемъ Славянъ въ Новгородѣ и Словинцевъ въ Штиріи и Каринтіи. Такимъ образомъ имя народа, населявшаго Новгородъ въ древности сохранилось на двухъ концахъ области его распространенія, а другія племена того же народа: Лужичане, Сербы и др. уже имени этаго не сохранили. Но нельзя сказать положительно, шло ли Новгородское племя съ юга, или нѣтъ. Многіе видятъ филологическое сходство этого племени съ Малороссійскимъ, но это еще не доказываетъ, что Новгородское племя пришло изъ Малороссіи, съ юга, скорѣе оно ближе къ племени Бѣлорусскому, Кривичскому, которое искони съ незапамятныхъ временъ живетъ въ своей области и которое при своемъ дальнѣйшемъ распространеніи и могло создать Новгородское племя, тѣмъ болѣе, что никогда мы не видимъ, чтобы племена скакали одно черезъ другое, а видимъ, что они шли далѣе, подвигаясь медленно толпами, отыскивая мѣста, удобныя для поселенія.

Возникновеніе княжеской власти въ Новгородѣ.

Новгородцы упоминаются въ самомъ началѣ нашей лѣтописи. Лѣтописныя сказанія вводятъ насъ въ кругъ большаго союза, заключеннаго будто бы между различными племенами, которыя вмѣстѣ изгнали Варяговъ и затѣмъ сообща призвали ихъ вновь. Союзъ этотъ, какъ говоритъ лѣтопись, былъ заключенъ между Славянами, Чудью, Весью, Мерей и Кривичами и обнималъ собою всю нынѣшнюю Бѣлоруссію, почти всю среднюю Великоруссію. Можетъ быть и былъ такой союзъ, но положительно сказать былъ ли онъ, или нѣтъ, очень трудно. Мы знаемъ, что союзы въ это время были болѣе трудны, чѣмъ въ позднѣйшее время, а если былъ этотъ союзъ, то значитъ

необходимо допустить сильную связь между различными племенами, сильную колонизацію славянъ въ земли Ростовской, Суздальской и др., но еще въ довольно позднюю сравнительно эпоху живутъ финскія племена въ самомъ центрѣ этихъ земель, въ XIII в., такъ что мы не можемъ сказать, чтобы эти земли были значительно колонизованы Новгородцами, хотя вполнѣ отрицать славянскую колонизацію мы не имѣемъ права: еще Юрій Долгорукій находитъ славянскія поселенія въ Суздальской землѣ. В. В. Пассекъ въ своей статьѣ: „Новгородъ самъ въ себѣ", помѣщенной въ „Чтеніяхъ общества любителей исторіи и древностей Россійскихъ" (1869 г. т. IV) обратилъ вниманіе на сказаніе о бояринѣ Кучкѣ, которому онъ справедливо придаетъ важное значеніе; дѣло въ томъ, что бояринъ этотъ, съ которымъ имѣлъ дѣло Юрій, дѣти котораго участвовали въ убіеніи Андрея, не княжескій, а земскій. Откуда же земскій бояринъ въ Суздальской землѣ?

Очевидно онъ былъ не Финъ; его считаютъ обыкновенно Новгородскимъ колонистомъ. Онъ полагаетъ, что колонизація Строгановыхъ была похожа на колонизацію Новгородскую, которая тѣсно связана со всѣмъ теченіемъ Новгородской исторіи.

Что дѣлается тамъ? Не сидится какому нибудь боярину въ Новгородѣ, вотъ онъ собираетъ себѣ дружину „ушкуйниковъ" (какъ мы видимъ и въ историческихъ разсказахъ и въ былинахъ Новгородскаго цикла, напр. въ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ) и идетъ искать удобнаго мѣста для поселенія; такъ образовалось Вятское поселеніе, и такихъ вольныхъ походовъ гулящихъ людей, желавшихъ выселиться, мы встрѣчаемъ въ Новгородской исторіи цѣлый рядъ. Такъ заселена была Вологодская земля и другія мѣстности; такого же рода выселенія совершались и въ Суздальскую землю; — вотъ откуда явилось это боярство Суздальское, которое встрѣчается въ исторіи А. Боголюбскаго, съ которымъ онъ боролся и въ борьбѣ съ которымъ онъ палъ жертвой заговора. Почему князю не приходилось выдерживать такой борьбы, потому что тутъ такихъ земскихъ бояръ не встрѣчалось;

[illegible] дружинное, княже-ніе дружины. С. М. Соловьевъ нѣсколько иначе ставитъ вопросъ и объясняетъ дѣло иначе. Онъ создалъ такую теорію: тамъ идетъ борьба между старинными городами и княземъ, который желаетъ подчинить себѣ старые города, опираясь на новые, и вотъ начинается борьба между новыми и старыми городами; но борьба эта ведется собственно не съ городами, а съ представителями земли – землевладѣльцами; вообще высшими земли. Такъ мы видимъ и въ Новгородѣ: и тутъ землевладѣльцы имѣютъ право [illegible] и поставить, такъ что борьба Юрія и Андрея ведется собственно не съ городами, а съ туземными боярами.

Такую же борьбу мы видимъ и въ Новгородѣ – тутъ Ярославъ не хочетъ оставаться въ старомъ городѣ, а идетъ въ новый – Торжокъ – „да не будетъ новый Торжокъ Новгородомъ, ни Новгородъ – Торжкомъ" – слова Мстислава. Такимъ образомъ князь для упроченія своей власти создаетъ новые города, которые ему и подчиняются. Боголюбово, Москва и др. города не были центрами народной жизни, а только княжескими центрами, составлявшими опору, изъ которыхъ власть князя двигалась дальше и дальше.

Итакъ, мы не знаемъ, до какой степени вѣрно преданіе о союзѣ между Новгородомъ и другими племенами; когда Новгородскіе князья утвердились на этихъ племенахъ, сказать трудно: тутъ [illegible] [illegible] причинъ принадлежности земли. „Вы не князья и не княжескаго рода" говоритъ Олегъ Аскольду и Диру. Дѣйствительно мы видимъ, что они не были мужами Рюрика и Игоря, а отдѣльными, самостоятельными владѣльцами земель, удержавшими ихъ въ силу давности владѣнія. Самый вопросъ объ объемѣ владѣній первыхъ Новгородскихъ князей, хотя въ пользу его говоритъ много соображеній, довольно теменъ, равно какъ и вопросъ о призваніи князей. Мы знаемъ, что Новгородцы не могли жить безъ князя: когда не было его у нихъ, то, какъ мы знаемъ изъ позднѣйшей исторіи Новгорода, они приглашали его, такъ какъ борьба и не-

прямо было) — заставляли ихъ имѣть его (князя). Они, напр., пришли къ Святославу и сказали ему: „дай намъ сына", тотъ отвѣчаетъ: „Кого же я вамъ дамъ? Кто къ вамъ пойдетъ?" А они отвѣчали: „если не дашь, то найдемъ князя инде", т. е. на сторонѣ. Желаніе ихъ непремѣнно имѣть князя понятно: бояре Новгородскіе, имѣя огромное количество кліентовъ, на вѣчѣ властвовали и дѣлали, что хотѣли. Такъ было и въ древнемъ Римѣ, такъ было и въ Новгородѣ. Вслѣдствіе неурядицы нуженъ былъ Варягъ, третейскій судья — такимъ варягомъ и явился вблизи Новгорода находившійся князь скандинавскаго происхожденія; дружина его, конечно, могла быть различнаго происхожденія.

Второй князь русскій, какъ мы знаемъ, ушелъ изъ Новгорода и поселился въ Кіевѣ, а Новгородомъ сталъ управлять черезъ намѣстниковъ. Далѣе Константинъ Багрянородный указываетъ на то, что Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ и, какъ мы знаемъ, сыну его, Владиміру, пришлось долго управлять Новгородомъ; князь этотъ пользовался любовью Новгородцевъ. Мы знаемъ также, что съ помощію посадника Новгородскаго, Добрыни, Владиміръ свергнулъ брата своего Ярополка; затѣмъ въ Новгородѣ Владиміръ посадилъ Вышеслава, старшаго своего сына, а послѣ него утвердился тамъ же 4-й сынъ Владиміра — Ярославъ. Отношенія его къ Новгороду довольно запутаны: извѣстно, что онъ сначала обижалъ народъ чрезъ Варяговъ, которыхъ Новгородцы перебили, тогда Ярославъ, пригласивъ къ себѣ главныхъ лицъ въ Новгородѣ, избилъ ихъ. На утро, получивъ извѣстіе изъ Кіева — отъ своей сестры Предславы о злодѣйствахъ Святополка, Ярославъ собралъ Новгородцевъ и пошелъ съ ними въ походъ на брата. Мы знаемъ далѣе, что Ярославъ что-то сдѣлалъ въ пользу Новгородцевъ; это мы знаемъ изъ двухъ свидѣтельствъ: одного — прямаго, другаго — непрямаго. Во первыхъ въ позднѣйшее время встрѣчается нѣсколько разъ указаніе на какія-то грамоты Ярослава Новгороду; Новгородцы говорятъ: „сдѣлай тото по старинѣ, по пошлинѣ, по

грамотамъ Ярослава. Далѣе есть еще одно указаніе, относящееся сюда же: въ лѣтописцѣ Суздальскій, говоря о правленіи Всеволода III, Большое Гнѣздо, замѣчаетъ: „освобождены были ими старыми князьями"; значитъ, и также князья отъ чего-то освобождали Новгородъ. Что касается грамотъ Ярослава, то въ лѣтописи есть также указаніе: „далъ имъ правду, и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите и якоже писахъ вамъ, такоже держите." Нѣкоторые думаютъ, что тутъ разумѣется Русская Правда, иные видятъ въ ней [illegible] значеніе, но слова эти едвали къ ней относятся; это, очевидно, была грамота; но мы не можемъ рѣшить, какая она была: политическая, или финансовая, или вообще общаго политическаго характера. Прежде чѣмъ сказать, что либо опредѣленное объ этихъ грамотахъ, укажемъ на одно обстоятельство, именно на то, что Олегъ, уходя изъ Новгорода, положилъ, чтобы Новгородцы давали 300 гривенъ „мира дѣля", изъ которыхъ часть шла на Кіевъ, часть на Новгородъ. Мы знаемъ, что эту платили Новгородцы до времени Ярослава; слѣдовательно льготы Ярослава, касавшіеся этого вопроса, имѣли чисто финансовый характеръ. Изъ за этого и ведется борьба между Ярославомъ и Владиміромъ; вы помните, что послѣднимъ дѣломъ Владиміра былъ именно походъ на Новгородъ, изъ за отказа Ярослава платить дань. На основаніи этого факта мы должны согласиться съ С. М. Соловьевымъ, что въ льготныхъ грамотахъ Ярослава сказался чисто финансовый характеръ, что онѣ касались финансовой стороны. Затѣмъ, обращаясь къ отдѣльнымъ, по общимъ соображеніямъ мы придемъ къ тѣмъ же выводамъ: 1) льготныя грамоты Ярослава освобождали отъ денежнаго взноса, а всякое освобожденіе также имѣло первоначально характеръ финансовый; 2) этими грамотами давалось Новгородцамъ право самимъ собирать подати, - или цѣлыя учрежденія, извѣстныя

[illegible] совсѣмъ освобождались отъ подати.

Теперь определимъ взаимныя отношенія князя къ народу и вѣчу. Эти отношенія не могли конечно выработаться скоро; они вырабатывались въ Новгородской исторіи медленно, цѣлыми вѣками; нужно много времени, чтобы утвердилось начало въ теоріи то, что совершалось на практикѣ. Разграниченіе этихъ властей (князя и народа) есть уже дѣло позднѣйшаго времени; мы видимъ, что онѣ долгое время находились въ борьбѣ; нѣкоторыя уступки, сдѣлки между ними относятся уже къ татарской порѣ. Нужно замѣтить одно важное обстоятельство: князья, преемники Ярослава, ставили князей въ Новгородѣ, сажали посадниковъ, тысяцкихъ; это дѣлали и самъ Ярославъ и Владиміръ Мономахъ; далѣе мы знаемъ, что епископъ для Новгорода ставился не въ Новгородѣ. Начало ограниченія этой власти замѣчается уже со времени междоусобій между Мономаховичами, [illegible]. Съ 1136 года мы видимъ, что цѣлый рядъ князей избирается въ Новгородѣ. И раньше этого Новгородцы заявляли на это свои притязанія и, вѣроятно, имъ уступали иногда; такой случай уступки былъ при Святополкѣ; онъ захотѣлъ посадить въ Новгородѣ своего сына, — но Новгородцы послали сказать ему: „если у сына твоего двѣ головы, то пусть идетъ къ намъ". Святополкъ уступилъ имъ, и Мстиславъ остался въ Новгородѣ. Со времени Всеволода начинается назначеніе посадниковъ самими Новгородцами — фактъ очень важный. С. М. Соловьевъ производитъ „посадникъ" отъ слова „посадъ" — предмѣстье городское, но бывали посадники въ такихъ городахъ, въ которыхъ не было большихъ предмѣстій, — „по [illegible] посади посадники своя" мы знаемъ ихъ и въ мелкихъ городахъ; посадникъ есть намѣстникъ княжескій, соотвѣтствуетъ польскому каштеляну. Различіе между посадникомъ и воеводою, или тысяцкимъ заключается въ томъ, что

первый есть начальникъ городской, а послѣдній земскій; также и у поляковъ въ средневѣковье отличается каштелянъ отъ воеводы. Такъ какъ городъ преобладалъ надъ землей, то поэтому и посадникъ имѣлъ главное, первенствующее значеніе, а воевода, тысяцкій — второстепенное. Мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ тысяцкаго главнымъ образомъ какъ земскаго человѣка.

Съ избраніемъ посадника и князей совпадаетъ и другой важный фактъ: со времени архіепископа Арсенія, архіепископы стали выбираться въ самомъ Новгородѣ, а до этого Новгородскій владыка поставлялся въ Кіевѣ и выбирался княземъ. Новгородцы выбирали сами владыку, который и поставлялся въ Кіевѣ митрополитомъ.

Во время борьбы между Ольговичами и Мономаховичами, Суздальскими и Волынскими князьями, Новгородцы приняли сторону потомковъ Мстислава. Такъ, когда Изяславъ прибылъ въ Новгородъ, то его встрѣтили тамъ очень восторженно и привѣтствовали криками: „ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мстиславъ; все пойдемъ съ тобою, и даже тѣ, у кого гуменце пострижено, а еще не поставленъ." *

Когда же власть перешла къ Суздальскимъ князьямъ, то они вошли въ столкновеніе съ Новгородцами. При Андреѣ Боголюбскомъ Новгородцы выбираютъ себѣ княземъ Романа Мстиславича, сына Мстислава Кіевскаго. Тогда Андрей послалъ свое войско для осады Новгорода (1169 г.); это войско было разбито Новгородцами на голову и они захватили тутъ такъ много плѣнныхъ Суздальцевъ, что продавали ихъ по „ногатѣ" — мелкой монетѣ. Свою побѣду Новгородцы приписали чуду знаменія Пр. Богородицы (послѣ было сложено сказаніе по этому поводу); есть въ Ар   извѣстный образъ знаменія; въ виду этого образа — изображеніе Новгорода, но это Новгородъ уже 18 вѣка. Образъ этотъ показываетъ, что событіе это запечатлѣлось въ па-

* „Лѣт. по Ипат. списку" 256-260.

мяти Новгородцевъ, какова же относящаяся легенда о видѣніи пономаря Тарасія при архіепископѣ Евфиміи II: спитъ пономарь въ церкви, вдругъ видитъ онъ, отверзаются царскія двери (въ Софійскомъ соборѣ), откуда выходитъ рядъ епископовъ и первый изъ нихъ обращается къ нему съ такими словами: „Іоаннъ, при которомъ Суздальцы осаждали Новгородъ." Легенда эта легла въ основаніе труда Евфимія, сохранившаго чтенія святыхъ въ видахъ возбужденія патріотизма.

Въ 1170 году начался въ Новгородѣ сильнѣйшій голодъ, тогда Новгородцы отдались князю Андрею на его полную волю. Отъ чего же происходилъ голодъ? Мы знаемъ, что Новгородская земля безплодна, — земледѣліе до сихъ поръ тамъ не процвѣтаетъ, и ведется оно въ Новгородѣ часто первоначальнымъ способомъ; случилось мнѣ видѣть, какъ тамъ обрабатываютъ землю: тутъ употребляется, напримѣръ, такая борона, какой не встрѣтишь ни въ одной мѣстности: вмѣсто бороны нашей съ зубцами употребляется простая ель съ подрѣзанными сучьями — самый первобытный способъ. Неурожаи въ Новгородской области дѣло заурядное, хлѣбъ и теперь привозится туда съ низовьевъ Волги. Поэтому стоило только Андрею прекратить подвозъ хлѣба съ низовской стороны — и Новгородъ остался безъ хлѣба и появился голодъ. Голодъ этотъ былъ страшный; даже кору и мохъ подмѣшивали въ хлѣбъ; отъ этого появилась моровая язва: скудельницы наполнялись полныя труповъ.

Такимъ образомъ Андрей овладѣлъ Новгородомъ. Надъ Новгородомъ торжествовалъ и Всеволодъ III; сначала Новгородцы являются противниками его и защитниками Ростиславичей; но потомъ Всеволодъ III заставилъ ихъ подчиниться „на всей его волѣ"; во время борьбы Всеволода съ князьями Черниговскими, Новгородцы получили свободу выбирать князя, гдѣ хотятъ. Но это продолжалось не долго; скоро Всеволодъ послалъ къ нимъ своего сына Святослава и потребовалъ подчиненія ему; отъ

Всеволода защищали новгородцы [illegible] кня-
зя Смоленскія: Мстиславъ [illegible] Уда-
лой. Богъ [illegible],
въ Новгородѣ Мстиславъ; но [illegible]
рыцарь тутъ не усидѣлъ; [illegible] вос-
становить правду по всей землѣ русской, и онъ [illegible]
ушелъ изъ Новгорода, оставивъ его въ власти Суз-
даля. Тогда въ Новгородѣ сталъ править Ярославъ
Всеволодовичъ; но [illegible] Новгородъ
засѣлъ въ Торжкѣ; тутъ явился Мстиславъ [illegible]
двинулся противъ Ярослава; въ Липецкой битвѣ
Ярославъ былъ разбитъ; но Мстиславъ скоро опять
ушелъ, и Ярославъ снова укрѣпился въ Новгоро-
дѣ, благодаря своей суздальской партіи.

Затѣмъ мы видимъ здѣсь его сына, Алексан-
дра Ярославича. Это былъ князь храбрый и умный,
тонкій политикъ. Онъ умѣлъ [illegible],
гдѣ нужно, и не перечить силѣ, когда знало, что
этимъ поможетъ своей землѣ. Онъ былъ достой-
нымъ сыномъ своего отца и внукомъ своего дѣда,
но совершенно не походилъ на Мстислава; [illegible]
совсѣмъ другой типъ. Мстиславъ брался за все и
часто ничего не дѣлалъ, но Александръ брался за то
только, что былъ въ состояніи сдѣлать. Онъ вступилъ
въ борьбу съ Швеціей за Неву [illegible]
верилъ; также когда Псковъ былъ занятъ нѣмца-
ми, [illegible] и отнялъ его. Мы [illegible]
видимъ, что онъ умѣлъ сражаться и побѣждать.
Кромѣ того онъ любилъ свой народъ, и народъ лю-
билъ его и гордился своимъ княземъ. Но когда та-
тары [illegible], — онъ подчинился имъ: хо-
дилъ въ орду и возилъ туда подарки. Когда сынъ
его Василій хотѣлъ возстать въ Новгородѣ, то
Александръ упрекнулъ его за это, наказалъ винов-
ныхъ новгородцевъ и заставилъ ихъ успокоиться;
тутъ онъ поступилъ очень умно, такъ какъ не пу-
стилъ татаръ на свою землю, которые [illegible]
черезъ его землю мирно, а Псковъ разорили. Послѣ
Александра начинается борьба между суздальски-
ми князьями. Въ этой борьбѣ то Василій, то
Ярославъ усиливаются на великокняжескій

столъ. Новгородцы пользуются этой оппозиціей, и выговариваютъ себѣ то тѣ, то другія льготы; съ этихъ поръ начинается рядъ письменныхъ договоровъ съ Новгородомъ; этотъ рядъ съ 1254 года доходитъ до 1471 г.

Когда Михаилъ Ярославичъ Тверской сдѣлался великимъ княземъ, то Новгородцы правда приняли его, но они охотнѣе дали перевѣсъ Московскому князю Юрію, которому они и больше сочувствовали. Дѣло тутъ происходило такъ: Тверской князь — сосѣдъ, а Московскій дальше; Тверской имѣетъ значительныя владѣнія и старшинство права, а Московскій всего владѣетъ 2-3 незначительными городами и старшинства не имѣетъ; ясно, что Новгородцамъ выгоднѣе придерживаться того, кто слабѣе — вотъ главная причина, почему Новгородцы больше сочувствовали Юрію. При Московскихъ князьяхъ, во время борьбы, привлекаютъ къ себѣ князей Литовскихъ, напримѣръ, Наримонта; а отсюда и вытекаетъ то обстоятельство, что Литовскіе князья смотрѣли на Новгородъ, какъ на землю отъ нихъ зависимую; въ Новгородѣ мы часто видимъ борьбу между Московской и Литовской партіей.

Но предъ Московскими князьями Новгородцы смиряются. Смирились они передъ Іоанномъ Калитой, смирились и передъ Димитріемъ Донскимъ, но однако въ Куликовской битвѣ не участвовали.

Къ этой эпохѣ относится появленіе громаднаго количества ушкуйниковъ на Волгѣ. Такъ мы знаемъ, что въ это время Прокопъ ограбилъ Ростовъ и Кострому и свезъ плѣнныхъ въ Астрахань и Сарай. Новгородцы, какъ видно даже не стѣснялись продавать плѣнныхъ горожанъ въ Орду. Димитрій Донской наказалъ ихъ за это и взыскалъ пеню. При Василіи Димитріевичѣ шла борьба Новгорода съ Великимъ княземъ изъ-за Двинской области; она была богата, давала доходные промыслы рыбный и звѣриный, и они служили источникомъ богатства для Новгородцевъ; у нихъ были еще владѣнія большія въ нынѣшней Ар-

ханѣльской губерніи. При Василіи Васильевичѣ Темномъ Новгородцы приняли сторону его врага—Шемяка и умеръ въ Новгородѣ: пріѣхалъ Московскій воевода и отравилъ его. Шуйскій состоялъ намѣстникомъ у Великаго Новгорода и дѣйствовалъ противъ Московскаго князя. Василій Васильевичъ [illegible], но не разорилъ Новгорода, онъ взялъ только контрибуцію, но недолго спокойно было. Въ послѣднее время Новгородской жизни лѣтописецъ высказываетъ жалобы на то, что нѣтъ правды въ Новгородѣ, что худая мысль овладѣла всѣми, что бояре и богатые люди взяли перевѣсъ и угнетаютъ черный народъ; а этотъ послѣдній тогда сталъ искать убѣжища и защиты у Великаго князя Московскаго и видѣлъ въ немъ защитника отъ бояръ и неправеднаго суда. Надо, впрочемъ, замѣтить, что сами Новгородцы считали обязанностью князя заботиться о черныхъ людяхъ. Такъ, въ числѣ условій, съ которыми Новгородцы обращались къ Всеволоду Гавріилу, есть и такое: „не блюлъ есть смердовъ"; между тѣмъ въ концѣ своего существованія, въ договорѣ съ Казиміромъ, Новгородцы сдѣлали такое постановленіе: „а холопъ или рабъ, или смердъ начнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны король, вѣры не яти"; * т.е. смердъ поставленъ наравнѣ съ холопомъ.

Такимъ образомъ въ Новгородѣ мало по малу выработалось олигархическое устройство, которое вызвало противодѣйствіе и сокрушилось о силу Москвы. Олигархія тогда только держится, когда роды поддерживаютъ одинъ другаго, когда образуется какое-нибудь центральное учрежденіе (въ родѣ совѣта 10 или 30, поддерживавшихъ Венеціанскую олигархію); въ Новгородѣ же главнымъ центромъ является народное собраніе, въ которомъ было громадное количество кліентовъ отъ богатыхъ людей. Въ судѣ не могло быть правды, потому что докладчиками сидѣли по боярину и житьему человѣку отъ конца. Отъ этого происходили распри въ Новгородѣ. Владыка Евфимій II хотѣлъ

* „Акты экс." I, № 90.

[illegible] Новгородцевъ, составленіемъ житій Новгородскихъ святыхъ, но одного этого было не достаточно, чтобы удержать Новгородъ отъ паденія.

Князь

Новгородъ, подобно другимъ русскимъ городамъ, [illegible]. Князь былъ необходимъ для Новгорода: мы знаемъ, что источники Новгородскіе отмѣчаютъ, какъ нѣчто особенное, что Новгородъ былъ безъ князя восемь мѣсяцевъ: „сѣдѣша Новгородци безъ князя отъ Семена дни до Великаго дни [illegible]." (П. С. Р. Л. III, 11.) Тѣмъ не менѣе въ Новгородѣ князь былъ поставленъ въ другія условія, чѣмъ въ другихъ русскихъ городахъ. На это было очень много причинъ. Самая важная между ними была та, что въ Новгородѣ не утвердился ни одинъ княжескій родъ, а не утвердился онъ потому, что Новгородъ былъ очень далеко отъ первоначальнаго центра русской земли — Кіева: онъ не могъ служить [illegible] къ Кіевскому столу. [illegible] князья [illegible] Новгородъ на другія волости (Всеволодъ Гавріилъ на Переяславль); а между тѣмъ существованіе враждебныхъ отношеній между князьями давало Новгородцамъ возможность выбирать и ставить [illegible] положеніе: они могли предлагать свои условія и, хотя иногда приходилось уступать князьямъ сильнымъ, каковыми, напримѣръ, были Суздальскіе князья, однако можно сказать, что Новгородъ, до возвышенія Москвы, все возрасталъ въ своемъ значеніи; [illegible] многихъ князей было важно имѣть Новгородъ на своей сторонѣ. Новгородъ такимъ образомъ для князей, стремившихся завладѣть кіевскимъ столомъ, служилъ средствомъ къ достиженію цѣли. Мы указали, что, напримѣръ, Ярославъ Владиміровичъ, чтобы завладѣть кіевскимъ столомъ, долженъ былъ входить въ сдѣлку съ Новгородцами, и что благодаря подобнымъ сдѣлкамъ Новгородцевъ съ князьями, первые успѣли поставить себя въ особенныя отношенія къ князю, чѣмъ другіе города. Кромѣ того, такъ какъ въ Нов-

городѣ не утвердился ни одинъ князь съ своимъ поколѣніемъ, то и дружинники княжескіе въ Новгородѣ не могли сдѣлаться важными лицами, т.е. сдѣлаться большими землевладѣльцами, или чѣмъ нибудь въ Новгородѣ; но за то возвысилось въ Новгородѣ значеніе туземныхъ боярскихъ семей — земскихъ бояръ. Это земское боярство (землевладѣльческая аристократія), ставъ во главѣ партій городскихъ, управляло дѣлами Новгорода; призывало князей и заключало съ ними договоры.

Договорныя грамоты ярко изображаютъ отношенія князей къ Новгородцамъ. Отношенія эти основывались главнымъ образомъ на недовѣріи, чѣмъ отличаются Новгородскіе договоры отъ Кіевскихъ рядовъ.

Въ рядахъ кіевлянъ съ князьями указывается на употребленіе князьями чиновниковъ. Жалуются, напримѣръ, кіевляне Всеволоду Ольговичу (1139–1146 г.), что тіуны его грабятъ, и требуютъ отъ него, чтобы онъ самъ судилъ. Эти жалобы на княжескихъ чиновниковъ идутъ черезъ все XII столѣтіе и особенно ярко выразились въ словѣ Даніила Заточника.

Новгородскіе ряды до насъ не дошли, есть только извѣстіе, что въ XIII столѣтіи было несколько рядовъ. Съ XIII столѣтія мы имѣемъ грамоты Новгородскія (онѣ хранятся въ архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ). Эти грамоты начинаются съ грамоты Ярослава Ярославича отъ 1264–1265 г.

С. М. Соловьевъ въ своемъ сочиненіи: „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ" излагаетъ намъ эти отношенія. Въ договорныхъ грамотахъ Новгородскихъ, обнимающихъ періодъ времени отъ XIII до XV в. включительно, есть несколько подробностей, характеризующихъ отношенія Новгорода къ князьямъ. Тутъ были опредѣлены права судебныя: „а безъ посадника ти, княже, суда не судити, — волостей не раздавати." Право раздавать въ кормленіе или въ управленіе волости принадлежитъ слѣдовательно не одному только князю, а и посаднику. Посадникъ такимъ образомъ является чисто мѣстнымъ человѣкомъ, который указываетъ князю, какъ поступать въ извѣстныхъ дѣлахъ.

Затѣмъ ни князь, ни его дворяне не имѣютъ права покупать земли на Новгородской территоріи. Это очень важное условіе не давать, стало быть, князю возможности утвердить здѣсь свою власть.

Въ договорныхъ грамотахъ строго опредѣлялось время выѣздовъ князя изъ города. Мы знаемъ между прочимъ, даже ѣзда на охоту опредѣлялась условіями, именно: князья могли охотиться только осенью. Борзаковскій въ своемъ сочиненіи „Исторія Тверскаго княжества" видитъ въ этомъ обстоятельствѣ то, что выѣздъ князя на охоту былъ обременителенъ для мѣстности, и потому мѣстность желала допустить эту княжескую забаву лишь въ извѣстный срокъ — осенью. Доходы князя также точно были опредѣлены въ этихъ грамотахъ, хотя они опредѣлялись, правда, не всегда точно: „какъ то пошло", „по старинѣ", но эти неточныя для насъ опредѣленія, тогда были ясными и понятными.

Возникновеніе споры или тяжбы между княжескимъ человѣкомъ и Новгородскимъ рѣшалось <u>судомъ смѣснымъ</u>: назначались судьи съ той и другой стороны. Это явленіе замѣчается и въ древней Руси, и вообще во времена средневѣковыхъ княжествъ, когда въ разныхъ подсудностяхъ эти разные суды должны были сходиться вмѣстѣ, какъ въ современныхъ областяхъ. Напримѣръ, если Тверской человѣкъ судился съ Новгородскимъ, или Тверской съ Московскимъ, то тогда назначался судъ смѣсный. Къ этому нужно прибавить, что въ древности не бывало власти смотрѣли на судъ, какъ на доходную финансовую статью: „О чужой судъ", говорится въ Московскихъ грамотахъ: „сидитъ, прибытка своего глядитъ".

Такимъ образомъ князь, имѣя свои опредѣленныя функціи, является, стало быть, одною изъ властей, которая необходима для Новгорода.

Вѣче.

Другою властью является народное вѣче. Мы видимъ, что вѣча существовали во всѣхъ древнихъ русскихъ городахъ, какъ существовали первона-

чально у всѣхъ арійскихъ народовъ. Это вѣче, не имѣя правильной организаціи, не разбирало дѣла въ правильномъ порядкѣ. Власть народа, выражающаяся въ вѣчѣ, сказывается въ крайнихъ случаяхъ, когда показывается нужнымъ и безъ опредѣленныхъ на это правилъ и условій. Само собою ясно, что кіевскіе князья не допускали частыхъ народныхъ вѣчъ; большею частью вѣча въ Кіевѣ собирались самими князьями, когда имъ нужно было говорить съ народомъ. Такимъ образомъ въ Кіевской землѣ вѣче существовало нѣсколько отлично отъ того, что мы видимъ въ Новгородѣ. Мы привыкли къ понятіямъ учрежденій представительныхъ, и поэтому вѣче для насъ является темнымъ въ родѣ того, мы все не можемъ отвязаться отъ палатъ и другихъ подобныхъ учрежденій, гдѣ есть положеніе. Ничего подобнаго въ первоначальномъ вѣчѣ допустить нельзя: на вѣче здѣсь являлся всякій гражданинъ, приходилъ на вѣче князь со своими боярами; но бояринъ ничѣмъ на вѣчѣ не отличался отъ всякаго пришедшаго туда: каждый имѣлъ право голоса; слѣдовательно никакой правильной организаціи тутъ допустить нельзя. Бывали случаи, когда на вѣче приходили изъ пригородовъ и пригородцы; такъ и другіе были подданные Великаго Новгорода; но они имѣютъ мѣсто на вѣчѣ и лѣтописецъ замѣчаетъ, что на вѣчѣ были Ижора и Водь. Само собою разумѣется, что на вѣчѣ не говорили всѣ жители, хотя и была возможность: въ Новгородѣ было 20000 или 30000 жителей, такъ что Новгородцы знали другъ друга, и могли слѣдовательно указать, кто свой и кто чужой.

Наши историки, особенно юристы, говоря о правильномъ юридическомъ устройствѣ вѣча, утверждаютъ, что были вѣча <u>законныя</u> и <u>незаконныя</u>, потому что въ однихъ случаяхъ сказано: „сѣдоша на вѣче," въ другихъ — „сташа." Но мнѣ кажется, что это выраженіе не точное; мы придаемъ нашимъ древнимъ учрежденіямъ иногда болѣе точное значеніе, чѣмъ они имѣли: сидѣли ли на вѣчѣ, или стояли, это никакой важности не имѣетъ.

Обычнымъ мѣстомъ вѣча былъ Ярославовъ

дворъ на Торговой сторонѣ, но собиралось и у Св. Софіи. Иногда случалось, что Торговая сторона собирала свое вѣче, а Софійская свое; на волховскомъ мосту эти два вѣча сходились [illegible] другъ съ другомъ, и тутъ только архіепископъ съ крестомъ [illegible] „[illegible]“ Часто на эти вѣча отправлялись люди, одѣвшись въ доспѣхи. Такъ, лѣтописецъ упоминаетъ, что во одно время жители Прусской улицы пошли на вѣче въ доспѣхахъ.

Вѣче Новгородское держалось старинного славянскаго начала — единогласія: несогласныхъ нерѣдко топили въ Волховѣ. Мы уже говорили, что у Лютичей, по свидѣтельству Титмара (р. 976-1018), епископа Мерзебургскаго, несогласныхъ принуждали къ согласію палками: „Si quis vero ex comprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur“. Далѣе, мы знаемъ, что въ польскомъ сеймѣ до послѣдняго времени существовало право, по которому одинъ членъ могъ „сорвать“ сеймъ. Такъ было и въ Новгородѣ: чтобы достигнуть согласія, прибѣгали къ самому первоначальному способу: „Иванка посадника [illegible] убиша Водовика и свергоша и въ Волховъ“ (П. С. Р. Л. [illegible]). Вотъ отъ этого способа никакое не могло произойти то нравственное подчиненіе, которое представляется намъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о древнемъ вѣчѣ. Вообще надобно признаться, что мы или рисуемъ наше старое яркими красками, или рисуемъ рѣки, текущія медомъ и молокомъ. Ни того, ни другого не было: нравственнаго единенія не достигали на вѣчѣ.

Вѣча собирались княземъ, посадникомъ, боярами, чернью, однимъ словомъ, кѣмъ случалось.

Совѣтъ.

При такомъ характерѣ вѣча ясно, что всѣ важнѣйшія дѣла должны были предварительно разсматриваться меньшимъ числомъ лицъ. На это явленіе обратилъ вниманіе А. И. Никитскій въ своемъ сочиненіи: „Очерки изъ жизни Великаго

Новгорода".-

По свидѣтельству Нѣмцевъ, бывшихъ въ сношеніи съ Новгородцами, въ XIII в. въ Новгородѣ обсуждались вопросы о войнѣ и мирѣ, „Herren"-почтеннѣйшія лица, господа; эти господа-Herren были богатые посадники, тысяцкіе, которые безъ князя могли составлять совѣтъ. Этотъ-то совѣтъ признавали Нѣмцы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобный совѣтъ самъ собою устраивался. Мы знаемъ, что и въ другихъ славянскихъ земляхъ устраивались подобные совѣты. Напр. при осадѣ Бѣлгорода печенѣгами (Лавр. лѣтопись подъ 997 г.), какъ при св. Владимірѣ печенѣги осадили Бѣлгородъ, воспользовавшись тѣмъ, что Владиміръ ушелъ въ Новгородъ для собиранія войска. Осажденные, доведенные до крайности голодомъ, собрались на вѣче, и порѣшили сдаться Печенѣгамъ; но одинъ старикъ, не бывшій на вѣчѣ, узналъ, какъ тамъ порѣшили, попросилъ собрать старѣйшинъ изъ Бѣлгородцевъ и далъ имъ совѣтъ (кутить по рѣкѣ людей съ медовой сытой); тысяцкіе, воспользовавшись этимъ, устрашили Печенѣговъ. Этотъ легендарный разсказъ констатируетъ тотъ фактъ, что старики, „старцы" имѣли огромное значеніе въ древности, а тѣмъ болѣе, если это старые бывшіе посадники, тысяцкіе и др. Вотъ изъ этихъ-то лицъ, бывшихъ сановниковъ, можно съ вѣроятностью утверждать, и въ Новгородѣ составлялся совѣтъ, къ которому правители, т. е. князь и степенные посадники, прибѣгали, и который (совѣтъ) служилъ руководителемъ мнѣній и преній на вѣчѣ. Мы видимъ дѣйствительно, что на вѣчѣ являются лица вліятельныя — одни съ однимъ предложеніемъ, другія съ другимъ, и между ними идетъ борьба. Но этотъ совѣтъ, какъ называетъ его А. И. Никитскій, не былъ правильнымъ: онъ не имѣлъ правильной организаціи, онъ былъ только въ зачаткѣ. На мой взглядъ, что этотъ совѣтъ въ его зачаточномъ видѣ, долженъ былъ существовать. Во всѣхъ древнихъ обществахъ онъ существуетъ.

Въ Греціи ареопагъ существуетъ вмѣстѣ съ народнымъ собраніемъ; въ Римѣ сенатъ существуетъ вмѣстѣ съ куріатнымъ собраніемъ, а потомъ и трибутскимъ, и все таки сенатъ въ Римѣ сохраняетъ свое прежнее значеніе. Но Новгородъ находился на пути къ окончательному образованію этого совѣта-знати. Печати такихъ важныхъ лицъ попадаются къ Новгородскимъ грамотамъ вмѣстѣ съ ихъ именами, и это свидѣтельствуетъ намъ, что это учрежденіе — совѣтъ существовало въ зачаточной формѣ.

Посадникъ.

Главною функціей вѣча былъ выборъ и смѣна должностныхъ лицъ: князя, посадника и др. Посадники и тысяцкіе были должностныя лица, которые сначала выбирались на неопредѣленный срокъ. Есть у насъ примѣръ въ посадникѣ Степанѣ Твердиславичѣ, который посадничалъ 13 лѣтъ; другое указаніе, — что въ XV в. въ Новгородѣ посадники смѣнялись ежегодно. Это извѣстіе принадлежитъ Жильберу-де-Ланца. Онъ называетъ посадника „[illegible]".

Функціи между посадникомъ и тысяцкимъ были раздѣлены. Посадникъ въ началѣ былъ княжескимъ намѣстникомъ и управлялъ, очевидно, городомъ. С. М. Соловьевъ въ своемъ сочиненіи: „объ отношеніи Новгорода къ В. князьямъ" полагаетъ, что посадникъ происходитъ отъ „посадъ", такимъ образомъ посадникъ является правителемъ и города и посада. Но тогда нужно предположить, что посадники назначались преимущественно въ посады, которыми они и управляли, а городомъ управлялъ самъ князь. Но мы знаемъ, что посадники назначались и туда, гдѣ князя нѣтъ; стало быть, посадникъ въ началѣ являлся княжескимъ намѣстникомъ. Такъ въ лѣтописи говорится: „по градамъ посади посадники своя", слѣдовательно слово „посадникъ" происходитъ не отъ „посадъ", а отъ „сажаніе": князь его сажалъ: „посади". Какъ княжескій намѣстникъ, посадникъ управлялъ городомъ, и слѣдовательно отъ него, какъ правителя города, за-

[illegible] и въ области; онъ есть центральное лицо. Когда посадника начинаютъ выбирать народъ отъ себя, тогда онъ является лицомъ, которое постоянно, такъ сказать, стоитъ рядомъ съ княжескою властью, представляетъ власть выбравшаго его вѣча, вслѣдствіе чего между посадникомъ и княземъ могли происходить столкновенія въ родѣ тѣхъ, которыя возникли между посадникомъ Твердиславомъ и княземъ Святославомъ Мстиславичемъ. Когда князь требовалъ отставки этого посадника, то послѣдній сказалъ ему: „и вы, братья, въ посадничествѣ и князьяхъ“. Такимъ образомъ только вѣче можетъ рѣшить споръ посадника съ княземъ. Это было въ XII вѣкѣ; а раньше при Владимірѣ Св., Ярославѣ I и Владимірѣ Мономахѣ мы видимъ произвольные поступки съ посадниками. Такъ Владиміръ Мономахъ присылалъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Въ лѣтописи говорится: „приде Борисъ изъ Кіева посадникъ Новгороду“. Такимъ образомъ посадникъ являлся поставленнымъ отъ князя. По мнѣнію Бѣляева бывали случаи преемственія посадниковъ изъ одного рода, но это не болѣе не менѣе, какъ ученое предположеніе. Бѣляевъ говоритъ, что такой-то Степанъ сынъ такого-то, такой-то Михалка, или Иванъ сынъ такого-то и т. п. Но дѣло въ томъ, что въ лѣтописи упоминается одно только имя — Иванъ, Михалко и др. Можетъ быть этотъ сынъ Михалка — сынъ Ивана, а другого лица, не упомянутаго въ лѣтописи. Можно предполагать, что это ти[illegible] не выражено, но эти вѣроятности далеко не составляютъ достовѣрности: это скорѣе возможность. Итакъ, разсчетъ Бѣляева очень остроуменъ и вѣроятенъ (мы знаемъ въ Новгородѣ фамилію, напр. Борецкихъ, изъ которыхъ шелъ родъ посадниковъ), но онъ не ручается намъ за полную достовѣрность подобнаго предположенія.

Тысяцкій

Тысяцкій, подобно посаднику, избирался вѣчемъ и избирался на неопредѣленный срокъ. Извѣс-

тие, что срокъ опредѣленный вырабатывается долгимъ историческимъ путемъ; въ концѣ Новгородской жизни онъ, кажется, былъ опредѣленъ. Мы знаемъ, напр., что въ Аѳинахъ также очень долго устанавливался срокъ службы архонтовъ: срокъ полномочія сначала былъ пожизненнымъ, затѣмъ десятилѣтнимъ и, наконецъ, сдѣлался ежегоднымъ. Въ Римѣ годовой срокъ консуловъ явился сразу, благодаря глубокому смыслу римской аристократіи; но и тутъ не сразу образовалось раздѣленіе власти: раздѣленіе власти является долгимъ процессомъ — выдѣляется постепенно власть преторовъ, цензоровъ и т. д., сначала же все это сливается. Разныя лица въ началѣ являются сходными, не различающимися между собой функціей правительственной; раздѣляются же эти лица отношеніями личными, географическими, иногда отношеніями классовъ. Въ такомъ родѣ есть и различіе между посадникомъ и тысяцкимъ. Это лица, равно выбираемыя народомъ. Почетное предсѣдательство на вѣчѣ, кажется, принадлежало посаднику; посадникъ правилъ городомъ, когда нѣтъ князя. Въ грамотахъ тысяцкій упоминается отдѣльно отъ посадника, но ниже его. Но мы видимъ, что у тысяцкаго есть свой судъ; знаемъ изъ „грамоты Всеволода Гавріила церкви Іоанна", что тысяцкій начальствуетъ надъ черными людьми. Это напоминаетъ намъ значеніе древняго кіевскаго тысяцкаго, какъ воеводы. Посадникъ, посаженный княземъ, является начальникомъ княжеской дружины. Пока мѣсто посадника было предоставлено князю, онъ являлся, стало быть, главнымъ предводителемъ войска по преимуществу; но предводителемъ всѣхъ (земскаго ополченія) является все таки тысяцкій. Это видно изъ самаго раздѣленія: тысяцкій, сотскій, десятскій, — эти названія въ Новгородѣ упоминаются постоянно; и ясно, что это раздѣленіе на тысячи, сотни, десятки было раздѣленіемъ военнымъ. Такъ какъ это раздѣленіе касалось людей, которые должны были служить, то у нихъ предводителемъ является тысяцкій, и значитъ съ этой стороны тысяцкій является защитникомъ черныхъ людей. Тысяцкій мо-

мелкимъ людямъ и пріходившимъ дворянства или отчасти княжеской дружины, какъ воеводы. Существо тысяцкаго въ Новгородѣ намъ кажется можетъ быть сопоставлено съ польскимъ воеводою-палатиномъ: тысяцкій это польскій воевода т. е. предводитель шляхетства

Судъ.

Въ Новгородѣ былъ судъ: 1, находившійся въ рукахъ княжескаго тіуна. На этотъ судъ призывались отъ концовъ докладчики, которые были въ сущности присяжные, составлявшіе, по выслушаніи дѣла, приговоръ, а княжескій тіунъ только утверждалъ его.

Кромѣ этого суда былъ еще: 2, свой судъ у посадника, 3, у тысяцкаго и, наконецъ, 4, былъ свой судъ у архіепископа. Правила для суда заключались въ судной Новгородской граматѣ, составленной въ 1471 г. на вѣчѣ и утвержденной княземъ.

Судопроизводство въ Новгородѣ велось такимъ образомъ: назначался судъ, назначался срокъ для явки отвѣтчика; отвѣтчику не явившемуся къ этому сроку, давалась безсудная грамата, произносился приговоръ въ его отсутствіи. Свидѣтельство принадлежало послуху, который необходимо долженъ былъ быть изъ Новгородцевъ, послухъ не Новгородецъ не допускался. Къ сожалѣнію грамата дошла до насъ безъ конца; но если бы она была и съ концомъ, — во всякомъ случаѣ многаго она не обнимала. Въ дѣлахъ уголовныхъ и политическихъ преимущественно мы видимъ вмѣшательство вѣча. Ясное дѣло, что полной картины этого суда мы не можемъ представить, потому что не имѣемъ достаточнаго числа документовъ, и очень вѣроятно что большинство дѣлъ, особенно вѣчевыхъ, производилось не письменно. Вѣчевыхъ договоровъ и граматъ кромѣ тѣхъ, которые заключались съ князьями и нѣмцами мы не имѣемъ.* Сказанія лѣтописей —

---

* Но и здѣсь очень многіе договоры съ нѣмецкими городами, напр. съ Ригою, не дошли до насъ. И по этому поводу является много споровъ, и многое совершенно покрыто мракомъ неизвѣстности.

бить все, что находится въ нашей власти. Вообще бытовая сторона Новгорода сохранилась плохо.

Церковь.

Церковь Новгородская, какъ и всѣ другія стороны Новгородской жизни, находилась въ тѣсной связи съ остальными частями Новгородскаго быта, къ особенностямъ котораго принадлежитъ и то, что духовенство, бывшее по всей Руси всероссійскимъ, въ Новгородѣ было по преимуществу Новгородскимъ. До 1156 г. епископы въ Новгородъ назначались изъ Кіева, были не изъ Новгородцевъ, съ этихъ же поръ Новгородцы стали избирать своего епископа. Разсматривая выборъ епископа въ Новгородѣ, должно имѣть въ виду одно очень важное обстоятельство. Ив. Д. Бѣляевъ говоритъ, что нѣкоторые епископы были выбраны по жребію, другіе безъ жребія; и въ этомъ онъ видитъ какую-то особенность, придумываетъ новую категорію. А между тѣмъ дѣло оказывается совершенно иначе: въ одномъ спискѣ Новгородской лѣтописи (въ Академическомъ) упоминается о выборѣ жребіемъ, а въ другихъ (синодальномъ) говорится просто, что былъ единогласно выбранъ. И. Д. Бѣляевъ то и другое извѣстіе ставитъ отдѣльно. Но присутствіе жребія не вездѣ оказывается, хотя жребій по тогдашнимъ понятіямъ, долженъ былъ быть преобладающимъ явленіемъ, преобладающею формою избранія; онъ не могъ быть исключеніемъ, потому что въ выборѣ епископа требовалось особенное благословеніе свыше, а это благословеніе можетъ быть опредѣлено только жребіемъ (Жребій имѣлъ рѣшающее значеніе и въ судебныхъ дѣлахъ). Выборъ епископа происходилъ такъ: на престолѣ св. Софіи клали три жребія и мальчикъ или слѣпой бралъ два изъ нихъ, и тотъ считается выбраннымъ Богомъ, чей жребій останется на престолѣ. Такимъ образомъ выборъ этотъ имѣетъ священное значеніе; значитъ Богъ хочетъ избрать его, и потому жребій его остается на престолѣ св. Софіи. Въ одной лѣтописи, еще пока не напечатанной, приведенъ примѣръ рѣшительнаго употребленія жребія въ Новгородѣ. Былъ въ Новгородѣ моръ въ 1407 году. Новгородцы рѣшили, что лучшее средство изба-

бытія этого бѣдствія — построить обыденную церковь въ честь какого нибудь святого; напримѣръ, именно такъ сдѣлали, когда появились эти бумажки на престолѣ св. Софіи; начали вынимать, то вынули жребій св. Спиридона; и тогда рѣшили построить церковь въ честь этого святого. Она была построена въ обыденную обстановку и тутъ мы видимъ образецъ, какъ обыкновенно строились обыденныя церкви.* Въ вышеупомянутой лѣтописи такимъ образомъ описывается постройка обыденной церкви въ честь Спиридона: весь Новгородъ отъ мала до велика отправился въ лѣсъ, начиная съ князя до послѣдняго бѣдняка; каждый ночевалъ подъ выбраннымъ имъ деревомъ; на другой день каждый долженъ былъ срубить его и привезти въ городъ; изъ этихъ деревьевъ построена была церковь. Такимъ образомъ въ постройкѣ участвовали всѣ.

Архіепископъ Новгородскій, выбранный жребіемъ, отправлялся къ митрополиту, но еще до поставленія митрополичьяго онъ входилъ во владычень дворъ, всходилъ на престолъ архіепископскій въ Софійской церкви и оставался тамъ до посвященія; въ управленіе епархіею онъ вступалъ тоже тотчасъ по избраніи. Бывали случаи, что Новгородцы сводили архіепископа съ престола, напр. вслѣдствіе нечестія его, такъ напримѣръ съ Арсеніемъ. Въ безгосударное время архіепископъ мирилъ стороны между собою. Наконецъ, онъ очень часто являлся посланникомъ отъ Новгорода и хлопоталъ за Новгородъ у князей. Большею частью самъ архіепископъ назначалъ себѣ преемника. Даже князя указывалъ умирающій архіепископъ. Были и голоса: „кого назначитъ митрополитъ, тотъ нашъ отецъ". Архіепископъ былъ окруженъ большимъ дворомъ, имѣлъ свои большія владѣнія; у него былъ даже свой полкъ (напр. извѣстно, что полкъ архіепископскій не развернулъ своего стяга въ Шелонской битвѣ). Были у него свои чиновники, да не только у него, но и у Юрьевскаго архимандрита, который выбирался также вѣчемъ; до насъ дошла грамата XV в., заключенная имъ (т. е. архиман-

*Называются онѣ обыденными потому, что строились въ одинъ день.

дритомъ) съ крестьянами. Въ этой грамотѣ указано на финансовыя стороны, на доходы, получаемые архимандритомъ съ волости; и названы архимандритовы чины: казначей, стольникъ и др., такъ что отсюда видно, что у псковскаго архимандрита былъ цѣлый штатъ. Такой же штатъ, состоящій изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, окружалъ Новгородскаго архіепископа. Кромѣ того онъ окруженъ былъ значительнымъ числомъ лицъ, которые назывались софіянами. Они были родовыми дворянами. Какъ князь былъ окруженъ дворянами, такъ архіепископъ — софіянами. Псковская церковь была въ зависимости отъ Новгородскаго архіепископа, который назначалъ во Псковъ своего намѣстника, выбираемаго, по всей вѣроятности, изъ софіянъ. Стало быть намѣстникъ могъ назначаться и изъ людей свѣтскихъ, каковыми и были эти софіяне.

Духовенство въ Новгородѣ, какъ и во Псковѣ, подѣлилось на соборы, указаніе на которые принадлежитъ впрочемъ уже позднѣйшему времени. Лѣтопись Новгородская не заключаетъ объ этомъ указаній; и потому новѣйшіе изслѣдователи, какъ Ив. Никитскій, не признаютъ раздѣленія на соборы. Но мы знаемъ объ этомъ изъ позднѣйшихъ извѣстій. Соборъ имѣетъ вотъ какое значеніе: духовенство мѣстное, близко соединенное около одной церкви, сосредоточивается въ общину, извѣстную подъ именемъ собора, и благочинный есть главный священникъ этого собора. Остальное духовенство составляетъ слугъ, и дѣйствуетъ всѣ сообща. Псковитяне тоже не разъ просили объ устройствѣ собора. Нынѣшнее дѣленіе епархій на благочинія соотвѣтствуетъ дѣленію на административные округи, но далеко не соотвѣтствуетъ по своему характеру бывшимъ въ прежнее время соборамъ.

Въ XVI стол. Новгородскія учрежденія и обычаи, благодаря вліянію митрополита Макарія, долго жившаго въ Новгородѣ, начинаютъ имѣть вліяніе на Московское государство. Новгородскіе архіепископы стремятся къ самостоятельности и независимости отъ московскаго митрополита, вслѣдствіе чего между ними и митрополитомъ завязывается борьба.

Митрополитъ Московскій дѣйствовалъ въ интересахъ московскаго князя, стремившагося къ подчиненію Новгорода себѣ; поэтому Новгородцы сильно дорожили идеей самостоятельности своего архіепископа. Извѣстно сказаніе, что бѣлый клобукъ былъ отданъ Римскимъ папою Сильвестромъ Новгородскому архіепископу. Это сказаніе показываетъ намъ, какъ дорожили этимъ бѣлымъ клобукомъ, который и до сихъ поръ сохраняется въ Софійскомъ соборѣ. Но не объ этомъ клобукѣ велась борьба; а главная борьба была изъ за того, что, какъ говоритъ лѣтопись (подъ 1341 г. по случаю пріѣзда въ Новгородъ митрополита Өеогноста): „тяжко же бысть владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары", т.е. что тяжелы монастырямъ и церквамъ поборы въ пользу митрополита во время пріѣзда его въ Новгородъ. Въ концѣ XIV в. между Новгородскимъ владыкою и митрополитомъ вышелъ споръ о мѣсячномъ судѣ, и Новгородцы спорили съ нимъ о мѣсячномъ сборѣ въ его пользу. Споръ доходилъ до того, что Новгородцы не разъ жаловались патріарху; патріархъ уговаривалъ ихъ и писалъ грамоты. Однажды митрополитъ Кипріанъ пріѣзжалъ въ Новгородъ уговаривать Новгородцевъ (1391 г.). Но все таки Новгородцамъ не удалось отказаться отъ московскаго митрополита; отъ этого не разъ были попытки ставить архіепископовъ у литовскихъ митрополитовъ. Благочестіе Новгородцевъ высказывалось въ постройкѣ большаго числа церквей. Теперь при въѣздѣ въ Новгородъ бросается въ глаза огромное количество маленькихъ церквей, что объясняется слѣдующимъ образомъ: жители какой нибудь улицы строили себѣ церковь по обѣту въ одинъ день („обыденныя церкви"). Всѣ Новгородскія церкви старенькія, маленькія, по большей части деревянныя, строились по одному плану. Планъ ихъ таковъ: на четырехъ столбахъ покоится сводъ; алтарь трехчастный съ фонарикомъ на верху и, вѣроятно маленькая перегородка. Въ верхнемъ алтарѣ этихъ церквей - каменное горнее мѣсто. Церковь расписана большею частью фресками, которыя носятъ на себѣ греческій характеръ до такой степени, что преобладаютъ даже греческія надписи, напр.: „ἅγιος" иногда русскими буквами. Строители-

оставались и главными покровителями и радѣтелями этихъ церквей; они ставили священниковъ и принимали участіе въ дѣлахъ духовенства. Участіе мірянъ въ дѣлахъ прихода было большое. Не рѣдко вѣче принимало на себя судъ въ церковныхъ вопросахъ: такъ, въ 1227 г. сожгли четырехъ волхвовъ, въ 1358 г. постановили не бить бочекъ (языческій, суевѣрный обрядъ), въ 1378 г. народъ казнилъ стригольниковъ; - все это показываетъ участіе мірянъ, участіе вѣча въ дѣлахъ церкви.

Сословія.

Новгородъ дѣлился не на сословія, а на разряды, на различные слои и классы. Намъ встрѣчаются разнообразныя извѣстія, изъ которыхъ одни объяснены, а другія - нѣтъ. Мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ различныя наименованія жителей: бояре, дѣти боярскія и посадничьи (младшіе члены боярскихъ семей, не пользовавшіеся полноправіемъ при жизни отца), гриди (люди княжескіе, - то, что впослѣдствіи въ Новгородѣ называли дворянами и шестниками); житьи люди (Карамзинъ считаетъ ихъ за огнищанъ; Костомаровъ думаетъ, что это были тѣ, у кого былъ свой домъ въ Новгородѣ), купцы, смерды (земледѣльческое населеніе), земскіе люди (землевладѣльцы, у которыхъ были помѣстья (кормили), какъ во Псковѣ), черные люди (вся остальная масса народа), огнищане. Огнищанинъ, по характеру самаго слова, которое употребляется въ древнихъ славянскихъ языкахъ, значитъ домочадецъ, бывшій у князя, такъ что, по мнѣнію С. М. Соловьева, огнищанинъ соотвѣтствуетъ отпущеннику (изгою). Мнѣ кажется болѣе правильнымъ, что слово огнищанинъ происходитъ отъ огнище; т. е., какъ думаетъ Бѣляевъ, что тотъ, кто назывался огнищаниномъ, выжигалъ для себя лѣсъ. Они были въ родѣ помѣщиковъ, пользующихся извѣстными правами. Но самое важное дѣленіе въ Новгородѣ было дѣленіе людей на вятшихъ и молодшихъ. Это дѣленіе встрѣчается и въ Москвѣ, гдѣ населеніе дѣлилось на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ. Это не есть наслѣдственное сословіе, а просто есть люди лучше и хуже въ экономическомъ отношеніи поставленные въ общественной жизни. При полномъ равенствѣ политическомъ, которымъ

пользовались Новгородцы въ своей исключительной политикѣ, у нихъ мы не видимъ [illegible]: политичне, борьба шла не за политическія права, а за экономическое положеніе; такъ какъ только люди чувствовали себя угнетенными вятшими людьми. Вотъ указанія, какъ народъ Новгородскій, при столкновеніи съ вятшими, кидался грабить монастыри, гдѣ хранились „животы бояръ"; но другой лѣтописи говорится прямо такъ: „здѣ животы христіанскія и боярскія". Изъ самихъ словъ видно, что въ монастыряхъ сохранялось имущество боярское, и туда направлялся народъ грабить. Способъ, которымъ пользовались Новгородскіе бояре при владычествованіи на вѣчѣ, заключается въ локальныхъ порядкахъ, а просто въ томъ, что богатые землевладѣльцы (напр. въ XIV в. бояре — большія владѣнія въ Двинской землѣ) имѣли много сподручниковъ, работниковъ, которые также имѣли право голоса на вѣчѣ и они, конечно, стояли за то, что хотѣли ихъ господа, подкупы, и проводили то или другое учрежденіе. Они назывались „прикунами", хуже вѣчевыми крикунами. Подъ конецъ Новгорода уже чувствовалось много крикуновъ и на нихъ возлагали надежды въ смутные дни. Но, вѣроятно, и раньше было такъ; вотъ примѣръ: одинъ Новгородецъ, Симеонъ Климъ, былъ въ Двинской землѣ, пришелъ оттуда съ отрядомъ и подкрѣпилъ своимъ вліяніе Новгородъ, очевидно потому, что люди, которыхъ онъ привелъ съ собою, кричали за него на вѣчѣ. Вообще Новгородцы въ Двинской землѣ имѣли себѣ большую подпору и постоянно стремились завладѣть ею. Вотъ почему Московскіе князья, зная, что изъ Двинской земли идетъ сила, также старались завладѣть этой землею, и при Иванѣ Васильевичѣ Москва уже покорила ее. Къ этой эпохѣ относится памятникъ — Двинская грамота, которая къ сожалѣнію сохранилась не вполнѣ. Тутъ встрѣчается указаніе на смертную казнь на юридическихъ основаніяхъ — за третье воровство и упоминается, какъ совершившійся фактъ; есть также любопытное указаніе, что господинъ можетъ убить своего раба: „а кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа

[illegible] рядъ, а случится [illegible], въ томъ намѣстникомъ не судити [illegible] и иные не судятъ." (Уставная грамота, данная вел. княземъ Василіемъ Дмитр. въ Двинскую землю въ 1398 г.). Слѣдовательно, что назначенная какъ бы [illegible] и не имѣетъ никакого юридическаго значенія. За то въ этой грамотѣ внесено новое понятіе объ инстанціяхъ: на намѣстника можно жаловаться великому князю и если намѣстникъ не станетъ на судъ великаго князя въ опредѣленный срокъ, то на него дается безсудная грамота. Это введеніе въ законъ начала инстанцій чрезвычайно важно: оно ограничиваетъ власти намѣстника, которому до тѣхъ поръ принадлежала такая же полнота власти, какъ и князю; теперь же на него можно ѣхати и жаловаться; кромѣ того, это новое понятіе объ инстанціяхъ явилось могучимъ средствомъ привлеченія къ Москвѣ, гдѣ живетъ судья, не связанный никакими узами съ мѣстностью.

Торговля.

Главнымъ занятіемъ Новгородцевъ была торговля, начавшаяся у нихъ очень рано. На Новгородской землѣ часто находятъ монеты разныхъ временъ и народовъ. Въ [illegible] находятъ и арабскія и англо-саксонскія монеты и монеты первыхъ германскихъ императоровъ, напр. Оттона. На пути за старою Ладогою, называемомъ „[illegible]", находится много кладовъ, что и понятно: клады находятся на путяхъ торговыхъ. Купцы, приходившіе въ Новгородъ, приходили въ [illegible], потомъ въ Ладогу и по Волхову — въ Новгородъ. [illegible] дозорщики, которые проводили купцовъ черезъ пороги. Торговля Новгородцевъ съ Югрою упоминается въ [illegible] лѣтописи, въ разсказѣ Гюряты Роговича: „суть горы зайдуче въ луку моря, имъ же высота [illegible], и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и есть въ горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвятъ, не разумѣти языка ихъ, но кажутъ желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ желѣзо, или ножъ, или сокиру, и они даютъ скорою противу". Эта торговля съ Югрою, находившеюся около Уральскихъ горъ, по преданію относится къ XI ст. Новгородцы, какъ купцы, такъ были сильны въ Кіевѣ, что [illegible]

была даже церковь Новгородская. Значитъ тамъ былъ свой постоянный Новгородскій приходъ, и значитъ было не малое число изъ Новгорода, что стоило было строить свою церковь. Торговля съ Западомъ началась весьма рано и, вѣроятно, прежде всего съ славянскими приморскими городами. Затѣмъ съ паденіемъ прибалтійскаго славянства, Новгородская торговля перешла на островъ Готландъ, гдѣ явился гор. Визби, какъ торговый центръ, къ которому перешли торговыя сношенія Новгорода. Мы имѣемъ договоръ 1270 г., опредѣляющій отношенія Новгорода къ нѣмцамъ и готландцамъ. Въ Новгородѣ была готландская церковь, а потомъ и нѣмецкая. Нѣмецкіе гости въ Новгородѣ составляли свои сотни, выбирали своего ольдермана (старшину) и имѣли свои постановленія (называемыя скра-ту) относительно внутренняго управленія Нѣмецкаго двора. На основаніи этого постановленія нѣмцамъ запрещено было учить чему-нибудь русскихъ, входить съ ними въ компаніи, возить ихъ имущество, какъ фрахтъ, и т. д. Словомъ тутъ существовали элементы не только чуждые Новгороду, но и враждебные ему. Нѣмецкій ученной <u>Рикенкампъ</u> говоритъ, что „торговля съ Новгородомъ была очень полезна для нѣмцевъ и едва ли была полезна для Новгорода, потому что, благодаря ей, Новгородъ и Псковъ лишены были самостоятельной торговли съ Западомъ. Россія въ удовлетвореніи своихъ культурныхъ потребностей впала въ полную зависимость и предана была произволу и безпощадному эгоизму нѣмецкихъ купцовъ." Слѣдовательно наше старое убѣжденіе въ томъ, что Новгородъ былъ членомъ Ганзейскаго союза и принялъ нѣмецкую цивилизацію — это убѣжденіе основано на недоразумѣніи. Въ Новгородѣ была нѣмецкая факторія, и нѣмцы старались извлекать какъ можно больше изъ торговли съ Новгородцами; такъ что наши оптимистическія предположенія — вздоръ, а еще больше вздоръ относительно Новгородской торговли. Самъ Новгородъ составлялъ также <u>общины</u> или сотни для своей торговли. Одну изъ этихъ общинъ и главную, единственную мы знаемъ изъ документовъ, именно изъ грамоты Всеволода Гавріила (1132 г.) Община эта составилась у церкви Іоанна на Опокахъ и состояла изъ старыхъ купцовъ, которые должны были вносить въ это общество по 50 гривенъ, и внесшій считался <u>пошлымъ</u> купцомъ, каковое званіе пе-

реходило и на его потомство. Не вносившій плату не считался членомъ общины. Вообще въ старой Руси преобладаютъ товарищескія отношенія; такъ мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ и Псковѣ указанія на братства. Въ Новгородѣ были купеческія братства. М. Н. Бережковъ указываетъ на существованіе такой или другой общины, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, были ли онѣ постоянныя или временныя, напр. общины, торговавшія съ Югрой; изъ этихъ указаній можно впрочемъ заключить, что общины могли быть постоянныя, временныя и др. Политическаго значенія общины не имѣли. Купеческія общины съ Ганзейскимъ союзомъ едва ли существовали. Новгородъ не былъ городомъ исключительно купеческимъ, хотя принималъ участіе въ торговлѣ. Обстоятельство, что сравнительно небольшое населеніе Новгорода господствовало надъ обширнымъ пространствомъ — мѣшало Новгородскому населенію сдѣлаться чисто торговымъ. Нашъ городъ былъ всесословный, что и служило отличіемъ отъ западнаго города, гдѣ выдѣлялось, вырабатывалось и образовывалось одно какое-нибудь сословіе и городъ былъ исключительно купеческій или мѣщанскій.

Литература.

Новгородъ оставилъ намъ значительную литературу, состоящую: 1, изъ „Житій святыхъ", написанныхъ по порученію епископовъ Евфимія и Геннадія; 2, сказаніе „о посадникѣ Щилѣ", который нажился лихоимствомъ и присужденъ терпѣть мученія, не смотря на то, что построилъ церковь; 3, сказаніе „о построеніи Новгородскихъ церквей" и т. п. Всѣ эти имѣютъ чисто назидательный характеръ. Далѣе идутъ разныя видѣнія. Всѣ эти сочиненія касаются чисто Новгородскихъ событій и носятъ Новгородскій характеръ. Затѣмъ есть былины съ остатками новгородскаго купеческаго быта („Садко-богатый гость").

Въ Новгородѣ грамотность была довольно распространена, — что можно считать достовѣрнымъ, не смотря на свидѣтельство Геннадія, что къ нему для поставленія въ попы приходятъ мужики, которые грамоты не знаютъ. Но самъ же онъ говоритъ, что есть „мастера", кои учатъ „робятъ". Къ тому же Геннадій былъ Москвичъ и съ враждебнымъ пристрастіемъ, и съ нѣко-

[illegible] Новгородцами; [illegible] это не „по московски" было не по нем.

Псковъ

На западе Новгородской земли находилась [illegible]

Псковская земля упоминается въ исторіи нашей [illegible] рано. Въ ней (въ Изборске) [illegible] одного изъ братьевъ Рюрика; Псковъ былъ [illegible] [illegible] также, что одинъ изъ сыновей Владиміра былъ [illegible] во Псковъ (изъ чего [illegible] [illegible]: не былъ ли онъ княземъ Псков[illegible]). Въ [illegible] періодъ Изборскъ уже [illegible] [illegible] главнаго города земли, онъ былъ [illegible] [illegible], не былъ. Изборскъ является пригоро[dом] Пскова, когда Псковъ изъ пригорода Новгород[illegible] [illegible]

[illegible] своихъ князей. Когда [illegible] изгналъ своего князя Всеволода Мстисла[вича] ([illegible] г.), [illegible] былъ принятъ Псковичами, выказав[illegible] [illegible] стремленіе отделиться отъ Новгорода. [illegible] [illegible], какъ и некоторыми [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] изъ Новгорода. Мало по малу [illegible] отъ Новгородской области [illegible] [illegible] постоянная необходимость [illegible] [illegible], напр. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] въ [illegible] [illegible] въ [illegible] XIII в. былъ [illegible] [illegible] бояръ). Въ 1240 г. Псковскіе бояре пере[illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] Псковъ (1242 г.) [illegible] [illegible] [illegible] Пскова въ Новгород[illegible] [illegible]. Въ XIII в. [illegible] [illegible] [illegible] былъ [illegible] изъ [illegible] князь [illegible]. Онъ [illegible] [illegible] Новгорода. Довмонт[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] носитъ его названіе. До сихъ поръ въ крестныхъ хо[illegible] [illegible] два меча: мечъ Всеволода Гавріила и [illegible] Довмонта (Всеволодъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

князья чествуются во Псковѣ и до нынѣ. Послѣ Довмонтова сына Давида (въ 1323 г.) во Псковѣ измѣнялось много князей, присылаемыхъ изъ Новгорода, Литвы и Москвы; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого значенія, какое имѣлъ Довмонтъ.

Отношенія между Псковомъ и Новгородомъ долго были неопредѣленныя. Когда Новгородъ въ борьбѣ своей съ Магнусомъ искалъ опоры во Псковѣ, тогда былъ заключенъ Болотовскій договоръ (1348 г.), по которому Псковъ получилъ право суда и выбора высшихъ властей; такъ Новгородцы обязались не посылать къ нимъ своихъ посадниковъ и назначать владычняго намѣстника изъ Псковичей. При посредствѣ Москвы Псковъ подчинился политикѣ покорности Московскимъ князьямъ и тѣмъ отклонялъ отъ себя удары, которые падали на Новгородъ. Это дало Пскову большую возможность самостоятельнаго развитія. Въ 1510 г. Псковъ потерялъ свою самостоятельность. Псковская исторія показываетъ, что Псковъ шелъ почти тѣмъ же путемъ, которымъ и Новгородъ: борьба между высшими и низшими классами во Псковѣ была также ожесточенна, какъ и въ Новгородѣ.

Собраніе во Псковѣ никогда не теряло своего значенія, оно только было ограничено; ограниченіе состояло въ томъ, что вѣче избирало не одного посадника, а два, вообще въ томъ удвоеніи власти, въ которомъ ищутъ себѣ спасенія городскія общины отъ произвола единой власти. Г. Никитскій по аналогіи съ подобнымъ же явленіемъ въ Римѣ видитъ въ этихъ ограниченіяхъ стремленій не демократическія, а аристократическія. Вліяніе собранія во Псковѣ было дѣйствительно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, но оно не могло быть и особенно сильнымъ по причинѣ отсутствія крупнаго землевладѣнія во Псковѣ. На Псковскомъ вѣчѣ люди низшаго сословія могли имѣть болѣе значенія, чѣмъ въ Новгородѣ. Дупликація властей въ Римѣ идетъ отъ собранія, въ которомъ участвовали только одни аристократы, это правда, но борьба въ Римѣ идетъ не между двумя классами, раздѣленными между собою власти-

мѣстными условіями; а между двумя народностями,
такъ что мы не можемъ принять мнѣнія Никитскаго.
Но и видѣть во Псковѣ чисто демократическую общи-
ну, какъ хочетъ Бѣляевъ, мы не имѣемъ права. Вооб-
ще первоначальная демократія есть нѣчто иное, чѣмъ
наши демократическія понятія; борьба между арис-
тократами и демократами происходила отъ
причинъ экономическихъ, которыя не могутъ имѣть
въ эту эпоху остраго характера. Боярство выдѣля-
лось не своимъ происхожденіемъ, а своими богат-
ствами. Они не выдѣлялись и по мѣсту, такъ какъ
жили въ городѣ, а не внѣ его, какъ это было бы при фео-
дальномъ порядкѣ. Вопросъ можетъ быть о преобла-
даніи того или другого элемента, а не объ исклю-
чительномъ преобладаніи одного изъ нихъ. Здѣсь
идетъ вопросъ о значеніи того или другого элемен-
та въ его зачаточной, первоначальной формѣ.

Во Псковѣ вѣче имѣло обширную власть, мы
знаемъ случаи, гдѣ оно дѣйствовало и законодатель-
нымъ порядкомъ, на что въ Новгородскомъ вѣчѣ мы
не встрѣчаемъ указаній. Въ „Псковской судной гра-
мотѣ", составленіе которой относятъ къ 1467 г., мы
читаемъ: „а которой строки пошлинной грамо-
ты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пско-
ва на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая
строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину
Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ гра-
моты." Изъ этого видно, что вѣче имѣло законо-
дательную власть.

Въ судѣ посадникъ сидѣлъ рядомъ съ княземъ,
и судили они вмѣстѣ. Въ судной грамотѣ упомина-
ется еще церковный судъ и **братщина** т. е. судъ об-
щины. Составъ Псковскаго населенія былъ почти та-
кой же, какъ и въ Новгородѣ. Бояре помѣщики владѣ-
ютъ землею. Въ Новгородѣ и Псковѣ есть служилые
люди, которые получаютъ вознагражденіе землею.
Въ сельскихъ обществахъ живутъ **смерды**. Въ XV в. кня-
земъ и боярами составлена была грамота о смер-
дахъ, и положена для храненія въ церковь Св. Тро-
ицы; этою грамотою, кажется, давалось смердамъ у-
частіе въ городскихъ дѣлахъ.

Во Псковѣ была оригинальная форма землевладѣнія. Были сябры т. е. соседи. Въ Псковской грамотѣ мы встрѣчаемъ указаніе, что на судѣ сябры представляются однимъ юридическимъ лицомъ, стало быть, они составляютъ какъ бы общину. Въ „Повѣсти объ основаніи Печерскаго монастыря" мы встрѣчаемъ, что нѣкто Іоаннъ Дементіевъ отдаетъ свою часть земли, полученную по жеребью, Псковскому монастырю; онъ принадлежалъ къ числу такихъ сябровъ. Сябры покупаютъ землю въ складчину, дѣлятъ ее сообразно положенному каждымъ капиталу. Своимъ участкомъ каждый можетъ распоряжаться, какъ собственностью. Кто вступаетъ въ число сябровъ, вмѣсто другаго, тотъ является такимъ же собственникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является членомъ общаго владѣнія. Это владѣніе нельзя однако называть общиннымъ, такъ какъ здѣсь земля принадлежитъ не общинѣ, а владѣльцамъ на паяхъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, существовало ли такое землевладѣніе и въ другихъ мѣстахъ русской земли, хотя снова встрѣчается въ Полоцкѣ. Люди бездомные нанимались къ богатымъ или изорниками (работы въ полѣ), или огородниками, или кочетниками (рыбная ловля). Если изорникъ обязался платить хозяину поля половину жатвы, то назывался исполовникомъ. Судная грамота опредѣляетъ точно ихъ права и обязанности: уйти могутъ съ пашни, огорода или рыбной ловли только по филиповомъ заговѣніи, имѣютъ право жаловаться на хозяина и пр.

Псковская судная грамота, опредѣливъ отношенія сословій между собою, разрабатываетъ также довольно обстоятельно юридическіе вопросы существенной важности. Тутъ опредѣлено, кому судить: судить князю вмѣстѣ съ посадникомъ, сотскому, и братчинѣ. Высшая судная инстанція — вѣче.

Грамота, вводя поле, какъ одно изъ судебныхъ доказательствъ, уменьшаетъ число послуховъ, которые ходили громадною толпой за истцамъ и отвѣтчикамъ, устанавливаетъ новыя наказанія; обыкновенно назначались денежные штрафы, но тѣмъ преступленіямъ, за которыя прямо назначалась смертная казнь

„а кримскому татю и коневому и перевѣтнику и зажигальнику, тѣмъ живота не дати. Что и на посадѣ покрадется и по дважды и помиловати, а изличивъ, казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, какъ кримскому татю“ (въ кремлѣ сохранялись государственныя сокровища и грамоты: кто кралъ въ Кремлѣ, того считали наравнѣ съ измѣнникомъ, перевѣтникомъ) и поджигателемъ). Мы знаемъ, что въ Псковѣ введены были и тѣлесныя наказанія: въ Псковской лѣтописи упоминается наказаніе кнутомъ.

Земля Псковская была не велика; въ ней былъ одинъ городъ — Псковъ. Псковъ расположенъ при сліяніи рѣкъ Псковы и Великой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пскова впадаетъ, стоитъ кромъ или кремль. Псковскіе изслѣдователи говорятъ, что первою крѣпостью въ Псковѣ былъ не Кремль, а каменная, такъ называемая Довмонтова стѣна (она примыкаетъ къ кремлю). Но первое укрѣпленіе всегда тамъ, гдѣ дѣтинецъ, т. е. въ самомъ градѣ, а не внѣ его, какъ это мы видимъ въ Кіевѣ, Москвѣ и др. городахъ. Эта стѣна внутренняя для другихъ цѣлей и сперва была не каменная; это былъ просто валъ съ палисадомъ. За Довмонтовою стѣною идетъ стѣна средняя, теперь сломанная; затѣмъ стѣна, окружающая весь городъ.

Псковъ, какъ и Новгородъ, дѣлился на концы, именно на 6 концовъ; концы дѣлили между собой управленіе пригородами. Псковъ не давалъ своимъ пригородамъ никакихъ правъ, тогда какъ въ Новгородѣ они призывались иногда на вѣче. Слѣдующее извлеченіе Псковской грамоты хорошо характеризуетъ отношеніе Пскова къ своимъ пригородамъ: „Псковичи укоривши и судили (подвергли пенѣ) опочанъ и взяли 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повѣсили татя коневаго, а безъ Псковскаго повелѣнія“. Кромѣ раздѣленія на концы во Псковѣ встрѣчается еще раздѣленіе на соборы. Это — особыя общины, въ которыхъ сосредоточивалось Псковское духовенство около различныхъ храмовъ. Соборы получили правильную организацію. Псковъ былъ въ зависимость

[illegible] епископа Новгородскаго, посылавшаго туда своего намѣстника, вѣроятно свѣтскаго человѣка. Владыка пріѣзжалъ только на нѣкоторое время, но его пріѣздъ сопровождался большими поборами. Поэтому псковичи стремились имѣть своего епископа. Въ 1331 г. они посылали своего человѣка Арсенія ставиться къ митрополиту, но Новгородцы приняли свои мѣры, и митрополитъ отказалъ псковичамъ. Кромѣ того во Псковѣ было стремленіе къ тому, чтобы этотъ намѣстникъ былъ не свѣтскій человѣкъ, а духовный; этого они достигли при митрополитѣ Исидорѣ.

Вятка.

Относительно появленія и возвышенія на сѣверо-востокѣ Новгородской колоніи Вятской [illegible]. По разсказу Вятскаго лѣтописца въ началѣ XII в. во время смутъ въ Новгородѣ изъ него выдѣлилась партія удальцовъ и отъѣхавшихъ на Волгу. Съ Волги Новгородцы поднялись по Камѣ, отсюда попали въ Вятку и [illegible] съ туземными жителями, Вотяками и Черемисами, основали на ней свои первыя поселенія. При впаденіи рѣки Хлыновицы въ Вятку они построили городъ Хлыновъ. Здѣсь образовалась совершенно самостоятельная русская община, существовавшая XIII и XIV в.в., пока не испытала вліянія московскихъ князей. [illegible] князь Юрій Дмитріевичъ [illegible] власть надъ Вяткой.

О Вятской землѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Въ недавнее время возникло предположеніе (проф. [illegible]), что Вятская земля колонизовалась не изъ Новгорода, а изъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, на основаніи сходства ихъ говора съ [illegible], Вятскій говоръ изслѣдователи называютъ не новгородскимъ, а сѣверскимъ. Такъ же [illegible], но мы не можемъ [illegible] между Новгородскимъ и Вятскимъ [illegible] сходства (церковь, [illegible] и пр.). Можно запутаться въ филологическихъ соображеніяхъ; первое впечатлѣніе часто важнѣе, такъ какъ при слѣдующихъ разсужденіяхъ человѣкъ

теряется въ мелочахъ и не можетъ обнять общаго. Первое впечатлѣніе таково: видишь въ Вятской землѣ особенный покрой платья, особенную постройку избъ (дворъ и жилье подведены подъ одну крышу), слышишь особый, рѣзкій говоръ и узнаешь новгородскаго крестьянина. За тѣмъ, нельзя объяснять случайностью появленіе у вятчанъ преданія о своемъ происхожденіи изъ Новгорода. Далѣе, по лѣтописямъ мы не видимъ, чтобъ вятичи въ это время двигались куда-нибудь, да и пришлось бы имъ тогда колонизировать не Вятку, а Рязань или Суздаль. Не знаемъ о выселеніи вятичей, но знаемъ, что изъ Новгорода въ XII и XIII в.в. выходило много ушкуйниковъ. Не естественнѣе ли предположить, что они зашли на Вятку и сѣли на ней. Земля Вятская управлялась выборными людьми — <u>ватаманами</u>. Это опять намекъ, какъ бы на ушкуйническое происхожденіе. Названіе ватамановъ встрѣчается рано (въ грамотахъ XV в.), такъ что оно навѣрное не имѣетъ связи съ малорусскимъ <u>гетманомъ</u>, которое явилось изъ Польши (Hauptmann).

Отъ кого зависѣло Вятское духовенство, это вопросъ не рѣшенный, потому что митрополитъ Іона, какъ это видно изъ его грамоты, не знаетъ, кто ставилъ вятскихъ священниковъ: „не вѣмы убо, како васъ нарицати, священники; отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе". И дѣйствительно, въ Вяткѣ очень долго былъ обычай выбирать священниковъ; Вятская земля долѣе всѣхъ сопротивляется священникамъ поставляемымъ. Умираетъ священникъ, вятчане выберутъ другаго, но никогда не ставятъ его.

<u>Съ XIV вѣка наступаетъ новый періодъ въ жизни Русскаго народа</u>. Раздробленныя княжества начинаютъ собираться и группироваться около двухъ отдѣльныхъ центровъ, одного на востокѣ, а другого на западѣ. Русь Московская, или восточная, казалось на долго отдѣляется отъ Руси Западной. Разница въ характерѣ этихъ двухъ государствъ заключается прежде всего въ томъ, что первое изъ нихъ стало

элементомъ движущимъ.

Въ концѣ XIII и самомъ началѣ XIV вѣка Русь восточная и Русь западная, раздѣленныя на отдѣльныя княжества, не имѣли никакого дѣйствительнаго центра, а Русь западная не имѣла даже центра идеальнаго. Галичъ, хотя до нѣкоторой степени господствовалъ надъ другими княжествами, однако не надъ всею западною Русью; остальная же часть ея не имѣла даже никакого опредѣленнаго государственнаго устройства.

Русь восточная имѣла въ то время только идеальный центръ — Владиміръ, идеальный потому, что князья являются во Владиміръ только для полученія великокняжескаго престола и не остаются жить въ немъ, а стараются присоединить его къ своимъ владѣніямъ и укрѣпить за своимъ семействомъ.

Власть великаго князя въ эту пору была лишь гегемоніею, перевѣсомъ одного князя надъ другимъ.

Въ это же время отдѣльно, особнякомъ отъ Руси восточной и западной стояла Русь Новгородская, въ интересахъ которой было не давать перевѣса ни той, ни другой и потому препятствовать соединенію княжествъ, а напротивъ поддерживать ихъ обособленность. Образованіе единаго сильнаго государства, въ сосѣдствѣ съ Новгородомъ, было бы для послѣдняго гибельно. Поэтому Новгородцы постоянно стремились держать въ равновѣсіи разныя части Русской земли.

Русь восточная и Русь западная, развиваясь при совершенно различныхъ условіяхъ, испытали далеко не одинаковую судьбу. Поэтому онѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга по своему характеру.

Правда, какъ въ той, такъ и въ другой одинъ князь бралъ перевѣсъ надъ другими. Но въ Руси Московской онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы постепенно лишать князей ихъ удѣловъ, присоединяя ихъ къ себѣ и такимъ образомъ расширять свои собственныя владѣнія. Такъ какъ въ началѣ Московскій князь былъ слабѣе другихъ, то онъ употреблялъ всѣ усилія и средства, чтобы уничтожить сильнѣйшія княжества.

Въ западной же Руси условія развитія были совершенно другія: небольшое племя съ княземъ во главѣ образовываетъ военное государство. Это военное

государство стремится подчинить себѣ Русь, [illegible] [illegible]. И такъ какъ въ [illegible] [illegible] княжескій родъ имѣлъ принципалитетъ, [illegible] на [illegible], то въ его [illegible] было [illegible] [illegible] принимать свое покровительство, и не [illegible] [illegible], и [illegible] въ [illegible] [illegible] такъ, гдѣ не было [illegible] князя, назначать отъ себя князя, который былъ бы ему преданъ и могъ бы его поддерживать.

Итакъ въ интересахъ Западной Руси было сохраненіе отдѣльныхъ княжествъ, а въ Восточной Руси, напротивъ, — ихъ уничтоженіе и объединеніе.

Такимъ образомъ создаются Литовское и Московское государства, выработавъ каждое свой самостоятельный типъ. Противоположность ихъ [illegible] [illegible] [illegible] борьбы, но въ ней же [illegible] начало объединенія Русской земли, которое было положено Московскими князьями.

[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] стремились къ тому, чтобы [illegible] [illegible] [illegible] своими [illegible]. Таковы были Андрей Боголюбскій (1157–1174 г.), Всеволодъ Большое Гнѣздо (1176–1212 г.). [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] недолгими [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible], что они будутъ [illegible] [illegible]. [illegible] Всеволодъ, [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] одного князя, но, [illegible] [illegible] сыновей, раздѣлилъ между ними [illegible] [illegible]; но старшій [illegible], [illegible] въ своей дѣятельности по стопамъ отца, не имѣли [illegible] его ума. Его умъ и стремленія были, такъ [illegible], переданы Ярославу Всеволодовичу. Ярославъ и преимущественно [illegible] Александръ Ярославичъ были [illegible] преемниками Всеволода Большого Гнѣзда. Но къ сожалѣнію Александру Ярославичу пришлось дѣйствовать [illegible] [illegible] [illegible] въ то время, когда Русь страдала подъ тяжестью татарскаго ига; въ силу этого онъ [illegible] былъ въ своей дѣятельности [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].

Послѣ Всеволода III [illegible] [illegible] [illegible]. У всѣхъ Суздальскихъ князей [illegible] [illegible]

ихъ предковъ: каждый изъ нихъ стремится достигнуть преобладанія въ родѣ того, которое имѣлъ князь Литовскій (въ это время не было Литвы въ собственномъ смыслѣ, какъ при Гедиминѣ, а были Литовскіе князья, которыхъ характеръ тотъ же самый, какъ и [illegible]). Но чтобы получить такое преобладаніе, теперь возникло новое условіе: ханская милость, къ достиженію которой были направлены теперь всѣ старанія и стремленія князей.

Такъ какъ сѣверо-восточная Русь отличалась характеромъ болѣе промышленнымъ, чѣмъ воинственнымъ, то великій князь, вступая на Владимірскій столъ, чтобы действовать противъ [illegible] князей, оспаривавшихъ свои права и притязанія, не былъ достаточно для этого силенъ; ему нужно было [illegible]. Эту [illegible] они находили обыкновенно въ татарахъ. Борьба эта продолжалась, пока великими князьями были сколько-нибудь сильные князья, какъ: Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Андрей Городецкій, Дмитрій Переяславскій и др. Но около 20-тыхъ годовъ XIV ст. выдвигаются князья Московскіе, [illegible] собирателями русской земли. Московское княжество было самымъ незначительнымъ удѣломъ [illegible] и доставалось обыкновенно младшимъ князьямъ. Этотъ младшій князь владѣлъ первоначально лишь нѣсколькими селами около Москвы; потомъ къ этому удѣлу были присоединены Переяславль, Можайскъ и Коломна (1302-1303-1308 г.г.). Но Московскіе князья стремились сдѣлать свое княжество господствующимъ въ восточной Руси и мало по малу собрать вокругъ себя раздробленные удѣлы.

Какими же средствами выполнена была эта трудная задача? какъ действовали собиратели русской земли?

[illegible] случай, чтобы характеръ владѣтелей до такой степени [illegible] соотвѣтствовалъ характеру народа, которымъ управляли. Иванъ III [illegible] получилъ [illegible] [illegible] тотъ же самый [illegible]

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ весьма удачно сравниваетъ Ивана III съ купеческимъ сыномъ, который, воспользовавшись трудами скопидомовъ-отцовъ, занимавшихся всю свою жизнь копленіемъ богатства, принимается за болѣе широкіе планы.

Иванъ Даниловичъ и возвышеніе Москвы 1328-1341 г.

Первымъ московскимъ политикомъ былъ Иванъ Даниловичъ (1328-1341 г.). Онъ добился того, что ханъ позволилъ ему самому доставлять въ орду выходъ, который до этого времени собирался чрезъ откупщиковъ. Доставляя выходы въ орду, онъ бралъ кое-что и себѣ. При томъ онъ вносилъ дань, когда хотѣлъ. Иванъ Даниловичъ былъ очень скупъ въ своихъ расходахъ. Въ завѣщаніи своемъ, напр., онъ между прочимъ распредѣляетъ между своими сыновьями 3 шубы: одну отказываетъ сыну Семену, другую — Ивану, третью — Андрею. Это — мелочная экономія, но она была совершенно понятна въ его положеніи. Тутъ впрочемъ нѣтъ никакой грандіозности, какъ напр. въ курфюрстахъ Бранденбургскихъ: они дрожали надъ каждой копейкой, и благодаря этому только возможенъ былъ Императоръ Германскій; вообще нѣмецкіе курфюрсты были ужасно скаредны. Мы привыкли смотрѣть на это нѣсколько свысока; но въ положеніи Ивана Даниловича это было необходимо. За нимъ осталось названіе Калиты, потому что онъ копилъ деньги въ большомъ мѣшкѣ или кошелѣ. Онъ покупалъ села (что Новгородцы запрещали въ своей области), при томъ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ пріобрѣталъ куплею цѣлыя области. Это мы узнаемъ изъ завѣщанія Димитрія Донского, гдѣ онъ говоритъ: „а Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ, куплю дѣда моего, я передаю такому-то сыну". Этимъ способомъ ему удалось скопить большія деньги и, благодаря имъ, пріобрѣсти вліяніе въ Ордѣ. Если, напр., какой-нибудь князь пріѣзжалъ въ Орду и нуждался въ деньгахъ, то онъ занималъ у Московскаго князя. Такимъ образомъ Московскій князь получилъ перевѣсъ надъ другими князьями, которые постоянно были у него въ долгу. Вообще онъ твердо держался этой, повидимому простой, но умной и ловкой политики и неуклонно шелъ къ своей цѣли.

Орда въ эту пору представляла настоящій рынокъ, гдѣ наилучшимъ образомъ брали деньги съ русскихъ князей. Пріѣзжаетъ, напр., князь въ орду; ханскіе приближенные стоятъ у шатра хана; при приближеніи князя они набрасываются на него и не пускаютъ; онъ даетъ имъ деньги и получаетъ свободный пропускъ. Такимъ образомъ въ Ордѣ происходилъ совершенный грабежъ.

Итакъ Иванъ Даниловичъ дѣйствовалъ въ отношеніи другихъ князей слѣдующимъ образомъ: онъ самъ возилъ деньги въ орду, при чемъ часть присваивалъ себѣ; благодаря деньгамъ онъ получилъ возможность покупать земли; земли давали ему преобладаніе въ той или другой области, а, какъ скоро онъ имѣлъ перевѣсъ, то могъ заправлять другими князьями.

Въ древней Руси преобладающую формою суда былъ судъ смѣсный, т.е. судьи являлись отъ той и другой стороны. Поэтому, когда Московскимъ судьямъ приходилось рѣшать тяжбы вмѣстѣ съ судьями другихъ княжествъ, то первые брали всегда перевѣсъ, благодаря значенію Московскаго князя. Такимъ образомъ, тверской человѣкъ, тягаясь съ Московскимъ, былъ увѣренъ, что онъ потеряетъ дѣло, а что Московскій человѣкъ выиграетъ. Это обстоятельство заставляло многихъ переходить и приставать къ московскому князю. Съ точки зрѣнія князей это было вполнѣ нормально.

Когда московскій князь получилъ значеніе между другими князьями, и когда въ народѣ составилось о немъ мнѣніе, какъ о центрѣ, какъ о государѣ, то между ними (т.е. между (московскими) Москвою и другими княжествами) началась продолжительная, трудная борьба. Московскіе князья были не многочисленны, и это помогало имъ въ борьбѣ, для которой они пользовались всѣми путями, всѣми средствами, какими могли только располагать.

Московскіе князья заступаются и защищаютъ своихъ подданныхъ отъ татаръ своимъ покровительствомъ и постоянными ходатайствами передъ ханомъ. Это побуждало массу народа переходить и сби-

[illegible] стало Московскаго князя. Но [illegible], напр., въ нашихъ лѣтописяхъ, уже [illegible] съ своими [illegible]. Такъ, приѣхавшій въ Москву [illegible], напр., [illegible] Волынецъ, воевода Дмитрія Донского. Переселяются сюда и Литовскіе князья; Москва получаетъ характеръ русскаго микрокосма, весь русскій міръ сосредоточивается въ ней, и потому она получаетъ [illegible] характеристическое вліяніе на всю остальную Русь. Все это относится къ заслугамъ Московскихъ князей. Но усиленію Московскаго княжества и объединенію русской земли не мало способствовало также духовенство, которое въ то время было единственнымъ элементомъ [illegible]. Митрополитъ былъ единственнымъ центромъ Русской церкви и назывался „митрополитомъ всея Руси“. Къ нему являлись для поставленія разные [illegible], отъ него же зависѣло управленіе многими монастырей; кромѣ того, [illegible] народа смотрѣли на него, какъ на главнаго центра въ вопросахъ религіозныхъ: въ вопросахъ о [illegible] постахъ, богослуженіи и т. п., имѣвшихъ въ то время громадное жизненное значеніе; между тѣмъ [illegible] митрополитамъ. Почему же митрополиты [illegible] къ Московскому князю?

[illegible] митрополитовъ, отъ Петра до [illegible], мы увидимъ, что всѣ они [illegible]. Но духовенство руководилось не [illegible]. Поэтому покойный проф. [illegible] разсуждаетъ весьма основательно, говоря: „когда какой-нибудь князь жертвовалъ въ монастырь свои земли, то онъ не обращалъ вниманія на то, въ той или другой области находится этотъ монастырь. Вслѣдствіе этого [illegible]

распредѣлены были по всей Русской землѣ и потому находились подъ властью различныхъ князей. Напр. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, находившійся въ земляхъ князей бѣлозерскихъ, и Кіевопечерскій, находившійся въ Литовскихъ владѣніяхъ, имѣли кромѣ того земли во всѣхъ частяхъ Руси. Понятно поэтому, что для духовенства было выгодно соединить всѣ раздробленныя монастырскія владѣнія подъ одну власть, такъ какъ оно могло этимъ путемъ избѣгнуть столкновеній съ различными удѣльными князьями. Случалось напр., что какой нибудь монастырь, находясь въ рукахъ незначительнаго князя, нуждавшагося въ деньгахъ, терпѣлъ отъ него притѣсненія. А между тѣмъ могущественный московскій князь уже не сталъ бы его притѣснять. Въ виду этихъ выгодъ духовенство стало на защиту князей московскихъ. Когда Геннадій былъ поставленъ въ Новгородъ, то онъ ввелъ тамъ Московскій обычай служить молебенъ московскимъ святителямъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и др. при обходѣ вокругъ стѣнъ города. Это молебствіе московскимъ чудотворцамъ было уже признаніемъ Новгородомъ первенства Москвы. Митрополитъ Петръ выбралъ Москву своимъ мѣстопребываніемъ; Алексѣй отстаивалъ Московскаго князя Іоана Ивановича передъ ханомъ и хлопоталъ за него въ Ордѣ. Іона же былъ главнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ Василія Васильевича съ Шемякою; извѣстно его посланіе къ Шемякѣ, въ которомъ онъ сравниваетъ его поступокъ съ грѣхомъ Каина. Все это представляетъ великую заслугу духовенства передъ единствомъ русской земли.

За духовенствомъ послѣдовали бояре. Они также способствовали усиленію Московскаго княжества и объединенію Руси тѣмъ, что, не желая играть второстепенной роли у слабыхъ князей, стали переходить въ Москву и мало по малу образовали изъ себя твердый оплотъ, содѣйствовавшій упроченію вліянія московскаго князя и сосредоточенію въ его рукахъ власти надъ всею Русью.

С. М. Соловьевъ и Н. В. Станкевичъ считаютъ географическое положеніе Москвы однимъ изъ главныхъ

условій, способствовавшихъ ея усиленію. Но это географическое положеніе, хотя дѣйствительно центральное, не даетъ однако отвѣта, отчего Москва, а не Тверь, отчего Москва, а не Ярославль получила первенствующее значеніе. Положимъ, князья Ярославскіе были ничтожны; но мѣстоположеніе его было все таки очень выгодное; Москва же находится въ этомъ центрѣ не болѣе и не менѣе другихъ городовъ, окружающихъ ее. Такимъ образомъ, географія страны не объясняетъ еще факта возвышенія Москвы. Скорѣе можно сказать, что Москва получила перевѣсъ, благодаря своему изолированному положенію, такъ какъ она могла развиваться въ тиши. Но и этотъ отвѣтъ неудовлетворителенъ: Московскимъ князьямъ пришлось бороться съ Тверью, которая видѣла въ Москвѣ опаснаго соперника.

Въ исторіи Москвы любопытно одно очень важное обстоятельство. Первый князь Московскій Михаилъ Ярославичъ (+1248 г.), сынъ Ярослава Всеволодовича (хотя въ 1213 г. упоминается еще въ Москвѣ князь Владиміръ Всеволодовичъ), получивъ московское княжество, тотчасъ заявилъ свое притязаніе на великокняжескій престолъ. Онъ былъ самый младшій князь, но разсчитывалъ только на свое мужество. Онъ былъ убитъ въ битвѣ съ Литовцами на берегахъ Протвы.

Итакъ, вотъ главныя причины, которыя дали самому меньшому изъ русскихъ удѣловъ возможность соединить вокругъ себя всю русскую землю. Московскіе князья уже рано стали дѣйствовать во имя всероссійскаго начала. Иванъ Даниловичъ Калита пишется въ грамотахъ: „великій князь всея Руси." Семенъ Ивановичъ продолжаетъ носить этотъ титулъ и закрѣпляетъ его. (Великимъ княземъ назывался въ то время каждый сильный князь.)

Было ли у Московскихъ князей ясное, живое сознаніе той цѣли, къ которой они неуклонно стремились! Вѣроятно полнаго сознанія этого у нихъ не было. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они преслѣдовали опредѣленную цѣль. Эта цѣль была поставлена ими заранѣе, и къ ней они неустанно шли. Очень трудно понять характеръ московскихъ кня-

рій. Всѣ они ведутъ политику удѣловъ инстинктивно. С. М. Соловьевъ говоритъ, что невозможно почти указать руководящія цѣли, съ которыми сообразовались Московскіе князья до Ивана III. Много труда нужно, чтобы отыскать характерныя черты, которыя отличаютъ одного князя отъ другого; они чрезвычайно трудно уловимы. Это рядъ князей, продолжающихъ одно и тоже дѣло, идущихъ мирно и спокойно; такъ что, умри Василій Темный нѣсколько позже, не было бы и смутъ въ малолѣтство Ивана Васильевича. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Василій Васильевичъ стремился къ тѣмъ же цѣлямъ, къ которымъ шелъ и Василій Дмитріевичъ.

Великія историческія задачи совершаются обыкновенно не вдругъ, а длиннымъ рядомъ поколѣній, которыя наслѣдуютъ отъ своихъ предшественниковъ идеи, служащія имъ руководящею нормою въ ихъ государственной дѣятельности, и передаютъ - завѣщаютъ ихъ своимъ преемникамъ. Но иногда, какъ мы это видимъ на курфюрстахъ Бранденбургскихъ, и изъ темныхъ началъ создаются и вырабатываются великія мысли, великія событія.

Первое упоминаніе о Москвѣ относится къ 1147 г. Въ этомъ году въ ней было свиданіе Юрія Долгорукаго съ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ Новгородъ Сѣверскимъ. Что касается князей Михаила Ярославича Хоробрита, задумавшаго безъ великихъ правъ овладѣть великокняжескимъ столомъ и убитаго въ 1248 г., Владиміра Всеволодовича и Владиміра Юрьевича - трудно рѣшить, княжили они въ Москвѣ, или были въ ней временно. Линія Московскихъ князей начинается съ Даніила Александровича (+1303 г.). Мы видимъ, что сынъ Даніила - Юрій, находился въ борьбѣ съ тверскими князьями. Послѣ смерти Юрія (1325 г.) сталъ братъ его - Иванъ Даниловичъ Калита. Когда Александръ Михайловичъ избилъ въ Твери татаръ, Иванъ Даниловичъ, отправившись въ Орду сдѣлался великимъ княземъ (1328-1341). Иванъ Даниловичъ держался путями всѣ своего: онъ умѣлъ ладить съ Ордою, Узбекомъ и копить деньги. Кромѣ того онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону митрополита Петра (1326 г.). Очень можетъ

быть, что ссора съ тверскимъ епископомъ Андреемъ была причиною, что Петръ благоволилъ болѣе къ Москвѣ, чѣмъ къ Твери. Феогностъ, преемникъ Петра, поселился совсѣмъ въ Москву. Онъ оказалъ большую услугу Ивану Даниловичу, отлучивъ отъ церкви Псковъ, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище Александръ Михайловичъ Тверской; Александръ Михайловичъ долженъ былъ уйти въ Литву. (Отлученіе отъ церкви было страшнымъ наказаніемъ, къ нему рѣдко прибѣгали: русская исторія знаетъ только 2 случая отлученія). Здѣсь въ первый разъ проявилась сила митрополита, какъ центральнаго главы русской церкви; она стала сильнымъ орудіемъ въ рукахъ московскихъ князей.

Въ 1337 г. Александръ Михайловичъ поѣхалъ въ Орду, примирился тамъ и воротился въ Тверь. Но прошло 2 года: въ 1339 г. его зовутъ въ Орду: „во Ордѣ царю Азбяку много клеветаша нѣцыи на князя Александра Михайловича Тверскаго" (Никон. лѣтоп.). Мы можемъ догадываться, кто были эти „нѣцыи". Александръ былъ [illegible]ванъ и погибъ въ Ордѣ. Иванъ Даниловичъ взялъ изъ Твери вѣчевой колоколъ, что было знакомъ подчиненія Твери. Въ другихъ городахъ Московскіе князья не церемонились. Мы знаемъ изъ житія Св. Сергія, какъ москвичи взяли въ Ростовѣ товаровъ и много имущества. Вообще видно, что Московскій князь былъ грознымъ для другихъ князей. Внутреннія стремленія Московскаго князя были совершенно другія. Мы знаемъ, что Иванъ Даниловичъ оградилъ московское княжество отъ всякой смуты отъ татаръ, поэтому въ его княжество начали стекаться люди изъ различныхъ княжествъ. Многіе нынѣшніе роды относятъ къ первому времени московскихъ князей. Люди выѣзжали сюда преимущественно изъ западной Руси и преимущественно дружинники, напр. изъ Кіева пріѣхалъ сюда Родіонъ Нестеревичъ съ 1700 отроками. Иванъ Даниловичъ въ грамотахъ сталъ называться „великимъ княземъ всея Руси". Умирая онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ раздѣлилъ свою землю между сыновьями Симеономъ, Иваномъ, Андреемъ, причемъ Москва по числу братьевъ раздѣлена на трети. Эти трети существовали не только въ Москвѣ, но и въ Твери и въ Рязани. Одна треть оставалась

къ концу за потомствомъ Андрея Ивановича; двѣ трети осталь-ныя соединились въ рукахъ Дмитрія Ивановича-Донскаго.

Симеонъ Гордый (1341-1353).

Послѣ смерти Ивана Даниловича управлялъ сынъ его Симеонъ Ивановичъ (1341-1353) по прозванію Гордый. Преданіе говоритъ, что онъ былъ прозванъ такъ, потому что онъ гордо держалъ себя съ князьями, другіе князья всѣ его слушались. Даже когда онъ оскорбилъ смоленскаго князя Ѳедора Святославича, отославъ къ нему свою супругу, его дочь, то тотъ не думалъ мстить. Въ родословныхъ книгахъ объясняется, почему онъ отпустилъ ее отъ себя: „великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, но она ему покажется навьемъ (мертвецомъ).“ Мы знаемъ, что Симеонъ умеръ во время большой моровой язвы, той самой, которая описана въ предисловіи къ „Decamerone“ Боккачіо. Отъ этой язвы умеръ Новгородскій епископъ, братъ Симеона-Андрей и т.д. Симеонъ дѣтей не оставилъ.

Иванъ Ивановичъ (1353-1359 г.)

Послѣ него московскій престолъ наслѣдовалъ Иванъ Ивановичъ (1353-1359). Это былъ добрый, простой, весьма ограниченный человѣкъ. За него правили бояре и митрополитъ. Митрополитъ Алексѣй излечилъ ханшу Тайдулу и потому пользовался большимъ почетомъ въ Ордѣ. Алексѣй былъ уже чисто московскій человѣкъ, потому что онъ укоренился въ Москвѣ, держался интересовъ московскаго государства. Иванъ Ивановичъ и Дмитрій Ивановичъ очень многимъ ему обязаны. При Иванѣ Ивановичѣ случилось загадочное событіе: убитъ былъ на улицѣ тысяцкій Алексѣй Петровичъ; онъ завелъ какую-то крамолу при Симеонѣ Ивановичѣ и былъ изгнанъ; потомъ при Иванѣ Ивановичѣ онъ пріѣхалъ въ Москву и однажды утромъ его нашли убитымъ. Были слухи, что его убили бояре, народъ взволновался. Нѣкоторые изъ боярскихъ семей уѣхали, а потомъ вернулись, что даетъ основаніе думать, что великій князь не правъ былъ въ этомъ дѣлѣ (такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Соловьевъ). Замѣчательно, что послѣ этого тысяцкихъ въ Москвѣ не было.

Димитрій Донской (+ 1389 г.).

Иванъ Ивановичъ оставилъ послѣ себя мла-

малолѣтнимъ сыномъ и племянника. Пользуясь этимъ Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, чрезвычайно уважаемый князь, который оборонялъ свою землю отъ сосѣднихъ князей и отъ татаръ, явился претендентомъ на великокняжескій престолъ и явился въ Орду. Въ это время появилось два хана: Мюратъ въ Сараѣ и Абдулла за Волгою, поддерживаемый Мамаемъ. Къ Мюрату явились московскіе бояре съ своимъ малолѣтнимъ княземъ, но Мюратъ далъ ярлыкъ князю московскому. Пользуясь этимъ московскіе бояре выгнали Дмитрія Константиновича изъ Владиміра. Дѣло кончилось тѣмъ, что дочь Дмитрія Константиновича, Евдокія, стала женою Дм. Донского.

Не съ однимъ Дмитріемъ Константиновичемъ пришлось бороться великому князю. Другой князь чувствовалъ возрастающее могущество Москвы. Это былъ Тверской князь Михаилъ Александровичъ. Онъ, какъ ближайшій сосѣдъ Литвы, искалъ помощи въ ней у шурина своего Ольгерда. Ольгердъ приходилъ въ Русь и дѣйствовалъ тутъ съ различнымъ успѣхомъ: то побѣждалъ, то былъ разбиваемъ, къ тому же его борьба съ крестоносцами принимала большіе размѣры. Этимъ воспользовался московскій князь и заключилъ договоръ съ Тверскимъ, по которому тотъ подчинился ему.

Другимъ врагомъ Дмитрія Ивановича являлся князь Рязанскій Олегъ Ивановичъ. Но въ сраженіи при Скорнищевѣ въ 1372 г. эти задорные люди, „рязанцы", какъ они назывались въ лѣтописяхъ, были разбиты и московскій князь заставилъ ихъ смириться и даже явился защитникомъ Рязани противъ татаръ. Это сраженіе при р. Вожѣ (1378 г.) было только вступленіемъ къ великой битвѣ 1380 г., которая надолго положила грань между тою исторіей, когда Азія наводняла Европу, и тою, когда Европа стала напирать на Азію. Эта битва (1380 г.), самая знаменитая, она играетъ такую же роль, какъ битва Каталаунская или между Тураномъ и Ираномъ. Въ слѣдующемъ году ханъ Тохтамышъ явился къ Москвѣ, взялъ ее и опустошилъ. Но нравственное значеніе Мамаева побоища было велико: мы поняли, что можемъ побѣждать татаръ; отлично каждый русскій считалъ заявить, что и онъ участвовалъ въ этой битвѣ.

Дмитрій Ивановичъ замѣчателенъ также и своими учрежденіями. Онъ не выбралъ новаго тысяцка-

го. Договорами съ братьями и другими князьями онъ утвердилъ московское государство и кромѣ того заставилъ тверскаго князя признать, что Владимірское великое княженіе есть отчина его, Дмитрія Ивановича: „въ отчину мою тебѣ не вступатися". Онъ оставилъ Владимірскій престолъ сыну своему; съ тѣхъ поръ великое княженіе и вышло изъ воли ханской. Кромѣ того Дмитрій Ивановичъ достигъ другаго важнаго результата тѣмъ, что признал преимущества въ наслѣдіи великаго княженія линіи московскаго князя надъ линіями другихъ князей. Дмитрій Ивановичъ въ сущности не давалъ наслѣдія по первородству, какъ думаютъ (это настоящее у насъ учреждено Павломъ Петровичемъ): онъ далъ преимущество сыну прежде всего, а потомъ второй его сынъ послѣ брата его. Право первородства у насъ утвердилось обычаемъ. Напрасно думаютъ, что его можно ввести однимъ почеркомъ пера.

Василій Дмитріевичъ (1389-1425).

Василій Дмитріевичъ началъ свое княженіе съ того, что присоединилъ Нижній Новгородъ. Теперь тамъ сидѣлъ Борисъ Константиновичъ, который прежде вынужденъ былъ уступить Новгородъ брату своему Дмитрію, когда Св. Сергій заперъ церкви города. Народъ въ Нижнемъ Новгородѣ убѣжденъ, что маленькій ручей, который течетъ въ оврагѣ между горами, иначе затопитъ городъ, такъ какъ будто бы его проклялъ митрополитъ Алексѣй. За что, какъ?! Все это — исторія, а тамъ, но Новгородцы помнятъ, что ихъ проклялъ митрополитъ Алексѣй. Это похоже на то, какъ въ Москвѣ увѣрены, что митрополитъ Алексѣй проклялъ сорокъ, и потому онѣ не могутъ летать по Москвѣ. Интердиктъ поразилъ тогдашнее воображеніе. Итакъ, Василій Дмитріевичъ получилъ ярлыкъ на Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру и Тарусу. Борисъ Константиновичъ хотѣлъ убѣдить своего боярина Румянца оставаться въ вѣрности ему. Тотъ поклялся; но лишь московскія войска пришли къ городу, онъ отворилъ имъ ворота и первый сдѣлался предателемъ.

Суздальскій князь долго велъ борьбу тайную и явную съ великимъ княземъ. Съ другой стороны Василій Дмитріевичъ велъ политику очень осторожную

Онъ былъ женатъ на дочери Витовта, Софіи. Еще въ 1386г. онъ почему-то вынужденъ былъ бѣжать оттуда и пробираться чрезъ Литву. Витовтъ захватилъ его и заставилъ жениться на своей дочери. Никогда не было вооруженныхъ столкновеній между Витовтомъ и Василіемъ Дмитріевичемъ: они дѣйствовали медленно и задумывались надъ каждымъ шагомъ; но явно было, что подкопъ ведется съ той и другой стороны, не смотря на то, что, умирая, великій князь поручилъ своего сына, своихъ братьевъ и бояръ опекѣ Витовта. Между прочимъ когда врагъ Витовта Свидригайло Ольгердовичъ бѣжалъ изъ Литвы въ Москву, то здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ почтеніемъ, ему было дано въ кормленіе нѣсколько городовъ. Тогда не понимали, какъ можно давать столько земель иноземцу, и это раздражало тогдашнее общественное мнѣніе; тогда не могли понять, почему великій князь болѣе обращаетъ вниманія на Литву, чѣмъ на татаръ.

Въ началѣ княженія Василія Дмитріевича Россіи грозила большая опасность. Въ 1395г. къ русскимъ предѣламъ подходилъ <u>Тимуръ-Ленкъ</u>, знаменитый возстановитель монархіи Чингисъ-хана; онъ дошелъ до Ельца. На берегу Оки выставлено было русское войско, а чтобы поднять народный духъ, принесли въ Москву знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери. Въ тотъ самый день, какъ образъ этотъ встрѣчали на Кучковомъ полѣ, Тимуръ-Ленкъ ушелъ изъ Россіи. Современники приписываютъ это Богоматери, которая явившись хану, заставила его удалиться. Тимуръ низвергъ Тохтамыша, въ Ордѣ сталъ управлять темникъ <u>Эдигей</u>, который былъ главнымъ начальникомъ татарскаго войска. Эдигей въ 1408г. двинулся къ Москвѣ; великій князь ушелъ въ Кострому. Москва откупилась за 3000 руб., сосѣдніе города были опустошены. Любопытно посланіе Эдигея къ великому князю: „было время, когда ты слушался старыхъ бояръ. Былъ у тебя хорошій бояринъ Иванъ Өедоровичъ Кошка, онъ давалъ тебѣ хорошіе совѣты. А теперь ты слушаешься молодыхъ бояръ и пересталъ давать выходъ". Любопытно, въ какія отношенія вошелъ великій князь съ Тверскимъ княземъ. Тверской князь старался не оскорблять Московскаго князя, тогда,

когда Эдигей звалъ его на помощь, онъ явился безъ войска, а потомъ и самъ удалился подъ предлогомъ болѣзни. Лѣтописецъ очень хвалитъ его за этотъ поступокъ: „сіе же сътвори, дабы ни Єдигея разгнѣвати, ниже великому князю погрубити, и обоихъ обѣого избѣжа, премудрѣ бо сътвори."

Василій Васильевичъ (1425-1462).

Наслѣдникомъ своимъ Василій Дмитріевичъ оставилъ десятилѣтняго сына Василія Васильевича (1425-1462). Исторія его княженія полна смутъ. Въ началѣ ведется борьба съ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ, который одинъ изъ всѣхъ князей не признавалъ правъ его на великое княженіе. Долго спорили они, наконецъ поѣхали въ Орду. Московскій бояринъ Всеволожскій сказалъ передъ ханомъ: „князь Юрій Дмитріевичъ опирается на свое старшинство, а Василій Васильевичъ на твою волю." Ханъ утвердилъ Василія Васильевича. Но скоро дѣло было разстроено тѣмъ же Всеволожскимъ, который перешелъ на сторону Юрія Дмитріевича вслѣдствіе того, что Василій Васильевичъ обѣщался жениться на его дочери и не женился: по желанію матери онъ женился на дочери Ярослава Владиміровича. Тутъ еще произошла ссора на свадьбѣ: Софья Витовтовна сняла съ сына Юрія, Василія Косого, поясъ, нѣкогда принадлежавшій Евдокіи Дмитріевнѣ, супругѣ Дмитрія Донского. Произошла борьба. Юрій изгоняетъ Василія Васильевича изъ Москвы и самъ садится въ ней. Поссорившись съ боярами, онъ заключилъ на нѣкоторое время перемиріе съ Василіемъ Васильевичемъ и уступилъ ему Москву, а потомъ опять изгналъ его. Здѣсь онъ и умеръ. Въ Москвѣ остался сынъ его — Василій Косой, но въ 1436 году онъ былъ изгнанъ и ослѣпленъ Василіемъ Васильевичемъ.

Въ это время ханъ Улу-Махметъ, который поставилъ Василія Васильевича на великое княженіе, ушелъ изъ Орды и обратился къ нему за помощью, но тотъ даже послалъ противъ него свое войско. Улу-Махметъ засѣлъ на одной горѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, пробылъ здѣсь около года и здѣсь, вѣроятно, умеръ, а сынъ его поселился въ Казани. Казанскій

ханъ дѣлаетъ нападеніе на Суздальскую землю. Василій Васильевичъ потерпѣлъ пораженіе, взятъ въ плѣнъ и долженъ былъ выкупиться. Пока шли переговоры о выкупѣ, сынъ Юрія Дмитрій Шемяка - просилъ задержать его, а когда Василій Васильевичъ по возвращеніи изъ плѣна поѣхалъ къ Св. Троицѣ, онъ былъ захваченъ Дмитріемъ Шемякою и Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ (1446г.) и ослѣпленъ. Его отправили въ Вологду съ условіемъ не выходить оттуда. Но туда явились къ нему бояре московскіе и касимовскіе съ предложеніемъ помогать ему. Вслѣдствіе этого онъ явился къ Москвѣ, гдѣ Дмитріемъ Шемякою были недовольны, такъ какъ онъ привелъ съ собою галицкихъ бояръ, которые судили неправильно. Преданіе о неправедномъ судѣ Шемяки сохранилось до сихъ поръ. Шемяка былъ изгнанъ, въ Москвѣ снова сѣлъ Василій Васильевичъ. Съ Шемякою былъ заключенъ договоръ, по которому его оставляли при своей отчинѣ, но онъ не исполнилъ своего договора. Духовенство послало ему грамоту, гдѣ грѣхъ Юрія сравнивался съ грѣхомъ Адама, который хотѣлъ быть равнымъ Богу, а грѣхъ Шемяки сравнивался съ грѣхами Каина и Святополка. Василій Васильевичъ послалъ противъ Шемяки войско, и онъ былъ разбитъ подъ Галичемъ (1450г.). Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ былъ отравленъ (1453г.).

Во избѣжаніе споровъ о престолонаслѣдіи Василій Васильевичъ еще при жизни назначилъ своимъ соправителемъ сына своего Ивана; грамоты пишутся отъ обоихъ великихъ князей.

Съ Новгородомъ Василій Васильевичъ еще не покончилъ, потому что епископъ Новгородскій Евфимій внесъ ему большой выкупъ - 8500 рублей.

Старшаго сына своего Василій Васильевичъ оставилъ на великомъ княженіи, остальнымъ далъ другіе города. Онъ женилъ его на тверской княжнѣ Марьѣ Борисовнѣ и союзомъ съ Тверью какъ бы утвердилъ значеніе и власть московскаго князя.

Въ княженіе Василія Васильевича совершилось важное событіе - былъ соборъ Флорентинскій. На этомъ соборѣ былъ митрополитъ Исидоръ; онъ подписалъ Флорентинскую унію и явился въ Москву. Когда Василій

Васильевичъ узналъ объ этомъ, велѣлъ схва-тить Исидора и держать въ заключеніи, однако отпустилъ его: Исидоръ явился въ Италію и умеръ кардиналомъ. На мѣсто его былъ выбранъ русскій епископъ Іона (1447 г.) соборомъ епископовъ. Здѣсь русская церковь является независимою отъ Константинополя; потомъ, въ лицѣ патріарха, была признана самостоятельность русской церкви.

Такимъ образомъ при Василіи Васильевичѣ дѣло объединенія русской земли доведено было до половины. Князь Тверской давно уже обратился въ подданнаго московскаго князя. Рязанскій князь былъ совершенно уничтоженъ. Другіе мелкіе князья были такъ ничтожны, что мы даже не имѣемъ свѣдѣній о томъ, когда они потеряли свою самостоятельность. Потомство Андрея Ивановича, сына Калиты, осталось только въ лицѣ князя Михаила Андреевича Верейскаго.

Боровскіе князья были стѣснены еще при Василіи Васильевичѣ. Шемяка и все потомство Юрія Дмитріевича должно было удалиться въ Новгородъ. Новгородъ также стоялъ на краю своей гибели. Такъ что Московскій князь становится теперь великимъ княземъ всея Руси. Ивану Васильевичу оставалось только довершить то, что начато было его отцемъ. Онъ явился наслѣдникомъ цѣлаго ряда московскихъ князей, которые тихо вели подготовительную работу. Ему оставалось явиться государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Ошибаются, говоря, что русское государство началось съ Ивана III, оно подготовлялось усиліями его предшественниковъ въ теченіи 1/2 вѣка (XIV–XV). С. М. Соловьевъ прекрасно доказалъ это.

Политическая жизнь Руси въ періодъ татарскій.

Политическую жизнь Руси въ періодъ татарскій многіе ученые наши считаютъ эпохою господства частнаго права, называя его вотчиннымъ началомъ. Между тѣмъ разсматривая акты этой эпохи, нельзя не согласиться, которые вступили съ А. Д. Градовс-

нимъ полагаютъ, что среди частныхъ правъ существовало и право <u>государственное</u>. На основаніи частнаго права нужно было бы допустить, что не было никакой разницы между владѣніями государственнымъ и частнымъ. А между тѣмъ мы видимъ эту разницу, — видимъ, напримѣръ, въ томъ, что области съ городами находятся совершенно въ иномъ отношеніи къ князю, чѣмъ села. Въ первомъ случаѣ онъ государь, во второмъ частный собственникъ. Конечно, государственныя понятія еще не достаточно опредѣлились въ эту эпоху и многія отношенія скрѣпляютъ частною сдѣлкою, однако несомнѣнно, что высшимъ правомъ было право государственное, что понятіе о правѣ государственномъ не совсѣмъ утрачено, напротивъ тутъ кладутся основы будущаго права, создавшагося впослѣдствіи. Такимъ образомъ теорія, допускающая въ какую-то эпоху исключительное существованіе частнаго права владѣнія (dominium), а потомъ — права государственнаго, — теорія эта, не смотря на свою соблазнительную простоту и легкость, не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ. Та ступень этой теоріи, которую сильно развивалъ <u>Борисъ Николаевичъ Чичеринъ</u>, у насъ не применима уже потому, что сословія наши не являются готовыми, а напротивъ создаются въ большинствѣ случаевъ государствомъ для его цѣлей и одновременно съ развивающимися государственными понятіями. У насъ до <u>XVII</u> в. можно сказать не было сословій; классы, какъ въ Кіевской Руси, продолжали существовать, но они не составляли сословій: государство создало ихъ для своихъ цѣлей. Это важное различіе мы не должны терять изъ виду въ такую отдаленную эпоху. Замѣтимъ, прежде всего, что села отдѣльныя княжества существовали до начала вотчинности, т.е. если признать наслѣдственность въ извѣстной линіи, въ извѣстной территоріи, то въ этой территоріи мало по малу создается dominium

вотчинники. Это вотчинное право нельзя отрицать еще въ Кіевскомъ періодѣ, но тамъ для каждой земли существовало особенное вотчинное право. Здѣсь сохраняется все таки темное понятіе о томъ, что эта земля находится въ управленіи цѣлаго рода; а при этомъ понятіи объ управленіи цѣлымъ родомъ нѣтъ никакого основанія допускать существованіе какъ частной собственности, того или другаго княжества. Воспоминаніе о томъ, что земля эта есть собственность государства, отражается впослѣдствіи въ Московскихъ князьяхъ. Въ противномъ случаѣ Московскіе князья и цари не относились бы къ этимъ вотчинникамъ, какъ къ чему-то частному, и вотчинники не выдѣлялись бы, какъ нѣчто отдѣльное. Постановленіе Ивана IV, касающееся вотчинниковъ и княжатъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что земли ихъ принадлежатъ имъ на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ земли раздаваемыя на правахъ частныхъ землевладѣльцевъ. Нѣтъ никакого основанія думать, что земли принадлежатъ княжатамъ именно по такому праву, потому что княжата не могутъ не закладывать ихъ ихъ, ни продавать, ни отдавать въ дѣлъ. Всѣ эти ограниченія на ихъ землю свидѣтельствуютъ о томъ, что Московское правительство смотритъ на землю княжатъ, т.е. потомковъ удѣльныхъ князей, какъ на землю, которою они пользуются на правахъ государственныхъ землевладѣльцевъ. Но это не помѣстное право: помѣстья раздавались за службу. Это что-то другое. И вотъ присутствіе государственнаго начала даетъ намъ свидѣтельство, которое можно сопоставить съ фактомъ, указаннымъ Градовскимъ, что волости и города иначе раздавались, чѣмъ земли помѣстныя. Конечно извѣстная доля частнаго права существовала: сами князья не раздѣляютъ прямыхъ своихъ частныхъ

правъ отъ государственныхъ: въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ они говорятъ объ имуществахъ движимомъ, до мелкихъ подробностей перечисляютъ предметы, назначаемые въ наслѣдство, и тутъ же распредѣляютъ города и волости, какъ будто бы все это передавая на одинаковыхъ правахъ владѣнія. Но, какъ мы увидимъ, здѣсь дробится не земля, а извѣстный доходъ, получаемый въ видѣ податей съ населенія, пошлины таможенныя и судебныя. Власть первоначально обозначается доходами, и символомъ ея являются не владѣніе землею, а именно доходы. Земля, какъ земля, и земля, какъ владѣніе, какъ доходъ, какъ право — это двѣ вещи совершенно различныя. Вы чувствуете эту разницу: она проходитъ въ тѣхъ частяхъ, которыя мы должны признать государственнымъ правомъ. Никогда съ землею не соединяется извѣстное право, а съ правомъ соединяется земля, что совершенно наоборотъ въ западно-Европейскихъ государствахъ, гдѣ юрисдикція принадлежитъ землѣ, а здѣсь принадлежитъ лицу, облеченному въ это право. — Лице можетъ быть физическое и юридическое (persona moralis и persona juridica). Даже если владѣтелемъ является монастырь, церковь — persona juridica — и тогда все-таки это право держится не на землѣ, а на лицѣ, которому оно дается. Извѣстная мѣстность, напр., извѣстный монастырь, или извѣстная вотчина получаетъ право суда въ извѣстныхъ случаяхъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Это есть государственное право, уступаемое извѣстному лицу юридическому или физическому. Такимъ образомъ здѣсь все-таки видно присутствіе государственнаго права. Мы видимъ, что есть большая разница между кормленіемъ и помѣстьемъ. Въ кормленіе дается волость съ правомъ суда, сбора дани, т. е. предметовъ государственнаго значенія; это служитъ единственнымъ средствомъ

сопряженія служилыхъ людей. Въ помѣстье же отдаются предметы, подлежащіе частному праву; это было ничто иное, какъ вотчина, только находящаяся во временномъ владѣніи. Однако помѣстья и вотчина принимаютъ тоже государственную форму владѣнія. Вотчинники въ своихъ владѣніяхъ, служилые князья должны въ тоже время поступиться значительною долею своей самостоятельности и стать слугами государя; тоже замѣчается и относительно владѣній церковныхъ, которыя несутъ въ извѣстной степени общее государственное тягло. При всемъ томъ есть разница между государственною формою кормленія и государственною формою владѣнія. Въ кормленіе дается извѣстная земля съ правомъ суда и сбора дани, — а здѣсь съ правомъ обработки и воздѣлыванія ея.

Многіе изъ нашихъ изслѣдователей, напр., А. Б. Лахверъ полагаютъ, что на Руси до XVIII вѣка не существовало частной собственности, что, слѣдовательно, вотчины происходятъ отъ помѣстій. Но мы встрѣчаемъ въ средѣ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ другія сословія, помѣстій не получившія: въ „Новгородской лѣтописи“ мы читаемъ, что гость Тарасъ Петровъ въ XIV вѣкѣ купилъ у князя нѣсколько селъ и имѣлъ свою землю; въ „Спискахъ Двинскихъ земель“ мы встрѣчаемъ указаніе на Луку Строганова, какъ землевладѣльца, а Строгановы никогда не были служилыми людьми. Мы видѣли, что въ основѣ нашего стараго землевладѣнія лежала общинная земля, что частное право появляется довольно поздно, однако появляется уже въ Кіевскій періодъ. Любопытно, что помѣстная система, окончательно утвердившаяся при Иванѣ IV, начинается у насъ именно отъ церкви. Церковь, придя къ мысли, что земля, принадлежащая ей, неотчуждаема, первая начинаетъ раздавать свои земли людямъ

для того, чтобы они ей служили. За церковью слѣдуетъ государство. Не можетъ быть, чтобы въ основу раздачи помѣстій легло представленіе о принадлежности всѣхъ земель великому князю, чтобы такое представленіе шло, какъ думаетъ Неволинъ, отъ татарскихъ хановъ, какъ верховныхъ собственниковъ земли. Мы знаемъ, что право князя на всю землю есть общее всѣмъ Славянамъ явленіе; у Гильфердинга есть нѣсколько примѣровъ этого. Но это право существуетъ только въ началѣ. Оно получаетъ свое практическое примѣненіе съ тѣхъ поръ, когда вся земля незанятая является землею, которую государство считаетъ себя въ правѣ раздавать. Въ началѣ, какъ извѣстно, люди, занимающіе необработанную землю, считали ее полною своею собственностью, потому что первые ее заняли. Занятіе, захватъ, отнятіе земли у туземцевъ составляетъ первое начало землевладѣнія русскаго, легшее въ основаніе русскихъ колоній въ землѣ Суздальской и сѣверо-восточной. Впослѣдствіи, когда земля стала цѣнностью, эти владѣнія требовали подтвержденія государственнаго, княжескаго. Возникшее такимъ путемъ понятіе о земли государственной постепенно растетъ, крѣпнетъ и для этого, мнѣ кажется, не нужно никакого понятія о ханскомъ владѣніи. Многія понятія могутъ имѣть чисто практическое происхожденіе. Для охраненія собственности — для чисто практической необходимости — я долженъ просить защиты у власти, существующей въ странѣ; и такимъ образомъ практически создается то начало, которое получаетъ юридическое происхожденіе: право князя на незанятую землю, по указанію Неволина, происходитъ гораздо раньше. Неволинъ указываетъ, что Печерскій монастырь получилъ землю отъ Изяслава Ярославича, — стало быть князь считалъ себя господиномъ этой земли; иначе, если бы этого не существовало, то

не нужно было бы Печерскому монастырю получать ее отъ князя. Вдова Глѣба жертвуетъ въ монастырь ей принадлежащія частныя земли. Это свидѣтельствуетъ намъ, что частная собственность существуетъ въ до-татарскую эпоху, и не вотчина происходитъ отъ помѣстья, а помѣстье происходитъ отъ вотчины. Лакьеръ сбитъ съ толку тѣмъ, что помѣщики стремятся помѣстья обратить въ вотчины, и на этомъ основаніи вотчину производитъ отъ помѣстья. Но рядомъ съ вотчинами-княжими существуютъ частныя вотчины. Можно ли, напр., владѣнія Строгановыхъ считать государственной территоріей? Строгановы считаютъ ее своей собственной, и государство подкрѣпляетъ эту собственность частнаго происхожденія. Она является типомъ частной (собственнической) вотчины, а вотчина, не происходящей изъ раздѣла княжескихъ земель. Итакъ, для обращенія частнаго владѣнія въ полную собственность владѣльца нужно было подтвержденіе государства. Изъ этого-то пункта и происходитъ понятіе, что вся земля принадлежитъ государству, а по старинному понятію — государю.

Въ этихъ земляхъ живутъ два разряда людей: служилые и тяглые, выражаясь словами Московскаго періода. Эти два разряда отличаются отъ прежняго раздѣленія населенія на дружину и людей своею большею неподвижностью. Людинъ могъ сдѣлаться мужемъ, поступивъ въ дружину, тяглый человѣкъ не дѣлается служилымъ; князья ревностно блюдутъ за тѣмъ, чтобы не убавлялось число тяглыхъ людей. Хотя крестьяне и не получили явнаго запрещенія переходить съ мѣста на мѣсто, но уже этому праву ставились разныя препоны; напримѣръ, Троицкій монастырь выхлопоталъ распоряженіе, чтобы крестьяне его села Присѣки лишены были права перехода; ушедшимъ изъ троицкихъ деревень этого монастыря позволено было возвращать назадъ.

Служилое сословіе состояло изъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Между боярами замѣчается нѣкоторая

постепенность, градація? Такъ были большіе бояре, которые назывались иногда окольничими. Окольничій на языкѣ XIV и XV вв. значитъ нечто, что въ XVI и XVII вв. Въ XIV в. окольничій есть человѣкъ близкій къ великому князю; значитъ окольничій не низшій титулъ, а какъ бы повышеніе въ сравненіи съ боярскимъ званіемъ. Далѣе бываютъ бояре путные, т. е. получающіе доходы (пути); отсюда выраженія: „отпущій съ путемъ", т. е. съ доходомъ, „бояринъ конюшій путь". Одни говорятъ, что бояре возвели свою высоту землевладѣніемъ, другіе утверждаютъ, что они получили ее службой. Бояре, какъ слуги, могли переходить съ мѣста на мѣсто; но они обязаны были служить тому князю, въ земляхъ котораго находилось ихъ владѣніе, и идти съ нимъ на войну. Отношенія вообще этихъ служилыхъ бояръ опредѣлялись договорами различнымъ образомъ, смотря по тому, въ какомъ отношеніи они находятся къ князю, которому они служатъ.

Духовенство — въ эту татарскую пору находилось подъ властью митрополита, который, если былъ одинъ, то, живя въ Руси сѣверной, назначалъ въ западной области намѣстника, имѣвшаго собственно значеніе только административное, а никакъ не духовное. Очень часто въ западной Руси, сначала (западной) въ Галицкой, потомъ въ Литовской, высказывалось стремленіе имѣть своего митрополита, что было достигнуто при Витовтѣ. Митрополитъ предсѣдательствовалъ на совѣтѣ епископовъ и имѣлъ право суда надъ ними. Но при этомъ митрополитъ имѣлъ и свою собственную епархію митрополичью, которая управлялась имъ посредствомъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Для рѣшенія духовныхъ дѣлъ собирались соборы изъ Русскаго духовенства, а для управленія имѣніями можно было выбирать свѣтскихъ лицъ. Поэтому очень рано около митрополита является цѣлый „дворъ" изъ лицъ свѣтскихъ; являются его бояре, которые окружаютъ его, какъ князя. Княжескіе бояре составляютъ княжескій со-

вѣтъ, думу; вѣроятно также было и въ дѣлахъ духовныхъ людей. Монастыри и церкви пользовались у насъ большими льготами, благодаря татарамъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ земли монастырскія и духовныя имѣютъ свои обязанности, которыя исполняли онѣ наравнѣ со всѣми всѣми другими землями. На земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ жили люди вольные, которые могли переходить съ мѣста на мѣсто; это-вольные люди. Они были въ разныхъ положеніяхъ: одни изъ нихъ платили треть урожая (третники), другіе — половину (исполовники), а нѣкоторые извѣстны подъ именемъ серебряниковъ; это были, вѣроятно, люди, которые заслуживали деньги, данные имъ прежде землевладѣльцемъ.

Право суда принадлежало князю или тому, кому это право князь поручалъ. Въ случаѣ столкновенія лицъ двухъ подсудностей, напр. Московск. и Тверск. и т. д. являлся смѣстный судъ, такъ что если человѣкъ Тверской судится съ Московскимъ, или духовный со свѣтскимъ, то между ними назначается смѣсный судъ, при чемъ судебныя пошлины дѣлились. До насъ дошла грамота Дмитрія Ивановича Донскаго о судѣ на межѣ. Судья пришелъ на мѣсто тяжбы на лугъ у р. Шексны. Тягался митрополичій посельскій съ крестьяниномъ Терпиловымъ. Посельскій говоритъ, что лугъ митрополичій; крестьянинъ утверждалъ, что лугъ его деревни. Посельскій указывалъ на правую грамоту прежде бывшаго суда; потомъ сослались на старожильцевъ, и старожильцы повели къ межамъ, при чемъ были судные мужи (въ родѣ новгородскихъ докладчиковъ или нашихъ присяжныхъ), тутъ прочитанъ былъ приговоръ стараго суда. Послѣ чтенія этой грамоты или приговора опять сослались на старожильцевъ, которые опять повели къ межамъ. Такимъ образомъ судъ отлича-

являлся на мѣсто, разспрашивалъ окольныхъ людей и здѣсь производилъ приговоръ. Относительно наказаній нужно замѣтить, что теперь уже являются новыя ихъ формы: смертная казнь и тѣлесныя наказанія. Первымъ примѣромъ торжественнаго наказанія была въ Москвѣ, на Кучковомъ полѣ, смертная казнь сына послѣдняго тысяцкаго, боярина Вельяминова. Тутъ являются уже совершенно другія юридическія начала, чѣмъ во времена удѣльнаго періода.

Во второй половинѣ татарскаго періода, когда прошелъ первый страхъ, когда разбѣжавшіеся люди опять стали собираться въ города, снова появилась торговля. Она шла со стороны востока черезъ Сарай и Сурожъ, который въ это время имѣлъ важное значеніе. До сихъ поръ извѣстные товары называются суровскими, потому что всѣ они шли съ востока черезъ Сурожъ. Имъ въ это время еще владѣли Генуэзцы. Великолѣпный, защищенный крѣпостью портъ Судакскій (Сурожскій) былъ совершенно безопасенъ. Другая торговля шла черезъ Сарай, гдѣ также были купцы изъ разныхъ странъ. Новгородъ направлялъ свою торговлю на западъ, а не въ Москву.

Съ одной стороны народонаселеніе стало собираться въ города, преимущественно въ Москву, съ другой — явилась возможность занимать до сихъ не населенныя мѣстности. Первыми піонерами въ этихъ ненаселенныхъ мѣстахъ являлись монахи, которые основывали здѣсь монастыри. Монастыри тогдашніе, разумѣется, имѣютъ много недостатковъ, на которые указываютъ даже лѣтописи и тогдашнія житія; но тѣмъ не менѣе у нихъ было два важныхъ преимущества: во 1-хъ, здѣсь жили люди, служившіе учителями народной нравственности. Напр. Кириллъ Бѣлозерскій, при своей святости, былъ человѣкъ образованный для своего времени; въ сочиненіяхъ его встрѣчаются выписки изъ древнихъ писателей. Но кромѣ по-

го еще другое обстоятельство привлекало къ тогдашнимъ монастырямъ. Это были по большей части общины или земледѣльческія, или вообще промышленныя. Устройство этихъ общинъ было образцовое для своего времени. Управленіе монастырскими имѣніями было тоже образцовое: наряду съ другими сторонами дѣятельности разныхъ духовныхъ лицъ восхваляются ихъ заботы по экономическому устройству колонизованнаго края. Конечно, это въ значительной степени относится къ позднѣйшему времени: нельзя забыть, сколько сдѣлалъ въ хозяйственномъ отношеніи для Соловецкаго монастыря Св. Филиппъ, основавъ тутъ промышленную общину и тѣмъ показавъ примѣръ другимъ монастырямъ. Конечно, монастыри получали себѣ разныя мѣста и имѣли даровыхъ рабочихъ въ богомольцахъ, что и до сихъ поръ сохраняется. Я самъ видѣлъ въ Валаамѣ, который вмѣстѣ съ Соловками служитъ, мнѣ кажется, типомъ старыхъ монастырей, — какъ много значатъ даровые рабочіе-богомольцы. Монастыри тогда стремились къ общежительной формѣ, и наставленія Спасо-Евфиміевскаго Суздальскаго и Псковскаго Святогорскаго монастыря показываютъ правила этого общежитія. Монастырь былъ какъ бы центральная церковь, около которой собирались цѣлыя волости, населенныя монахами и монахинями. Такъ нужно объяснять себѣ существованіе монастырей мужскихъ и женскихъ одинъ около другаго. Тоже встрѣчаемъ мы въ теперешнихъ скитахъ раскольничьихъ: въ одномъ селѣ существуетъ мужской и женскій монастырь.

Постройки въ городахъ были почти исключительно деревянныя, каменныя были только церкви. Но въ Новгородѣ начинаютъ появляться и каменныя зданія: башни, владычныя палаты, Грановитая палата, которая потомъ послужила предметомъ зависти для

Москвы. Въ Москвѣ не было каменныхъ зданій, кромѣ церквей: Спасъ на Бору, Архангельскій и Успенскій Соборы; старый Успенскій Соборъ теперь сломанъ. Спасъ на Бору существовалъ ранѣе Ивана III; нынѣ онъ заключается во дворцѣ. При Василіи Дмитріевичѣ Сербинъ Лазарь 1404 г. привезъ въ Москву часы и поставилъ ихъ на Кремлевской башнѣ. Эту диковинку Москвичи увидали въ первый разъ; потому она и возбудила такое наивное удивленіе лѣтописца: ,,сей же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяше молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмѣчтано и преухищрено". Подобные часы были привезены позднѣе и въ Новгородъ и тоже возбудили удивленіе, но не такое сильное, какъ въ Москвѣ. Появленіе пушекъ у насъ относится къ концу XIV вѣка. Въ 1381 году пушки были употреблены при нападеніи Тохтамыша. Мы знаемъ, что у Витовта были пушки.

Литература той эпохи состояла преимущественно изъ сочиненій духовныхъ писателей: изъ посланій митрополитовъ, епископовъ и духовныхъ высшихъ лицъ, между которыми на первомъ планѣ стоитъ Кириллъ Бѣлозерскій, — и затѣмъ изъ путешествій русскихъ людей за границу, преимущественно для поклоненія Святой Землѣ, — изъ лѣтописей и сказаній о Мамаевомъ побоищѣ. Житія святыхъ получаютъ у насъ литературную форму съ появленіемъ Серба Пахомія. Болѣе всего къ литературнымъ памятникамъ приближаются сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. Это было одно изъ самыхъ распространенныхъ и любимыхъ сказаній на Руси и потому сохранилось до

насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Литовское государство.

Въ то время, какъ на востокѣ образовывалось государство Московское, на Западѣ складывалось другое русское государство — Литовское. Называемъ его русскимъ потому, что въ эпоху отдѣльнаго существованія Литовскаго государства, въ немъ преобладали русскій языкъ и православная вѣра.

Исторія Московскаго государства имѣетъ много достовѣрныхъ и слѣдующихъ одинъ за другимъ источниковъ. Исторія Московскаго государства изучалась во все время существованія русской земли въ одномъ духѣ и направленіи. Такимъ образомъ, мы, слѣдовательно, имѣемъ ясное и твердое представленіе о главныхъ фактахъ Московскаго государства; имѣемъ предъ собою лѣтописи Московскихъ государей и твердое народное сознаніе, что дѣло велось въ одномъ направленіи, и мы ясно понимаемъ, въ какомъ направленіи, почему и какъ оно велось.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія Московскаго государства мы встрѣчаемся съ противорѣчіями разныхъ воззрѣній, встрѣчаемся съ различными способами отношенія къ тому, или другому лицу, — къ тому, или другому дѣйствію. Напр., въ настоящее время возникаетъ вопросъ о томъ, какъ относиться вообще къ Московскому государству? Но не смотря на эти противорѣчія во взглядахъ, — все таки исторія Московскаго государства стоитъ на вѣрной и ясной практической почвѣ.

Иное представляетъ намъ княжество Литовское. Исторія его, прежде всего, не имѣетъ своихъ лѣтописей. То, что мы называемъ Литовскою лѣтописью, есть краткій недостаточный сборникъ позднѣйшаго времени.

Это — лѣтопись, писанная по-русски. Затѣмъ есть также не много актовъ. Но эти акты касаются преимущественно или международныхъ сношеній, или частныхъ дѣлахъ, или юридическіе акты. А многіе вопросы, касающіеся управленія, остаются для насъ совершенно не разъясненными, потому что эти вопросы не рѣшаются частными актами; а имѣютъ характеръ общій, обычный.

Кромѣ того въ Литовской исторіи есть источники такого рода, которые существуютъ, какъ акты, писанные на бумагѣ и имѣвшіе гораздо меньшее примѣненіе; таковы акты Унійные. Такъ до Люблинской уніи акты уній суть произведенія, сохранившіяся только на бумагѣ. Самое повтореніе ихъ доказываетъ, что они небольшого примѣненія въ жизни. На это можно бы возразить, что у насъ, въ Московской Руси, жалованныя грамоты одного государя подтверждались другимъ государемъ. Но это дѣло другое: здѣсь подтвержденіе реальнаго права, и самыя права были вполнѣ же обычны, какъ представляются въ первомъ случаѣ.

Въ вышеупомянутыхъ же актахъ Литовскихъ видно постоянное стремленіе съ одной стороны навязать извѣстное настроеніе, а съ другой — отталкиваніе его. Здѣсь говорится о двухъ государствахъ, соединяющихся вмѣстѣ, т.е. о Польскомъ и Литовскомъ. При указанномъ положеніи источниковъ по исторіи Литвы ясно, что исторія Литовскаго княжества представляетъ вопросъ трудный, спутанный и до сихъ поръ еще требующій многихъ и многихъ трудовъ. — Такихъ трудовъ, которые бы и представляли собою полное обозрѣніе судебъ Литвы, мы имѣемъ весьма мало. Монографій, собственно, также почти нѣтъ.

[illegible] источники польскіе, напр. Нарбутъ, Ярошевичъ и др., въ своихъ трудахъ съ извѣстной точки зрѣнія смотрѣли на исторію Литвы — точки зрѣнія польскаго шляхетства, которой у Ярошевича меньше, чѣмъ у Нарбута; есть у нихъ замѣтнѣй и другой важный недостатокъ, — недостатокъ критики; по поводу чего съ польскими историками, да и съ нашими, которые долго повторяли польскіе выводы, произошелъ забавный случай: въ XVI в. Ласкій написалъ о Литовской миѳологіи. Свѣдѣнія, сообщенныя Ласкимъ, всѣ спокойно заносили въ свои труды по исторіи Литвы. Теперь оказывается вотъ что: проф. Варшавскаго Университета на Кіевскомъ съѣздѣ прочелъ блестящее сочиненіе, гдѣ доказалъ, что книга Ласкаго ни больше ни меньше какъ памфлетъ на современное богословіе.

Такимъ образомъ на этомъ сатирическомъ произведеніи основывались всѣ наши свѣдѣнія о миѳологіи Литовской. Раньше высказали сомнѣнія относительно изслѣдованій Ласкаго; но эти сомнѣнія высказывались между прочимъ, и все таки Ласкій съ своею книгою считался единственнымъ источникомъ по Литовской миѳологіи.

Извѣстія о первыхъ князьяхъ Литовскихъ суть самыя первоначальныя свѣдѣнія. Литовская исторія начинается съ Миндовга, а раньше заключается въ немногихъ словахъ Ипатской лѣтописи. (Мы привыкли называть ее Ипатьевской лѣтописью, но собственно нужно говорить — Ипатскій списокъ). О Литвѣ говорится въ Ипатскомъ спискѣ Галицко-Волынской лѣтописи.

Ипатская лѣтопись говоритъ намъ, что было въ ея время. Но эти немногія извѣстія Ипатской лѣтописи только и могутъ дать настоящія свѣдѣнія. Точно также даютъ намъ свѣдѣнія о Литвѣ

нѣкоторыя указанія русскихъ хроникъ и хроника Быховца. А затѣмъ все остальное болѣе или менѣе подвержено сомнѣнію.

Въ послѣднее время въ польской ученой литературѣ появилось имя историка-изслѣдователя, на трудахъ котораго можетъ опираться всякая научная исторія. Это Казиміръ Стадницкій. Конечно и у него могутъ быть ошибки, но близкое знакомство съ Литовскими, Русскими и Польскими источниками, умѣнье пользоваться ими, критическій талантъ и безпристрастие выдвигаютъ его изъ ряда другихъ историковъ. Ему принадлежатъ три сочиненія: „Сыновья Гедимина“, „Ольгердъ и Кейстутъ“, „Сыновья Ольгерда“.

Въ трудахъ Кіевской Археографической комиссіи въ предисловіи къ каждому тому помѣщаются изслѣдованія тѣхъ или другихъ отдѣловъ Литовской исторіи: о городахъ, дворянскихъ родахъ, о крестьянахъ и т. д. Эти изслѣдованія, большею частью принадлежащія перу Владиміра Бонифатьевича Антоновича, заключаютъ въ себѣ много важныхъ замѣчаній, новыхъ свѣдѣній и фактовъ, но представляютъ и значительную долю увлеченій.

Кіевскіе ученые вообще сдѣлали значительные вклады въ Литовскую исторію. Леонтовичъ пишетъ о правѣ Литвы, Владимірскій-Будановъ — о помѣстномъ правѣ въ Литвѣ и Польшѣ. Эти изслѣдованія, вмѣстѣ съ изслѣдованіями Антоновича, даютъ много для исторіи Литвы.

И. Д. Бѣляевъ IV томъ своихъ разсказовъ посвятилъ Литвѣ. Этотъ IV томъ заключаетъ въ себѣ пересказъ [illegible] извѣстій, связанныхъ съ исторіею Полоцка часто фантастическими связями. И. Д. Бѣляевъ чувствуетъ, какъ у него очень часто бываетъ, что исторія Литвы связывается нѣкоторыми узами съ исторіею Полоцка, но какъ она связывается, въ этомъ вопросѣ онъ переходитъ на почву фан-

тастическую, что съ нимъ бываетъ часто, потому-что И. Д. Бѣляевъ обладаетъ обширными фактическими свѣдѣніями и обширною фантазіею; но прохожденія строгой критической школы не видно изъ его трудовъ. Исторія еще въ недавнія времена стояла въ такомъ же положеніи, какъ и И. Д. Бѣляева. Что касается книжки М. О. Кояловича: „Лекціи по Исторіи Западной Руси", то эта книжка написана была случайно, въ виду тогдашнихъ событій. Она представляетъ собою очерки того, что можно было найти подъ рукою, не имѣя никакой критической подкладки. Но для насъ она во многихъ случаяхъ служитъ существеннымъ сочиненіемъ.

О другихъ сочиненіяхъ польскихъ и русскихъ нечего и упоминать: они не имѣютъ особеннаго значенія. Акты Литовскіе находимъ въ „Актахъ Западной Россіи", „Актахъ Юго-западной Россіи", въ изданіяхъ Кіевской и Виленской Археографической коммиссіи и Виленскаго учебнаго округа. Упомянемъ еще о двухъ пособіяхъ. Одно: „Skarb. dyplomatów" г. Даниловича, который былъ Виленскимъ, Харьковскимъ, а затѣмъ Московскимъ профессоромъ. Эта книга заключаетъ въ себѣ содержаніе документовъ, помѣщенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Нѣкоторые документы болѣе представлены въ полномъ видѣ. Издана въ 50-годахъ. Масса матеріала, приведеннаго тутъ, заставляетъ желать, чтобы подобный трудъ былъ повторенъ кѣмъ-нибудь съ болѣе критическою обработкою, чѣмъ сдѣлалъ это г. Даниловичъ.

Другое пособіе: „Starożytna Polska" заключаетъ въ себѣ исторію (Литвы) городовъ, входившихъ въ составъ Польши. Третій томъ заключаетъ въ себѣ исторію Литвы и тутъ встрѣчаются любопытныя указанія на документы, иногда даже и не напечатанные. Но эта книга также есть сборникъ и ничто болѣе, хотя во многихъ случаяхъ можетъ служить существеннымъ пособіемъ.

Такимъ образомъ недостатокъ критической работы надъ многосложнымъ матеріаломъ, большое затрудненіе, происходящее точкою зрѣнія, чуждою критической обработки исторіи, мѣшаютъ изученію правильной исторіи Литвы. А между тѣмъ исторія Литвы для насъ составляетъ существенную и весьма важную часть для изученія исторіи Русской. Не въ одной только восточной Руси сказывается внутренній, такъ сказать, политическій складъ Русскаго народа. Исторія Восточной Руси по своему внутреннему развитію, исторія, такъ сказать юридическая Восточной Руси находитъ значительно менѣе точекъ соприкосновенія съ исторіею[x] Литовскою. Такимъ образомъ, выходя непосредственно изъ исторіи Руси Кіевской, исторія Литвы является дополненіемъ исторіи восточной Руси. Это сложное обстоятельство часто ускользало отъ нашихъ историковъ: на страницахъ исторіи Карамзина исторія Литвы существуетъ какъ нѣчто чуждое, что относится къ намъ, какъ иностранное; чувствуется, что у него весь интересъ сосредоточивается на Руси восточной.

Когда Н. Г. Устряловъ въ первый разъ далъ значительное мѣсто въ своей книгѣ Руси Литовской, всѣ остались въ недоумѣніи и пришли къ такому выводу, что подобный фактъ слѣдуетъ объяснять политическими видами.

Замѣчательно, что первая мысль о внесеніи Литвы въ исторію Россіи принадлежитъ не русскому, а поляку. Она высказана была Сеньковскимъ, бывшимъ профессоромъ С. Петербургскаго Университета, который никогда не отличался расположеніемъ къ Руси восточной. Но онъ думалъ, что Русь Западная безъ Руси Восточной и Восточная — безъ Западной непонятны.

С. М. Соловьевъ вноситъ Литву въ исторію Руси; онъ внесъ обширнѣе, чѣмъ Карамзинъ; изложеніе судьбы Литвы слишкомъ разбито по страницамъ „Исторіи" Соловьева. Несомнѣнно, что въ большой исторіи трудно на нѣсколько томовъ уходить отъ главнаго предмета;

[x] Руси Кіевской, чѣмъ съ исторією и т. д.

нуженъ какой-нибудь центръ, и этотъ центръ С. М. Соловьевъ находитъ въ Московскомъ государствѣ.

Кажется, что теперь пора такъ не поступать въ виду того, что Литва и Восточная Русь суть двѣ вѣтви одного дерева. Изъ органической борьбы этихъ двухъ элементовъ слагалась русская жизнь. Малороссійское казачество становится понятно при изученіи характера Литовскаго государства. Тоже самое нужно сказать о русскомъ языкѣ. То что мы называемъ русскимъ языкомъ не есть языкъ костромской или новгородскій. Напрасно Даль старается свести русскій языкъ на разныя мѣстныя нарѣчія. Онъ не можетъ быть сведенъ на мѣстныя нарѣчія: это не великороссійскій, а всероссійскій языкъ, который будетъ принимать въ себя болѣе и болѣе элементовъ и чѣмъ болѣе элементовъ мѣстныхъ будетъ принимать, тѣмъ болѣе онъ будетъ всероссійскимъ языкомъ.

Стремленіе создать отдѣльный великороссійскій языкъ, какъ и стремленіе создать отдѣльный малороссійскій не приводятъ ни къ чему. Посмотримъ на Галичанъ. Они пишутъ такимъ же языкомъ, какъ и русскіе. Когда малорусская литература XVIII вѣка составила книжный языкъ, то языкъ оказался прародителемъ нашего теперешняго языка. Всѣ эти малороссійскіе и бѣлорусскіе языки суть то, что теперь называется русскимъ языкомъ. Теперь всѣ образованные Малоруссы пишутъ не по малороссійски.

Точно также пора и исторію нашу сдѣлать всероссійскою, т. е. исторіею не одного великороссійскаго племени; какъ бы великорусское племя не преобладало среди другихъ племенъ, но русская исторія должна быть исторіею этихъ всѣхъ племенъ и ихъ взаимнаго соединенія: въ концѣ этой исторіи должно быть полное соединеніе всѣхъ племенъ русскихъ.

Въ прошломъ году мы видѣли, что племя, которое дало свое имя великому кня-

жеству Литовскому, самое меньшее изъ племенъ индо-европейскихъ, или арійскихъ, жило въ углу прибалтійскаго края и было раздѣлено на племена. Въ то время, когда другія арійскіе народы слагались въ государства, когда племя славянское уже получило эту государственную форму, хотя въ зачаточномъ видѣ, въ видѣ государства блуждающаго, средневѣковаго, но все таки имѣющаго характеръ и значеніе государства: въ это время племя Литовское жило еще отдѣльными племенами. Оно состояло изъ Пруссовъ, Литвы, Летовъ, Корсь, Зимгола и др., но и внутри этихъ мелкихъ племенъ оно раздѣлено было на отдѣльныя княжества.

Единство Литовскаго племени сказывалось только въ религіозномъ единствѣ, какъ единство Греческаго племени. Говорятъ также, что у нихъ была общая власть жреца Криве-Кривейто, и что жрецы составляли организацію, простиравшуюся на всѣ княжества Литовскія. Несомнѣнно, что въ каждомъ изъ племенъ было много князьковъ, кунигасовъ и рикасовъ, и наши князья племенные были нѣчто въ родѣ кунигасовъ и рикасовъ. Древляне говорили Ольгѣ: „князья наши суть добры; они распасли Древлянскую землю". Были ли эти князья послѣдовательно и были ли князьями всей Древлянской земли или только князьями Коростенскими? На этотъ вопросъ мы не имѣемъ никакого отвѣта.

Какіе-нибудь Лутичи дѣлились на множество отдѣльныхъ княжествъ. То же самое явленіе мы видимъ въ племени Литовскомъ. Благодаря этому явленію, этой раздробленности и мелочности союзовъ погибло племя Балтійскихъ славянъ въ XI и XII вѣкахъ.

Въ XIII вѣкѣ наступила очередь сосѣдняго племени Литовскаго. Конрадъ Мазовецкій, чтобы защитить свою землю отъ нападенія Литовцевъ, взялъ землю Холмскую или Кульмскую и отдалъ ее ордену Св. Маріи, Тевтонскому ордену (1225 г.). Съ этихъ поръ начинается давленіе Нѣм-

цевъ на Пруссію: они разбили мелкихъ конунговъ и заставили толпы удаляться и бѣжать изъ родной земли своей. — Нѣсколько раньше къ Литовскому берегу пристали нѣмецкіе колонисты и въ 1201 году епископъ Рижскій Альбертъ Буксгевденъ вызвалъ нѣмецкихъ рыцарей, которые образовали новый орденъ — орденъ Меченосцевъ для борьбы съ живущими тутъ Литовскими племенами.

Эти два ордена, сильно стѣсняя Литовцевъ, заставили многихъ бѣжать, заставляли эти шайки ожесточенныхъ враговъ собираться въ лѣсахъ настоящей Литвы, и Новогрудскій князь Миндовгъ явился вождемъ всѣхъ племенъ Литовскихъ. Извѣстны его дѣянія, его столкновенія съ Даніиломъ Галицкимъ; какъ онъ хитрилъ съ папою: выпрашивая себѣ королевскую корону, притворился, что принимаетъ христіанство. Онъ истреблялъ своихъ родственниковъ и такимъ образомъ утверждалъ свою власть надъ Литовскимъ народомъ, какъ нѣкогда Хлодвигъ утверждалъ свою власть надъ франкскими народами.

Миндовгъ палъ, убитый своими князьями (1263 г.). Послѣ Миндовга въ Литвѣ въ одно время является княземъ сынъ Даніила Романовича Галицкаго — Шварнъ. Затѣмъ были выбраны въ князья — Трайденъ, и послѣ него Витенъ, оба они воевали съ Галицкимъ Львомъ изъ за обладанія Литвою. Въ 1315 году (или около того времени, хронологія не ясна) въ Литвѣ является княземъ Гедиминъ, который считается или сыномъ, или братомъ Витена, — считается такъ потому, что въ грамотѣ Рижанъ къ Гедимину (до 1323 г.) говорится: „Vithene bene memoriae, frater (или pater — нельзя разобрать) vester et antecessor". Во всякомъ случаѣ Гедиминъ принадлежалъ къ княжескому роду. Княженіе 1315–1340 г.

Гедиминъ (1315–1340) началъ движеніе не только противъ нѣмцевъ, но и противъ русской земли. Мы знаемъ, что сыновья его, Ольгердъ и

Любартъ, были женаты на русскихъ княжнахъ, чему отецъ не препятствовалъ. Въ 1321 г. по сказанію польскаго историка Стрыйковскаго, Гедиминъ при рѣкѣ Ирпени разбилъ русскихъ князей и взялъ Кіевъ. Это извѣстіе подвергалось сомнѣнію. Въ моей печатной статьѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Березина стоитъ слово „говорятъ", показывающее, что я не совсѣмъ довѣрялъ этому извѣстію Стрыйковскаго. Антоновичъ сдѣлалъ изслѣдованіе, которое подтвердило сомнѣніе, высказанное мною. Меня поражали прежде всего имена князей русскихъ, напр. Станиславъ, князь кіевскій (имя Станиславъ у насъ встрѣчается разъ въ числѣ сыновей Владиміра Св. и то оно странно, и если было это имя, то оно могло быть занесено одною изъ женъ Владиміра; имя это въ княжескихъ именахъ совершенно не встрѣчается). Гедиминъ точно также, какъ и Миндовгъ, не принялъ Католицизма, но въ этомъ случаѣ онъ преслѣдовалъ политическую цѣль. Помимо своихъ военныхъ стремленій Гедиминъ устроивалъ государство. Къ его времени относятся договоры съ нѣмецкими городами, которымъ онъ покровительствовалъ. Такимъ образомъ Гедимину принадлежитъ до нѣкоторой степени честь созданія внѣшняго положенія государства Литовскаго. Ему также принадлежитъ опредѣленіе будущей столицы Литвы: онъ переселился въ Вильну, хотя она не имъ была основана, а только распространена. Умирая, онъ оставилъ Виленскій столъ меньшему своему сыну, Евнуту. Два брата, Ольгердъ и Кейстутъ, лишили престола Евнута: они свергли [illegible]. Евнутъ искалъ убѣжища въ Москвѣ. Ольгердъ (1345-1377 г.) сѣлъ на Виленскій престолъ. Ольгердъ и Кейстутъ были постоянно между собой союзниками, по меткому выраженію Стадницкаго: „Кейстутъ былъ мечемъ Ольгерда". Князь Жмудскій занималъ престолъ въ той странѣ, которая была въ сосѣдствѣ съ владѣніями нѣмцевъ; она подала поводъ къ столкно-

венію Литовско-русскихъ князей съ нѣмцами. Овладѣть Ковномъ было давнее желаніе нѣмцевъ; въ Ковнѣ, разумѣется, долженъ былъ быть оплотъ противъ нѣмцевъ: это мѣсто, указанное самою природой и исторіей. Между крыжаками и Ольгердомъ велась постоянная, нескончаемая брань. Въ прекрасной книгѣ великаго польскаго историка Шайнохи: „Ядвига и Ягайло" сказано, что происходятъ постоянныя столкновенія между нѣмцами и литовцами. Большихъ битвъ было мало, но постоянныхъ нападеній было чрезвычайно много. Эти нападенія происходили иногда такъ: пріѣзжалъ какой-нибудь князь германскій, ему дѣлался обѣдъ, а потомъ дѣлалась облава на Литву. Литовцы съ своей стороны тоже не щадили нѣмцевъ, и эта постоянная борьба то съ нѣмцами, то съ Польшею, то съ русскими мѣшала распространенію вліянія Литвы. Тѣмъ не менѣе Ольгердъ имѣлъ большое вліяніе на сосѣдей: то грозилъ Москвѣ, то Новгороду, то дѣлалъ нападеніе на Новгородъ за то, что Новгородскіе посадники обругали его „псомъ". Но не это было причиною борьбы, а желаніе утвердиться въ Великомъ Новгородѣ. Князья Литовскіе давно считали Новгородъ и Псковъ, если не своими владѣніями, то своею добычею. Во Псковѣ мы видимъ литовскаго князя Довмонта, и, можетъ быть, Литовскіе князья были, хоть и временно, въ Смоленскѣ. Вопросъ о литовской династіи Полоцкихъ князей — вопросъ трудный. Можетъ быть, Литовскіе князья были въ Полоцкѣ и княжили тамъ, но русская наука въ этихъ вопросахъ стоитъ очень низко. — Самъ Ольгердъ не преслѣдовалъ православныхъ, хотя съ другой стороны, уступая литовскимъ жрецамъ, онъ пожертвовалъ своими тремя отроками: Іоанномъ, Евстафіемъ и Антоніемъ: это мученики литовскіе. Къ какому времени они относятся, неизвѣстно. Вообще у насъ есть

мнѣніе, что Ольгердъ въ концѣ жизни принялъ православіе и названъ былъ Александромъ. Сыновья его были православные. Двѣ жены его, изъ которыхъ первая была Витебская, а вторая Тверская княжна, обѣ были ему жены и обѣ покровительствовали православію. Ясно было, что князья Литовскіе должны были покровительствовать большинству своихъ подданныхъ. Кромѣ того они невольно подчинялись вліянію болѣе образованнаго русскаго народа и русскихъ князей и невольно склонились, если не къ вѣрѣ, то къ обычаямъ рускимъ, рускому языку и т. д. Это не было завоеваніе русскими Литвою, а было скорѣе внутреннее завоеваніе Литвы Русью, обрусѣніе Литовскихъ князей. Поэтому очень вѣроятно, что и самъ Ольгердъ, если не былъ православнымъ, то склонялся къ православію. Братъ его, Кейстутъ, остался язычникомъ до конца жизни. По выраженію Казиміра Стадницкаго, Ольгердъ былъ созданъ богомъ упрочить свою династію. Онъ оставилъ Виленскій престолъ сыну своему отъ Іуліаніи Тверской Ягайлу, помимо старшаго сына отъ брака съ княжною Витебскою.

Ягайло былъ сначала великимъ княземъ и жилъ въ согласіи съ дядею своимъ Кейстутомъ. Но онъ возбудилъ противъ себя Кейстута, покровительствуя одному изъ людей низшаго сословія, который былъ выведенъ въ люди Ольгердомъ, и котораго ненавидѣлъ Кейстутъ. Это несогласіе кончилось тѣмъ, что Кейстутъ былъ заключенъ въ тюрьму, а сынъ его, Витовтъ, бѣжалъ къ нѣмцамъ и принялъ тамъ христіанство. Онъ былъ православнымъ и католикомъ, потомъ опять православнымъ, такъ что нѣсколько разъ мѣнялъ вѣру и этимъ подорвалъ свое значеніе въ глазахъ Литовскаго и русскаго народа.

Въ 1386 г. совершилось важное событіе: Ягайло принялъ католицизмъ и сдѣ-

лаго королемъ польскимъ. Это событіе объясняется обстоятельствами тогдашней исторіи Польши.

Въ Польшѣ умеръ король Людовикъ Венгерскій, бывшій племянникомъ послѣдняго изъ Пястовъ. Онъ оставилъ двухъ дочерей: Марію и Ядвигу. Маріи онъ назначилъ Венгерскую корону, Ядвигѣ - Польскую. Австрійскій герцогъ назначенъ былъ женихомъ Ядвиги. Польша (преимущественно Малая, Краковская, Великая) не желала видѣть нѣмца на своемъ престолѣ и рѣшила искать другаго жениха для своей королевы, который могъ бы способствовать уничтоженію ордена крестоносцевъ. Для этого нужно было сдѣлать орденъ крестоносцевъ безполезнымъ, а такимъ онъ могъ быть тогда, когда послѣдніе жители въ Европѣ сдѣлаются католиками. Въ этомъ то главная причина того, что Польша обратилась къ Ягайлѣ. Но кромѣ этой главной и существенной причины была другая также существенная причина; она состояла въ томъ, что Поляки стремились колонизовать новыя земли, лежащія въ богатыхъ поляхъ Волыни и Подоліи и принадлежащія въ то время Литвѣ. И вотъ, отъ польскихъ пановъ является предложеніе Ягайлу жениться на Ядвигѣ и сдѣлаться Польскимъ королемъ, хотя паны встрѣтили препятствіе въ лицѣ Семовита, изъ Пястовъ, и въ лицѣ самой Ядвиги, которой нравился австрійскій принцъ. Грустна была судьба этой женщины: она пожертвовала своимъ вкусомъ и желаніями въ пользу католическаго духовенства. Нѣкоторые польскіе историки стараются сдѣлать изъ нея выдающуюся женщину въ родѣ Изабеллы Кастильской; но жизнь Ядвиги безцвѣтная и тихая, кончилась тоже безцвѣтно и тихо. Одинъ только былъ тяжелый эпизодъ: это обвиненіе ея въ супружеской невѣрности и затѣмъ оправданіе. Во всякомъ случаѣ едва ли не преувеличенно является она у польскихъ историковъ блестящею женщиною. Я коснулся этого въ виду похвалъ ей. Ягайло созвалъ совѣтъ своихъ

князи-раду, и на этой радѣ рѣшено было принять польскій престолъ. Онъ принялъ его именно на томъ основаніи, что Литва чрезъ это могла избавиться отъ своихъ исконныхъ враговъ. Заручившись согласіемъ рады, Ягайло поѣхалъ въ Краковъ и вступилъ въ бракъ съ Ядвигою. Результатомъ этого брака было провозглашеніе католической вѣры въ Вильнѣ. На этомъ не остановилась ревность новообращеннаго великаго князя Литовскаго: онъ прибавилъ къ этому письмо къ виленскому епископу, въ которомъ запрещалъ смѣшанные браки между католиками и православными. Пообѣщавши разныя льготы своимъ боярамъ, которые впослѣдствіи составили шляхту, Ягайло оставилъ въ Литвѣ брата своего — Скиргайла. Но Витовтъ заставилъ его уступить ему это мѣсто. Его положеніе было очень странно и двусмысленно. Въ странѣ онъ не имѣлъ никакой опоры: князь, перемѣнившій нѣсколько разъ свою вѣру, не могъ возбуждать довѣрія ни въ католикахъ, ни въ православныхъ, ни въ язычникахъ. Самъ онъ смотрѣлъ на вѣру, какъ на нѣчто преходящее. Кромѣ того ему представлялось особенное политическое затрудненіе: съ одной стороны ему нужно было отдѣлить себя отъ Ягайла, съ другой — утвердиться прочно въ Русской землѣ. Для этого онъ дѣлаетъ нападеніе на Новгородъ, подчиняетъ себѣ Смоленскъ, пугаетъ своего зятя, великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича. Однако съ востока онъ быстро повернулъ назадъ, благодаря тому, что былъ разбитъ Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы (1399 г.). Онъ вмѣшался въ татарскія дѣла, хотѣлъ посадить Тохтамыша въ Ордѣ и былъ разбитъ. Вслѣдствіе этого Витовтъ сблизился съ Ягайломъ и обратился на западъ: соединенныя войска одержали побѣду надъ нѣмцами при Грюнвальдѣ (1410 г.), гдѣ русскіе, по преимуществу смоленскіе полки, оказали полное мужество. Въ 1413 г.

подписана Городельская унія, на которой литовскіе дворяне получили право польскаго шляхетства, т.е. были объявлены независимыми отъ князей. Значитъ ли Витовтъ стремился къ соединенію съ Польшей? Профессоръ Каро указываетъ, что Витовтъ хотѣлъ создать свое государство на тѣхъ же основаніяхъ, которыя онъ видѣлъ въ Польшѣ, потому что эти основанія казались ему более прочными; что онъ хотѣлъ создать рыцарство, подойти ближе къ западной цивилизаціи и опереться на дворянство. Но это не имѣло успѣха. Не имѣли успѣха и другіе замыслы Витовта.

Уже давно князья Галицкіе, а потомъ и Литовскіе стремились найти для русскаго народа особенный духовный центръ, особенную митрополію, которая не представляла бы для русскаго дворянства необходимости искать себѣ опору внѣ предѣловъ Галицкаго и Литовскаго государства. Витовтъ въ 1415 году достигъ въ этомъ отношеніи важнаго результата: его епископы собрались и поставили отдѣльнаго митрополита — Григорія Цамблака. Затѣмъ Витовтъ дѣлаетъ еще болѣе важный шагъ: онъ уполномочиваетъ своего митрополита ѣхать на Констанцскій соборъ; ему [illegible] въ усиліяхъ [illegible] мостъ между православіемъ и католицизмомъ. Іеронимъ Пражскій, [illegible] съ [illegible] въ Литвѣ много способствовалъ этому желанію Витовта. И вотъ, Витовтъ не только посылаетъ епископовъ на Констанцскій соборъ, но идетъ еще дальше: онъ посылаетъ Сигизмунда Корибутовича на помощь гуситамъ. Только уже онъ [illegible] въ католицизмѣ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ папой, чтобы получить отъ него королевскій титулъ и такимъ образомъ объявить

[illegible] самостоятельнымъ государствамъ. Въ 1430 году онъ собралъ къ себѣ князей Литовскихъ и русскаго князя Василія Васильевича на коронованіе. Ждали церемоніи, но корону, посланную папой, задержали поляки. Такимъ образомъ планы Витовта не удались: съ горя и отчаянія онъ умеръ.

По смерти Витовта Ягайло назначилъ наслѣдникомъ Литвы Свидригайла. Но между Свидригайлой и Ягайлой возникло несогласіе, и великимъ княземъ Литовскимъ назначенъ былъ Сигизмундъ Кейстутовичъ, братъ Витовта. Онъ управлялъ 4 года. Въ годъ смерти Ягайлы (въ 1434 году) Сигизмундъ призналъ своимъ господиномъ старшаго сына Ягайлы Владислава Варненскаго — (извѣстнаго битвой съ турками при Варнѣ); при этомъ поляки признали, что всѣ польскіе подданные, какой бы они ни были вѣры, считаются равными. Въ 1434 году Сигизмундъ, который былъ ревностнымъ католикомъ и первый ввелъ въ Польшѣ инквизицію, былъ убитъ русскимъ княземъ Чарторыйскимъ. Смерть Сигизмунда вызвала волненіе въ Литвѣ: не знали, кого избрать [illegible]. Одни хотѣли его сына Михаила, другіе — одного изъ сыновей Ягайлы. Наконецъ, литовцы узнали, что Польша хочетъ назначить имъ намѣстникомъ Казимира. Чтобы избѣжать этого назначенія, литовцы избираютъ Казиміра прямо великимъ княземъ. Онъ пріѣзжаетъ и долго живетъ въ [illegible] литовцевъ. Казиміръ Ягайловичъ, послѣ того какъ былъ убитъ Владиславъ при Варнѣ, при совмѣстномъ управленіи Польшею и Литвою находился въ затруднительномъ положеніи. Орденъ [illegible] польскому государству.

тѣмъ также Казиміръ сажаетъ сына своего, Владислава, на чешскій престолъ. Такимъ образомъ онъ является отцомъ чешскаго короля; королемъ польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, и владѣнія его простираются отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Его государство является сильнымъ и обширнымъ. Трудно кто можетъ поспорить съ государемъ такого славнаго государства, заключеннаго такими воинственными народами, которыми были литовцы съ одной стороны, русскіе съ другой и поляки съ третьей. Но во всякомъ случаѣ странно, что Казиміръ не присоединилъ другихъ владѣній, которыя могли попасть въ руки, напр. Новгородъ. Надо помнить, что внутреннее безсиліе его уничтожало эту силу: слишкомъ разнообразны были требованія: слишкомъ разнообразны были элементы, и слишкомъ безсиленъ былъ тотъ, кто стоялъ во главѣ этого [illegible] тѣла — слишкомъ велика была разница и разнообразіе между двумя этими племенами. Внутренній раздоръ оказывался между прочимъ въ томъ, что въ самой Литвѣ возникали вопросы о соединеніи съ Польшею, и не разъ эти вопросы были отвергаемы сеймами. Постоянныя стремленія между [illegible] и Польшею къ соединенію вели къ большему и большему разногласію. Все царствованіе Казиміра прошло въ такихъ безполезныхъ попыткахъ къ соединенію, это показываетъ, какъ сильно было въ Литвѣ противодѣйствіе [illegible] вліянію. Мих. Осип. Кояловичъ, [illegible] судя о Казимірѣ, забываетъ, что Казиміръ постоянно покровительствовалъ обращенію въ католичество: не даромъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Ивану Васильевичу и

отдѣлиться отъ Литвы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что выгоднѣе было оставаться за Москвою, чѣмъ за Литвою. Положеніе Московскаго государства было положеніемъ прямымъ и прочнымъ; власть Московскихъ государей ростетъ и увеличивается не столько въ ширину, сколько въ глубину. Московское государство не только принимаетъ въ себя новыя земли, но оно стремится слить ихъ съ собою, — уничтожить этотъ элементъ, а не вставить его въ свой составъ. Литовское государство принимало въ себя княжескій элементъ, и въ тоже время составляло новый элементъ изъ пановъ. Ничего подобнаго не было въ Московскомъ государствѣ: оно до времени терпѣло князей, пока не могло уничтожить ихъ. Литовское государство оставляло князей и обращало ихъ въ свои орудія. Между тѣмъ князья-отъѣзжіе, между которыми были опасные враги Московскіе, напр. Ив. Андр. Можайскій, потомокъ Шемяки, т. е. тѣ самые князья, которые, убѣгая изъ Москвы, должны были искать убѣжища въ Литвѣ, теперь искали у великаго князя Московскаго опоры и защиты. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Казиміръ покровительствовалъ вообще католицизму, что при немъ являлся такой епископъ, въ которомъ несомнѣнно подозрѣвали стремленіе къ католицизму, — это былъ Іосифъ Смоленскій. Поэтому-то князья русскіе и стремились къ Москвѣ. Казиміръ умеръ въ 1492 году.

По смерти Казиміра въ Литвѣ выбрали великимъ княземъ сына его — Александра (1492-1506), а въ Польшѣ королемъ брата его Яна Ольбрехта, по смерти котораго поляки выбрали Александра (1501). Александръ наслѣдовалъ отъ отца неоконченную войну съ государемъ московскимъ; литовскіе паны предполагали кончить ее бракомъ своего государя съ дочерью великаго князя русскаго — Еленою. Іоаннъ согласился на этотъ бракъ, требуя для Елены свободнаго исповѣданія ея вѣры; но въ Литвѣ Елена встрѣтила фанатиковъ католицизма, которые —

требовали ея обращенія; особенною ревностью отличался Виленскій епископъ Войтехъ Таборъ. Къ Еленѣ обращались съ дерзкими словами, а другихъ православныхъ просто насиліемъ приводили въ католицизмъ. Начавшіяся волненія заставило однако фанатиковъ искать другого пути: вспомнили о Флорентинской уніи и нашли между православными іерархами человѣка, который принялся проводить эту мысль въ видѣ обѣщанной ему митрополіи, — Іосифъ, епископъ Смоленскій. Получивъ митрополію, онъ дѣйствительно принялся ревностно стараться объ уніи; но онъ пробылъ недолго въ своемъ санѣ и мѣсто его занялъ ревностный православный Іона II. Гоненіе на православныхъ побудило многихъ изъ князей пограничныхъ присоединиться къ московскому государству; въ числѣ ихъ были и потомки двухъ мощныхъ враговъ государя московскаго: Шемяки и Можайскаго. Принявъ ихъ подъ свою власть, Іоаннъ началъ войну съ Литвою, въ которой союзникомъ Литвы явился Ливонскій Орденъ, а союзникомъ Москвы — ханъ Крымскій Менгли-Гирей, опустошившій Литовскія границы. Войска Литовскія были разбиты при р. Ведроши, и, хотя Ливонцы одержали побѣду подъ Изборскомъ, но для Литвы была война несчастлива; почему начались переговоры, и въ 1503 г. заключенъ договоръ, по которому Россія получила землю Сѣверскую, и за Іоанномъ признанъ титулъ всея Руси.

Когда война съ Литвою еще не начиналась, завязались сношенія съ поляками о возобновленіи союза: съ этою цѣлью Литовскіе паны-рада присутствовали на польскомъ сеймѣ въ Петроковѣ, но переговоры еще не кончились, когда Александръ былъ избранъ въ короли. Тогда снова поднялся этотъ вопросъ, и въ 1501 году Литовскіе депутаты явились въ Польшу. Составленъ былъ проектъ уніи, по которому у Литвы и Польши долженъ быть одинъ государь и одинъ сеймъ общій, собирающійся поочередно въ каждомъ изъ государствъ; Литвѣ оставался только титулъ; частные сеймы

и другія особенности внутренняго управленія. Литовскіе депутаты не хотѣли подписать этого акта, но Александръ заставилъ ихъ подписать и даже поручился самъ и имъ заставилъ ручаться, что актъ будетъ принятъ Литовскими чинами; но однако не послушались. При Александрѣ большимъ значеніемъ пользовался русскій князь Михаилъ Глинскій. Когда Александръ получилъ польскую корону, Глинскій управлялъ Литвою, какъ бы намѣстникъ, хотя и не имѣлъ этого титула. Католическіе паны съ завистью смотрѣли на возвышеніе этого русскаго человѣка и опасаясь (быть можетъ, предвидя его замыслы), чтобы онъ не достигъ званія великаго князя, поспѣшили, лишь только Александръ умеръ, избрать великимъ княземъ Сигизмунда, брата его, 1506-1548, который затѣмъ былъ избранъ и польскимъ королемъ. Сигизмундъ оскорбилъ холодностью своею Глинскаго и не обратилъ вниманія на его жалобы противъ его враговъ. Глинскій поднялъ знамя бунта и вошелъ въ сношенія съ великимъ княземъ московскимъ. Началась война, не имѣвшая впрочемъ важныхъ послѣдствій, и окончилась перемиріемъ и отъѣздомъ Глинскаго въ Москву (1508 г.). Но оба соперника искали себѣ союзниковъ: король нанялъ крымцевъ, а великій князь вступилъ въ сношенія съ цесаремъ и гросмейстеромъ прусскимъ Альбрехтомъ, который не хотѣлъ быть присяжникомъ короля. Въ этой войнѣ Литва потеряла Смоленскъ (1514 г.), а русскія войска потерпѣли пораженіе при Оршѣ. Въ 1523 г. заключено перемиріе съ Россіею, а въ 1525 году Альбрехтъ, сложивши съ себя званіе гросмейстера и принявши лютеранство, присягнулъ Сигизмунду въ качествѣ князя прусскаго. Въ 1533 году, въ правленіе Елены Глинской, возобновилась война между Литвою и Московскимъ государствомъ и окончилась перемиріемъ, по которому за Россіей остается Смоленскъ. Кромѣ войнъ съ Москвою и съ Пруссіею Литва при Сигизмундѣ много терпѣла отъ нападеній крымцевъ; пограничная война съ Крымцами повела къ усиленію казачес-

ства, образовавшаяся еще раньше, а къ Сигизмундову опасности начинавшія сказываться окончательныя признаки войны въ Молдавіи. Все это заставляло Сигизмунда принимать мѣры для военнаго устройства края; изданіемъ постановленій о военной службѣ и подати на содержаніе войска началось правленіе Сигизмунда (1507 г.). При Сигизмундѣ въ Литвѣ возрастали права шляхты, утвержденныя статутомъ 1529 г. Что же касается до православія, то къ нему Сигизмундъ относился различно: въ Галиціи русское духовенство было подчинено католическому епископу, а въ Вильнѣ при немъ собирался православный соборъ въ 1509 г., а въ 1511 г. духовенство получаетъ привилей (грамоту), дающій ему разныя льготы. Вообще Сигизмундъ предоставлялъ Литвѣ большую автономію, и даже подъ конецъ своей жизни уступилъ правленіе надъ нею сыну своему Сигизмунду-Августу, который еще въ 1529 году признанъ былъ ея соправителемъ, а въ 1544 г. особымъ самостоятельнымъ великимъ княземъ. Въ этомъ поступкѣ Сигизмундъ руководствовался любовью къ своей второй женѣ, хитрой итальянкѣ Бонѣ, а частью желаніями Литвы. Старый Сигизмундъ умеръ въ 1548 году, и тогда снова правленіе надъ Литвою и Польшею соединилось въ однихъ рукахъ его слабаго, изнѣженнаго и развращеннаго дурнымъ воспитаніемъ, даннымъ ему матерью, сына. Въ началѣ правленія Сигизмунда-Августа казалось, что онъ будетъ особенно расположенъ къ Литвѣ: по смерти первой жены своей Елисаветы Австрійской онъ вступилъ въ тайный бракъ съ Варварою Радзивиллъ и успѣлъ, не смотря на сопротивленіе матери и пановъ, короновать ее въ Краковѣ (1550 г.). Хотя Варвара скоро померла (1551 г.), но вліяніе Радзивилловъ на Сигизмунда-Августа осталось сильнымъ. Подъ этимъ вліяніемъ началъ распространяться въ Литвѣ протестантизмъ, которому въ особенности сильно благопріятствовалъ Николай Радзивиллъ, владѣтель Олыки, устраивавшій собранія [illegible]

ся права для протестантовъ отъ короля. Распространенію протестантизма въ Литвѣ способствовало то, что многіе вельможи учились въ заграничныхъ университетахъ, а въ городахъ протестантизмъ развился главнымъ образомъ благодаря пришельцамъ-колонистамъ. Успѣхъ протестантизма былъ такъ великъ, что на Жмуди, гдѣ католицизмъ былъ принятъ насильственно, изъ нѣсколькихъ сотъ приходовъ вѣрными латинству остались только шесть; въ сеймѣ литовскомъ только два епископа - виленскій и жмудскій - сохранили католическую вѣру. Въ самой Вильнѣ появились протестантскія церкви. Такъ какъ проповѣдь протестантовъ шла преимущественно на польскомъ языкѣ, то протестантизмъ послужилъ для многихъ русскихъ ступенью къ усвоенію польскихъ обычаевъ и языка. Къ православію уже протестанты не возвращались, а обращались въ католицизмъ, когда въ Литвѣ въ 1569 г. появились іезуиты. Протестанты спорили между собой, враждовали, а между тѣмъ папа началъ высылать нунціевъ - людей, которые съумѣли овладѣть совѣстью короля и вооружить его противъ нововводителей. Вообще быстрые успѣхи протестантовъ не имѣли подъ собой твердой почвы: раціоналистическое ученіе не удовлетворяло религіозному чувству, было слишкомъ холодно; на этомъ основаны успѣхи іезуитовъ. Волнуя умы въ Польшѣ и Литвѣ, протестантство принесло болѣе существенное измѣненіе въ сосѣдней Ливоніи: подъ его вліяніемъ окончательно разложился дряхлѣющій орденъ. Его упадкомъ возгнамѣрившійся воспользоваться царь Иванъ Васильевичъ и началъ Ливонскую войну (1557 г.) Магистръ ордена Фюрстенбергъ вступилъ въ переговоры съ королемъ польскимъ, которые окончились его преемникомъ Кетлеромъ, успѣвшимъ, не смотря на сопротивленіе пановъ литовскихъ, при пособіи польскихъ пановъ, заключить договоръ, которымъ Ливонія отдавалась въ покровительство польскаго короля (1559 г.), но когда Россія, не смотря на посредничество Сигизмунда-Августа, не оставляла Ливоніи, Лифляндія окончательно подчинилась Польшѣ съ условіемъ, что Курляндія оста-

было наслѣдственное владѣніе Кетлера (1561 г.). Тогда Польша изъ-за Лифляндіи начала войну съ Россіею и Швеціею; въ эту войну русскими взятъ Полоцкъ (1563 г.), и только въ 1570 г. заключено перемиріе. Внѣшняя опасность снова заставила громче заговорить о тѣсномъ соединеніи обоихъ государствъ; къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: Сигизмундъ былъ бездѣтенъ, съ нимъ прекращалась династія Ягеллоновъ, и Литовцы могли выбрать великаго князя со стороны (было предположеніе выбрать московскаго государя); начались переговоры и тянулись почти 10 лѣтъ; для того, чтобы подвинуть дѣло, принимались разныя мѣры: король потребовалъ отъ пановъ ¼ доходовъ, на что имѣлъ право въ случаѣ нужды; этимъ думали ослабить аристократію[1]; но въ Литвѣ эта мѣра была новостью при существованіи большихъ пановъ и плохо принималась; важнымъ шагомъ къ соединенію былъ также статутъ 1566 г., утвердившій шляхетскія права. Наконецъ, король рѣшился подарить Литву Польшѣ, какъ свое наслѣдственное владѣніе; но для осуществленія этой мѣры надо было употребить силу, на что не рѣшились; предпочли добиться согласія и созвали сеймъ въ Люблинѣ. На этомъ сеймѣ, продолжавшемся съ 10 Января по 1 Іюля 1569 г., согласіе было достигнуто только тѣмъ, что поссорили русскихъ вельможъ съ литовскими; унія Люблинская есть дѣло [illegible] и [illegible]. Ея главныя постановленія заключаются въ томъ, что у обоихъ государствъ одинъ государь, одинъ сеймъ, общая монета, одинаковыя обязанности; оба государства должны вмѣстѣ охранять предѣлы; Литвины въ Польшѣ и Поляки въ Литвѣ пользуются одинаковыми правами. Послѣ Люблинскаго акта соединеніе уже не расторгалось до паденія Польши, и въ 1572 году, по смерти Сигизмунда-Августа, оба государства выбрали одного государя — Генриха Валуа.

Литовское государство въ эпоху своего наибольшаго распространенія обнимало собою <u>Бѣлую Русь</u> (бывшія княжества: полоцкое, минское и часть смоленскаго), <u>Украйну</u> или Малую Русь (княжества: кіевское, черниговское и часть сѣверскаго), <u>Полѣсье</u>, вдоль р. Припяти, <u>Черную Русь</u> (вост. уѣзды Гродненской губ.

1) [illegible] дворянству [illegible] общинное [illegible]; и т. д.

и состоящіе Минской), Подляхію, западную часть Гродненской губерніи, страну древнихъ Ятвяговъ; Литву (главнымъ образомъ Виленская губ.), Жмудь (Ковенская губ.); Волынь и Подолія были землями спорными между Литвою и Польшею, а Галиція принадлежала Польшѣ съ Казиміра III. — Въ Литовскомъ государствѣ въ эпоху его самостоятельности господствуютъ русскія начала; но со времени перваго соединенія съ Польшей начинается борьба между русскими и польскими началами. Въ наслѣдство отъ Руси Литва получила родъ удѣльныхъ князей, вѣчевое устройство городовъ, единство города и земли; Польша принесла въ нее понятіе шляхетскаго равенства, магдебургское право городовъ, прикрѣпленіе крестьянъ. Въ началѣ Литва была совершенно русскою, а собственно Литовскій элементъ не имѣлъ никакого значенія, ибо, завоевавъ русскія земли, литовскіе князья переняли русскіе порядки, заговорили по русски, что объясняется превосходствомъ русской гражданственности, постояннымъ сожительствомъ обоихъ племенъ и частыми браками литовскихъ князей съ русскими княжнами; къ тому же, не соблюдая русскихъ порядковъ, литовскіе князья не могли мирно владычествовать въ русскихъ областяхъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, въ государственномъ строѣ Литвы замѣчаются новыя, сравнительно съ древнею Русью, черты: воинственный характеръ — отличительная черта литовскаго государства — не могъ остаться безъ вліянія на его создающійся строй. Воинственный характеръ варяжскаго общества не походилъ на него и потому уже, что дружина варяжскихъ князей, обогащавшаяся больше военною добычею, довольствовалась только княжескими доходами съ земли; земщина оставалась при своихъ правахъ: община владѣла землею, волость ставила временныхъ вождей, земли управлялись своими вѣчами. Эта противоположность земщины и дружины не могла вполнѣ удержаться въ Литовскомъ государствѣ, которому пришлось вести войну оборонительную, тогда какъ варяжская дружина вела войну наступательную. Къ тому же варяжская дружина застала разрозненныя племена, оставшіяся имъ чуж-

по своему, не вмѣшиваясь во ихъ внутреннее управленіе, и только довольствуясь данью: собственность личная, а не общинная едва ли только и зарождается въ эпоху данническую. Иное положеніе занимаетъ литовское государство: оно застаетъ на совершившимся связь дружины съ земщиной, когда дружина съ упроченіемъ княжескихъ линій также усиливается и болѣе или менѣе вбираетъ земледѣльческій элементъ. Литовскіе князья пользуются этимъ элементомъ и стараются, въ виду военныхъ потребностей, увеличить число землевладѣльцевъ, раздавая земли съ обязанностью военной службы. Военный характеръ государства повелъ къ другому еще болѣе важному измѣненію быта на Руси, завоеванной литовскими князьями: когда литовскій князь подчинялъ себѣ русскихъ, не оставляя за ними власть и удѣлы, требовалъ съ нихъ дани и военной службы; на тѣхъ же основаніяхъ раздавались удѣлы и потомству Гедимина; а также и другимъ князьямъ (въ родѣ Ольшанскихъ, непринадлежавшихъ ни къ Рюрикову, ни къ Гедиминову дому). Само собою разумѣется, что не вся Русь литовская была подѣлена между удѣльными князьями, а оставалось много земель, не входившихъ въ составъ удѣльныхъ владѣній (отчинъ); изъ нихъ иныя раздавались такимъ князьямъ, въ другихъ самихъ болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ подъ непосредственною властью великаго князя; точно также и города были и подъ властью князей и отдѣльные отъ нихъ; въ иныхъ городахъ, если и были князья, то съ характеромъ намѣстниковъ (какихъ ставили московскіе князья и во Псковѣ). Такъ было, кажется, въ Кіевѣ (до 1471 г.). Князья, обязанные службою и данью, пользуются въ своихъ владѣніяхъ большими правами: писались они „Божіею милостью“, выдавали отъ себя жалованныя грамоты монастырямъ, управамъ, боярамъ, имѣли свои дворы; у нихъ упоминаются намѣстники, тіуны и т. д. Во внутренніе распорядки этихъ волостей князья не вступались. Посредствомъ частныхъ сдѣлокъ (главнымъ образомъ браковъ) эти владѣнія могли переходить и къ родамъ не княжескимъ,

тѣмъ болѣе, что въ языческой Литвѣ было нѣсколько вліятельныхъ родовъ не княжескаго происхожденія. Само правительство не рѣдко на тѣхъ же условіяхъ раздавало земли и вотчину панамъ и земянамъ (шляхтѣ). Изъ этихъ вотчинниковъ составилась рада (совѣтъ) литовская, а всѣ они вмѣстѣ получили наименованіе паны-рады (или радные). Рада выбирала великихъ князей, великіе князья во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ спрашивали раду. Такимъ образомъ паны-рады, богатые землевладѣльцы, составляли высшую правительственную власть въ Литвѣ. Властные этого паны-рады нисколько не хотѣли дѣлиться съ остальною шляхтою, какъ это вводили государи по образцу польскому. „Сеймики говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ Ветескій, — отбываются иначе, чѣмъ у васъ, господа: тамъ покажутъ на сеймикѣ только воевода, староста и хорунжій, напишутъ, что вздумаютъ, и пошлютъ и земянину на домъ, чтобы подписалъ; если онъ не подпишетъ, то его отдуютъ палками." Понятно, что изъ всѣхъ вводимыхъ измѣненій, которыя приравнивали бы Литву къ Польшѣ, удерживались только тѣ, которыя были въ интересѣ высшаго класса; таковы были должности (уряды), по образцу польскому, пожизненныя: гетманъ, канцлеръ, подканцлерій, воевода, староста, каштелянъ и т. д. Права и отношенія сословій опредѣлялись въ Литовскомъ государствѣ (до изданія статутовъ) цѣлымъ рядомъ законодательныхъ памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ привилеевъ. Эти привилеи давались или всему великому княжеству (земскіе) или отдѣльнымъ областямъ, городамъ, духовенству и нѣкоторымъ частямъ населенія (евреямъ, татарамъ). Всѣ эти акты имѣютъ главною цѣлью введеніе въ Литву польскихъ порядковъ; не рѣдкій случай повторенія ихъ служитъ признакомъ ихъ неустойчивости. Рядомъ съ общими земскими привилеями въ государствѣ Литовскомъ области получали свои отдѣльныя привилеи, изъ кото-

рыхъ войнъ, какъ росло значеніе высшаго сословія, какъ вырабатывалась и высшая шляхта и бояре [illegible] въ [illegible] мѣстахъ до уравненія въ правахъ, или по крайней мѣрѣ стремилась къ этому. Шляхта прежде всего стремилась оградить свою личность отъ посягательства со стороны власти; и это достигнуто обѣщаніемъ короля никого не наказывать безъ суда (напр. въ Кіевскомъ привилеѣ 1507 г.), не подвергать наказанію невинныхъ, жену и дѣтей и не конфисковать имѣній (полоцкій привилей 1511 г.), а также не сажать въ тюрьму по подозрѣнію. За обезпеченіемъ личности слѣдовало обезпеченіе собственности (тотъ же кіевскій, витебскій 1503 г., полоцкій 1511 г.), [illegible] за [illegible] отъ [illegible]; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно стремленіе обратить въ родовыя имѣнія и пожалованныя (выслуги), что также въ значительной степени подтверждалось привилеями, и прямо на основаніи [illegible] имѣнія [illegible], когда нѣтъ ни одного родственника (кіевскій). Относительно королевскихъ урядниковъ шляхта стремилась поставить себя въ особое положеніе: по кіевскому [illegible] можетъ быть наказанъ только по конфирмаціи королевской, — по волынскому — урядники королевскіе не имѣли ни посадить въ тюрьму князя, пана, ни земянина, ни наказать его, а должны были относиться о томъ королю. Стремилась также шляхта [illegible] становиться въ господствующее положеніе: по волынскому привилею [illegible] ([illegible]) [illegible] панскаго [illegible] воевода не можетъ послать дѣцкаго (судебный служитель) за этимъ слугою; по полоцкому привилею бояре (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бояре долго сохраняли значеніе высшаго сословія, въ другихъ же слово начало обозначать слугъ: путные, панцырные бояре) судятъ своихъ слугъ [illegible]

въ городъ. Сверхъ того налоги [illegible] села освобожда-
лись отъ многихъ повинностей, далѣе подымная [illegible]
[illegible] доставались землевладѣльцу, а
не въ казну. Такъ мало по малу установил-
ся въ Литвѣ крѣпостное право и утверждается
статутами 1566 года. Влiянiе Польши на Литву
не ограничилось созданiемъ шляхты; оно прон-
икло и на города, въ которые введено было
нѣмецкое право и тѣмъ городъ отдѣлялся
отъ земли. Въ Руси Кiевской городъ былъ средото-
чiемъ волости, которая составляла его пригородъ
и которая обязана была его охранять. Жители
города не отдѣлялись отъ [illegible] и въ до-
машнихъ городскихъ распорядкахъ всѣхъ собирались
люди всѣхъ разрядовъ и по старому обычаю по-
становляли единогласное рѣшенiе; младшiе города
зависѣли отъ старшихъ. Такъ по обычаю опре-
дѣлялось положенiе города къ землѣ: городъ съ
землею составлялъ одно цѣлое, и въ этомъ смыс-
лѣ можно сказать, что города въ позднѣйшемъ
смыслѣ этого слова не знала древняя Русь. Кромѣ
этого различался уѣздъ, гдѣ главною формою
землевладѣнiя была община, что частныя зем-
ли были населены рабами и закупами (т. е.
людьми вѣчно или временно невольными); вся-
кая же служба постоянно отправлялась кня-
жескою дружиною и временными [illegible], кото-
рымъ ставила земля. Такимъ образомъ вся
земля равно несла эту повинность. Съ появле-
нiемъ Литовскихъ князей порядокъ этотъ былъ
нарушенъ: государство получило военный характеръ,
отсюда раздача земель подъ условiемъ военной служ-
бы съ изъятiемъ ихъ изъ [illegible] и обращенiемъ въ
вотчинную. Далѣе отношенiя старыхъ удѣльныхъ кня-
зей, еще оставшихся на мѣстахъ по городамъ, въ которыхъ
они сидѣли, и земли, „тянущей" къ городамъ измѣнились:
вмѣсто [illegible] былъ военный господинъ, находившiйся
въ прямыхъ непосредственныхъ отношенiяхъ къ землѣ
и, по старому обычаю, [illegible] были или менѣе въ [illegible]
[illegible] въ случаѣ надобности земля могла „ему пома-
гать путь", а теперь она становилась въ служебное

относились къ другому государю, опиравшемуся не на ту или другую волость, а на свою военную силу. Слѣдовательно значеніе дружины падаетъ для самаго князя; и на первый планъ выступаетъ его отношеніе къ народившемуся государству. Прежде земля считалась принадлежащею общинамъ, которая считаетъ себя обязанною вознаграждать князя ратными повинностями за охрану земли; теперь князья стали смотрѣть на землю какъ на собственность и раздавать ее въ помѣстья и вотчины. Эти перемѣны, порожденныя строемъ литовскаго государства, еще усиливаются введеніемъ нѣмецкаго права.

Результатомъ его по мѣткому замѣчанію М. Ф. Владимірскаго-Буданова „было обособленіе земскаго сословія въ шляхетское. Сравнивая результаты городскаго права въ ея отечествѣ — Германіи съ результатами примѣненія его въ польско-литовскихъ государствахъ, можетъ изслѣдователь замѣтить: „какъ тамъ городское право явилось для того, чтобы смягчить рѣзкое раздѣленіе землевладѣльческаго и не-землевладѣльческаго сословій, и въ городскихъ общинахъ приготовить нейтральную почву для примиренія ихъ, такъ и здѣсь это же самое право внесло послѣднюю рознь въ народъ, потому что до сихъ поръ было чуждо. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Полоцкѣ, введеніе Магдебургскаго права встрѣтило затрудненія: бояре и мѣщане выдѣлились изъ городскаго сословія.“ Сверхъ того надъ литовскимъ владычествомъ усилился въ народѣ чуждый элементъ, — въ особенности евреи, которые захватили всю торговлю, пользуясь привилегіями, дарованными имъ великими князьями, начиная съ Витовта. „Въ эту страну, говоритъ въ XVI в. литвинъ Михалонъ, собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и др. плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого, кромѣ обмана и клеветы.“ Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй государства литовскаго въ эпоху соединенія съ Польшею.

Іоаннъ III Васильевичъ (1462–1505.)

Личность Іоанна III. Личность Іоанна III по чрезвы-

предвидѣть [illegible], то [illegible] умолчаніе; первую точку зрѣнія мы видимъ у Карамзина, вторую у Соловьева.

Карамзинъ сравниваетъ Іоанна III съ Петромъ Великимъ и отдаетъ предпочтеніе первому предъ вторымъ. Къ этому выводу Карамзинъ пришелъ не сразу. Въ молодости онъ высоко ставилъ дѣятельность Петра В. Во время поѣздки за границу Карамзинъ слушалъ лекціи Левека о Петрѣ. Л. приписываетъ Петру лишь одну подражательность. Карамзинъ очень возсталъ противъ Левека и высказалъ совершенно противоположное мнѣніе, но послѣ довольно быстро измѣнилъ свое мнѣніе относительно Петра В., а что у Карамзина было свое основаніе: [illegible] было, что начинать подражать западу, начинать [illegible] [illegible], навязывать ей не [illegible] обдуманныя учрежденія, бытъ и пр. Исторія Карамзина преимущественно книга поучительная; назначеніе ея — служить своему времени, указывать лицамъ государственнымъ совѣты и наставленія подъ видомъ разсказовъ о прошлыхъ временахъ; поэтому Карамзинъ и поставилъ въ своей исторіи торжественный панегирикъ Іоанну III. Далѣе, для передачи историческихъ событій Карамзину нужна была связь; такою связью послужило ему описаніе развитія самодержавія въ Россіи; Іоаннъ III способствовалъ этому развитію самодержавія; слѣдов. матеріалъ для характеристики дѣятельности Іоанна III есть, Карамзинъ и пользуется имъ, но какъ! Карамзинъ не историкъ только, но и поэтъ. Отдавая свой поэтическій талантъ, Карамзинъ, при извѣстной долѣ правды въ изображеніи личности Іоанна III, не могъ не преувеличить ея.

Вотъ какъ онъ обрисовываетъ характеръ Іоанна III: „Іоаннъ ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами"... Эта обрисовка вѣрна, но значеніе, которое Карамзинъ придаетъ Іоанну III преувеличено. Такъ, онъ говоритъ: „посольства византійскаго спѣшатъ ко всѣмъ великимъ дворамъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ." Дѣйствительно, при Іоаннѣ III завязались сношенія съ запад. Европой, но только не было такой лихорадочности въ сношеніяхъ, какая казалась Карамзину. Наконецъ, у Іоанна III

Карамзинъ видитъ тѣже задачи, которыя преслѣдовалъ Петръ I, тѣже заботы о государственномъ могуществѣ, о просвѣщеніи, что были у Петра В., но, по мнѣнію Карамзина Іоаннъ III старался вводить только то, что было нужно для Россіи, не насиловалъ русской жизни; поэтому Карамзинъ, приходя въ восторгъ отъ дѣятельности Іоанна III, ставитъ его выше всѣхъ русскихъ государей.

При объясненіи событій русской исторіи С. М. Соловьевъ руководствуется своимъ любимымъ мнѣніемъ: все движется въ исторіи естественнымъ ходомъ, и настоящія [illegible] семя послѣдствій прошлаго, исторія человѣчества, какъ бы мало не измѣнялась, всегда представляетъ собою органическій ходъ явленій и вызываетъ органическія событія. Иначе быть не можетъ. Все, что будетъ происходить, имѣетъ уже корни въ прошедшемъ, разумѣется въ общемъ ходѣ событій, а не въ частностяхъ. Вслѣдствіе этой точки зрѣнія, Соловьевъ уничтожаетъ дѣленіе исторіи на періоды (для него нѣтъ отдѣльныхъ періодовъ — удѣльнаго, татарскаго и др.), чтобы не потерять связи между фактами и событіями. Это — исходная точка зрѣнія Соловьева. Понятно, что и личность Іоанна III Соловьевъ старается поставить въ ряду съ другими, связать дѣятельность его съ дѣятельностью предковъ. Исторію Іоанна III Соловьевъ начинаетъ любимымъ своимъ пріемомъ — сравненіемъ длиннаго ряда предковъ, предшественниковъ, собиравшихъ земли, копившихъ, трудившихся; [illegible] послѣднимъ звеномъ купцовъ-скопидомовъ, пускавшихъ въ широкіе обороты и предпріятія; люди славные пользуются ихъ дѣятельностью, даже всѣ тѣ люди, которые раньше дѣйствовали около, тихо, приготовляли средства для выполненія того, что дѣлаетъ наслѣдникъ, остаются неизвѣстными. Іоаннъ III, по Соловьеву, самый настоящій типъ купцовъ-скопидомовъ. Вотъ эта точка зрѣнія, которой держится Соловьевъ при изложеніи исторіи Іоанна III. Она представляетъ собою нѣчто иное, сравнительно съ точкой зрѣнія Карамзина. Послѣдній ставитъ Іоанна III выше всѣхъ государей русскихъ, даже Петра В.; Соловьевъ говоритъ, что существуетъ тѣсная связь между Іоанномъ III и предками, что Іоаннъ III — дитя времени, слишкомъ узко ставитъ значеніе [illegible]

Іоанна III.

Есть еще точка зрѣнія на личность Іоанна III. [illegible] въ своихъ [illegible] обвиняетъ Іоанна III въ нарушеніи политики русскихъ князей и преимущественно въ литовскихъ вопросахъ; но мнѣ не кажется, что Ивановъ [illegible], выполняя такія задачи, требуя такихъ условій отъ Іоанна III, какихъ онъ не могъ выполнить по своему положенію.

[illegible] съ одной изъ этихъ оцѣнокъ личности Іоанна III вполнѣ согласиться нельзя. Мы уже привыкли къ [illegible] отраслямъ, которыя обнаруживаютъ [illegible], получая болѣе тѣсныя воззрѣнія на событія, чѣмъ онѣ; поэтому [illegible] къ этимъ событіямъ спокойно, опредѣлить то мѣсто, которое они занимаютъ въ общемъ ходѣ исторіи. Мнѣ кажется, что не правъ и Соловьевъ, говоря, что Іоаннъ Васильевичъ III выполнилъ только тѣ задачи, которыя завѣщаны ему предками, — задачи старыя. Если у Іоанна III есть старыя задачи, завѣщанныя ему предками, то есть и новыя несомнѣнно; часть [illegible] онъ выполнилъ самъ, другая часть составила задачу будущаго времени. Искони [illegible] начинается [illegible] отношеній къ сосѣдямъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ до него; онъ первый заявилъ такія притязанія, которыя осуществлены были только въ XVIII в. Слѣдов., только тогда мы нарисуемъ себѣ приблизительно вѣрный ликъ, портретъ Іоанна III, когда отдѣлимъ старыя задачи, окончательно исполненныя имъ, отъ новыхъ, поставленныхъ имъ же. Вотъ почему, мнѣ кажется, надо разобрать не только отдѣльныя группы событій, совершившіяся при Іоаннѣ III, но и то, что имъ начертано и завѣщано будущему времени; чтобы представить, въ чемъ состояла связь его съ предшественниками, и чѣмъ онъ отличался отъ этого прошлаго. Потому, какъ ни были [illegible] [illegible] московскихъ князей, по вѣрному выраженію С. М. Соловьева, какъ ни мало они разнились между собой, нельзя однакоже сказать, чтобы между ними не было положительно никакой разницы. Стоитъ только сравнить Димитрія Донского съ Іоанномъ III. Первый въ Куликовской битвѣ рѣшается поставить на карту все, тогда какъ при покореніи напр. Новгорода войну у него чрезвычайно осторожно: „сидитъ

случая, выбирать время", какъ говоритъ Карамзинъ. Не даромъ и Молдавскій господарь Стефанъ говоритъ про Іоанна III: „сватъ мой сидитъ на печкѣ и дѣлаетъ всякія дѣла." И дѣйствительно, Іоаннъ зналъ, когда, куда и кого послать, а самъ не двигался. Онъ умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами и шелъ медленно, но вѣрно и неуклонно шелъ къ достиженію своихъ цѣлей. Онъ навѣрно зналъ, что дѣлалъ. Выжидая, высматривая, онъ не вдругъ наносилъ ударъ своему противнику, онъ какъ бы предоставлялъ послѣднему подчиниться ему по своей волѣ. Въ то время, когда всѣмъ казалось, что дѣло кончено, Іоаннъ еще не рѣшился его кончить, выжидая болѣе удобнаго случая. Новгородъ уже лежалъ у его ногъ, а Іоаннъ все еще не торопился покорить его. Татары явно уже трусили, боялись Іоанна, и Іоаннъ, когда дѣло дошло до рѣшительной битвы на берегахъ Угры, все выжидалъ, не смотря на всѣ совѣты напасть на татаръ первымъ. Но за то, держась такой политики, Іоаннъ уже ни разу не промахнулся; откладывая какое либо дѣло, занимавшее его, онъ не упускалъ его изъ виду и во свое время достигалъ цѣли.

Замѣчаніе С. М. Соловьева, что Іоаннъ III былъ <u>послѣдній вотчинникъ и первый государь</u>, очень вѣрно. Иначе и быть не могло: самыя великія историческія явленія, тѣсно связанныя съ прошедшимъ, являются его законнымъ продолженіемъ; поэтому замѣчаніе Соловьева, что Іоанну такъ дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ, мудрено было, потому что у него все было готово, совершенно вѣрно; но онъ (Соловьевъ) забываетъ, что почти ни одного великаго дѣйствія безъ медленной подготовки, что всѣ историческія явленія слагаются постепенно, не вдругъ, а изъ разныхъ подготовленныхъ матеріаловъ. Но и простой смертный, однако, не всегда подмѣчаетъ эту подготовку. Вотъ почему тѣхъ людей, которые умѣютъ воспользоваться въ данную минуту силами общества, мы называемъ великими. (Въ этомъ-то значеніи и Іоаннъ III Васильевичъ великъ. Но въ чемъ же проявилось его величіе? Что сдѣлалъ онъ? Къ рѣшительнымъ какимъ

задачѣ стремился онъ!

Покореніе Новгорода. Въ началѣ княженія вниманіе Іоанна III сосредоточено было на Новгородѣ. Въ отношеніи Іоанна III къ Новгороду высказывалась политика старыхъ московскихъ князей: онъ медлилъ, выжидалъ случая наложить свою руку на Новгородъ, и случай этотъ скоро представился. Въ Новгородѣ шла борьба двухъ партій, побѣдила вотъ по какому обстоятельству. Василій Темный разсердился на Новгородцевъ за то, что они укрывали у себя отлученнаго отъ церкви врага его, Димитрія Шемяку, и нанесъ Новгороду пораженіе въ 1456 г. Результатомъ этого пораженія былъ Яжелбицкій договоръ, по которому Новгородцы обязались: 1, не раздавать на вѣчѣ грамотъ безъ великаго князя, или его намѣстника; 2, печать имѣть великаго князя и 3, не принимать къ себѣ враговъ Москвы. Новгородцы были недовольны этимъ договоромъ и искали случая избавиться отъ него. Новгородскія партіи; ихъ было двѣ: одна — низшіе слои населенія — стояла на сторонѣ московскихъ князей, другая — знатная — на сторонѣ литовскихъ: въ союзѣ съ Литвою эта партія надѣялась удержать самостоятельность Новгородскую. Но Литва считалась страною не православною, и союзъ съ нею грозилъ опасностью для православной церкви; поэтому сторонники Москвы имѣли больше преимуществъ на своей сторонѣ. Въ Новгородѣ ожидали бѣды: Іоаннъ Васильевичъ и слышать не хотѣлъ, чтобы Новгородцы, вопреки договору, заключили союзъ, съ кѣмъ имъ угодно.

Во главѣ партіи литовской стояли Борецкіе: вдова умершаго посадника — Исака и мать его — Марфа, извѣстная подъ именемъ „посадницы", „женщина съ энергическимъ характеромъ, имѣвшая большое вліяніе надъ другими и заправлявшая всѣмъ" (Соловьевъ). Марфа, по свидѣтельству лѣтописи, имѣла въ Новгородѣ свой дворъ, на которомъ собирались представители партіи литовской, стремившіеся тѣснѣе соединить Новгородъ съ Литвою.

Много было толковъ по поводу того, какое значеніе могла имѣть Марфа въ Новгородѣ. Нѣкоторые ученые, разсматривая нашу древнюю жизнь, утверждали, что Марфа, какъ женщина, изъ терема

не выходила и, слѣдовательно, имѣть политическаго значенія не могла, такъ что фактъ упоминанія лѣтописцами Марфы на первомъ планѣ кажется нѣкоторымъ страннымъ. Мнѣ же кажется, что тутъ ничего страннаго нѣтъ. Дѣло объясняется чрезвычайно просто: у насъ большая разница между женщиной-женой и женщиной-вдовой. Вдова, оставшаяся съ дѣтьми, лицо самостоятельное, и примѣръ этой самостоятельной женщины-вдовы мы видимъ въ былинѣ „о Васькѣ Буслаевичѣ" въ лицѣ его матери, „матерой вдовы Мамелфы Тимофеевны". Женщина-вдова имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ. Борецкіе были богаты, и поэтому было богатство Марфы одною изъ причинъ ея вліянія въ Новгородѣ. Далѣе извѣстно, что русскіе князья, умирая, завѣщали своимъ дѣтямъ, чтобы они слушались своей матери. Обычай этотъ — давать завѣщанія дѣтямъ — былъ распространенъ на Руси. У Марфы были сыновья; одинъ изъ нихъ былъ посадникомъ; слѣдовательно, она могла имѣть политическое значеніе въ Новгородѣ чрезъ своихъ сыновей, не выходившихъ изъ ея повиновенія. Итакъ, вліяніе Марфы на политическія дѣла Новгорода несомнѣнно.

Подъ вліяніемъ литовской партіи начали оскорблять великокняжескихъ намѣстниковъ, уничтожать пошлины, слѣдуемыя великому князю, дѣлались нападенія на владѣнія великокняжескія. Обо всемъ этомъ доходитъ слухъ до Іоанна Васильевича, но онъ все не принимаетъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Новгорода.

Однажды пріѣхалъ въ Москву новгородскій посадникъ Ананій по дѣламъ новгородскимъ и, когда бояре спрашивали, не имѣетъ ли онъ что-нибудь сказать по поводу жалобъ Новгорода, отвѣчалъ, что не имѣетъ на это никакого порученія. Бояре донесли объ этомъ великому князю, и великій князь былъ очень оскорбленъ такимъ отвѣтомъ Ананія. Послѣдній уѣхалъ изъ Москвы.

Въ Новгородѣ умеръ владыка Іона; нужно было выбирать преемника. Претендентовъ было два: Өеофилъ — сторонникъ партіи московской.

и Пименъ, сторонникъ партіи литовской. Послѣдній, пользуясь тѣмъ, что завѣдывалъ богатою казною Св. Софіи, далъ большую денежную сумму для увеличенія партіи литовской; но не смотря на это, онъ не достигъ цѣли: по обычаю Новгородскому положили жребіи на престолъ Св. Софіи, и жребіемъ былъ выбранъ въ архіепископы Феофилъ. Новгородцы послали [illegible] опасной грамоты для новаго владыки; Іоаннъ III согласился дать эту грамоту.

Въ это же время пріѣхали послы псковскіе съ извѣстіемъ, что великій князь поднимаетъ Псковъ противъ Новгорода. Все это происходило въ 1470 году. Новгородцы, получивъ извѣстія съ одной стороны о томъ, что Іоаннъ III даетъ опасную грамоту новому владыкѣ, а съ другой, что поднимаетъ Псковичей противъ нихъ, взволновались. Торжествуетъ партія литовская; начинается открытое возстаніе противъ великаго князя; но бороться домашними силами съ великимъ княземъ трудно. Новгородъ заключаетъ договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ, Казиміромъ. По этому договору Новгородцы считались подданными Казиміра; Казиміръ обязался оставить ненарушимымъ весь изстари бытъ и защищать отъ великаго князя московскаго; далѣе, въ этомъ договорѣ сказывается преобладаніе аристократіи новгородской: „а смерду и холопу, ты, честный король, вѣры не яти". Но надежды Новгородцевъ не оправдались; Казиміръ не могъ оказать имъ помощи, ему было не до Новгорода и вообще не до востока: онъ занятъ былъ своими дѣлами внутри государства между Польшею и Литвою, внѣ — дѣлами Австріи, Богеміи и Венгріи. Іоаннъ III воспользовался всѣмъ этимъ; онъ явился тутъ продолжателемъ политики князей московскихъ: случай для покоренія Новгорода удобенъ, и Іоаннъ не упускаетъ его. Онъ объявляетъ въ 1471 году походъ противъ Новгородцевъ — походъ торжественный, по крайней мѣрѣ всѣ присутствующіе въ немъ напоминаютъ такого рода походъ: Іоаннъ идетъ [illegible] московскій [illegible]

щалъ, принималъ благословеніе отъ митрополита; однимъ словомъ — показывалъ видъ, что идетъ противъ Новгородцевъ потому, что они, заключивъ договоръ съ Литвою, страною католическою, какъ бы отступили отъ вѣры православной. Все это указывало какъ на нѣчто необыкновенное и вмѣстѣ съ тѣмъ придавало больше силы предпринимаемой Іоанномъ борьбѣ.

Новгородъ лежалъ за болотами, дорога была неудобная; но въ 1471 году лѣто выпало сухое, дорога сдѣлалась удобною, потому что болота высохли; все это выставлено было за чудо: Богъ далъ два похода хорошіе бывши, походъ совершился благополучно. Двѣ рати двинулись на Новгородъ: одна къ самому Новгороду, другая въ землю Двинскую. Въ одинъ день на берегахъ Шелони и въ землѣ Двинской Новгородцы понесли пораженіе, которое они объясняли тѣмъ, что ихъ владыка не участвовалъ въ сраженіи. Кромѣ того Новгородцы въ этомъ году потерпѣли несчастіе: буря потопила много судовъ на Ильменъ-озерѣ. Въ битвѣ на Шелони взятъ былъ въ плѣнъ посадникъ Борецкій, одинъ изъ сыновей Марѳы, и, по приказанію Іоанна, казненъ. Не смотря на эти удары, литовская партія чувствовала себя еще сильною и приготовлялась къ защитѣ; но когда вздорожалъ хлѣбъ, то простой народъ поднялся на вечниковъ, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ; вслѣдствіе этого владыка Ѳеофилъ съ знатными людьми поѣхалъ въ станъ бить челомъ Іоанну. Заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1, Новгородцы должны уплатить 15,500 руб.; 2, не заключать впредь договора съ Литвой; 3, не принимать оттуда князей; 4, владыкъ своихъ посылать на посвященіе въ Москву. Кромѣ этого Іоаннъ казнилъ нѣсколько лицъ и заточилъ Марѳу Борецкую.

Побѣдивъ Новгородцевъ, Іоаннъ III не измѣнилъ своей политикѣ. Въ этомъ обнаружилась снова его политическая осторожность и расчетливость: если бы онъ вдругъ высказалъ свои требованія, то могъ бы вызвать сильную и ожесточенную борьбу со стороны Новгородцевъ. Іоаннъ, по своему обыкновенію, началъ выжидать

только удобнаго случая для нанесенія окончательнаго удара вольницѣ Новгородской. Случай и тутъ не замедлилъ представиться. Въ Москву пришла жалоба на посадника Новгородскаго Ананія за то, что онъ съ нѣкоторыми боярами напалъ на враждебныхъ ему людей, пограбилъ ихъ и нѣсколько человѣкъ убилъ. Въ 1475 году Іоаннъ отправился въ Новгородъ, взявъ съ собою довольно значительную свиту. Новгородцы встрѣтили его торжественно. Іоаннъ выслушалъ жалобы Новгородскія, затѣмъ вызваны были на судъ виновные. Судъ производился по старому обычаю въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ. Подсудимые оказались виновными; по приказанію Іоанна, ихъ схватили и отправили въ Москву. Между подсудимыми былъ и Ананій; его также отправили въ Москву. Это показалось оскорбительнымъ для Новгородцевъ, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ тѣмъ, что они предлагали каждому своему князю, какъ условіе, что онъ князь не можетъ быть судимъ Новгородскимъ: не звать тягающихся изъ Новгорода въ свои владѣнія. Новгородцы просили, чтобы Іоаннъ не нарушалъ этого исконнаго обычая, но Іоаннъ не внялъ ихъ просьбѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Новгородѣ, онъ вернулся въ Москву. Многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; поэтому съ этого времени стали постоянно приходить Новгородскіе челобитчики въ Москву, гдѣ, по мнѣнію ихъ, великій князь производилъ правый судъ. Этимъ Новгородцы какъ бы приучались къ Московской власти. Іоаннъ видѣлъ, что теперь пришло время нанести послѣдній ударъ вольницѣ Новгородской. Однажды пріѣхали въ Москву два посла новгородскихъ и назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде Новгородцы называли великаго князя только господиномъ. Іоаннъ воспользовался этимъ случаемъ и тотчасъ послалъ спросить Новгородцевъ: на какомъ основаніи они называютъ его государемъ? какого хотятъ они государства? хотятъ ли, чтобы у нихъ былъ одинъ судъ государевъ? Новгородцы отвѣчали, что они ничего не хотятъ новаго, хотятъ, чтобы все оставалось по ста-

ринъ. Но Іоаннъ отвѣчалъ: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляютъ меня лжецомъ" и двинулъ полки на Новгородъ. Быстро двинулось войско московское къ Новгороду и обложило его; осада продолжалась недолго; въ Новгородѣ открылись заразительныя болѣзни, народъ умиралъ въ большомъ количествѣ. Не смотря на это, Новгородцы не сдавались; наконецъ, видя, что больше выдерживать осады не въ состояніи, отправили пословъ къ Іоанну; въ числѣ пословъ былъ и владыка Ѳеофилъ. Посольство спросило у Іоанна, какъ великій князь хочетъ жаловать свою отчину? — „Хотимъ государства въ Новгородѣ такого же, какое у насъ въ Москвѣ" отвѣчалъ Іоаннъ, „вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть и государство намъ держать." Новгородцы, подумавши, согласились и 15 Января 1478 года присягнули Іоанну, какъ самовластному государю: „привелъ Великій Новгородъ въ всю свою волю" — пишетъ Іоаннъ въ Москву. Такъ пала независимость Новгорода.

Новгородъ однако невдругъ могъ забыть свой прежній бытъ, здѣсь еще долго продолжались волненія. Въ 1480 году было волненіе, окончившееся казнью 100 знатныхъ бояръ; былъ сверженъ Ѳеофилъ за участіе въ волненіи; а послѣ 1000 Новгородцевъ было выселено въ разныя области, а взамѣну выселенныхъ было отправлено въ Новгородъ много семействъ изъ Московской области.

Покореніе Твери. Послѣднимъ Тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Борисовичъ. Онъ сначала дѣйствовалъ за одно съ великимъ княземъ московскимъ и затѣмъ завелъ сношенія съ Казиміромъ. Вѣсть объ этомъ дошла до Іоанна III: онъ рѣшился заставить тверского князя возстановить прежній договоръ (между Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ) въ 1485 г. По этому договору тверской князь обязался не вступать въ пріязненныя сношенія ни съ кѣмъ безъ вѣдома Московскаго великаго князя. Но обстоятельства снова заставили Михаила Борисовича завести сношенія

съ Литвою. Бояре тверскіе начали переѣзжать въ Москву на службу къ Іоанну, не могши сносить обидъ отъ него, потому что въ спорахъ за земли между Москвичами и Тверичами, если Москвичи обижали, то Тверичи не находили никакой защиты, если же Тверичи обижали, то Іоаннъ съ бранью и угрозами посылалъ къ Тверскому князю, отвѣчалъ его не вѣрнымъ. Во время сношеній Михаила Борисовича съ Литвою былъ перехваченъ гонецъ. Тогда Іоаннъ Васильевичъ отправилъ войско на Тверь, и въ 1485 г. многочисленное войско Московское подступило къ Твери, которая, послѣ непродолжительной 3-хъ дней осады сдалась и присягнула Іоанну; Михаилъ Борисовичъ во время осады ночью убѣжалъ въ Литву. Такъ пало Тверское княжество, прежде грозное и раздражавшее княжество Московское.

Покореніе Вятки. Вятка, колонія Новгородская, находилась по сосѣдству съ Новгородомъ. Противъ послѣдняго Вятка принимала участіе въ походѣ Іоанна III, но въ 1486 г. Вятчане отказались помочь Іоанну воевать съ Казанью, за что противъ нихъ въ 1489 г., подъ начальствомъ Даніила Щени и Григорія Морозова, было послано войско. Вятчане завели переговоры. Предводители Московскаго войска требовали выдачи виновниковъ въ непокорности Іоанну. Ихъ не выдали, и Вятка была осаждена; но она послѣ нѣкотораго сопротивленія должна была сдаться, потому что не могла бороться съ огромнымъ московскимъ войскомъ (60000). Послѣ сдачи ея главные зачинщики неповиновенія были казнены, лучшихъ людей выселили въ южныя области государства, гдѣ имъ дали помѣстья, а купцовъ поселили въ Дмитровѣ. Въ Вятку же было отправлено порядочно [illegible] изъ Московской области.

Присоединеніе удѣла Верейскаго. Въ предѣлахъ собственно Московскаго княжества былъ независимый удѣлъ Верейскій, которымъ владѣлъ князь Михаилъ, внукъ Димитрія Донского. Онъ во всемъ былъ покоренъ великому князю московскому.

Сынъ же, Василій, былъ женатъ на племянницѣ Іоанна; въ приданое ей великая княгиня Софія дала нѣкоторыя вещи, которыя понадобились Іоанну. Узнавши, что онѣ у жены Василія Верейскаго, Іоаннъ послалъ забрать приданое назадъ, при чемъ грозилъ посадить его вмѣстѣ съ женой въ тюрьму. Василій отказался сопротивляться и убѣжалъ въ Литву. Этого было достаточно для того, чтобы уничтожить самостоятельность Верейскаго удѣла: Іоаннъ за вину сына отобралъ удѣлъ у стараго князя Михаила и впослѣдствіи возвратилъ назадъ, но только въ пожизненное владѣніе: чтобы Михаилъ не передавалъ этого удѣла своему сыну.

<u>Отношеніе къ Пскову и Рязани.</u> Псковъ черезъ свою покорность Іоанну сохранилъ самостоятельность. Мы видѣли, что псковичи помогали Іоанну при покореніи Новгорода; но Псковъ доживалъ свои послѣдніе дни: онъ былъ слабъ; стоило только Іоанну наложить на него руку, и пала бы самостоятельность Пскова; но Іоаннъ не трогалъ его, оставляя до времени болѣе благопріятнаго.

<u>Великое княжество Рязанское</u> въ княженіе Іоанна III продолжало сохранять свою самостоятельность, хотя эта независимость была уже очень слабая. Въ 1456 году Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій, умирая, поручилъ своего малолѣтняго сына, Василія, великому князю московскому Василію Темному. Достигши зрѣлости, великій князь Рязанскій женился на сестрѣ Іоанна Васильевича III и отправился въ свой удѣлъ — Рязань. Почему же Іоаннъ III не воспользовался случаемъ, не присоединилъ къ своему княжеству Рязань? 1) Онъ не хотѣлъ возбуждать противъ себя враждебное населеніе княжества, особенно въ то время, когда нужны были ему силы для борьбы съ Новгородомъ, Тверью и др. 2) Онъ не могъ также нарушить порученія отца, не оскорбивъ памятное; 3) видѣлъ Іоаннъ, что Рязань не уйдетъ отъ него: теперь, какъ и всегда, были благопріятныя обстоятельства; слѣдовательно, не-

уничтоженiя Iоаннъ Васильевичъ самостоятель-
ность Рязани не потому, чтобы хотѣлъ поддер-
живать [illegible], вѣчевый строй, и вмѣ-
шатѣлъ [illegible] московскихъ князей, а пото-
му, что еще не пришло для этого время. Васи-
лiй Iоанновичъ Рязанскiй умеръ въ 1483 г., оста-
вивъ двухъ сыновей, Iоанна и Θеодора. Первый,
при вступленiи на великокняжескiй рязанскiй
столъ, заключилъ съ Iоанномъ III договоръ, по
которому призналъ себя младшимъ братомъ.
Этотъ фактъ указываетъ уже на новыя от-
ношенiя князей другъ къ другу: великiй князь ря-
занскiй считается младшимъ братомъ в[illegible]
[illegible] къ великому князю московскому. Θеодоръ,
умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ свой удѣлъ (часть
Рязанскаго княжества) дядѣ своему, великому кня-
зю московскому. Въ 1500 году умеръ и Iоаннъ Рязан-
скiй, оставивъ пятилѣтняго сына, Iоанна, подъ опе-
кою матери и бабки; эта бабка, великая княгиня
Анна, приходилась [illegible] брата своего Iоанна III.
<u>Отношенiе къ роднымъ братьямъ</u>: Юрiю Дми-
тровскому, Борису Волоцкому, Андрею Углицкому (большо-
му; Андрею меньшому). Сначала отношенiя Iоан-
на къ своимъ братьямъ были совершенно мирныя. Въ 1472 г.
умираетъ Юрiй, и удѣлъ его забираетъ Iоаннъ;
младшiе братья разсердились, но этотъ разъ дѣло
кончилось примиренiемъ. Iоаннъ сдѣлалъ уступку: от-
далъ нѣкоторыя волости имъ. Но потомъ неудоволь-
ствiя возобновились. Поводомъ къ неудовольствiю
было слѣдующее обстоятельство: князь Оболенскiй-Лы-
ко, находившiйся на службѣ у Iоанна, недовольный
великимъ княземъ, отъѣхалъ къ Борису Волоцкому.
Оболенскаго, по приказанiю Iоанна, схватили и въ
оковахъ отвезли въ Москву. Борисъ, [illegible],
жаловался на старшаго брата Андрею Углицкому,
и удѣльные князья рѣшились защищать свои пра-
ва. Собравши большое войско, они двинулись къ литов-
скимъ границамъ, чтобы удобнѣе было сноситься съ
Казимiромъ; войско же сильно опустошило русскiя
области, черезъ которыя проходило. Iоаннъ долженъ
былъ уступить братьямъ въ это время: онъ былъ

[illegible] войною съ татарами: нужно было много войскъ для борьбы съ ними, и потому [illegible] [illegible] Іоанна III, которая, [illegible] на отношенія между [illegible] отношеній, и они не отходили до кра[illegible] [illegible] своихъ на помощь крымскому хану, [illegible] договорамъ. [illegible]. Послѣдній [illegible] былъ схваченъ и отведенъ [illegible] [illegible] къ Москвѣ.

Бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ: вліяніе Софьи [illegible] имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшія явленія въ исторіи [illegible] княженія.

Іоаннъ III въ первый разъ былъ женатъ на великой княжнѣ, Маріи Борисовнѣ Тверской, умершей въ 1467 г.; отъ нея остался [illegible] Молодой, котораго Іоаннъ III, слѣдуя примѣру отца, назвалъ великимъ княземъ, такъ что грамоты писались [illegible] великихъ князей: Іоанна III и Іоанна Молодаго. Не прошло еще двухъ лѣтъ послѣ смерти Маріи Борисовны, какъ Іоаннъ III получаетъ предложеніе отъ папы Павла II вступить въ бракъ съ Софіею Ѳоминичной, племянницей послѣдняго византійскаго императора, Константина Палеолога, убитаго при взятіи Константинополя [illegible]. Ѳома, отецъ Софіи, братъ Константина, [illegible] Предложеніе папы было принято; въ 1472 г. Софья прибыла въ Москву и обвѣнчалась съ Іоанномъ, но [illegible] оправдались: онъ думалъ при помощи Софьи соединить русскую церковь съ Римомъ. [illegible] вмѣстѣ съ Софьею [illegible] русскаго [illegible] выставилъ противъ него [illegible]; а Софья [illegible]

и не думала благопріятствовать видамъ папы; ея дѣятельность была направлена на другое. Софія, привыкшая къ блеску византійскаго двора, не могла свыкнуться съ той простотой, которая царствовала во всей внѣшней княжеской обстановкѣ. Подъ вліяніемъ ея Іоаннъ III начинаетъ совершенно иначе обходиться съ боярами: онъ беретъ съ нихъ поручныя записи, вслѣдствіе чего они не могутъ отъ него отъѣзжать. Однимъ словомъ, боярамъ, прежнимъ свободнымъ дружинникамъ, явно дано было знать, что время прежнихъ простыхъ отношеній великаго князя къ нимъ прошло. Такія перемѣны не понравились боярамъ; они возненавидѣли Софію, виновницу перемѣнъ въ отношеніяхъ къ нимъ великаго князя. Объ этомъ вліяніи Софьи упоминаетъ и князь Курбскій; но ему вполнѣ вѣрить нельзя. Курбскій — врагъ Грознаго (онъ родъ послѣдняго называетъ кровопійственнымъ и убійственнымъ) часто увлекается. Главная причина его отъѣзда, какъ извѣстно, было желаніе съ одной стороны стать въ прежнія отношенія къ великому князю, а съ другой, — несогласіе Іоанна IV на возстановленіе стараго. Въ этомъ заключается и главная причина интригъ боярскихъ по вопросу о престолонаслѣдіи и вопросу религіозному въ княженіи Іоанна III. Ненавидя Софію за ея нововведенія и стараясь потому отстранить ее отъ Іоанна и тѣмъ не дать возможности сыну ея, Василію, наслѣдовать великокняжескій столъ — (Іоаннъ Молодой уже умеръ въ 1490 г.), бояре оклеветали Василія въ заговорѣ противъ отца, а Софью въ дурныхъ замыслахъ противъ мужа. Іоаннъ повѣрилъ клеветѣ, удалилъ отъ себя Софью и Василія, приближенныхъ послѣдняго, большею частію людей не знатныхъ, казнилъ и назначилъ наслѣдникомъ престола внука Димитрія, сына Іоанна Молодаго и Елены Стефановны, дочери молдавскаго господаря. Бояре торжествовали: Елена предпочитала старое новому; однако, клевета скоро обнаружилась, и роли перемѣнились: Софья снова сблизилась съ Іоанномъ, послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе къ Димитрію и сближаться съ Василіемъ, объявивъ

его сначала великимъ княземъ Пскова и Новгорода, а потомъ и провозгласилъ великимъ княземъ и самодержцемъ всея Руси; Димитрій вмѣстѣ съ матерью отданъ подъ стражу. Страшная участь постигла двѣ знатныя фамиліи, особенно близкія Іоанну — князей Патрикѣевыхъ, потомковъ Гедимина, и Ряполовскихъ—Стародубскихъ, потомковъ Всеволода III, Ряполовскому отрубили голову, Патрикѣевыхъ отца и сына — постригли въ монахи. Но нужно думать, что не за одни только интриги при дворѣ постигла кара враговъ Софьи.

Въ это же время въ Москвѣ появилась „ересь жидовствующихъ", которая начала быстро распространяться между боярами, бывшими при великокняжескомъ дворѣ, внѣдрилась даже въ семейство великаго князя: „у меня невѣстку совратили", говорилъ Іоаннъ. Съ появленіемъ ереси въ Москвѣ образовались двѣ партіи: еретическая, во главѣ которой была Елена, защитница боярскихъ интересовъ; другая партія, боровшаяся съ ересью и интригами боярскими, имѣла во главѣ Софью. Борьба этихъ партій — не удѣльная борьба; ея мѣсто занимаетъ борьба партій, которая была политической и литературной.

Глава еретиковъ былъ Схарія, который какъ человѣкъ ловкій, вращался съ духовенствомъ, завѣдывавшимъ въ то время вѣсами, мѣрами и т. п. Завезъ онъ ересь изъ Кіева въ Новгородъ, а изъ Новгорода она появилась и въ Москвѣ. Первыми учениками Схаріи были два священника — Діонисій и Алексѣй, которые во время пребыванія Іоанна III въ Новгородѣ въ 1480 г. обратили на себя вниманіе великаго князя благочестивою жизнью и мудростью, чѣмъ они славились въ Новгородѣ. Іоаннъ взялъ ихъ въ Москву, и они начали быстро распространять свое ученіе; въ короткое время это ученіе принято многими, въ числѣ которыхъ мы видимъ Елену, Зосиму, архимандрита Симонова монастыря, — дьяка Курицына, извѣстнаго своею грамотностью и способностями. Изъ этого видно, что ученіе Схаріи, отвергавшаго таинство Св. Троицы, божество І. Христа,

возможность воплощенія, иконы..., долго не замѣтили. Первый началъ противъ него гоненіе Геннадій, архіепископъ Новгородскій; не менѣе пылкимъ, краснорѣчивымъ защитникомъ православія былъ Іосифъ Волоцкій, основатель монастыря Волоколамскаго (въ міру Иванъ Санинъ, сынъ московскаго служилаго боярина). Онъ писалъ обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ „Просвѣтителя". Благодаря дѣятельности этихъ двухъ лицъ — Геннадія и Іосифа, — ересь стала ослабѣвать, тѣмъ болѣе, что къ этому времени начались ссоры между еретиками; главныхъ изъ нихъ казнили, другихъ заточили. Эти мѣры противъ еретиковъ были приняты послѣ духовнаго собора, бывшаго въ концѣ 1504 года. Вмѣстѣ съ распространеніе еретическихъ воззрѣній также было [illegible].

<u>Нашествіе Ахмата; паденіе татарскаго ига; гибель Ахмата; паденіе Золотой Орды.</u> Съ татарами Іоаннъ справился, воспользовавшись раздорами между ханами Золотой Орды и Крымской. Крымскій ханъ Менгли-Гирей вступилъ въ дружественныя отношенія съ Іоанномъ и помогалъ послѣднему противъ Ахмата, врага своего. Золотая Орда еще въ XV в. утратила свое могущество; отъ нея отдѣлились два царства: Крымское и Казанское царство. Но враждебныя отношенія Золотой Орды къ Москвѣ продолжались. Ахматъ не былъ доволенъ Іоанномъ за то, что не являлся ему и не платилъ дани; затѣмъ польскій король Казиміръ, завидуя усиленію Москвы, не имѣя возможности помѣшать этому усиленію, вооружилъ Ахмата. Послѣдній предпринялъ походъ противъ Москвы въ 1472 г., сжегъ Алексинъ и вернулся назадъ. Но во время вражды Іоанна съ братьями, о чемъ Ахмату далъ извѣстіе Казиміръ, Ахматъ снова явился: въ 1480 году онъ приблизился къ рѣкѣ Угрѣ, впадающей въ Оку. Іоаннъ, успѣвшій примириться съ братьями, двинулъ свои войска также къ Угрѣ, но, не смотря на просьбы всѣхъ напасть на татаръ, по-

[illegible] Менгли-Гирей [illegible] Вольжской [illegible] ханскій [illegible] Татаръ [illegible] Гирей и [illegible]. На Ахмата въ степяхъ [illegible] Менгли-Гирей и [illegible] безъ успѣха. Начались междоусобія дѣтей Ахмата; Менгли-Гирей воспользовался этимъ и [illegible] окончательное [illegible]. [illegible] освобожденіе Руси совершилось [illegible] незамѣтно и [illegible] безъ всякихъ [illegible]тій; это освобожденіе было подготовлено предшествовавшими обстоятельствами и политикой Іоанна III.

[illegible] Іоанна III, [illegible] русскихъ [illegible] въ одно [illegible] [illegible] человѣкъ съ непреклоннымъ характеромъ, [illegible] этотъ князь чувствовать страхъ предъ [illegible] отрядомъ [illegible] уже войско въ русскихъ предѣлахъ? Карповъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія борьбы между Московскимъ государствомъ и Литовскимъ XV и XVI вв." [illegible] разсказъ [illegible]; онъ [illegible], что весь этотъ разсказъ [illegible] принадлежитъ человѣку, который былъ противникомъ Іоанна III, принадлежавшему къ партіи [illegible], образовавшейся [illegible] Софьи Палеологъ, и съ этимъ мнѣніемъ Карпова, кажется, можно согласиться.

[illegible] Менгли-Гирей, который постоянно находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Москвою [illegible] характеръ, когда ханомъ [illegible]. Онъ считалъ выгоднымъ быть въ союзѣ съ [illegible] съ одной стороны потому, что [illegible] былъ помощникомъ въ борьбѣ съ [illegible], съ другой потому, что [illegible] его [illegible]

скій престолъ, были въ рукахъ Іоанна III, и поэтому Іоаннъ часто вмѣшивался въ дѣла казанскія. При Іоаннѣ же являются въ Москву много татарскихъ царевичей, за что народъ и болѣе вліятельные были недовольны, обвиняли великаго князя въ предательствѣ Руси татарамъ. Въ такихъ ропотахъ выражалось только непониманіе политики великаго князя, которая въ этомъ случаѣ должна считаться только за лучшую.

Сношенія съ Европой. Въ сношеніяхъ съ Европою Іоаннъ III старается изучить европейскую дипломатію, руководясь главною цѣлью — сохранить себя отъ враждебныхъ столкновеній съ одной стороны, съ другой въ борьбѣ съ Польшей — поддержать вѣрность княжескую — вотъ задачи великаго князя. Политика князей московскихъ выразилась первоначально въ довольно грубой формѣ; у насъ до сихъ поръ смотрятъ на упорство московскихъ дипломатовъ съ комической стороны, съ той, какой дипломатія эта представлялась иностранцамъ, преимущественно Герберштейну; но это упорство имѣло важную сторону: имъ было поддержано достоинство зародившагося Московскаго государства и положено начало рѣшенія литовско-русскаго вопроса.

Отношеніе къ Литвѣ. Не мало нужно было Москвѣ дипломатіи въ сношеніяхъ съ Литвою. Послѣдняя явно стремилась подчинить себѣ Москву, которая въ свою очередь выставляла свои права на Литву, какъ наслѣдство Кіевскаго князя.

Когда въ Литвѣ начались гоненія на христіанъ, то многіе удѣльные князья литовскіе стали переселяться въ Москву, а вмѣстѣ съ ними переходили къ Москвѣ и удѣлы ихъ; они считали для себя болѣе выгоднымъ жить подъ властью московскаго князя, потому что въ Москвѣ въ чистотѣ сохранилось православіе. Такими князьями, перешедшими на сторону московскаго князя, были: Бѣльскіе, Воротынскіе, Новосильскіе, Одоевскіе, Оболенскіе... Отсюда понятны постоянные поводы къ столкновенію съ Литвой. Эти переходы, конечно, ослабляли Литву; но польскій король и литовскій великій

князь, занятый своими дѣлами, не въ состояніи былъ пріостановить этихъ переходовъ, не имѣлъ времени направить свои силы противъ Москвы. Не имѣя средствъ самъ вести открытой борьбы съ Москвою, Казиміръ побуждалъ къ тому Новгородъ, Золотую Орду; но этимъ ему не удалось причинить вреда Москвѣ, положеніе которой черезъ это только усиливалось. Въ 1492 г. Казиміръ умеръ, и Литва опять отдѣлилась отъ Польши, въ Литвѣ вокняжился Александръ, а въ Польшѣ сдѣлался королемъ Янъ Альбрехтъ — сыновья Казиміра. Александръ, желая удержать при себѣ удѣльныхъ князей юго-западной Руси, рѣшился достигнуть этого путемъ брака: онъ попросилъ руки дочери Іоанна III, Елены. Іоаннъ согласился на это, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Елену ни въ чемъ не стѣсняли, и чтобы для нея была построена православная церковь, гдѣ бы совершалось богослуженіе по уставу греческой церкви. На этихъ условіяхъ въ 1495 г. состоялся бракъ Александра съ Еленою; но намѣренія литовскаго великаго князя не сбылись: враждебныя отношенія между нимъ и Іоанномъ III не прекратились; переходы пограничныхъ князей литовскихъ къ московскому продолжались. Такъ, вскорѣ послѣ брака Александра съ Еленою перешли князья черниговскіе и новгородъ-сѣверскіе, а отъ Елены приходили въ Москву жалобы. Эти обстоятельства послужили причиною войны между Іоанномъ и Александромъ. 14 іюля 1500 года московское войско подъ начальствомъ Даніила Щени, у Дорогобужа нанесло литовскому войску, подъ начальствомъ Константина Острожскаго, пораженіе; самъ Острожскій былъ взятъ въ плѣнъ. Второе пораженіе русскіе нанесли литовцамъ подъ Мстиславлемъ. Послѣ этого въ войнѣ принялъ участіе магистръ ливонскаго ордена Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ; онъ имѣлъ хорошую артиллерію; войска псковское и московское подъ Изборскомъ были разбиты имъ, но потомъ подъ Гельмедомъ нанесли ему сильное пораженіе; наконецъ на берегахъ озера Смолина нѣмцы, не смотря на малочисленность свою, бились отчаян-

ли и устояли на мѣстѣ; Плеттенбергъ однако долженъ былъ отступить. Александръ, сдѣлавшійся послѣ смерти брата и королемъ польскимъ, долженъ былъ просить у Іоанна мира; заключено было перемиріе — отъ 25 Марта 1503 года до 25 Марта 1509 года; Александръ уступилъ Іоанну земли перешедшихъ въ Москву князей — Василія Ивановича Шемячича (Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ), Василія Ивановича, сына князя Ивана Можайскаго (Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ) и другихъ. Въ это же время заключено было перемиріе и съ Ливоніей. Въ этихъ войнахъ Москва одержала, такимъ образомъ, верхъ надъ соединенными силами Литвы, Польши и Ливоніи, что конечно не могло не под[illegible] Москвы.

Отношенія къ Казани. Съ времени Іоанна III начинается рядъ постоянныхъ отношеній къ царству Казанскому. Съ начала княженія своего Іоаннъ III воевалъ съ Казанью, нѣсколько разъ высылалъ противъ нея большое войско, которое однако возвращалось безъ рѣшительныхъ успѣховъ; но въ 1469 году Іоаннъ заставилъ Ибрагима, казанскаго хана, заключить выгодный для Руси договоръ, условія котораго для насъ неизвѣстны. Въ 1478 г. былъ нарушенъ этотъ договоръ и затѣмъ опять заключенъ. Собственно [illegible] отношеній къ Казани только со смерти Ибрагима: ханомъ сдѣлался сынъ Ибрагима _Алегамъ_ (Али-ханъ); но имъ казанцы были недовольны. Начались внутреннія неурядицы, волненія; началась борьба партій, изъ которыхъ одна стояла за Алегама, другая за _Магмета Аминя_, второго сына Ибрагима; первая партія была враждебна къ московскому вліянію; вторая держалась интересовъ московскихъ. Магметъ Аминь, не будучи въ состояніи одолѣть брата [illegible] Алегама, [illegible] въ Москву, чтобы просить Іоанна о помощи у него. Въ 1487 году Іоаннъ III взялъ Казань, посадилъ на казанскій престолъ Магмета Аминя, а Алегамъ былъ отправленъ въ ссылку.

Такимъ образомъ смерть Ибрагима и внутрен-

ного брата, который бѣжалъ [illegible] въ Казань, Казанское [illegible] поставлено въ зависимость Казанскаго [illegible]. Правда, въ внѣшнихъ [illegible] грамотахъ Іоанна III къ Магмету-Аминю и его [illegible] [illegible] въ [illegible] на [illegible] ряду [illegible] что Казань въ это время была независима, но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], которые [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] черезъ Казань въ Москву [illegible] [illegible] Нижній Новгородъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Правда, въ [illegible] Іоанна III къ Магмету-Аминю [illegible] въ Казани и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] Казани [illegible] Мордву и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Казани [illegible] [illegible] на Нижній Новгородъ. [illegible] [illegible] [illegible] Казанскаго хана, Магметъ-Аминя [illegible] на [illegible] [illegible] у великаго князя московскаго. Наконецъ, въ казанской земли были [illegible] московскаго князя [illegible], которые [illegible] [illegible] [illegible] въ пользу московскую. Все это [illegible] свидѣтельствуетъ о зависимости Казани отъ Москвы.

Присоединеніе Перми. Московское вліяніе въ этой странѣ утвердилось еще при Димитріи Донскомъ, когда проповѣдывалъ христіанство Св. Стефанъ. Въ 1472 г. [illegible] [illegible] на землю Пермскую Ѳедоръ Пестрый и окончательно покорилъ эту землю.

Походъ Курбскаго на сѣверо-востокъ. Въ 1499 году [illegible] [illegible], Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій [illegible] [illegible] [illegible] въ землю Югорскую. Рать эта отправилась по Печорѣ на [illegible]; затѣмъ, [illegible] [illegible] хребетъ, Курбскій въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible], которые и были [illegible]. Этотъ замѣчательный походъ [illegible] [illegible]. Курбскаго подробно описанъ въ запискахъ Герберштейна о Московіи.

Отношенія къ Литвѣ. Возвышеніе [illegible]

ли Новгородской съ Ганзою. Данія, Швеція и Норвегія, какъ извѣстно, въ 1397г. были соединены Кальмарской уніей въ одно государство; но соединеніе это было только внѣшнее. Въ XVв. Стенъ-Стуре возсталъ противъ Христіана II, датскаго короля. Послѣдній вступилъ въ союзъ съ Іоанномъ III и шведскія владѣнія въ 1490г. подверглись опустошенію. Христіанъ достигъ своей цѣли. Что получилъ Іоаннъ за помощь отъ Христіана, неизвѣстно.

Съ этими сношеніями Іоанна III съ Даніей имѣютъ тѣсную связь отношенія къ ганзейскому союзу, основанному во второй половинѣ XIII вѣка. Характеръ торговли ганзейскихъ городовъ былъ корпоративный; ихъ задачею было увеличеніе своего благосостоянія; поэтому ганзеаты старались, насколько это было возможно, не допускать другія государства увеличивать свою торговлю. За такое стѣсненіе торговли ганзеаты вызвали на борьбу противъ себя Данію, Швецію, Англію и Россію. Іоаннъ III велѣлъ въ Новгородѣ схватить нѣмецкихъ купцовъ, и торговля съ ганзеатами прекратилась. Этимъ участіемъ при уничтоженіи ганзейской торговли великій князь московскій пріобрѣлъ значеніе во всемірной исторіи.

Въ 1505 году умеръ Іоаннъ III Васильевичъ, оставивъ по себѣ имя собирателя русской земли, съ которымъ невольно соединяется представленіе о князѣ умномъ, съ твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, расчетливомъ, неутомимо стремящемся къ цѣли, для достиженія которой онъ напередъ обдумывалъ средства; всѣми этими душевными качествами онъ ярко выдѣляется изъ ряда великихъ князей, своихъ предшественниковъ.

Василій Ивановичъ (1505-1533 г.)

Мы видѣли, что Иванъ Васильевичъ III, умирая, оставилъ наслѣдникомъ престола сына своего, Василія Ивановича III, который и царствовалъ съ 1505 до 1533 года. Передъ фигурою своего отца личность сына значительно умаляется. Въ своей дѣятельности Василій Ивановичъ себя ничѣмъ особеннымъ не заяв-

явилъ: продолжалъ дѣйствія отца и въ политическихъ отношеніяхъ держалъ себя вообще благоразумно. Онъ не отличался ни широкимъ умомъ своего отца, ни высокими порывами и въ высшей степени страстной природой своего знаменитаго сына; тѣмъ не менѣе однако его дѣйствіями закончены были важнѣйшіе вопросы, оставленные ему Іоанномъ III. Мы знаемъ, что Василій Ивановичъ уничтожилъ княжество Рязанское — одно изъ послѣднихъ удѣловъ; причиной этого явилось то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовало и прежде, а именно связь Рязанскаго князя съ Литвой. Извѣстно далѣе, что послѣдній князь Рязанскій, Иванъ Ивановичъ умеръ въ Литвѣ. Василій же покончилъ и съ вольностью Пскова, который теперь окончательно переходитъ подъ власть Москвы, не видѣвшей въ немъ себѣ большаго сопротивленія: это было не то, что въ Новгородѣ, который никакъ не могъ забыть своей прежней самостоятельности, и гдѣ Московскіе порядки прививались довольно туго; но во всякомъ случаѣ съ Новгородомъ дѣло было уже покончено, и теперь очередь дошла до Пскова. Василій Ивановичъ рѣшился воспользоваться случившейся тамъ ссорой княжескаго намѣстника съ Псковичами, чтобы порѣшить со Псковомъ. Результатомъ ссоры было то, что Василій Ивановичъ, находясь въ 1509 году въ Новгородѣ, вызвалъ сюда главныхъ представителей Пскова: намѣстника, князя Репню-Оболенскаго, посадника и купеческихъ старостъ и, когда посадники оказались виноватыми въ глазахъ царя, то онъ посадилъ ихъ въ тюрьму, а въ Псковъ послалъ дьяка Далматова, который заявилъ на вѣчѣ, что государь требуетъ уничтоженія всѣхъ Псковскихъ особенностей. Псковичи просили ночь на обдумываніе этого требованія и на другой день согласились: вѣче было упразднено, вѣчевой колоколъ у соборной церкви Св. Троицы былъ снятъ и отвезенъ къ великому князю въ Новгородъ. Псковскій лѣтописецъ оплакиваетъ въ своемъ разсказѣ это событіе и приписываетъ

падение Псковской вольности, „безтолковому призванію на вѣче", чѣмъ отличалась также и Новгородская [illegible]. [illegible] вывезъ 300 Псковскихъ [illegible] семействъ въ Москву, на мѣсто [illegible] прислано въ Псковъ 300 же купеческихъ семействъ изъ 10 московскихъ городовъ.

Литовскія отношенія Василія Ивановича были слѣдствіемъ предшествующихъ тѣхъ же отношеній его отца Ивана III. Вскорѣ по вступленіи Василія Ивановича на престолъ умеръ въ Литвѣ зять его, князь Александръ, не оставивъ по себѣ дѣтей. По смерти Александра Василій Ивановичъ посылалъ [illegible] показывать [illegible], чтобы онъ былъ избранъ на Литовскій престолъ, но Литовцы уже избрали своимъ великимъ княземъ брата Александра — Сигизмунда Казимировича, который тотчасъ послѣ [illegible] порвалъ [illegible]. [illegible] Василій Ивановичъ [illegible] вступилъ въ [illegible] отношенія къ Литвѣ. Было въ томъ, что при покойномъ Александрѣ выдвигался вельможа, особенно любимецъ его, князь Михаилъ Глинскій, бывшій [illegible] весьма близкимъ къ Александру и получившій большую силу благодаря своему вліянію на него. Вступленіе на престолъ Сигизмунда, враждебно относившагося противъ Глинскаго, заставило послѣдняго вступить въ переговоры съ Москвою, въ надеждѣ получить помощь; съ своей стороны и Василій Ивановичъ думалъ опираться на Глинскаго, надѣясь на его вліяніе, и Глинскій отъѣхалъ изъ Литвы. Началась въ 1512 году война съ Литвою; и 29 Іюля 1514 года былъ взятъ Смоленскъ, на который разсчитывалъ Глинскій, что Смоленскъ ему и дадутъ, и въ досадѣ онъ опять завелъ переговоры съ Сигизмундомъ; однако, эти переговоры были открыты, Глинскій схваченъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Война послѣ этого продолжалась, но безъ [illegible] успѣховъ; въ сраженіи [illegible] русскія войска были разбиты при Оршѣ 8 Сентября 1514 года княземъ Констан-

[illegible] Константиномъ [illegible] Острожскимъ, [illegible] близкимъ [illegible] командовалъ литовскими войсками. Попытка [illegible] 1514 г. [illegible] взять Смоленскъ [illegible], но благодаря энергіи главнаго воеводы Смоленскаго, князя Шуйскаго, [illegible] не удалась. Шуйскій успѣлъ захватить измѣнниковъ, хотѣвшихъ сдать городъ Сигизмунду, и повѣсилъ ихъ на стѣнахъ Смоленска въ [illegible] подаркахъ, пожалованныхъ великимъ княземъ.

Крымскія сношенія при Василіи Ивановичѣ нѣсколько измѣняютъ свой характеръ. Сынъ и наслѣдникъ Менгли-Гирея — Магметъ-Гирей, опасаясь русскаго вліянія въ Казани, старался посадить въ Казани крымскаго же царевича, брата своего, Саипъ-Гирея, кромѣ того [illegible] въ Крыму литовскій [illegible] [illegible] [illegible] Магметъ-Гирей [illegible] въ Москву. Василій Ивановичъ [illegible] ханъ [illegible] Москвы [illegible] онъ обязывался [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Россію отъ [illegible] набѣговъ.

Во внутреннемъ управленіи Василій Ивановичъ дѣйствовалъ круто и строго. Одинъ изъ опальныхъ бояръ, Берсень-Беклемишевъ, говоритъ „у насъ [illegible] [illegible] Василій [illegible] люди простые, [illegible] [illegible] дворецкій Шигона-Поджогинъ и грекъ Траханіотъ, о чемъ упоминаетъ Герберштейнъ.

Поводомъ къ великому раздору въ семьѣ Василія Ивановича послужилъ его второй бракъ. Еще при жизни отца онъ выбралъ [illegible] дѣвицу Сабурову Соломонію; она была замужемъ за нимъ около 20 лѣтъ, и теперь Василій Ивановичъ сталъ подумывать о томъ, [illegible]

ли ему развестись съ ней, такъ какъ она оказалась неплодной. На разводъ было получено согласіе митрополита Даніила, но бояре оказались противъ этого; сильно возставалъ противъ развода и Максимъ Грекъ, приглашенный въ Москву для осмотра и описанія княжеской библіотеки, а также для перевода и исправленія книгъ св. Писанія. Этотъ дѣятельный и образованный человѣкъ, писавшій много противъ разныхъ суевѣрій, а также и о томъ, что не слѣдуетъ монастырямъ владѣть селами, навлекъ на себя подозрѣнія и нелюбовь Московскаго духовенства и самого правителя, а подозрительность, замѣтимъ между прочимъ, была виднымъ двигателемъ въ Московскомъ государствѣ, двигателемъ, которымъ можно многое объяснить въ дипломатической и внутренней исторіи Москвы. Постригши Соломонію, Василій Ивановичъ женился на Еленѣ Васильевнѣ, дочери Василія Глинскаго. Этотъ бракъ далъ ему двухъ сыновей: Юрія и Ивана, которому было только 3 года, когда умеръ его отецъ. Къ своему новому семейству Василій Ивановичъ оказался весьма нѣжнымъ отцомъ; до насъ дошла одна его записочка, гдѣ онъ заботливо освѣдомляется о здоровьѣ своихъ дѣтей. Василій Ивановичъ умеръ въ 1533 году. Мы имѣемъ подробное описаніе его болѣзни, которая состояла въ „чирьѣ"—вѣроятно карбункулѣ. Умирая, онъ призвалъ бояръ, и жену свою Елену и просилъ бояръ обращаться къ ней во всѣхъ дѣлахъ, объявивъ ее правительницей, что совершенно соотвѣтствовало древнимъ русскимъ понятіямъ. Мы часто видимъ, что князья въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ ставятъ женъ своихъ посредницами, третейскими судьями между своими сыновьями.

Пять лѣтъ управляла Елена Васильевна Московскимъ государствомъ (1533-1538) и строго отнеслась къ брату Василія, Юрію; его заподозрили въ измѣнѣ и заключили въ тюрьму, хотя измѣна эта и не была доказана. Намъ извѣстно показаніе одного лица, приставленнаго от-

[illegible] за 10 лѣтъ еще при жизни Василія Ивановича; лицо это жалуется на то, что прежде жалованіе шло ему аккуратно, а теперь нѣтъ; изъ этой челобитной и видно, какъ относился Василій къ своимъ братьямъ. Андрею Ивановичу, другому брату Василія, запрещено было жениться, пока не будетъ женатъ Василій Ивановичъ. Андрей завелъ сношенія съ Новгородомъ, но его выманилъ изъ Новгородской области обѣщаніемъ безопасности князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, лицо близкое къ Еленѣ и подозрѣвавшееся еще въ болѣе тѣсныхъ съ ней отношеніяхъ. Герберштейнъ говоритъ, что Елена послала войско противъ Андрея, а когда Оболенскій выманилъ его въ Москву, обѣщавъ, что ему тамъ ничего худаго не сдѣлаютъ, Елена сдѣлала строгій выговоръ Оболенскому, зачѣмъ давалъ обѣщаніе безъ ея вѣдома (вѣроятно, здѣсь только разыграна была комедія) и велѣла заключить Андрея въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Впослѣдствіи освобожденный сынъ его, Владиміръ Анд., князь Старицкій, игралъ нѣкоторую роль въ царствованіе Іоанна IV. Самъ Глинскій также былъ посаженъ въ тюрьму, по словамъ Герберштейна, за то, что укорялъ племянницу въ ея неприличныхъ отношеніяхъ къ князю Оболенскому.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ въ правленіе Елены обращаетъ на себя вниманіе небольшая пограничная литовская война, гдѣ мы овладѣли нѣсколькими незначительными городками; война эта началась въ 1534 г. и кончилась перемиріемъ въ 1537 году; кромѣ того Елена Васильевна старалась возвратить Казань Россіи.

Въ дѣлахъ внутренняго управленія замѣчательно введеніе правильной монетной системы. До тѣхъ поръ чеканилась только мѣдная монета, и было много поддѣлывателей, что заставляло правительство принимать строгія мѣры противъ нихъ; обычное наказаніе фальшивыхъ монетчиковъ состояло въ залитіи имъ горла растопленнымъ оловомъ. Съ этаго време-

[illegible] [illegible], [illegible]

Въ 1538 году умерла Елена [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что она отравлена [illegible] изъ нашихъ [illegible] принимаютъ это извѣстіе за вѣрное, и говорятъ, что отравлена она тѣми, кому нужна и полезна была ея смерть — князьями Шуйскими, которые тотчасъ и завладѣли правленіемъ; прямого свидѣтельства, прямыхъ указаній въ лѣтописяхъ мы не имѣемъ: конечно, весьма естественно возникаетъ въ душѣ подозрѣніе, когда мы видимъ, что для извѣстнаго человѣка полезно совершеніе даннаго преступленія, но этого ещё мало для того, чтобы его обвинять. Правда, есть старое юридическое правило, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] преступленіе полезно, но точно ли возможно это правило всегда примѣнять во всѣхъ случаяхъ — сказать нельзя, да и вообще очень опасно въ историческомъ [illegible] основываться только на подозрѣніи, хотя конечно въ данномъ случаѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] преступниками.

Съ 1538 по 1547 г. [illegible] [illegible] боярское правленіе, составляющее [illegible] [illegible] въ исторіи русскаго государства, такъ какъ оно было одной изъ главныхъ причинъ образованія неровностей въ характерѣ будущаго правителя Россіи — знаменитаго Ивана Грознаго IV. Это боярское правленіе показало съ одной стороны совершенную неспособность бояръ къ взятой ими на себя задачѣ, съ другой стороны показало, что это старинное начало, на которомъ утвердилось прежнее положеніе великаго князя, не можетъ уже болѣе существовать.

При всѣхъ этихъ безпорядкахъ и интригахъ, возникающихъ по смерти Василія и Елены, дѣло Московскаго государства всетаки не пошло назадъ, но боярское правленіе было тяжело по отно-

шенію къ малолѣтнему государю и еще тяжелѣе для народа. Отовсюду слышались жалобы на притѣсненія правителей, въ средѣ которыхъ царили интриги, крамолы и взаимные подкопы, стремленіе свергнуть другъ друга; самъ митрополитъ Даніилъ былъ въ ссорѣ съ Шуйскими. Тяжелое и жестокое правленіе Шуйскихъ отозвалось неумѣлымъ и дурнымъ воспитаніемъ маленькаго Іоанна. Вокругъ него постоянно были интриги и взаимная вражда Шуйскихъ, Бѣльскихъ и митрополита. Такъ продолжалось дѣло до тѣхъ поръ, пока Іоанну минуло 13 лѣтъ. Въ это время, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, онъ велѣлъ схватить первосовѣтника, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ на растерзаніе. Конечно, сами бояре много виноваты въ такихъ вспышкахъ въ характерѣ Іоанна: они не сдерживали его порывовъ, когда дѣло до нихъ не касалось, позволяли ему тѣшиться сначала надъ звѣрями, а потомъ и надъ людьми; понятно, что вслѣдствіе плохаго направленія пылкій и страстный ребенокъ любилъ подобныя забавы. Кромѣ того, сами правители оскорбляли его на каждомъ шагу своимъ образомъ дѣйствій. Уже въ зрѣломъ возрастѣ Іоаннъ не разъ вспоминалъ, какъ онъ въ дѣтскомъ возрастѣ забавлялся играми, а князь Шуйскій смотрѣлъ на нихъ, положивъ ноги на кровать отца его. Чтобы понять всю тяжесть подобнаго оскорбленія, надо представить себѣ чинный Московскій дворъ и тѣхъ бояръ, которые, какъ говоритъ Герберштейнъ, не смѣли шелохнуться, когда бранилъ бывало Иванъ Васильевичъ, или когда онъ являлся въ торжественной аудіенціи; тѣ же бояре стояли покорными повидимому его слугами. Кромѣ того до молодаго царя доходили и другія вѣсти — о расхищеніи государственной казны; Иванъ Васильевичъ видѣлъ, что Шуйскій бралъ разныя цѣнныя вещи и клалъ на нихъ свой штемпель и утверждалъ, что эти вещи оставлены ему въ наслѣдство его отцомъ; Іоаннъ съ насмѣшкой замѣчаетъ по этому поводу въ своихъ письмахъ: „лучше бы ему отецъ шубу оставилъ, потому что шуба у него была вся рваная." Конечно, всѣ подобныя

вещи только потѣшались молодымъ царемъ; кромѣ того, независимо отъ нарушенія дворцоваго [illegible], онъ былъ оскорбляемъ и въ своихъ лучшихъ чувствахъ; когда онъ остался 3-лѣтнимъ мальчикомъ, у него отняли мамку, и онъ зналъ, что братъ ея, князь Овчина, погибъ въ тюрьмѣ; когда онъ былъ уже 12-лѣтнимъ отрокомъ, на его глазахъ схватили его любимца Воронцова, не смотря на слезы и просьбы молодаго Іоанна.

Конечно, подобнаго рода дѣйствія не могли оставаться безъ вліянія на молодаго царя; они глубоко запали въ его впечатлительную душу, и онъ очень хорошо понималъ, что скрывается за этими оскорбленіями. Очень часто при вопросѣ о жестокостяхъ Грознаго упускается изъ вида то, что именно вызывало въ немъ это нерасположеніе. Не слѣдуетъ забывать, что главными дѣйствующими лицами этой эпохи были князья — потомки Рюрика, противъ которыхъ и направлялся гнѣвъ Грознаго. Изъ нихъ на первомъ планѣ стояли князья Шуйскіе; Мстиславскіе — Гедиминовичи — не имѣли большаго вліянія-значенія, хотя пользовались значительнымъ почетомъ, но руководителями являлись Шуйскіе. Остальные роды помнили еще свое княжеское происхожденіе и желали возвратить себѣ свои прежнія права — княжества, свободы, а также желали видѣть [illegible] своего [illegible]. [illegible] были у князей Шуйскихъ. [illegible] Василія Ивановича Шуйскаго, гдѣ онъ [illegible] о своемъ [illegible]: „предокъ нашъ, князь Андрей Александровичъ Суздальскій, раздѣлился съ братомъ своимъ [illegible] — по старѣйшинству онъ взялъ старшій городъ Суздаль, а Даніилъ, какъ младшій братъ, получилъ и младшій городъ — Москву.“ Поэтому и естественно, что при Іоаннѣ Шуйскіе считали себя членами [illegible] крови, лишь вообще привлеченными [illegible] во время правленія [illegible] чаго князя. Но они долго не уступали Москвѣ [illegible] въ отношеніи къ [illegible] Суздаля; потерявъ наконецъ его

[illegible] на службу къ Новгороду, а послѣ разбитія князя Шуйскаго-Гребенки перешли на службу въ Москву, но и тутъ они не дремали, вспоминая, что они потомки древняго княжескаго рода и что имъ стыдно быть холопами великаго князя Московскаго, поэтому они пускали въ ходъ единственное возможное для нихъ средство-интригу, чтобы возвратить себѣ прежнее высокое положеніе; такъ было и при малолѣтнемъ Иванѣ Васильевичѣ.

Итакъ въ Шуйскихъ не замирало стремленіе занять высокое мѣсто, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. Петру Ивановичу и Ивану Петровичу были довѣрены довольно важные посты-они были воеводами.

Уничтоживъ Шуйскихъ, молодой царь взялъ власть въ свои руки. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что съ этихъ поръ бояре начали бояться царя; но тѣмъ не менѣе молодой Иванъ Васильевичъ не былъ еще въ состояніи управлять самостоятельно: онъ поручилъ это дѣло Глинскимъ, а самъ предпочиталъ предаваться своимъ прежнимъ забавамъ, и надо замѣтить-очень часто [illegible], когда онѣ нарушались. Весьма естественно, что молодой царь, лишенный опоры въ близкихъ людяхъ, искалъ удовольствія въ этихъ забавахъ. Такое же одиночество испытывалъ затѣмъ и Петръ II, который тоже не имѣлъ никого опытнаго, чтобы руководить имъ.

Въ своихъ забавахъ, какъ мы [illegible] выше, Иванъ Васильевичъ не терпѣлъ помѣхи: когда однажды явились къ нему Псковскіе челобитчики, то онъ заподозрилъ тутъ измѣну со стороны бояръ, изъ которыхъ нѣсколько [illegible] и [illegible] по этому поводу; въ числѣ ихъ былъ и любимецъ царскій-Воронцовъ. Такъ продолжалось дѣло до 1547 года. Между тѣмъ въ эпоху Глинскаго правленія [illegible] въ Москвѣ замѣчательная личность-бывшій Новгородскій архіепископъ Макарій, правда не такой [illegible] и [illegible] правитель, какимъ впослѣдствіи явился [illegible] Филаретъ, но все таки человѣкъ умный и съ благими намѣреніями [illegible]

быть, что его влiянiемъ слѣдуетъ объяснить многiя изъ послѣдующихъ событiй.

Въ 1547 году царь Иванъ Васильевичъ объявилъ желанiе жениться и выборъ его палъ на Анастасiю Романовну, дочь боярина Захарьина. Выборъ этотъ былъ также не безъ влiянiя на послѣдующiя событiя.

Бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ принадлежалъ къ древнему роду; еще при Димитрiи Донскомъ былъ бояринъ Θеодоръ Кошка, сынъ Андрея Кобылы; сынъ его Иванъ Θеодоровичъ Кошка былъ однимъ изъ главныхъ лицъ при Василiи Димитрiевичѣ; впослѣдствiи члены этаго рода, хотя и подъ разными фамилiями — Кошкиныхъ, Захарьиныхъ, Юрьевыхъ, Романовыхъ — всетаки продолжаютъ оставаться въ числѣ первыхъ лицъ боярской думы. Со времени брака царя Захарьины становятся на первый планъ, что было весьма не по душѣ тѣмъ изъ бояръ-князей, которые, лишившись удѣловъ, желали всетаки удержать за собой первенствующее значенiе при Московскомъ государѣ; отсюда начинается нерасположенiе бояръ къ новымъ родственникамъ царя, нерасположенiе, сильно повлiявшее на дальнѣйшiй образъ дѣйствiй молодаго царя.

Затѣмъ Иванъ Васильевичъ задумалъ короноваться. Мы видѣли, что титулъ царя носилъ еще Василiй Ивановичъ, съ Ивана же Васильевича титулъ этотъ окончательно утвердился за Московскими вѣнценосцами, которымъ иностранные государи, особенно Английскiе, охотно давали императорскiй титулъ, принадлежавшiй западнымъ монархамъ. Что же касается титула „царь", то онъ происхожденiя южнаго (но не имѣетъ ничего общаго съ именемъ „Навуходоносоръ", какъ полагали нѣкоторые), именно представляетъ собой сокращенiе слова „цесарь" — „caesar"; въ этомъ смыслѣ понималъ его и Иванъ Васильевичъ. Передъ принятiемъ этаго титула онъ обратился къ восточнымъ патрiархамъ съ вопросомъ, можетъ ли онъ называться „царемъ", и тѣ отвѣчали ему грамотами, гдѣ утверждали за нимъ это право.

Въ 1547 году произошелъ въ Москвѣ знаменитый

пожаръ, во время котораго царь былъ на Воробьевыхъ горахъ. Въ народѣ между тѣмъ поднялся бунтъ: родственниковъ царя, Глинскихъ, обвиняли въ томъ, что они чародѣйствомъ произвели этотъ пожаръ, и требовали выдачи ихъ, но бунтъ этотъ скоро былъ подавленъ вооруженной силой. Во время пожара сблизился съ царемъ священникъ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, который своимъ энергичнымъ словомъ произвелъ на Іоанна такое впечатлѣніе, что онъ рѣшился измѣнить свой образъ дѣйствій. У насъ было мнѣніе, заходившее даже и въ историческія сочиненія, что этотъ Сильвестръ — лицо до тѣхъ неизвѣстное царю и подѣйствовавшее на него только силой своего краснорѣчія. Но это не совсѣмъ справедливо. Мы знаемъ, что Сильвестръ пріѣхалъ съ Макаріемъ изъ Новгорода, знаемъ его вліяніе въ исторіи Владиміра Андреевича, такъ что лицо это не могло быть неизвѣстнымъ царю; кромѣ того извѣстно, что старшій священникъ Благовѣщенскаго собора былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царскимъ духовникомъ; изъ всего этаго видно, что и самое вліяніе Сильвестра не было такимъ мгновеннымъ, какъ мы привыкли думать.

Въ 1550 году былъ знаменитый соборъ, на которомъ молодой царь обратился къ народу съ рѣчью, гдѣ выражалъ свое искреннее желаніе быть царемъ правды, каялся въ доселѣ бывшихъ безпорядкахъ, въ своей праздности и обязывался впредь дѣйствовать иначе. Затѣмъ, обратившись къ молодому Алексѣю Ѳедоровичу Адашеву, своему ложничему, велѣлъ ему принимать просьбы. Съ этой поры начинается время, извѣстное въ нашей исторіи подъ именемъ времени „Сильвестра и Адашева".

Сильвестръ извѣстенъ еще какъ составитель извѣстной книги „Домострой", но весьма вѣроятно, что книга эта не вся составлена Сильвестромъ, а только переписана имъ съ какого-нибудь болѣе древняго сборника съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. Тутъ есть множество наставленій, подкрѣпленныхъ мѣстами изъ Св. Писанія, касательно поведенія христіанина въ храмѣ, какъ стоять, какъ креститься и т. п., тутъ же встрѣчаются

разныя правила, касающіяся домашней жизни, хозяйства, иногда доходящія до мелочности; такъ напр. есть даже наставленіе о солкѣ [illegible]; такая мелочность не можетъ быть, конечно, вмѣнена въ заслугу автору, даже если бы и самъ Сильвестръ составилъ эту книгу. Самъ Иванъ Васильевичъ, дѣлая характеристику Сильвестра, замѣчаетъ, что Сильвестръ пугаетъ его „дѣтскими страшилами" т.е. грозитъ разными муками въ будущемъ за неисполненіе своихъ требованій — пріемъ весьма не искусный, свойственный только людямъ съ характеромъ деспотическимъ, но [illegible] и ограниченнымъ умомъ; кромѣ того Сильвестръ безпрестанно вмѣшивался въ дѣйствія царя и требовалъ вездѣ подчиненія своей власти; ясно, что такой образъ дѣйствій не могъ нравиться Іоанну и долженъ былъ вызвать рано или поздно разладъ въ его отношеніяхъ къ Сильвестру, такъ какъ отношенія такого рода не могли быть прочными. Къ этому присоединились еще и семейныя отношенія. Мы знаемъ изъ многихъ источниковъ, что Сильвестръ и Адашевъ стояли противъ Анастасіи; Иванъ Васильевичъ самъ слышалъ, какъ кричали его любимцы, что они не хотятъ быть подъ властью Романовыхъ, былъ не разъ свидѣтелемъ ссоръ ихъ съ царицей, поэтому естественно, что послѣ ея смерти онъ обратился прежде всего на ея враговъ. Изъ этого видно, что вліяніе Сильвестра, Адашева и Анастасіи не было общимъ, хотя съ легкой руки Карамзина у насъ часто слышится такого рода утвержденіе. Конечно, вліяніе Анастасіи много смягчало въ страстномъ характерѣ Іоанна и дѣйствительно, послѣ ея смерти мы видимъ въ немъ совсѣмъ другое: много женщинъ заняло ея мѣсто, но всѣ онѣ такъ и остались совершенно ничтожными, какъ Марія Нагая, или имѣли дурное вліяніе, какъ Марія Темрюковна, разжигавшая страстный темпераментъ Іоанна. Съ эпохой смерти Анастасіи Романовны совпадаетъ и перемѣна въ характерѣ Іоанна. Любопытно мнѣніе объ этомъ фактѣ самого народа. Въ народной пѣснѣ объ [illegible] царевичѣ, спасенномъ отъ смерти бояриномъ Романовичемъ, шурья царя, Черкаскіе, [illegible]

[illegible] противниками царевича и [illegible] царя противъ него и противъ [illegible].
[illegible] тьмъ влiянiе Адашева и Сильвестра [illegible], и [illegible] [illegible] в[illegible] характеръ, то мы, можетъ быть, найдемъ тамъ объясненiе этого факта:

Дѣло въ томъ, что Иванъ Васильевичъ былъ рожденный идеалистъ. Это былъ человѣкъ, живущiй въ области идеи и весьма лѣнивый, какъ и большинство идеалистовъ, не любившiй входить въ подробности выполненiя своей идеи. [illegible] по уму и воспитанiю [illegible] и Петромъ [illegible] великими людьми [illegible] была разница въ ихъ характерахъ; нужно быть такимъ крайнимъ реалистомъ, какъ Петръ, чтобы чтобы разработать свой идеалъ во всѣхъ подробностяхъ, примѣнить его въ жизни, [illegible] и т. п., но Иванъ Васильевичъ, будучи [illegible], не любилъ [illegible] исполненiя идей и не вдавался въ ея [illegible] разработку. Петръ не былъ теоретикомъ, [illegible] работникомъ, воиномъ, [illegible] [illegible], какъ [illegible] дѣлъ; онъ, кромѣ того, многое дѣлалъ и собственными руками; не то Иванъ Васильевичъ, который [illegible] своей идеи [illegible] передавалъ въ другiя руки, а самъ [illegible] [illegible] разсужденiяхъ, какъ мы и видимъ [illegible] частной переписки съ Курбскимъ. [illegible] какъ мы и видимъ [illegible] [illegible] ментовъ, почти всегда поручаютъ [illegible] идеи другимъ людямъ, которые и [illegible] имъ угодно. Люди теоретики, какъ [illegible] люди прямолинейные: они идутъ [illegible] вниманiя на препятствiя, давя все [illegible] которое встрѣчается имъ на пути [illegible] [illegible] ни Петра и казни Грознаго: [illegible] [illegible] [illegible], какие встрѣчалъ Петръ, который столкнулся съ прямымъ покушенiемъ на [illegible]

власть, сказавшимся въ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ смутахъ Софьи; - съ рядомъ доказанныхъ заговоровъ, въ которыхъ участвовали люди, очень хорошо знавшіе, что дѣлаютъ, опиравшихся на народъ. Въ другомъ положеніи былъ Иванъ Васильевичъ: онъ могъ опереться на народъ, и надо признаться, что онъ далеко зашелъ въ своихъ казняхъ, что объясняется отчасти тѣмъ, что въ послѣднее время онъ былъ отуманенъ рядомъ тяжелыхъ неудачъ и въ своемъ увлеченіи не могъ видѣть тѣхъ послѣдствій, до которыхъ можетъ довести такой образъ дѣйствій. Далѣе, Петръ, какъ не теоретикъ, а человѣкъ практики, не задаваясь сразу слишкомъ обширной задачей, неуклонно, постепенно шелъ къ своей цѣли: онъ мечталъ только о пріобрѣтеніи одного порта на Балтійскомъ морѣ и ему удалось завладѣть цѣлымъ краемъ; а Иванъ Васильевичъ задался разомъ цѣлью овладѣть всей Ливоніей, что ему не удалось. Чѣмъ же теперь объяснить вліяніе Сильвестра и Адашева? Извѣстно, что способность выбирать людей есть способность человѣка практическаго, а идеалисты обыкновенно людей выбирать не умѣютъ. Петръ былъ человѣкъ практики, потому умѣлъ дѣйствовать самъ, онъ и людей выбиралъ для своихъ цѣлей очень удачно. Тоже мы видимъ и въ Екатеринѣ: она, какъ женщина, умѣвшая глубоко вникать въ дѣло, разбирать его до мелочей, имѣла какое-то практическое чутье пониманія людей, ихъ выбора; у нея были люди, которымъ она, какъ женщина, не придавала большого значенія, но въ которыхъ высоко цѣнила ту или другую практическую способность, сообразно съ которой и давала имъ занятіе. Но Иванъ Васильевичъ, какъ идеалистъ, не обладалъ искусствомъ выбирать человѣка и потому естественно выборъ его не могъ быть всегда удачнымъ.

Въ 1551 году былъ собранъ великій земскій и духовный соборъ; имъ былъ составленъ извѣстный Стоглавъ и ему былъ переданъ на разсмотрѣніе Судебникъ; потомъ грамоты уставныя губныя; рѣшено было дать самоуправленіе всей рус-

ской земли: онъ (Іоаннъ) считалъ возможнымъ установить такія самоуправныя области, чтобы между ними и царемъ не было прямого посредника; всѣ эти области и города должны были посылать своихъ представителей въ Москву, а государь, когда возникнетъ важный вопросъ, долженъ былъ обращаться ко всей землѣ. Вотъ та мысль, которая была идеаломъ Ивана Васильевича.

Въ 1551-мъ году онъ предпринялъ походъ на Казань, результатомъ чего является построеніе города Свіяжска; въ 1552-году былъ совершенъ новый походъ. Шигъ-Алей отказался отъ престола, и въ Казанскіе цари былъ выбранъ Едигеръ-Махмедъ. 2 Окт. 1552 года пала Казань. Это важное событіе отразилось и въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ впрочемъ на первомъ планѣ отдѣльные моменты его: подкопъ, взрывъ и др.

За Казанью пала и Астрахань. Совѣтники царя полагали, что теперь можно взять и самый Крымъ; тоже мнѣніе раздѣляютъ и нѣкоторые новые историки, напр. Н. И. Костомаровъ. Но мы знаемъ, какъ неудачны были походы Голицына и другихъ, знаемъ, что степи до Крыма были еще не заселены; далѣе за Крымъ пришлось бы схватиться съ турками, а съ ними тогда справиться было бы не легко: они были тогда самымъ сильнымъ войскомъ въ Европѣ, и съ янычарами могли сражаться только испанскіе солдаты Карла V, только Лепантская битва (1571 г.) показала впервые, что турокъ разбивать можно, а кромѣ того западные государи иногда изъ собственныхъ видовъ искали даже дружбы съ султаномъ и его поддержки. Далѣе — казаки являлись также помѣхой при завладѣніи Крымомъ; они долго не подчинялись Москвѣ, переходили на службу, какъ Вишневецкій, то къ Москвѣ, то къ Польшѣ, разбойничали и грабили совершенно безнаказанно, какъ напр. Ермакъ на Волгѣ. Московское правительство грозило имъ своими грамотами, но воевать противъ нихъ не могло. Поэтому Иванъ Васильевичъ поступилъ благо-

разумно, поручивши казакамъ вести военныя кампаніи на Крымъ; и дѣйствительно Данила Адашевъ съ казакомъ Вишневецкимъ ходилъ грабить Крымъ, но этимъ дѣло и кончилось, а между тѣмъ взятіе Казани и занятіе Астрахани, доставшейся намъ очень легко, повлекло насъ дальше — явились Терскіе воеводы, подчинилась Башкирія и, въ концѣ царствованія Ивана Васильевича, здѣсь явилась Уфа.

Въ Казань посылалось много опальныхъ людей, но креститься татаръ силой не принуждали, хотя архіепископу Гурію поручено было привлекать инородцевъ и уговаривать ихъ къ принятію христіанства, и вообще дѣйствовать благосклонно. Вообще московское государство умѣло относиться къ завоеваннымъ землямъ: не обращало вниманія на то, чтобы земли эти заселялись русскими выходцами, далѣе старалось внести сословія въ покоренныхъ народахъ или замѣнить своими людьми, или же руссифицировать это сословіе, слѣдствіемъ чего являлось быстрое обрусеніе покоренныхъ народовъ.

Отношенія къ Крыму. Ливонская война. Болѣзнь царя. Измѣненіе его характера.

Московскому государю его приближенные (Сильвестръ) указывали на необходимость продолженія войны съ татарами: отношенія къ татарамъ казались имъ самыми важными. Послѣ покоренія Астрахани оставалось завоеваніе Крыма, и тогда дѣло съ татарами было бы окончено. Новые историки въ этомъ случаѣ не рѣдко соглашаются съ совѣтниками Іоанна: Н. И. Костомаровъ говоритъ, что завоеваніе Крыма было тогда очень легко, и указываетъ между прочимъ на малороссійскихъ казаковъ, кои могли бы быть хорошими пособниками намъ въ войнѣ съ Крымомъ. Но при этомъ онъ забываетъ два крупныхъ обстоятельства: во 1-хъ весь югъ Россіи тогда былъ заселенъ очень плохо, а степь между Русью и Татарами была и совсѣмъ не заселена, такъ что заселеніе этой степи являлось

первымъ и необходимымъ шагомъ приближенія къ Крыму. Въ походахъ Вас. Вас. Голицына и Миниха въ Крымъ постоянно встрѣчались препятствія вслѣдствіе незаселенности этой степи, такъ что только тогда, когда степь была заселена сербскими и др. колонистами, явилась возможность завоевать Крымъ. Во 2-хъ, Костомаровъ забываетъ еще то, что наступательная война съ Крымомъ вела бы къ разрыву съ Турціей, такъ какъ Крымскій ханъ былъ магометанскимъ владѣтелемъ и подручникомъ султановымъ, а турецкое войско считалось въ то время лучшимъ въ Европѣ, храбрость янычаръ и военное турецкое искусство были славны; еще въ концѣ XVII в. Вѣнѣ пришлось обороняться отъ турокъ, въ рукахъ у которыхъ была уже половина Венгріи. Войны же Грозного съ татарами происходили раньше Лепантской битвы (1572 г.), а до этой битвы Турція была во всемъ блескѣ своего могущества. Въ виду этого съ Костомаровымъ согласиться нельзя. Бороться съ Крымомъ намъ было трудно и неудобно. Самое завоеваніе Крыма намъ было бы въ ту эпоху почти безполезно, да еще надобно было занять всю эту степь и подчинить себѣ малороссійскихъ казаковъ.

А между тѣмъ настояла другая болѣе необходимая нужда, являлась необходимость войти въ прямыя сношенія съ Западомъ, подвинуться къ западному морю. Вопросъ о Западномъ морѣ былъ важный, борьба на устьяхъ Невы была борьбою Россіи съ окружающими народами за право культурныя; словомъ, завязать сношенія съ Европою, войти въ море было для насъ необходимо. Историки, которые такъ разсуждаютъ о Крымской войнѣ, иначе смотрятъ и на Ливонскую войну. Костомаровъ въ своей монографіи о Ливонской войнѣ говоритъ, что Московское государство, побѣдоносное на Востокѣ, рѣшилось обратить оружіе на Западъ, какъ будто бы дѣло шло о завоеваніи, какъ будто бы неизвѣстно, что войны Московскимъ государствомъ велись не ради самыхъ войнъ, а съ цѣлями чисто мирными, и войны на востокѣ—

были вызваны необходимостью оградить себя отъ новыхъ нападеній татаръ, отвлекавшихъ наши силы отъ другихъ дѣлъ первой важности. Великорусское племя никогда не отличалось особенной воинственностью; война, какъ война, никогда не составляла предмета его желаній. Оттого, какъ кажется, иначе надобно бы было взглянуть на это дѣло: Московское государство, которое всегда осторожно, которое вступаетъ въ войну лишь тогда, когда не можетъ избѣжать ея, - Московское государство не иначе могло желать войны, какъ въ виду того, что ему нужно было обороняться. Самое устройство Московскаго государства вызвано было не наступательными, а оборонительными цѣлями. Границы наши должны были быть постоянно и строго обороняемы. Историки западные оказываются въ данномъ случаѣ гораздо къ намъ снисходительнѣе, чѣмъ наши собственные. Между прочимъ извѣстный историкъ Балтійскихъ провинцій Рихтеръ, который, хотя и былъ русскимъ чиновникомъ, все таки писалъ для нѣмцевъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ духѣ не особенно благосклонномъ къ намъ, - онъ прямо указываетъ, что движеніе Московскаго государства къ Балтійскому морю вызвано было культурными и промышленными стремленіями, но совсѣмъ не воинственными цѣлями. Это до такой степени вошло въ убѣжденіе западныхъ историковъ, что стремленіе наше на западъ представляется ими въ такомъ видѣ всегда. Въ учебникахъ и большихъ сочиненіяхъ русскихъ съ этимъ стремленіемъ вводится въ необходимую связь извѣстное дѣло Шлитте (1547 г.) Еще со времени Іоанна III Московское государство стало вызывать иностранцевъ ремесленниковъ и техниковъ. Иванъ Васильевичъ послалъ въ 1547 году саксонца Шлитте вызвать изъ-за границы въ Россію мастеровъ, но Шлитте съ навербованными мастерами былъ въ Ливоніи задержанъ, и одинъ изъ мастеровъ - нѣкто Гансъ за то, что хотѣлъ, не смотря на запрещеніе, пробраться въ Россію, былъ казненъ. Испугъ

Германіи въ видѣ возможности русскому народу развиться былъ очень великъ. Московскому государству нечего было ждать отъ нея помощи своимъ стремленіямъ и пришлось самому пробивать себѣ дорогу: идти далѣе въ зависимости отъ нѣмцевъ стало не возможнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ казалось въ то время, и Московское государство чувствовало себя довольно сильнымъ, чтобы выступить самому. Костомаровъ говоритъ, что этой цѣли не было, а было просто желаніе пограбить и нечего больше. И здѣсь почтенный историкъ не принялъ во вниманіе нѣкоторыхъ существенныхъ фактовъ: онъ забылъ, что въ грамотѣ къ Англійскому правительству царь Иванъ Васильевичъ выражалъ желаніе нанимать корабельныхъ мастеровъ, что въ Ливонскихъ актахъ встрѣчается указаніе на русскихъ корсаровъ, ходившихъ въ Балтійское море. Хотя это указаніе очень смутно и неопредѣленно, но оно свидѣтельствуетъ, что нѣчто подобное происходило и что нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Московскаго государства была цѣль приблизиться къ морю для утвержденія здѣсь твердою ногою, — цѣль таже самая, какую имѣлъ Петръ Великій.

Любопытно, что какъ только мы желаемъ двинуться на Западъ, намъ показываютъ, что намъ нечего тамъ дѣлать. Когда мы двигались въ Ливонію, намъ говорятъ, что мы хотимъ только грабить, что Петръ I завоевалъ Ливонію по личному капризу, и до сихъ поръ у насъ есть убѣжденіе, что война Петра съ Ливоніей не была прямой существенной потребностью тогдашней Россіи. Важность этаго шага Петра до сихъ поръ не ясна въ нашемъ сознаніи. Ливонская война Ивана Грознаго вызвала въ Европѣ цѣлую литературную бурю, и это показываетъ уже, что не простой вопросъ о грабежахъ, а вопросъ весьма существенный — о пріобрѣтеніи Ливоніи и утвержденіи себя на берегу моря — руководилъ Іоанномъ. Возникла цѣлая литература по этому вопросу: появилось множество летучихъ лист-

ховъ, направленныхъ противъ Россіи (летучіе листки были въ ту эпоху очень распространены; въ городѣ Дуэ (нынѣ во Франціи) появилась брошюрка о взятіи Полоцка; книга эта оканчивается воззваніемъ къ Цезарю и ко всѣмъ европейскимъ государямъ, чтобы они не пропускали „варваровъ" въ Европу. Сигизмундъ-Августъ въ письмахъ къ Елизаветѣ Англійской доказываетъ, что появленіе русскихъ у моря принесетъ страшный вредъ всей Европѣ, и уговариваетъ королеву препятствовать торговлѣ русскихъ. Ясно, что Европа понимала стремленія Московскаго государства, такъ ясно выраженныя Петромъ I. Рядъ сочиненій, написанныхъ враждебно къ Россіи, начинается именно съ этого времени, съ тѣхъ поръ, какъ начинаетъ Россія выдвигаться впередъ, - послѣднее славянское государство, будущее не по одной дорогѣ съ Европой относительно религіи (тогда это былъ важный вопросъ). Неприязненное же отношеніе къ намъ сосѣдей-нѣмцевъ существовало и раньше. Мы уже знаемъ, какъ относились нѣмцы въ Новгородѣ къ Новгородскому населенію, какимъ образомъ учреждали тамъ свои факторіи, дворы, какъ старались держать новгородцевъ въ рамкахъ узкихъ, продавали товары только оптомъ, не пускали русскихъ за границу и т. д... Словомъ, тѣ же принципы, какія можно и теперь [illegible] высказываются подъ прикрытіемъ [illegible]словъ.

Моментъ для начала войны съ Ливоніей былъ выбранъ очень удачный. Мы уже говорили, что такое Ливонія и Ливонскій Орденъ. Вся Ливонская земля дѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ, другъ отъ друга независимыхъ владѣній. Архіепископъ Рижскій, епископъ Эзельскій, епископъ Ревельскій имѣли свои отдѣльныя земли, своихъ вассаловъ и Ордену не подчинялись. Архіепископъ Рижскій былъ въ постоянной борьбѣ съ Орденомъ. Орденъ былъ призванъ Альбертомъ Буксгевденомъ, архіепископомъ рижскимъ, и служилъ сначала для защиты рижскаго архіепископ-

ства. А когда онъ соединился съ орденомъ нѣмецкимъ, то началъ стремиться къ независимости отъ архіепископа, такъ что тутъ явилось двоевластіе: съ одной стороны архіепископъ съ его стремленіемъ сохранить независимость, на которую орденъ посягалъ, и подчинить себѣ гроссмейстера; съ другой стороны гроссмейстеръ, враждующій съ архіепископомъ. Къ этому присоединяется то, что городское населеніе, бюргеры, очень враждебно относится къ гроссмейстеру. За тѣмъ еще одно обстоятельство: подъ ними находится слой, равно ихъ всѣхъ ненавидящій, это эсто-латышскіе крестьяне. Они не разъ напоминали о себѣ во время нашихъ войнъ съ Ливоніей; они не всегда смотрѣли на русскихъ, какъ на своихъ враговъ, и часто поднимались противъ нѣмцевъ, которыми были очень задавлены. Нѣмцы очень тщательно скрываютъ эти факты, а между тѣмъ, по показанію лѣтописца Руссова, эти факты совершились: было нѣсколько мѣстныхъ возстаній, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ положеніемъ пользовались крестьяне. Наконецъ, въ эту эпоху Ливонскіе рыцари очень изнѣжились и, проводя время за пирами въ своихъ замкахъ, не заботились о дѣлахъ Европы, а поссорились между собой. Въ сущности причиною ссоръ и раздоровъ было появленіе среди ливонцевъ не ливонскихъ людей, появленіе пришельцевъ, тоже изъ княжескихъ германскихъ родовъ. Въ началѣ XVI ст. появляются въ Ливоніи протестанты, образуются два класса: явные протестанты и католики; секуляризація протестантскаго прусскаго герцогства, послѣ того какъ Альбрехтъ Бранденбургскій сдѣлался герцогомъ прусскимъ (1525 г.), раздѣлила Ливонію и оставила ее совершенно беззащитною. Надъ орденомъ былъ не одинъ глава, а два: феодальный глава — римскій императоръ, а кромѣ того архіепископъ и епископы, какъ лица духовныя, признавали надъ собой власть папы. Такимъ образомъ и у цезаря, и у папы Ливонцы жаловались;

другъ на друга и искали защиты отъ нападенія московскаго. Но этой защиты они не нашли: цезарю не было дѣла до Ливоніи, а больше дѣла было у себя дома. Папа тоже не вмѣшался. Король Испанскій Филиппъ II явился, было, на защиту одно время Ливоніи отъ Московскаго государства и писалъ грамоту къ Московскому государю. Такую же грамоту писалъ и императоръ Фердинандъ, но онѣ не помогли.

Московское государство явилось въ Ливонію подъ предлогомъ требованія дани, которую Юрьевскій (Дерптскій) епископъ долженъ былъ платить Руси. Вопросъ объ этой дани до сихъ поръ еще спорный, но что дань эта существовала, говорятъ даже сами Ливонцы. Со времени Іоанна III дань эта признавалась Ливоніей, но источникъ ея до сихъ поръ теменъ. Кто говоритъ, что эта дань шла за нѣкоторыя порубежныя дѣла, кто говоритъ, что это были приношенія въ церковь св. Троицы во Псковѣ, кто говоритъ, что это была давнишняя дань. Такъ или иначе, но Московское государство, требуя дань, считало себя законнымъ владѣтелемъ Ливоніи. Ливонцы, услыша подобное требованіе, нѣсколько смутились и говорили, что они будутъ писать въ имперію, цезарю, такъ какъ они, будто бы, безъ соизволенія его не могутъ заключать договора о дани. Это обыкновенный нѣмецкій пріемъ: цезарь далеко, будетъ переписка и дѣло затянется на долго. Московскій человѣкъ Терпигоревъ начинаетъ торопить Ливонцевъ, и они соглашаются заключить договоръ о дани, но тутъ же заявляютъ, что договоръ этотъ безъ санкціи императора все равно ничего не будетъ значить. Такимъ образомъ дѣло не сладилось. Очень характеристичны слова Терпигорева при этомъ. Получивъ договоръ и давая его своему слугѣ для храненія, онъ сказалъ, какъ передаетъ Арнтъ: „береги и корми этого теленка, чтобъ онъ выросъ и разжирѣлъ".

Московскія войска вступаютъ въ Ливонію въ 1558 году, города сдаются одинъ за дру-

гимъ, вся почти Ливонія занята русскими войсками. Магистръ Фюрстенбергъ отказывается отъ управленія и передаетъ его Кетлеру, послѣднему магистру Ливонскаго Ордена. Пользуясь такимъ положеніемъ Ливоніи, ея сосѣди вступаются въ ея дѣла: короли шведскій, датскій и польскій вмѣшиваются въ переговоры и желаютъ раздѣлить Ливонію. Кетлеръ снимаетъ съ себя званіе магистра и вступаетъ въ ленныя отношенія къ Сигизмунду-Августу, оставивъ себѣ только Курляндію съ правомъ исповѣдывать протестантскую вѣру. Вслѣдствіе этого Россія вступаетъ тотчасъ въ весьма непріятныя столкновенія съ Польшей и Литвой. При Сигизмундѣ-Августѣ вопросъ польскій не имѣлъ для насъ особенно трудностей; въ 1563г. русскія войска взяли Полоцкъ и такимъ образомъ стали на землѣ Литовской. Далѣе война идетъ съ перемѣнными успѣхами, но русскіе стоятъ еще въ Ливоніи... Въ это самое время произошелъ переворотъ въ характерѣ царя. Этотъ переворотъ въ характерѣ Ивана Васильевича относятъ ко времени смерти царицы Анастасіи (1560г.), но признаки большой раздражительности царя появились гораздо раньше. Мы знаемъ, что послѣ взятія Казани царь захворалъ (1553г.). Болѣзнь его подробно описана въ оффиціальной лѣтописи (мы знаемъ эту лѣтопись: - царственная книга и отрывокъ параллельной Александро-Невской лѣтописи, доходящей только до опричнины). Уже одно подробное описаніе въ лѣтописи говоритъ намъ, какое значеніе придавали этой болѣзни. Иванъ

1) У Руссова (Russov. Chronica rerum Livonicarum f. 43) этотъ эпизодъ переданъ иначе. Терпигоревъ говоритъ слугѣ: „Du weist nicht damit umzugehen, denn es ist ein kleines Kindelein, welches man mit weissem Brod und süsser Milch versorgen soll; wenn es nu älter wird, so wird es wol sprechen, und unserm Grossfürsten grossen Nutzen schaffen."

Васильевичъ. Въ офиціальной лѣтописи описываются обыкновенно взятіе городовъ, войны; внутреннія событія, напр. смерть царя, но подобныя вещи, какъ болѣзнь, разсказываются подробно только съ извѣстной опредѣленной цѣлью. Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на лѣтопись не просто, какъ на дѣло канцелярское, а смотрѣлъ довольно серьезно, самъ до нѣкоторой степени, какъ человѣкъ литературный, слѣдилъ за нею, и у него, видимо, было желаніе, чтобы событія излагались именно такъ, какъ совершались. Участіе Іоанна въ лѣтописи свидѣтельствуетъ намъ, что въ ней записывались разныя, имѣющія для него значенія, дѣла, - и все, что имѣло офиціальное значеніе. Болѣзнь царя потому описана здѣсь подробно. Изъ этого подробнаго описанія болѣзни видно, что царь хотѣлъ назначить своимъ наслѣдникомъ сына своего Димитрія. Но бояре, преимущественно князья, бывшіе около него и самъ отецъ Адашева, желали, чтобы наслѣдникомъ былъ сынъ Андрея Старицкаго, Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ царя. Это приписывается интригамъ матери князя Владиміра, но въ словахъ самихъ бояръ слышится настоящая причина: „не желаемъ быть подъ властью Захарьиныхъ.“ Это указываетъ намъ несомнѣнно на то, что Захарьины были совѣтниками царя; указываетъ и на то, что объясняетъ намъ и подробнѣйшія дѣла, т. е. что царь потому подозрѣвалъ бояръ, что они были не въ ладу съ его шурьями. Когда удалось смирить волненіе, царь обратился къ Захарьинымъ съ такими замѣчательными словами: „А вы чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы отъ нихъ первые будете мертвецы; такъ вы бы за сына моего и за его мать умерли, а женѣ моей на поруганіе боярамъ не дали.“ Бояре все таки должны были признать Димитрія наслѣдникомъ, но послѣ бывшихъ волненій въ нерасположеніи остались.

Іоаннъ выздоровѣлъ и отправился пѣшкомъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь,

Было время памятное при болѣзни Ивана Васильевича. Странно, что бояре начали отговаривать его отъ этого намѣренія. Вѣроятно, они боялись, что Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря, любимецъ отца Іоаннова Василія и противникъ бояръ, при встрѣчѣ съ Іоанномъ будетъ ему наговаривать на нихъ. Іоанна грозили Божьимъ гнѣвомъ, грозили смертью сына и представляли разныя „страшилы", какъ выражался потомъ Иванъ Васильевичъ. Однако царь не послушался ихъ, не послушался и Максима Грека, съ которымъ свидѣлся въ Троицкой Лаврѣ уже на дорогѣ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь и который отговаривалъ его тоже. Во время этого путешествія Іоаннъ имѣлъ свиданіе съ Вассіаномъ. Объ этомъ говоритъ Курбскій и говоритъ, будто бы Вассіанъ сказалъ Ивану на ухо: „если хочешь быть самодержцемъ, не держи совѣтниковъ умнѣе себя". Очевидно, что Курбскій угадалъ, что шепнулъ царю Вассіанъ: если такой совѣтъ данъ былъ въ такой формѣ, то, конечно, царь, который не считалъ никого умнѣе себя, не могъ передать другимъ этотъ совѣтъ въ словахъ. Какъ будто бы нарочно, по возвращеніи царя съ богомолья, старшій его сынъ Димитрій умеръ; и эта смерть была какъ будто исполненіемъ того Божьяго наказанія, которымъ грозили ему бояре и Максимъ Грекъ.

Въ 7 лѣтъ, послѣдовавшихъ за болѣзнью Іоанна, разладъ между нимъ и его совѣтниками сдѣлался очевиднымъ, однако дѣйствовать противъ нихъ онъ долго не рѣшался. Даже послѣ смерти Анастасіи онъ поступилъ съ ними сравнительно мягко. Адашева отправили на воеводство въ одинъ изъ Ливонскихъ городовъ, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Вскорѣ за тѣмъ уже начинается эпоха казней. Причинъ и подробностей ихъ мы не знаемъ, но многочисленность ихъ засвидѣтельствована самимъ Іоанномъ въ его синодикахъ

(изъ которыхъ два напечатаны у Курбскаго и въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи,“ а третій находится въ Казани). Что же касается причинъ казней, — то о нихъ мы можемъ только догадываться. Мы знаемъ только, что еще Василій Ивановичъ началъ брать со своихъ бояръ поручительныя записи; въ этихъ записяхъ нѣсколько бояръ ручались за нѣсколько другихъ, за этихъ послѣднихъ еще иные. Так. обр. существовала цѣлая система предостороженностей, имѣвшихъ источникомъ отчасти подозрительность царя. Мы знаемъ, что отъѣздъ Курбскаго еще больше помогъ этому подозрѣнію: Курбскій велъ переговоры съ Сигизмундомъ-Августомъ и на основаніи этихъ переговоровъ отъѣхалъ. До насъ дошли грамоты Сигизмунда къ русскимъ боярамъ. Эти грамоты заподозрѣны Карамзинымъ, который думалъ, что ихъ написалъ самъ Іоаннъ, но польскій историкъ Даниловичъ въ своей книгѣ „Skarbec dyplomatow“ говоритъ, что они могли быть написаны Сигизмундомъ. Бояре также писали Сигизмунду и между ихъ письмами замѣчательно письмо Бѣльскаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, жалуется, что съ ними — старшими Гедиминовичами дурно поступили младшіе (Ягеллоны). Съ этой же точки зрѣнія должно разсматривать и переписку Курбскаго съ Іоанномъ. Переписка эта уже давно обращала на себя вниманіе историковъ; Карамзинъ главнымъ образомъ и пользовался ею и „Исторіею Курбскаго“, но правильный взглядъ впервые высказанъ С. М. Соловьевымъ въ его сочиненіи „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“; здѣсь Курбскій въ первый разъ поставленъ въ родовыя отношенія, и его борьба съ Грознымъ объяснена удѣльными отношеніями. Мы перестаемъ смотрѣть на Курбскаго, какъ на безпристрастнаго свидѣтеля, но также и не видимъ въ немъ только измѣнника, а считаемъ еще представителемъ цѣлой партіи. Поэтому разсказъ Курбскаго не можетъ быть принятъ безъ многихъ оговорокъ, и мы не можемъ уже ему такъ вѣрить, какъ вѣрилъ Карамзинъ, увлеченный прос-

тотою, талантливостью и живостью разсказа кн. Андрея Михайловича и извлекавший изъ него нравственныя поученія. Первый, кто рѣшился усомниться въ вѣрности этихъ извѣстій и подвергнуть ихъ критикѣ, былъ Ник. Серг. Арцыбышевъ, авторъ „повѣствованія о Россіи". Это первая книга, которая рѣшилась откинуть нѣсколько подробностей въ изложеніи исторіи Ивана Грознаго. Но вообще вопросъ о казняхъ Іоанна остается до сихъ поръ вопросомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что казни были; достовѣрно извѣстно, что эти казни были многочисленны, что Іоаннъ, увлекаемый характеромъ и борьбою, уничтожая сопротивленіе, не щадилъ человѣческой жизни. Но надо помнить, что это было время Филиппа II, Варѳоломеевской ночи, Генриха VIII и Елизаветы. Стоитъ только прочесть нѣсколько страницъ изъ трагедій англ. писателей XVI в., чтобы видѣть, какіе эффекты нужны были, чтобы вызвать сочувствіе тогдашняго общества. Это былъ вѣкъ весьма не мягкій не только у насъ, но и на Западѣ. Однако съ другой стороны, нельзя считать, какъ дѣлаетъ Горскій, нравственно правымъ правленіе Іоанна во всѣхъ его казняхъ и нравственно виноватыми всѣхъ казненныхъ. Горскій въ своей книгѣ дѣлаетъ обвинительный актъ противъ Курбскаго, онъ играетъ тутъ, такъ сказать, роль прокурора; въ настоящее время нѣкоторые другіе стараются быть адвокатами князя Андрея Михайловича; но ни то ни другое не свойственно историку; оправдывать и осуждать прошедшее онъ не имѣетъ права: это право вообще не принадлежитъ человѣку. Объяснить же себѣ эти событія должно тѣмъ, что Иванъ сначала вѣрилъ своимъ совѣтникамъ, потомъ усумнился, и разъ усумнившись, онъ дѣлался все больше и больше подозрительнымъ; а подозрительность была развита у него еще въ дѣтствѣ.

Къ этой порѣ принадлежитъ еще одно очень вліятельное событіе — второй его бракъ. Пер-

вая его жена имѣла на него громадное нравственное вліяніе; вліяніе второй было ничтожнымъ. Поэтому Грозный во вторую половину своего царствованія нравственно, очевидно, очень палъ, хотя умственно и продолжалъ еще долго стоять на той же высотѣ.

Въ 64ᵐ произошло странное событіе: царь внезапно уѣхалъ изъ Москвы, и никто не зналъ, гдѣ онъ. Наконецъ, уже великимъ постомъ получаютъ изъ Александровской слободы отъ него грамоту къ митрополиту, боярамъ и народу, въ которой онъ объявляетъ, что отказывается отъ престола, если не будутъ во всемъ слушаться его. Митрополитъ и бояре поѣхали къ нему съ депутаціей и просили его остаться. Этой депутаціи Іоаннъ обѣщалъ возвратиться, если примутъ его условія. Условія эти состояли въ томъ, что онъ могъ казнить, кого угодно. Вслѣдъ за тѣмъ онъ раздѣлилъ всю русскую землю на 2 части: земщину и опричину; бояре земскіе только въ важныхъ случаяхъ должны обращаться къ Іоанну; надъ всею этою частію онъ поставилъ особаго царя - Симеона Бекбулатовича; Іоаннъ, не довѣряя своимъ родовитымъ совѣтникамъ, составилъ опричину изъ тѣхъ, кто ему нравился. Сколько времени существовала опричина въ точности неизвѣстно. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что до смерти Іоанна она не была уничтожена. Что касается описанія дѣлъ опричины, то должно замѣтить, что свѣдѣнія о нихъ гл. обр. почерпаются изъ записки Элерта Крузе и Іоганна Таубе, которые, какъ извѣстно, измѣнивъ Іоанну, перешли на службу къ Кетлеру и, очевидно, старались очернить, насколько возможно, своего бывшаго господина, а между тѣмъ, партійныя ихъ описанія привлекаютъ вниманіе многихъ историковъ и пользуются довѣріемъ ихъ. Что же касается до сущности опричины, то еще Соловьевъ въ свое время указалъ, что опричина находится въ связи съ идеею, послѣ развитою, именно отдѣленія государева, личнаго отъ государственнаго, земскаго. Царь Симеонъ Бекбу-

Малюта игралъ такую же роль, какъ Ромодановскій при Петрѣ I. Но Петръ былъ человѣкъ практическій и только для мирскаго дѣла держалъ Ромодановскаго; иначе относился Иоаннъ Грозный, и потому и результаты были иные.

Между тѣмъ царь становился все грознѣе и грознѣе. Въ 70-году онъ явился въ Новгородъ и тамъ топилъ народъ. По его собственнымъ словамъ было утоплено около 600 чел. Есть указанія на связанное съ этимъ событіемъ какое-то изм[ѣ]нническое дѣло; но оно къ сожалѣнію погибло. Передъ этимъ еще случилось событіе, сильно подѣйствовавшее на умы современниковъ; это низверженіе митр. Филиппа, рѣшившагося возстать противъ опричины, вопреки своему обѣщанію не трогать ея. Поводомъ послужило извѣстное происшествіе въ Александровскомъ монастырѣ. Царь поручилъ своему любимцу Малютѣ-Скуратову свести митрополита съ престола, и это было торжественно исполнено во время обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Исторію Филиппа мы узнаемъ по источнику, котораго нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ. Это такъ называемое „Житіе Филиппа". Мы знаемъ, что патріархъ Никонъ представлялъ себѣ Филиппа мученикомъ свѣтской власти и склонилъ царя Алексѣя Михайловича на перенесеніе мощей Филиппа съ тою цѣлью, чтобы показать всю опасность для свѣтской власти вступать въ борьбу съ духовною. Так. обр. Филиппъ являлся какъ представитель этой борьбы и поэтому очевидно съ какою осторожностью должно относиться къ его „Житію".

Между тѣмъ литовская война продолжалась. Появленіе на польскомъ престолѣ Стефана Баторія, которое было непріятно Москвѣ, придало войнѣ силу. Съ другой стороны появленіе Шведовъ въ Прибалтійскомъ краѣ навязало намъ новыхъ враговъ. Въ 1581 году Стефанъ Баторій, взявъ Полоцкъ, двинулся на Псковъ. Осада продолжалась долго, и защита его княземъ Ив. Петр. Шуйскимъ была чрезвычайно удачна. Не смотря на это, и...

по дорогѣ около Пскова было взято. А между тѣмъ Ив. Васильевичъ совсѣмъ пересталъ надѣяться на своихъ воеводъ, минуты недовѣрія выпадали все чаще и чаще, и наконецъ онъ обратился къ посредничеству папы Григорія VIII для прекращенія войны, и миръ былъ заключенъ при посредствѣ папскаго легата Антонія Поссевина; этотъ миръ былъ не выгоденъ для Россіи; она уступила Польшѣ всѣ пріобрѣтенія; но Іоаннъ очень желалъ окончанія войны, чувствуя себя слабымъ и утомленнымъ и становясь съ каждымъ днемъ все недовѣрчивѣе; эта недовѣрчивость дошла въ это время до того, что, когда старшій сынъ его сталъ проситься въ войско, царь заподозривъ сына въ измѣнѣ, такъ ударилъ его своимъ жезломъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, что тотъ умеръ. Послѣ заключенія мира Іоаннъ имѣлъ замѣчательную бесѣду съ Поссевиномъ (іезуитомъ) о папской власти, гдѣ высказалъ свои взгляды на отношенія свѣтской и духовной власти и на необходимость ихъ раздѣленія.

Въ это темное время одно событіе смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе: въ 83 г. было получено извѣстіе о завоеваніи казаками Сибирскаго царства, которое заключало нынѣшнюю Тобольскую губ. Походъ былъ совершенъ на средства Строгоновыхъ, имѣвшихъ у Урала обширныя земли и даже крѣпости, и подъ предводительствомъ Ермака, бывшаго раньше разбойникомъ на Волгѣ. Атаманъ Кольцо былъ посланъ въ Москву бить челомъ царю Сибирскимъ царствомъ и его столицею Искеромъ, и царь щедро наградилъ завоевателей.

Таковы событія царствованія Грознаго. Какова же сама личность Ивана Васильевича? Можно сказать, что до сихъ поръ она не оцѣнена вполнѣ безпристрастно и вѣрно. Русская историческая наука слѣдитъ за нимъ съ конца XVII в., и постоянно выростаютъ новыя мнѣнія. Пока не разсуждали о личности, не оцѣнивали его, до тѣхъ поръ объ Ив. Васильевичѣ знали только то, что зналъ народъ, т. е. его казни; онъ выпалывалъ измѣну въ Новгородѣ, онъ же выпалывалъ измѣны въ Мо-

ковъ". Но народъ сочувствуетъ Грозному и становится на его сторону: онъ защищалъ, по мнѣнію народа, слабыхъ и покровительствовалъ бѣднымъ. Петръ I считалъ себя его преемникомъ: когда князь Голицынскій устроилъ для встрѣчи Петра тріумфальныя ворота и на одной сторонѣ ихъ изобразилъ Ивана Грознаго, а на другой — Петра, то царь сказалъ: „онъ угадалъ: это мой предшественникъ". Первый, кто сталъ изучать характеръ Грознаго, былъ князь М. М. Щербатовъ, но онъ представилъ только изображеніе отдѣльныхъ чертъ: царь благочестивъ, строгъ, воинственъ и т. д., словомъ приведены и соединены противорѣчія. Карамзинъ понялъ Іоанна такимъ образомъ: въ первой половинѣ своего царствованія онъ былъ хорошимъ царемъ, потому что находился подъ вліяніемъ хорошихъ совѣтниковъ, во второй же сдѣлался жестокимъ, такъ что Иванъ Васильевичъ VIII т. „Исторіи Госуд. Россійскаго" совершенно не похожъ на Ив. Вас. IX т. Это заставило Полеваго заключить, что Иванъ IV самъ не управлялъ, а управляли сначала его совѣтники — Сильвестръ и Адашевъ, а потомъ опричина. Бѣлинскій понялъ Іоанна иначе: онъ нашелъ въ немъ много общаго съ Людовикомъ XI, характеристика коего у Мишле много подходитъ и къ Ивану Васильевичу. За Бѣлинскимъ слѣдуетъ Кавелинъ и Соловьевъ. Уже было сказано объ оцѣнкѣ характера Грознаго въ „Исторіи род. отнош. князей"; въ своей же исторіи Россіи Соловьевъ судитъ объ Іоаннѣ не только съ одной политической точки зрѣнія, но и съ нравственной и указываетъ, что обличенія Филиппа ставятъ Іоанна въ иное положеніе, чѣмъ въ какомъ былъ турецкій царь Махметъ, съ которымъ сравниваютъ его одни современники. Кавелинъ видитъ въ Іоаннѣ народнаго вождя, вождя-демократа, представителя народной массы противъ аристократіи. Хомяковъ не любилъ Грознаго и въ своихъ маленькихъ статьяхъ оказываетъ предпочтеніе Ѳедору Ивановичу. К. Аксаковъ говоритъ, что Иванъ IV ничто иное, какъ [illegible]

ему нравившіе[ся] Грознаго представленія, и онъ только и употребляли ихъ. Иное мнѣніе поддерживаетъ въ своихъ статьяхъ Н. Костомаровъ, который не признаетъ цѣлымъ значеніемъ вдовы Ивана и защищаетъ его отъ Флетчеръ. Недавно сдѣлалъ очень хорошо умныхъ заключеній объ Иванѣ IV Жданова въ своей статьѣ, „Сборникъ", что онъ не [illegible] указываетъ на то, что Грозный не любимыхъ [illegible] малолѣтними. Итакъ цѣльнаго, полнаго и вѣрнаго представленія о характерѣ этого царя до сихъ поръ не составили, и [illegible], конечно, дальше въ этомъ отношеніи, чѣмъ Щербатова; но не имѣемъ также художественнаго образа, который могъ бы сравниться съ образомъ, нарисованнымъ Карамзинымъ. Очевидно, что наши историки и литераторы до сихъ поръ [illegible] во многомъ слѣдуютъ представленіямъ Н. Карамзина.

Ѳедоръ Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ послѣ себя оставилъ двухъ сыновей. Старшій, Ѳедоръ (отъ Анастасіи Романовны) былъ человѣкъ очень благочестивый, смиренный, тихій, слабый умственно и физически. „Пономаремъ бы быть тебѣ, Ѳедя, не царемъ", говаривалъ его отецъ. Иванъ Васильевичъ видѣлъ, что при такомъ наслѣдникѣ должны быть совѣтники, и назначилъ для того бояръ: Романова, дядю Ѳедора по матери, Ив. Петр. Шуйскаго, извѣстнаго защитника Пскова, Мстиславскаго, начальника Думы, Бѣльскаго, которому Иванъ поручилъ также охрану своего младшаго сына, и наконецъ, шурина царя — Бориса Годунова. Не могло быть большаго согласія между этими совѣтниками. Тѣмъ болѣе что у царя стоялъ Годуновъ, человѣкъ ума сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень честолюбивый. Годуновъ старался стать во главѣ своихъ товарищей по Думѣ и это ему удалось. Богданъ Бѣльскій наиболѣе сильный противникъ его, ясно показалъ, что желаетъ выдвинуться впередъ. Вскорѣ послѣ вступленія Ѳедора на престолъ въ Москвѣ начались крики; произо-

мавшій царевичъ Дмитрій, сынъ Ивана отъ седьмой жены. Легко было видѣть, что подъ [?] этими группировались сторонни-ки, те самые Бѣльскій, любимецъ Димитрія, желавшій играть въ государственныхъ рамкахъ роль. Клики были усмирены. Послѣ, когда Борисъ былъ царемъ, до него дошли неосторожныя слова Бѣльскаго, сказанныя имъ во время постройки городовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ: „Борисъ-царь въ Москвѣ, а я здѣсь царь." Онъ призвалъ Бѣльскаго и велѣлъ выщипать ему бороду. Другіе члены Думы относились къ Борису также не совсѣмъ дружелюбно. Между прочимъ, поговоривши съ митрополитомъ, рѣшились они предложить царю развестись съ женою; Θедоръ отказался, и за предложеніе, по старанію Годунова, Шуйскій былъ удаленъ и погибъ въ темницѣ, митрополитъ свергнутъ, и на его мѣсто назначенъ Іовъ, креатура Бориса; Романовъ умеръ. Так. обр. изъ членовъ Думы оставались при царѣ кромѣ Годунова кн. Мстиславскій. Родъ Мстиславскихъ постоянно былъ на первомъ планѣ по почету, но дарованій не имѣлъ. Борисъ остался безъ соперниковъ.

Не совсѣмъ справедливо мнѣніе, что Годуновъ — не аристократъ: еще съ начала Московскаго княжества выдвинулся его родъ, изъ родственнаго имъ дома Сабуровыхъ была Соломонія; и много упоминаній съ Годуновыми отъ ... Кромѣ Борисъ Годуновъ получилъ по наслѣдству и самъ пріобрѣлъ потомъ большія богатства, такъ онъ получилъ большія земли „и конюшій путь". Чинъ конюшаго былъ первымъ при Московскомъ дворѣ: Годуновъ имѣлъ подъ своимъ управленіемъ всю конюшенную вотчину. Сверхъ кормленія, соединеннаго съ этою должностью, онъ получилъ еще на Двинѣ большую область — Вагу. Так. образ. Борисъ заранѣе былъ поставленъ на видное мѣсто.

Все время царствованія Θедора Ивановича Борисъ Годуновъ пользовался наибольшимъ значеніемъ. Во войнѣ со Швеціей, начавшейся при этомъ царѣ, Россія воспользовалась борьбою между двумя претендентами на Шведскій престолъ: королемъ Сигизмундомъ III и дядею его

Карелы; по миру со Швеціей мы получили отъ нея Ямъ, Иванъ-городъ, Копорье. Съ Польшею поддерживались сношенія. Была мысль сдѣлать Θедора Ивановича великимъ княземъ литовскимъ, но она осталась не осуществленною: въ короли польскіе и великіе князья литовскіе былъ выбранъ шведскій королевичъ.

На дальнемъ востокѣ Россія уже подвинулась дальше. Со времени Ивана Васильевича русская власть явилась на р. Терекѣ. Борисъ вмѣшивался и въ Кавказскія дѣла. Мы посылаемъ туда войско на поддержку грузинскаго царя Александра.

Внутри государства при Θедорѣ Ивановичѣ произошли два событія: введеніе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Исидоръ былъ свергнутъ, ни одинъ изъ Московскихъ митрополитовъ не ѣздилъ ставиться въ Константинополь; но все таки митрополитъ по своему значенію былъ не то, что патріархъ. Паденіе Константинополя придало рѣшимости русскому правительству. Воспользовались пріѣздомъ въ Россію Константинопольскаго патріарха Іереміи, который долго жилъ въ юго-западномъ краѣ, устраивая здѣсь церковь. Когда Іеремія пріѣхалъ въ Москву, ему предложено было патріаршее достоинство, но съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. Іеремія отклонилъ отъ себя это предложеніе и поставилъ патріархомъ въ Москвѣ Іова. Так. обр. московскій патріархъ возведенъ былъ на равную степень съ патріархами восточными и считался пятымъ патріархомъ. Самостоятельная церковь по восточнымъ понятіямъ должна соединяться съ большею или меньшею самостоятельностью государства. Поэтому Іеремія поставилъ русскимъ патріархомъ того человѣка, который былъ намѣченъ московскимъ правительствомъ. Чтобы усилить значеніе новаго патріарха, тогда съ нимъ поставлены были четыре митрополита: Новгородскій, Казанскій, Крутицкій и Ростовскій. Крутицкій митрополитъ считался викаріемъ Московскаго патріарха. Уже давно жилъ въ Крутицахъ, подъ Москвою, епископъ Сарскій и Подонскій, т. е. управлявшій

рахомъ въ Сарай; отсюда теперь и сдѣлался крутицкимъ митрополитомъ. Кромѣ того нѣкоторые епископы возведены были въ званіе архіепископовъ. Такъ была устроена русская церковь въ 1589 году.

Къ 1592 году относятъ постановленіе о томъ, что крестьяне не должны переходить со своихъ земель. Собственно указанія на 1592 г. прямого нѣтъ, а дошелъ до насъ указъ 1597 года, по которому можно было въ теченіи 5 л. возвращать крестьянъ на ихъ первоначальное мѣстожительство. Этотъ указъ о 5 л. повторялся и далѣе, только при Романовыхъ вышелъ указъ о безсрочномъ возвращеніи крестьянъ, ушедшихъ съ земли. Вопросъ объ указѣ 1592 г. едва ли не рѣшается отрицательно: прямыхъ ссылокъ на этотъ указъ въ позднѣйшихъ не встрѣчается. Смыслъ и значеніе этого указа однако несомнѣненъ. Древняя Русь не знала крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, кромѣ холоповъ, поселенныхъ помѣщиками на ихъ земляхъ, но всѣ пришлые на эту землю не считались крѣпостными. Число „невольныхъ" людей, занимавшихся земледѣліемъ, было однако довольно значительно; въ грамотахъ мы встрѣчаемъ указанія на нихъ. Каждый помѣщикъ долженъ былъ явиться на войну „конемъ, людьми и оружіемъ". Очень часто онъ находился въ отдаленной и продолжительной службѣ, а въ это время земли его оставались пустыми, — народъ уходилъ на земли большихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, у которыхъ всегда было меньше требованій, а большое количество земель требовало большаго числа рукъ для обработки. Это обстоятельство вызывало жалобы мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и духовенства, которое имѣло много своихъ земель. Монастыри были также именно промышленными общинами, какія существуютъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно сѣверныхъ: Соловецкомъ и Валаамскомъ и Коневецкомъ. Они усердно относились къ воздѣлыванію своихъ земель; поэтому еще при Василіи Васильевичѣ Темномъ Троицкій монастырь просилъ не позволять крестьянамъ

[illegible] несовмѣстное этими требованіями, правительство поставлено было въ необходимость исполнять требованія служилыхъ людей; иначе самое существенное, что нужно было для московскаго государства, — военная служба — было бы неисполнено. Вотъ почему оно рѣшилось на ту мѣру, которая приведена была въ исполненіе въ 1597 г. Но были ли приписаны къ землѣ всѣ крестьяне? Очевидно — нѣтъ. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются два выраженія, когда говорится о крестьянахъ, оставившихъ свои земли: ушелъ и сбѣжалъ. Кто сошелъ, тотъ имѣлъ право уйти. Это были бобыли, батраки, безземельные гулящіе люди. Когда основывали новыя слободы, то дозволялось сажать въ нихъ гулящихъ людей. Ясно, что въ средѣ гулящихъ людей былъ элементъ и вольныхъ, предковъ нынѣшняго Ивана — не помнящаго родства. Только при Алексѣѣ Михайловичѣ было дано право продавать крестьянъ безъ земли; при Алексѣѣ Михайловичѣ явилось смѣшеніе холоповъ съ крестьянами. Существованіе холоповъ объясняетъ намъ огромное количество явленій, встрѣчающихся въ позднѣйшіе вѣка, объясняетъ намъ существованіе множества дворовыхъ людей, продолженіе типа холопа. Московское государство непремѣнно должно было достигнуть прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, такъ какъ на всѣ безъ исключенія сословія оно наложило свое тягло. Тягло наложено на дворянъ — служба, тягло наложено на посадскихъ — подати и обязанность не оставлять городовъ, и крестьяне не могли оставаться свободными. Съ другой стороны, прикрѣпленіе крестьянъ отвѣчало государственному устройству, начавшемуся съ Ивана Грознаго, усиленію служилаго сословія, которое потомъ должно было обратиться въ дворянство XVIII вѣка.

Въ 1591 году въ Угличѣ совершилось неожиданное событіе. На дворѣ дворца царевичъ Димитрій, жившій въ Угличѣ съ ма-

спряло свою, найденъ былъ уже мертвымъ. Пономарь, узнавши объ этомъ, началъ звонить въ колоколъ; пришедшіе граждане увидѣли царицу, которая кричала въ неистовствѣ надъ тѣломъ царевича и обвиняла въ убійствѣ людей, подосланныхъ Годуновымъ. Въ Москвѣ узнаютъ объ этомъ событіи и самоуправствѣ угличанъ. Начинается слѣдствіе, производитъ его Вас. Ив. Шуйскій. По слѣдствію оказывается два различныхъ, ничѣмъ непримиримыхъ между собою, ряда показаній: одни, преимущественно Нагіе, родственники царевича, утверждаютъ, что онъ убитъ Битяговскимъ, Колобовымъ и Качаловымъ. Они разсказываютъ, что царевичъ Дмитрій вышелъ послѣ обѣда на крыльцо, и тогда одинъ изъ убійцъ подошелъ и спросилъ его: „у тебя новое ожерелье!" — Нѣтъ: старое, отвѣчалъ царевичъ и поднялъ шейку. Тутъ его закололи. Другіе разсказываютъ иначе; разсказывали, будто бы царевичъ Дмитрій игралъ ножемъ въ тычку (эта игра — то же что игра въ свайку, т. е. въ кругъ долженъ быть пущенъ ножикъ); во время этой игры будто бы онъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Правительство тогдашнее приняло послѣднее свидѣтельство, и жители Углича за самоуправство наказаны были ссылкою. Говорятъ, даже будто бы углицкій колоколъ пересланъ былъ въ Сибирь. Царица Марѳа была сослана въ Горицкій монастырь, гдѣ до сихъ поръ показываютъ икону царевича Дмитрія, которую будто бы пожертвовала сама царица Марѳа. Въ какой степени преданіе это справедливо, неизвѣстно. Василій Ивановичъ Шуйскій два или три раза въ теченіи своей жизни мѣнялъ показаніе: то говорилъ, что царевичъ убитъ, то говорилъ, что не убитъ, а во время своего царствованія перевезъ въ Москву мощи Дмитрія и поставилъ въ Архангельскомъ соборѣ. Современники склонно вѣрили тому, что если Дмитрій убитъ, то убій-

Борисомъ. Народное преданіе до сихъ поръ сохраняетъ за Годуновымъ память убійцы. Другіе въ то время думали, что Димитрій не былъ убитъ, но что во всякомъ случаѣ тутъ кто-то былъ убитъ по приказанію Годунова. Что Димитрій былъ зарѣзанъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но вопросъ, кѣмъ онъ былъ убитъ? Въ 30-хъ годахъ появилась статья Андр. Алексѣев. Кругловскаго, который защищалъ Годунова въ убійствѣ. Кромѣ того другіе авторы защищали Годунова: М. П. Погодинъ, Н. Г. Устряловъ стояли на томъ убѣжденіи, что слѣдствіе углицкое было вѣрно, и что Димитрій самъ себя зарѣзалъ, попавъ въ тычку. Въ недавнее время, лѣтъ семь тому назадъ, въ Ж. М. Н. П. за 73-годъ Бѣловъ написалъ статью, въ которой чрезвычайно остроумно доказывалъ, что Димитрій самъ себя зарѣзалъ. Но на этомъ онъ не остановился, онъ показываетъ, какъ и кому было полезно разсудить, что Борисъ велѣлъ зарѣзать Димитрія. Онъ указываетъ на тѣ любопытнѣйшія лѣтописныя извѣстія, которыя свидѣтельствуютъ, что раньше убійства Годуновъ говорилъ объ этомъ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, и что эти лица были въ числѣ лицъ, служившихъ Василію Ивановичу Шуйскому. Это обстоятельство заставляетъ думать, что враги Годунова подбрасывали въ народъ эту молву. Собственно же убійства, можетъ быть, не было.

Нашлась другая сторона: нѣкоторые писатели, между прочимъ Платонъ Васильевичъ Павловъ, утверждали, что Димитрій убитъ былъ по волѣ Годунова, что Годуновъ здѣсь заботился не о своихъ личныхъ дѣлахъ, а о государственныхъ цѣляхъ, чтобы не помѣшать наслѣдникамъ Θеодора Ивановича (если у него будутъ дѣти). Говорятъ, что если бы былъ сынъ у Θеодора Ивановича, то онъ тогда былъ бы отстраненъ. Затѣмъ у него въ рукахъ было очень важное орудіе, которымъ онъ воспользовался: Димитрій былъ сынъ царя Ивана Вас. отъ седьмой жены. Въ церкви было запрещено поминать его на томъ основаніи, что онъ незаконный сынъ.

Русская власть въ Сибири шла все далѣе и далѣе: построены города Нарымъ, Тобольскъ. Земская была устроена линія укрѣпленій на южной границѣ отъ татаръ, которая устраивалась начала съ Ивана III, а преимущественно при Иванѣ IV, въ нынѣшней Тамбовской губерніи.

Ѳедоръ Ивановичъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. Единственная дочь его умерла вскорѣ послѣ рожденія. Есть преданіе, что, умирая, онъ отдалъ царскій скипетръ въ руки Ѳедору Романовичу, но Годуновъ вырвалъ изъ рукъ его этотъ скипетръ.

Борисъ Годуновъ.

Въ 1598 году прекратилась жизнь царя. Люди близкіе къ правительству рѣшились предложить прежде всего престолъ царицѣ Иринѣ. Но она, подъ видомъ монахини, удалилась въ Новодѣвичій монастырь. Братъ ея, Борисъ, жилъ тамъ же. Изъ разсказовъ его поняли одно, что надобно собрать земскій соборъ. Этотъ соборъ предложилъ корону Борису; и онъ, конечно, согласился. Первымъ дѣломъ его было собрать войско для отраженія набѣговъ Крымскаго хана. Но явился ханскій посолъ, переговоривъ съ которымъ, Борисъ распустилъ войско и пріѣхалъ въ Москву на коронацію. На этой коронаціи онъ брался за воротъ своей рубашки, которая, во вкусѣ того времени, вся была вышита золотомъ и жемчугомъ, и сказалъ: „и этою послѣднею я подѣлюсь съ народомъ". У Бориса, какъ извѣстно, было много враговъ. Въ хронографахъ, въ коихъ писали тогдашніе люди про себя разныя замѣтки, заключались подъ часъ интересныя свѣдѣнія; въ одномъ изъ такихъ хронографовъ сохранилось указаніе, что народъ принуждали подавать голосъ за Бориса; разсказываютъ также, что тогдашніе полицейскіе чины заставляли народъ плакать, и многіе, за неимѣніемъ слезъ, мазали глаза слюнями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самый этотъ выборъ былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ людей близкихъ къ Борису. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между боярами и князьями были люди недовольные возвышеніемъ человѣка, который, хотя и принадле-

жалъ къ ихъ слою общества; но который стоялъ въ первомъ ряду ихъ силы. Так. обр. ясно, что готовилось что-то такое; Борисъ это чувствовалъ и никакъ не могъ стать на точку зрѣнія, которая подняла бы его. Онъ запрещалъ боярамъ Мстиславскому и Шуйскому жениться. Бояре могли относиться съ покорностью къ Грозному и прочимъ единому государю русской земли; а къ Борису такъ относиться было труднѣе, потому что онъ самъ вышелъ изъ ихъ среды. Во всякомъ случаѣ многіе изъ бояръ могли имѣть кого-нибудь, кто бы стоялъ за нихъ. Князь Василій Иванов. Шуйскій не могъ забыть того, что онъ ближайшій потомокъ Александра Невскаго; и дѣйствительно, во всякой другой странѣ Шуйскій считался бы принцемъ крови по происхожденію изъ царскаго дома. Извѣстно, что между Генрихомъ III и Генрихомъ IV существуетъ почти такая же связь, какъ между царемъ Ѳедоромъ Ив. и Василіемъ Иван. Шуйскимъ, такъ какъ по смерти Александра Невскаго (+1263) разошлись двѣ линіи. Генрихъ III и Генрихъ IV, разошлись по смерти Людовика IX. Так. обр. эти двѣ линіи разошлись, но воспоминаніе еще оставалось. Только въ началѣ XVI в. потеряли свои царственныя права князья Суздальскіе, къ которымъ принадлежалъ Шуйскій. Между боярами на первый планъ выдвигался Романовъ. Так. обр. ясно, что у Годунова были постоянно люди, которые считали его похитителемъ престола, и не могли смотрѣть на него, какъ на законнаго государя. Если бы онъ умѣлъ стать выше этихъ бояръ и достигнуть любви народной, то, можетъ быть, и укрѣпился бы на престолѣ. Но, къ сожалѣнію, этого не было. Борисъ не былъ привлекателенъ по своему характеру: умный, но подозрительный, вступивши на престолъ, онъ сталъ еще подозрительнѣе. По этому поводу клятва, которую онъ обязался, заключала въ себѣ его жену, сына и обставлена была большими подробностями. Затѣмъ онъ учредилъ надзоръ за людьми, которые могли быть ему опасны. „Никогда, говорятъ современники, не развита была такъ система шпіонства, которая поручена была Ст-

пану Годунову, его благодѣтелю". Доносы холоповъ на господъ были постоянные. Послѣдніе годы царствованія Бориса были несчастные: въ 1601 г. начались моровая язва и голодъ, и большинство помѣщиковъ распустило своихъ холоповъ, не имѣя возможности ихъ содержать. Холопы составили шайки и тревожили самую Москву. Шайка Хлопка Косолапаго была разбита; но люди изъ этой шайки бѣжали въ Сѣверскую землю. Смертность была многая: находили трупы на дорогахъ; въ самой Москвѣ бѣгали лисицы; въ селахъ не находили тогда ни одного живого человѣка. А между тѣмъ Борисъ хотѣлъ доказать, что русская земля богата: при пріѣздѣ иностранныхъ пословъ являлись всадники въ богатыхъ одеждахъ и т. д. Чтобы помочь этому общему горю, Борисъ прибѣгалъ къ различнымъ постройкамъ, которыя могли бы содержать народъ: онъ началъ строить знаменитую колокольню Ивана Великаго. Попытка Бориса отпирать боярскія житницы и продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ вызвала неудовольствіе: онъ велѣлъ обмолотить скирды хлѣба, изъ которыхъ некоторыя такъ долго стояли, что поросли кустарникомъ.

Къ этому времени, къ 1601 г., относятся первые слухи о самозванцѣ. Это важное извѣстіе встрѣчается у насъ въ разсказѣ иностранца, капитана Якова Маржерета. Въ другихъ мѣстахъ этого слуха не встрѣчается, а между тѣмъ онъ очень легко связывается съ гоненіемъ, поднятымъ противъ Романовыхъ. Александръ Романовъ первый былъ заподозрѣнъ. Въ домѣ его нашли мѣшокъ съ кореньями, которыми онъ будто бы думалъ отравить царя. Вмѣстѣ съ Александромъ взяты другіе Романовы и всѣ ихъ родственники и разосланы по разнымъ мѣстамъ. Филаретъ (Федоръ) былъ постриженъ въ Сійскомъ монастырѣ; пострижена была и жена его. И до сихъ поръ въ Пермской губ. показываютъ пещеру, въ которой жилъ одинъ изъ братьевъ Романовыхъ. Мы имѣемъ разсказъ пристава, стоявшаго при старцѣ Филаретѣ. Вотъ что говоритъ онъ о Филаретѣ: „Живетъ

старецъ Филаретъ не по монастырскому чину; все объ соколахъ да объ охотѣ говоритъ, какъ въ мірѣ онъ бывалъ, да часто говоритъ: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ." Хотя слѣдили за каждымъ шагомъ Романовыхъ, но имъ все таки удавалось завести между собой сношенія. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, мы знаемъ, награждено было много людей за помощь Романовымъ, что показываетъ ту популярность, которою они пользовались. Странно, почему Годуновъ такъ быстро ихъ удалилъ. Очевидно на нихъ падало какое-нибудь подозрѣніе. Это мы до нѣкоторой степени можемъ теперь понять: во всемъ дѣлѣ самозванца играетъ постоянно роль одно лицо, являющееся въ разное время и извѣстное подъ именемъ Гришки Отрепьева. Сынъ боярскаго сына изъ Галича, бѣдный Гришка Отрепьевъ долго шатался, былъ на службѣ у разныхъ лицъ и, между прочимъ, у Александра Романова, постригся, былъ въ Чудовомъ и въ другихъ монастыряхъ, затѣмъ и исчезъ, появился въ Польшѣ и, наконецъ, выступилъ въ качествѣ Димитрія. Сопоставивъ эти свѣдѣнія о Гришкѣ Отрепьевѣ, невольно приходишь къ тому предположенію, что Лжедимитрій не былъ Гришка... Однако, кто бы не былъ Гришка, извѣстно, что онъ находился на службѣ у Александра Романова. Какъ только разнесся первый слухъ о Григоріи, Борисъ обратился къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ онъ (т. е. Григорій) былъ прежде. Вотъ почему изъ Романовыхъ первый обратилъ на себя вниманіе Бориса не Ѳедоръ, а Александръ. Это ясно изъ сближенія фактовъ, выше указанныхъ.

Между тѣмъ Борисъ, не смотря на разносившуюся зловѣщую молву старается укрѣпить свою династію браками съ иностранными государями. Полагали, что онъ выберетъ для сына своего невѣсту на Востокѣ, дочь Грузинскаго царя, а жениха для дочери на Западѣ. Первымъ женихомъ ея явился Густавъ, непонравившійся Борису за то, что у него была любовница. Борисъ сослалъ Густава въ Ярославль. Скоро пріѣхалъ Датскій принцъ; но и онъ скоро умеръ.

Смерть его приписывалась Борису. Вообще все, что было дурного, все въ то время общество приписывало Борису: онъ убилъ Димитрія, онъ убилъ Датскаго принца и т. д. Крестьянское сословіе въ это время не осталось безучастнымъ. И мы видимъ, что въ тѣхъ краяхъ, которые [illegible] въ земляхъ Сѣверскихъ и въ другихъ мѣстахъ крестьяне и холопы довольно сильно соединяются, и во время движенія самозванца много приписано было крестьянъ къ землевладѣльцамъ [illegible] было участіе въ общественномъ движеніи, напр. въ сѣверной Россіи.

Когда, наконецъ, въ Москвѣ объявился самозванецъ, Московское государство вступило въ неприязненныя отношенія съ Польшей. Но Польское правительство отказалось помогать и говорило, что оно тутъ ни при чёмъ, хотя [illegible] было, что оно поступало точно также, какъ поступило позже. Правительство говорило Шуйскому: „не будетъ ни Петрушки, ни Димитрушки.“ Дѣло, что Польское правительство очень много участвовало въ этомъ и покровительствовало самозванцу по внушенію отцовъ-іезуитовъ, не смотря на то, что Замойскій былъ противъ этого, говоря, что Польское государство унизитъ себя, вступая въ сношенія съ обманщикомъ. Многіе поляки были убѣждены, что человѣкъ, называющій себя Димитріемъ, сыномъ Іоанна IV, — обманщикъ. У насъ до сихъ поръ онъ называется самозванцемъ. Но вопросъ о происхожденіи его — одинъ изъ самыхъ любопытнѣйшихъ. Какъ извѣстно, онъ укрывался у князя Вишневецкаго и ему открылъ свое происхожденіе. Одни говорятъ, что онъ открылся, когда Вишневецкій ударилъ его; другіе передаютъ, что онъ объявилъ о своемъ происхожденіи во время болѣзни. Воевода Сендомирскій — Юрій Мнишекъ привезъ его въ Краковъ, гдѣ воспользовались имъ отцы-іезуиты; и уже тогда онъ получилъ большое значеніе у Сигизмунда, который принялъ его и считалъ за царевича и позволилъ [illegible] помогать ему. Кто онъ, до сихъ поръ не узнали. Былъ ли онъ полякъ и воспитанникъ іезуитовъ? По его [illegible] отъ Польскихъ обычаевъ, по его безпредѣльному стремленію провести ихъ въ Россію, потому, наконецъ, что все польское для него было какъ-то

винка, останавливавшая постоянно его вниманіе; можно заключить, что онъ познакомился съ Поляками недавно. Онъ плѣнился внѣшностью польской цивилизаціи. Это человѣкъ въ родѣ того, какъ Котошихинъ былъ въ Швеціи. Для него Краковъ казался царствомъ небеснымъ, и онъ старался подражать тому, что было тамъ преимущественно со стороны внѣшности. Въ душѣ онъ не былъ католикомъ. Это оказывается изъ собранія документовъ іезуита Пирлинга. Если бы онъ былъ ученикомъ іезуитовъ, онъ дѣйствовалъ бы осторожнѣе. Они нашли его уже готовымъ и совѣтовать ему не могли, потому что онъ выражался и дѣйствовалъ часто не такъ, какъ они хотѣли. Если бы онъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ, то онъ писалъ бы правильно по латыни, а онъ пишетъ крайне невѣрно, напр. Im Perator, эта его несомнѣнная подпись существуетъ. Самъ о себѣ онъ разсказываетъ невѣроятныя исторіи, которымъ вѣритъ большинство иностранцевъ. Но мнѣ кажется, они заблуждаются. Такъ онъ разсказываетъ, будто бы у него былъ какой-то докторъ-иноземецъ Симонъ, который пришелъ къ нему и сказалъ: „ты спасешься", а вмѣсто него положили поповскаго сына, котораго убійцы и зарѣзали. Если это такъ, то какъ согласить это извѣстіе съ достовѣрными свидѣтельствами о томъ, что убійство было днемъ, какъ допустить, что въ Угличѣ не разобрали царевича отъ поповскаго сына, когда прощались съ убитымъ, какимъ образомъ объясняется оплакиваніе матери — развѣ она не знала этого? Словомъ, [illegible] такой разсказъ. Возникаетъ вопросъ, кто же составилъ этого [illegible]. [illegible] положили, что онъ не [illegible]. [illegible] человѣкъ слишкомъ открытый, слишкомъ легкомысленный, необузданный, неумѣвшій держать себя съ тайною, то трудно предположить, чтобы онъ могъ быть сознательнымъ самозванцемъ. [illegible] какъ же могъ онъ повѣрить, что въ 10 лѣтъ съ нимъ случилось событіе, которое должно бы сильно запечатлѣться въ памяти, а которое онъ забылъ? На это Соловьевъ отвѣчаетъ весьма хорошо: „мы теперь умѣемъ считать свои годы, но первоначально люди не умѣли счи-

тать свои лѣта. Спросите любую старуху, сколько ей лѣтъ, и она скажетъ: восьмой или девятый десятокъ. Можетъ ли эта старуха дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ ней было." Дѣйствительно, Димитрій былъ убежденъ, что въ 10 лѣтъ онъ былъ такъ малъ, что ничего не помнилъ. Большинство нашихъ писателей и, между прочимъ, покойный проф. Моск. Дух. Акад. Казанскій — вѣрятъ, однако, тому, что Лжедимитрій былъ Гришка, а что какой-то старецъ выдалъ себя за Гришку. Карамзинъ говоритъ, что это извѣстное лицо приняло на себя имя Гришки для того, чтобы Гришка могъ назваться Димитріемъ. Гришка былъ причетн. въ Чудовскомъ монастырѣ. Неудобно было сдѣлать здѣсь маскарадъ въ виду Чудовскаго монастыря. Затѣмъ въ это время, какъ извѣстно, монахи пользовались большою популярностью. Вообще въ домахъ считалось честью принимать шатающихся монаховъ, и такой балагуръ, какъ напр. Гришка, долженъ былъ быть извѣстенъ многимъ. Онъ былъ человѣкъ грамотный, литературный, развязный на языкъ и способный поразить воображеніе тогдашнихъ людей. Онъ былъ извѣстенъ многимъ въ Москвѣ, по всей вѣроятности, зналъ его и патріархъ. Все это дѣлало невозможнымъ появленіе такого лица въ Кремлѣ, около Чудова монастыря. Ясно, что это было лицо, воспитанное гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ Москвы и подготовленное именно съ этою цѣлью. Что онъ былъ подготовленъ, это мнѣ кажется несомнѣннымъ изъ тѣхъ соображеній, которыя я указалъ. Во всякомъ случаѣ, кто онъ былъ такой, останется всегда нерѣшеннымъ.

Такимъ обр. начали расходиться слухи о появленіи въ Польшѣ Димитрія. Извѣстіе объ этомъ относится еще къ 1601 году по довольно вѣроятному свидѣтельству Маржерета. Но точныя свѣдѣнія начали приходить только въ 1603 г. Московское правительство приняло свои мѣры: оно отправило пословъ въ Польшу, но это посольство не имѣло успѣха. Появившійся самозванецъ былъ въ первый разъ замѣченъ въ домѣ князя Вишне-

вецкаго. По какому-то случаю онъ открылся полякамъ; кто говоритъ — по случаю болѣзни; кто говоритъ, что Вишневецкій разсердясь, ударилъ его, тогда онъ сказалъ: „знаешь ли ты, кого бьешь? Я московскій царевичъ Димитрій." Сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ представилъ его королю, а тутъ уже обратили на него вниманіе отцы іезуиты. О. Пирлингъ, Римъ и Димитрій, вѣрно показывая, что іезуиты прежде не знали его, старается доказать, что іезуиты [illegible] [illegible], но приводимыя доказательства не подтверждаютъ этого. Исторія до сихъ поръ не знаетъ, кто былъ этотъ Димитрій. Въ русской исторической литературѣ есть масса изслѣдованій о томъ, что онъ не былъ настоящій Димитрій, какъ въ этомъ хотѣли увѣрить его приверженцы; это несомнѣнно. Настоящій Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ; тѣло его въ виду всѣхъ лежало въ Угличскомъ соборѣ. Трудно допустить, чтобы въ маленькомъ городкѣ не знали правды. Поэтому исторія о томъ, будто бы вмѣсто царевича убитъ сынъ попа, нелѣпа: въ маленькихъ городкахъ всѣ знаютъ другъ друга, и поэтому вещь невозможная, чтобы Димитрія не отличили отъ сына попа. Этотъ вопросъ долженъ быть отстраненъ по самой сущности дѣла. Затѣмъ, если принять разсказъ, который передалъ о себѣ названный Димитрій, то мы встрѣтимся съ другою неточностью: по его разсказу выходитъ, будто его подмѣнилъ докторъ Симонъ, который сказалъ ему: „тебя хотятъ убить, спрячься за печку, а на твое мѣсто я положу другого сына." По этому разсказу выходитъ, что убійство случилось ночью. Между тѣмъ всѣ показанія очевидцевъ свидѣтельствуютъ, что оно было днемъ, а не ночью. Стало быть разсказъ Димитрія не вѣренъ. Другіе говорятъ, что названный Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе наиболѣе распространено у насъ. Дѣйствительно, въ это время былъ [illegible] Гришка Отрепьевъ. Сынъ галицкаго боярскаго сына, онъ скитался по разнымъ монастырямъ, жилъ въ Чудовскомъ монастырѣ и былъ извѣстенъ самому

[illegible] Затѣмъ Гришка появляется въ царствованіе самозванца, который его ссылаетъ въ Ярославль за пьянство. Карамзинъ говоритъ, что этотъ Гришка былъ не настоящій Гришка, что онъ обмѣнялся именами съ самозванцемъ. Не надобно забывать, что тогда вся московская высшая жизнь сосредоточивалась въ Кремлѣ; тамъ были дворцы бояръ, тамъ же была одна изъ главныхъ святынь - Чудовъ монастырь. Монахи имѣли доступъ во все общество; монастыри часто посѣщались боярами и царями. Какимъ же образомъ могло быть, чтобы лицо, которое было на виду, назвалось другимъ именемъ, чтобы вмѣсто Гришки явился другой и объявилъ, что онъ Гришка. Очевидно, этого случая быть не могло. Невозможно и то, чтобы тотъ, кто назвалъ себя Димитріемъ, былъ Гришка. Соловьевъ полагаетъ, что бояре подговорили самозванца, взяли Григорія Отрепьева, предварительно увѣривъ его, что онъ царевичъ. Дѣйствительно, тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Онъ былъ самоувѣренъ, опрометчивъ и показывалъ примѣры доблести, которые обманщикъ не могъ бы показать. С. М. Соловьевъ основательно рѣшаетъ вопросъ о томъ, как. обр. человѣкъ могъ не помнить, что его подмѣнили въ 10 лѣтъ. Теперь каждый изъ насъ хорошо помнитъ, что было съ нимъ въ 10 лѣтъ. Такая сцена, какъ Углицкое убійство, не могла бы пройти для насъ безслѣдно; но это только для насъ: мы теперь привыкли хронологически опредѣлять свою жизнь, отдавать себѣ отчетъ. Люди же простые никогда не знаютъ, сколько имъ лѣтъ, они никогда не могутъ сопоставить хронологическихъ данныхъ. Очевидно простые люди не отдаютъ себѣ отчета о событіяхъ прошлой жизни и дѣйствительно не помнятъ событій своей ранней жизни; что было въ 10 лѣтъ, они того не помнятъ. Костомаровъ полагаетъ, что царица Марѳа была обманута, ее увѣрили, что сынъ ея обмѣненъ. Мнѣ кажется, что это невѣроятно: можно ли увѣрить мать, что ея ребенка подмѣнили. Въ то время мать

была по большей части съ ребенкомъ; у царицы-то [illegible] не было ни выходовъ, ни пріемовъ, которые бы могли мѣшать матери имѣть ребенка всегда на глазахъ. Царица Марѳа никогда не разлучалась со своимъ сыномъ. Можно ли обвинять эту женщину въ томъ, что она поддалась обману! Съ сыномъ она потеряла все, предметъ своей любви, всѣ свои надежды, изъ царицы должна была сдѣлаться монахиней и жить въ тяжеломъ положеніи. Конечно, ей было пріятно отомстить тѣмъ, кто былъ виновникомъ ея несчастія. Она была увѣрена, что Годуновъ — виновникъ убійства ея сына; въ немъ она видѣла врага и рада была возвратиться къ своему старому положенію: ей было пріятно чувствовать себя снова царицей, видѣть своего сына или того, кто мститъ за нее. Обвинять эту женщину мы не имѣемъ никакого права. Король Сигизмундъ принялъ участіе въ судьбѣ царевича-самозванца. Многіе изъ польскихъ вельможъ относились къ этому не такъ. Замойскій видѣлъ въ названномъ Димитріи обманщика и старался отстранить участіе Польши въ этомъ темномъ дѣлѣ. Сапѣга также не былъ на сторонѣ самозванца. Сигизмундъ, убѣждаемый іезуитами, не послѣдовалъ ихъ совѣту и позволилъ полякамъ идти за самозванцемъ. Это было время, когда польское правительство допускало экспедиціи казаковъ и польскихъ удальцевъ. Костомаровъ проводитъ связь между нашими самозванцами и самозванцами въ Молдавіи, которымъ помогали козаки и поляки. Съ огромнымъ (большинствомъ) количествомъ польской шляхты появился самозванецъ въ Сѣверской землѣ. Сѣверская земля, эта древняя погибшая Украйна, состояла изъ людей польскихъ и русскихъ. Здѣсь сходились порубежники и люди по большей части недовольные общественнымъ строемъ. На границѣ двухъ государствъ, когда [illegible] и такъ, какъ теперь, сосредоточиваются разные изгнанники изъ общества. Поэзія порубежниковъ свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ. На этой-то окраинѣ

собирались люди, укрывавшіеся отъ властей и наиболѣе способные служить самозванцу. Они пристали къ нему. Города русскіе начали сдаваться. Только Новгородъ-Сѣверскій еще держался, охраняемый воеводою Ѳедоромъ Басмановымъ. У Пушкина Басмановъ является новымъ человѣкомъ, который стремится проложить себѣ дорогу среди знати. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ новый человѣкъ: отецъ и дѣдъ его были бояре. Онъ принадлежалъ къ роду Плещеевыхъ, къ которому принадлежалъ и митрополитъ Алексѣй. Только одинъ Басмановъ держался въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Борисъ поставилъ его во главѣ войска, и самозванецъ терпитъ пораженіе при Добрыничахъ (подъ Сѣвскомъ). Онъ былъ совершенно разбитъ, и войско его бѣжало. Но совершенно ничтожное обстоятельство помогло ему собраться съ силами. Горсть казаковъ засѣла въ Кромахъ. Крѣпость этого города состояла изъ земляннаго укрѣпленія, и отчаянная отважность казаковъ задержала воеводъ. Пока отстаивали здѣсь, самозванецъ собралъ новое войско. Между тѣмъ въ Москвѣ Борисъ, принимая посла, вдругъ почувствовалъ себя дурно; кровь хлынула у него изъ горла. Современники объясняли это дѣйствіемъ яда. Преемникомъ себѣ онъ назначилъ сына Ѳедора. Созвано было нѣчто въ родѣ земской думы, и новый царь провозглашенъ. Онъ поручилъ главное начальство надъ войсками Басманову. Около Москвы, въ Красномъ селѣ появилась шайка самозванца. Вдругъ пришло странное извѣстіе — Басмановъ перешелъ на сторону самозванца. Онъ видѣлъ, что войско переходитъ на сторону самозванца; ему приходилось или погибать, или стать первымъ лицомъ въ государствѣ. Онъ выбралъ послѣднее и сталъ первымъ совѣтникомъ у названнаго Димитрія. Тогда Москва окончательно сдалась самозванцу. Ѳедоръ былъ сведенъ съ престола. Самозванецъ объявилъ, что не явится въ Москву, пока не очистятъ ее отъ враговъ. Къ двору подошла толпа; во главѣ ея были Шерефединовъ и Молчановъ Михаилъ. Раздались крики; потомъ эти два лица объявили народу, что Борисовы „щенки" погибли; говорили, что

они сами себя убили. Но это неправда. Странная смерть ихъ описана у Соловьева. Царевна Ксенія Борисовна осталась въ живыхъ и на нѣкоторое время посажена была въ царскомъ дворцѣ. Здѣсь побѣдитель не удержался и поступилъ точно такъ, какъ поступали тогда многіе люди, что не считалось тогда отвратительнымъ дѣломъ. Москва была очищена отъ враговъ самозванца. Новый царь въѣхалъ въ нее. Москва была поражена, что при его въѣздѣ свита состояла изъ поляковъ. Василій Иван. Шуйскій, одинъ изъ [illegible] Димитрія, сталъ распускать слухъ, что Димитрій убитъ въ Угличѣ, что тотъ, кто теперь въѣхалъ въ Москву,- не Димитрій. Слухъ этотъ дошелъ до царя. Онъ пре- земскому собору суду Шуйскаго. Та смѣлость, что названный Димитрій употребилъ открытый судъ, свидѣтельствуетъ, что самозванецъ былъ убѣжденъ въ своемъ царскомъ происхожденіи. Не задолго передъ тѣмъ самозванецъ послалъ Скопина-Шуйскаго къ своей матери и въ Кремлѣ произошло свиданіе царя съ царицею Марѳою. Простой народъ былъ расположенъ къ названному Димитрію, но среди бояръ слышался ропотъ. В. Шуйскій былъ осужденъ на казнь; другіе были приговорены къ ссылкѣ. Когда Шуйскій взошелъ на плаху, онъ перекрестился, поклонился народу и готовъ былъ умереть. Это одна изъ высокихъ минутъ его жизни: онъ умѣлъ быть великимъ передъ смертью, а при жизни на высотѣ оказывался ничтожествомъ. Вдругъ пришло извѣстіе, что царь милуетъ его и вмѣсто смертной казни назначаетъ ссылку. Шуйскіе были сосланы и скоро, на горе царя, освобождены. Началось новое царствованіе, началось стремленіе перенять польскіе обычаи. Царь постоянно упрекалъ бояръ въ томъ, что они глупы. Въ свою думу, какъ въ польскій сенатъ, онъ приглашалъ высшее духовенство, составъ котораго онъ перемѣнилъ. Вмѣсто Іова назначенъ былъ патріархомъ грекъ Игнатій, человѣкъ льстивый; митрополитомъ Ростовскимъ былъ назначенъ Филаретъ (Ѳедоръ) Никитичъ Романовъ. Нѣкоторыя лица сдѣлались самыми близкими любимцами новаго царя. Онъ хотѣлъ идти далѣе, хотѣлъ вводить

чины въ родѣ польскихъ, напр. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій былъ пожалованъ въ великіе мечники. Названному Димитрію не нравился титулъ царя Московскаго, онъ принялъ титулъ великаго цезаря. Онъ показалъ Москвѣ своимъ молодечествомъ, быстро вскакивалъ на коня, охотился за медвѣдями, упражнялся въ военныхъ потѣхахъ и заставлялъ бояръ упражняться въ нихъ, такъ онъ строилъ крѣпости, одни нападали, другіе защищали ихъ. Онъ носилъ польское платье. Вспомнивши свое обѣщаніе жениться на Маринѣ Мнишекъ, онъ рѣшился исполнить его. Въ Польшу отправленъ былъ дьякъ Афанасій Власьевъ, который выказалъ въ Польшѣ разные русскіе обычаи и свои обряды. Когда Власьевъ долженъ былъ присутствовать при обрученіи въ католической церкви, замѣнять собою царя и взять Марину за руку, онъ не рѣшился этого сдѣлать. Онъ считалъ унизительнымъ для своего царя, что она стала на колѣни передъ королемъ. За то Власьевъ былъ пораженъ тѣмъ, что его допустили сидѣть за царскимъ столомъ. Марина приближалась къ Москвѣ. Съ нею ѣхало польское посольство: Олесницкій и Гонсѣвскій. На встрѣчу Маринѣ выѣхалъ самъ царь-Димитрій. Москвитяне были поражены тѣмъ, что при встрѣчѣ Марины была свѣтская музыка, когда духовенство встрѣчало съ крестами. Стали ходить слухи, что царь еретикъ; этому приводили основаніе: въ баню не ходитъ, ѣстъ мясо. Слухи эти еще болѣе усилились послѣ свадьбы. Царицы русскія передъ свадьбой жили въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ, готовясь къ браку, проводили время въ молитвѣ и уединеніи. Между тѣмъ теперь тамъ каждый день веселились и готовили скоромныя кушанья. Духовенство настаивало, что Маринѣ надо принять мѵропомазаніе. Марина и царь были согласны въ этомъ; отреченіе отъ католицизма не совершилось (а мѵропомазаніе только при царскомъ вѣнчаніи — тоже новшество). Марину едва уговорили вѣнчаться въ русскомъ платьѣ, вообще царь явился въ польскомъ кос-

тюмъ, въ короткомъ платьѣ, что по тогдашнимъ понятіямъ значило „бѣса тѣшить". Онъ построилъ себѣ новый деревянный дворецъ, у дверей котораго поставилъ цербера съ отрывающеюся пастью. Народъ сталъ говорить, что этимъ онъ устроилъ адъ, въ который самъ попадетъ. Но царь не обращалъ на это вниманія. Пріѣзжаютъ послы: Олѣсницкій и Гонсѣвскій. Недавно гр. Уваровъ нашелъ картину, изображающую пріемъ этого посольства. Олесницкій подходитъ къ царю со своими грамотами, переводчикъ читаетъ ихъ. Царь говоритъ, что онъ не можетъ ихъ принять, потому что въ нихъ написано „великій князь", а онъ непобѣдимый цесарь. Олесницкій хочетъ уйти. Царь обращается къ нему: „подходи къ рукѣ моей, какъ старый знакомый", и послѣ несогласія уступаетъ. Так. обр. онъ разговариваетъ съ престола, тогда какъ по тогдашнимъ понятіямъ онъ долженъ былъ говорить такъ, чтобы, какъ выражается Пушкинъ, „царевъ голосъ раздавался, какъ колоколъ, а не звенѣлъ бы по пусту." Если что-нибудь было предосудительное, то послы не допускались къ аудіенціи, и униженіе царскаго достоинства никогда не допускалось. Димитрій, допустивъ разговоръ съ престола, сдѣлалъ нарушеніе этикета — и это было противно Московскому государству. Поступокъ царя произвелъ большое волненіе. Не мало толковъ возбудила исторія съ Олесницкимъ на свадебномъ обѣдѣ. Олесницкій заявилъ желаніе обѣдать съ царемъ за однимъ столомъ, по тогдашнему этикету это было невозможно. Царь обѣдалъ за отдѣльнымъ столомъ, какъ это мы видимъ на картинѣ, изображающей свадьбу Мих. Ѳедоровича. Олесницкому сказали, что его желаніе невозможно, тогда онъ отвѣчалъ: „а какъ же вашъ посолъ Власьевъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ нашимъ царемъ?" Съ нимъ вошли въ сдѣлку: подлѣ царскаго стола поставили маленькій столъ и за него посадили Олесницкаго, и онъ остался доволенъ. Въ одной изъ военныхъ потѣхъ, при осадѣ крѣпости поляки подрались съ русскими. Вмѣсто того, чтобы кидать калачами, какъ было рѣшено, поляки начали кидать

каменьями. Пронесся слухъ, что поляки хотятъ перебить бояръ. Авраамій Палицынъ, другъ В. И. Шуйскаго, говоритъ, что народъ былъ расположенъ къ царю и былъ увѣренъ, что поляки хотятъ убить царя. Это несомнѣнная правда и подтверждается однимъ изъ иностранцевъ. Во дворцѣ былъ пиръ; сидѣли бояре; разошлись поздно. Когда всѣ разошлись, царь услышалъ набатъ, послалъ Басманова узнать, въ чемъ дѣло. Басмановъ не вернулся; его убилъ Татищевъ. Подъѣхала толпа, предводимая В. Шуйскимъ, который имѣлъ въ одной рукѣ крестъ, въ другой - мечъ. Когда Димитрій догадался, что Басмановъ убитъ, онъ бросился изъ окна и безъ чувствъ упалъ на землю. Здѣсь стрѣльцы подняли его, привели въ чувство; онъ требовалъ, чтобы они его защищали. Но когда бояре сказали, что они истребятъ всю стрѣлецкую слободу, то стрѣльцы покинули его. Отправили нѣсколько человѣкъ къ царицѣ Маѳѣ узнать отъ нея, правда ли, что это ея сынъ. Вернувшіеся посланные сказали, что царица отказывается отъ него. Тогда Валуевъ застрѣлилъ самозванца, сказавъ: „убиваю этого польскаго свистуна". Стали грабить и убивать поляковъ. Женщинъ бояре спасали точно также, какъ они спасли польскихъ пословъ и Мнишка. Большинство спальныхъ поляковъ погибло. Бояре хотѣли надругаться надъ убитымъ Московскимъ царемъ. На площади передъ Кремлемъ положено было тѣло покойнаго; лицо покрыто было маскою, въ ротъ воткнута дудка, около лежала волынка. Бояре хотѣли показать, что Димитрій дѣйствительно былъ убитъ. Затѣмъ тѣло зарыли въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, подъ Москвою. Но и здѣсь тѣло его не нашло покоя. Когда въ Москвѣ стали ходить слухи, что мертвый ходитъ, и что это случается потому, что еретикъ лежитъ въ землѣ; тѣло его вырыли, сожгли, пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, съ какой онъ пришелъ. Рѣшено было собрать земскій соборъ и выбрать царя. Въ безгосударственное время начальнымъ человѣкомъ являлся патріархъ; онъ собиралъ соборъ и вызывалъ представителей земли. Такъ было на со-

бора, который выбралъ Бориса Годунова. Послѣ самозванца хотѣли сначала избрать не патріарха, а царя. Царемъ избранъ былъ Василій Иван. Шуйскій. Онъ былъ избранъ небольшою боярскою кликою и обязался извѣстными условіями относительно этой клики. Въ русской землѣ въ первый разъ случилось тоже, что потомъ пробовала другая боярская клика устроить въ 1730 году при избраніи Анны Ивановны. Тогда Волынскій основательно замѣтилъ, что лучше одинъ царь, чѣмъ нѣсколько царей. Нѣтъ власти, которая до такой степени была бы антипатична русскому человѣку, какъ олигархія, и неудача этихъ двухъ попытокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что подобныя попытки и постоянно должны не удаваться. И вотъ тотъ и другой разъ былъ сдѣланъ обманъ, предложенный олигархической партіей, не осмѣливавшейся выставить ясно своихъ притязаній. Вас. Иван. объявилъ, что безъ воли боярской отъ своего лица онъ не будетъ ни казнить, ни миловать. Такое же точно обѣщаніе дала и Анна Ивановна и обѣщала, что своей воли она не будетъ ширить. Но Анна Ив. еще сказала кн. Долгорукому: „ты обманулъ меня, Василій Никитичъ!“. Этого отвѣта не могъ дать В. И. Шуйскій. Онъ подписалъ условія, предложенныя боярами, завѣдомо. Однако въ своемъ избраніи онъ опирался на наслѣдственное право; онъ говорилъ: „предокъ мой, великій князь, Андрей Александровичъ, какъ старшій, получилъ городъ Суздаль; а меньшой его братъ Даніилъ Александровичъ получилъ Москву.“ Так. обр. онъ показываетъ, что онъ не только принадлежалъ къ царскому роду, но еще къ старшей линіи этого рода. Онъ считалъ себя царемъ, вступившимъ на престолъ по праву, а не по избранію. Народъ русскій не смотрѣлъ на князей Шуйскихъ, какъ на членовъ царскаго дома. Я уже указывалъ на это стремленіе князей постоянно удерживать свое положеніе за собою, какъ членовъ царскаго дома, и отношеніе къ царю, какъ къ старшему брату, а совсѣмъ не какъ къ государю. Это высказалось въ борьбѣ между князьями и Грознымъ, и оно выдвинулось, наконецъ, на сцену князя, который вступалъ на престолъ въ силу своихъ родовыхъ правъ.

Первые дни правленія Василія Ив. ни отличались ни особеннымъ умѣньемъ, ни успѣхами

Ловкій на интригу, ничтожный Василій Ив. не способенъ былъ къ правленію. Ему нужно не знать управленіе. Кто управляетъ, тотъ долженъ опираться на извѣстные слои общества, знать ихъ взаимное отношеніе и долженъ опредѣлить свои отношенія относительно тѣхъ слоевъ, которые наиболѣе выдаются. Вас. Ив. того не понялъ, не понялъ, что въ тогдашнемъ обществѣ онъ былъ бы крѣпокъ, если бы обратился ко всѣмъ тогдашнимъ здоровымъ элементамъ, которые потомъ спасли русскую землю. Онъ вздумалъ опираться только на клику боярскую и потому его правленіе составляетъ позорную страницу въ Русской Исторіи и, если бы вдова не вызвали Нижегородскихъ боярина и земскаго старосту, то русская земля погибла бы. Но не смотря на неспособность правительства, все таки русская земля вынесла это на своихъ плечахъ и сохранила тотъ же строй, который былъ прежде. Первые шаги Вас. Ив. были робкіе и нерѣшительные. Прежде всего нужно было удалить людей близкихъ къ самозванцу. Ихъ онъ послалъ въ Украйны; между прочимъ кн. Шаховскаго въ Сѣверскую землю воеводою. Пользуясь этими смутами, Шаховской увезъ съ собой государственную печать. Так. обр. онъ могъ составлять акты. Притомъ посланъ онъ былъ въ Сѣверскую землю, которая наиболѣе была способна къ смутамъ. И Вас. Ив. послалъ въ эту землю, которая наиболѣе была склонна къ возмущенію, постояннаго собесѣдника самозванца! Вас. Ив. выбралъ тоже патріарха. Этотъ патріархъ былъ человѣкъ наиболѣе твердаго характера и мужества; этотъ человѣкъ не могъ ладить съ Василіемъ Иван. Это былъ Казанскій митрополитъ Гермогенъ, не похожій ни на Игнатія, ни на Іова. Въ Гермогенѣ царь встрѣтилъ суроваго порицателя многихъ своихъ дѣйствій и встрѣтилъ человѣка, который своимъ умомъ и энергіею сталъ выше его. Вас. Ив. способенъ былъ на мелкую экономію, чѣмъ тоже произвелъ непріязное впечатлѣніе на народъ. Вас. Ив. завелъ весьма разсчетливый образъ жизни, между тѣмъ какъ Дмитрій Ив. сыпалъ деньгами направо и налѣво

Царь Димитрій любилъ окружать себя всѣми и привлекалъ всѣхъ, а Вас. Ш. смотрѣлъ подозрительно и отталкивалъ отъ себя всѣхъ. Недавно женился онъ, потому что при Годуновѣ ему запрещено было жениться. Эта молодая жена была Марія Петровна Буйносова Ростовская. Вся брачная обстановка была печальная. Братъ его Димитрій взялъ жену изъ рода Малюты Скуратова.

Въ разныхъ областяхъ между тѣмъ пошли слухи, что Димитрій живъ. Весьма характеристиченъ изъ документовъ того времени разсказъ исторіи появленія самозванца Петра. Между нашими Яицкими казаками: тамъ собрались и рѣшили, что одинъ изъ нихъ будетъ царевичемъ. Это былъ Илейка. Онъ былъ въ Москвѣ въ услуженіи, зналъ Москву. Какимъ же образомъ онъ будетъ царевичемъ? Рѣшено было говорить, что царь Федоръ Ив. имѣлъ не дочь, а сына, и этотъ сынъ теперь появляется, и что онъ называется Петръ. Сѣмена смуты были уже готовы. Сбѣжавшій изъ Москвы Молчановъ, переправляясь черезъ Оку, сказалъ перевозчику, что царь Димитрій живъ. Многіе говорили, что въ Москвѣ убитъ былъ какой-то нѣмецъ, и многіе увѣряли, что видѣли бороду у трупа, который лежалъ на площади, а между тѣмъ у царя Димитрія бороды не было. Мать Марины очень хлопотала, какъ бы отыскать Димитрія. А между тѣмъ къ князю Шаховскому явился человѣкъ, какіе часто выдвигаются въ это смутное время. Холопъ князя Телятевскаго - Болотниковъ попался татарамъ въ плѣнъ, бѣжалъ оттуда, былъ въ Венеціи, тамъ выучился военному дѣлу и теперь черезъ Германію пробирался въ Россію. Въ Польшѣ онъ попалъ въ Самборъ и потомъ явился въ русскую землю. Явившись воеводою, онъ понялъ, что для этого дѣла нужно сдѣлать обращеніе къ боярскимъ холопамъ, и холопы начали собираться около него. Но не одни холопы составляли тогда элементъ недовольства въ русской землѣ: дворяне не могли терпѣть новаго царя, а къ Шуйскому они питали

особенную антипатію. Никогда русскій народъ не относился такъ презрительно къ царю, какъ къ Василію Ивановичу. Въ немъ народъ никакъ не могъ признать родового государя, и если потомъ соглашался быть ему вѣрнымъ, то только потому, что видѣлъ, что противники его были слишкомъ низкіе и опасные друзья, каковы были царьки самозванцы, — служили не Шуйскому, кого никогда не уважали, а существующему порядку. Городовое дворянство стояло за порядокъ, и потому стояло и за Шуйскаго, въ то время, когда Болотниковъ собиралъ холоповъ, дворянство, дружина [illegible] пристала къ Шаховскому.

Прокопій Петровичъ Ляпуновъ съ своею энергическою стремительностью, съ своею подвижностью первый выступилъ на защиту русской земли. Къ его ополченію примкнуло ополченіе Сунбулова, и они пошли къ Москвѣ. Но тутъ произошло раздѣленіе: дворянство отстало отъ Болотникова, не хотѣло быть съ холопами и [illegible] царя. Дружины холоповъ были отражены. Вас. Иван. самъ явился осаждать Тулу. Устроивши плотину, онъ запрудилъ Упу и затопилъ городъ. Въ Тулѣ до сихъ поръ, если запереть плотину, то можно повторить то же самое, что сдѣлалъ Василій Ив. Так. обр. Тула была занята; Шаховской, царевичъ Петръ, Болотниковъ выданы царю. Болотниковъ былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ умерщвленъ, насильственною смертью. Шаховской сосланъ [illegible], какъ бояринъ, а Илейка повѣшенъ. По разнымъ мѣстамъ Сѣверской земли дѣйствуютъ еще воры, и вдругъ въ Сѣверскихъ предѣлахъ начинаютъ появляться вѣсти, что Димитрій живъ. Но Димитрія все еще нѣтъ. Наконецъ, является человѣкъ, который говоритъ, что его называютъ Нагимъ и что онъ знаетъ Димитрія. Къ нему пристаютъ, требуя сказать, гдѣ Димитрій, и грозя пыткой. Тогда онъ употребилъ крѣпкое словцо, которое у Соловьева напечатано только буквами, и сказалъ: „я самъ царь!" Этотъ [illegible] царь, Тушинскій воръ, глава всѣхъ воровъ, сталъ во главѣ войска. Это былъ неприглядный человѣкъ. Онъ зналъ только церковную службу,

трусъ былъ необыкновенный; заключили на него какой нибудь Рожинскій, и онъ боялся его. Марина Юрьевна колебалась, что не можетъ объявить его своимъ мужемъ; два дня она думала: ей гадкимъ показался этотъ самозванецъ. Тогда іезуиты начали уговаривать ее. Даже дошло очень любопытное наставленіе, данное ими Димитрію, какъ онъ долженъ вести себя: отъ [illegible] не долженъ отставать, онъ долженъ перемѣны дѣлать постоянно, а главное не долженъ жить въ Москвѣ. Тогда Марина согласилась признать его своимъ мужемъ, и былъ, говорятъ, тайный бракъ. Такъ-то эта гордая полька оставила свои колебанія. Самозванщина все не останавливалась и изъ вторыхъ рукъ перешла въ третьи. Въ этой толпѣ, которую [illegible], къ коей примкнула польская шляхта, явились даже польскіе вельможи: Рожинскій, Сапѣга, племянникъ канцлера, князь Мѣховецкій. Въ шляхтѣ начали постоянно говорить о томъ, кто изъ нихъ можетъ быть ближе къ царю, кто будетъ гетманомъ. Сначала гетманомъ былъ Мѣховецкій; явился потомъ Лисовскій. Русскіе казаки и пушки составляли главную часть войска. Воръ дошелъ до Тушина, и тамъ образовался лагерь, который скоро обратился въ настоящій городъ. Изъ Тушина дѣлались набѣги на самой Москвѣ. На р. [illegible] происходило одно сраженіе, гдѣ самъ Василій Ив. отражалъ нападеніе. 22 города были взяты войсками самозванца, разорены, сожжены, поставлены были воеводы его, такъ что около Москвы все было въ рукахъ этихъ шаекъ. При осадѣ Ростова взятъ былъ ростовскій митрополитъ Филаретъ и привезенъ въ Тушинскій лагерь. Здѣсь онъ былъ названъ патріархомъ, и отъ его имени писались грамоты. Образовался особый классъ перелетовъ. Если боярину хотѣлось получить званія окольничаго, то онъ ѣхалъ къ самозванцу и получалъ этотъ титулъ. И это дѣлали не маленькіе люди, а напр. кн. Д. Трубецкой, который не постыдился пойти присягнуть самозванцу Сидоркѣ во Псковѣ. Бывали такіе случаи, что, пообѣдавъ вмѣстѣ, одинъ ѣдетъ въ Москву, а другой въ Тушино. У тушинскихъ бояръ Московское правительство п...

ровно [illegible] ими, а Тушинское правительство признавало Московскихъ бояръ въ томъ же званіи. Вас. Ив. потерялъ всякое уваженіе. Разъ какъ то на улицѣ толпа окружила его и говорила: „положи посохъ!" Онъ шелъ въ царскомъ одѣяніи. Толпа такъ была поражена, и всѣ замолчали. Но потомъ начали говорить противъ него. Видно было, что къ нему нѣтъ никакого уваженія. Такъ шло время, и между тѣмъ была только одна мѣстность изъ окрестностей Московскихъ, которая сохранила связь съ царемъ и сохранила для царя и царской власти возможность списаться съ сѣверными областями, кои всѣ остались вѣрными царю и Москвѣ, потому что тамъ населеніе менѣе пропитано было казачьими элементами, такъ что здѣсь для Москвы было чрезвычайно важно сохранить этотъ пунктъ, а для Тушинскихъ взять его. Этотъ пунктъ былъ Троицкая лавра. 16 мѣсяцевъ тянулась героическая защита Троицкой лавры. Это отрадная страница въ нашей исторіи. Въ лаврѣ скопилась цѣлая толпа мужчинъ, женщинъ, дѣтей голодныхъ и холодныхъ, надобно было кормить ихъ. Ясно, что должны были непремѣнно явиться болѣзни и скоро появилась цынга. Затѣмъ начался недостатокъ припасовъ прокормить эту массу населенія, прокормить гарнизонъ съ двумя воеводами было трудно для лавры. Князья Долгоруковъ-Роща и Голохвастовъ ссорились между собою. Лаврское начальство стояло на сторонѣ Долгорукова, а другіе на сторонѣ Голохвастова. Так. об. ссора внутри лавры, но при все это не мѣшало мужественной защитѣ. Лисовскій и поляки ничего не могли сдѣлать. Время было тяжелое. Тогда Вас. Ив. прибѣгнулъ къ такое средство, которое казалось пагубнымъ. Еще во время Бориса предлагалось это средство: Шведскій король предлагалъ Московскому царю свою помощь; Борисъ отказался отъ нея. Но Шуйскій послалъ своего племянника Скопина, чтобы привести шведское войско. Въ это время во Псковѣ начались смуты. Тамъ онъ долго пробылъ въ переговорахъ. Шведы предлагали тяжелыя условія.

они хотѣли взять Ямь, Копорье, Иванъ-городъ, Ингрію, кои были въ русскихъ рукахъ, т.е. отрѣзать русскихъ отъ моря, къ чему они приближались при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Положеніе было трудное. Вас. Шуйскій ухватился на послѣднее средство: Михаилу Скопину велѣно было заключить миръ со Шведами и съ Делагарди двинуться къ Москвѣ. Онъ разбилъ Сапѣгу и очистилъ пространство между Лаврою и Москвою. Онъ встрѣтилъ Ляпунова. Этотъ человѣкъ страстный, увлекающійся и потому неспособный проводить политическую дѣятельность въ этомъ разѣ показалъ отсутствіе такта: онъ предложилъ Скопину корону. Это былъ необдуманный поступокъ, который возбудилъ противъ Скопина Шуйскаго. У Шуйскаго, особенно у Димитрія Шуйскаго, осталась мысль, что Скопинъ такъ только отказался отъ короны, притворился. А между тѣмъ Скопинъ былъ естественно наслѣдникомъ престола, и какъ только умеръ бы Вас. Ив., онъ сѣлъ бы на престолъ, потому что Дмитрій Шуйскій былъ неспособный человѣкъ. Зависть къ Скопину оказывалась, и потому вѣроятно, что, когда на пиру у кн. Воротынскаго ему сдѣлалось дурно, и чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ, это было приписано отравѣ. Новый врагъ вступалъ въ русскую землю. Корона польская требовала отъ короля Сигизмунда, чтобы онъ занялъ Смоленскъ, который былъ яблокомъ раздора между русскими и поляками. Съ другой стороны явились къ Сигизмунду русскіе послы съ просьбой, чтобы онъ сдѣлался русскимъ царемъ на тѣхъ условіяхъ, какъ и Шуйскій, въ ограниченіи его власти боярскою думой. Такіе люди, какъ Мих. Салтыковъ, хлопотали о себѣ, а не объ общемъ благѣ. Пожарскій, какъ истинно русскій человѣкъ, служилъ только тому, кто государь. Это былъ человѣкъ порядка, забывшій о себѣ и своихъ личныхъ интересахъ. М. Салтыковъ — не представитель своего народа. Итакъ, побуждаемый этими обстоятельствами, Сигизмундъ двинулся къ Смоленску. А между тѣмъ онъ

...уплатѣ полякамъ, жившимъ въ Тушинѣ и служившимъ Самозванцу, чтобы они оставили царька и собрались бы въ польское войско. Между поляками произошла смута; нѣкоторые хотѣли остаться, другіе уѣхали. Самозванецъ уѣхалъ въ Калугу. Въ Калугѣ до сихъ поръ показываютъ, гдѣ жилъ самозванецъ. Москва освободилась отъ самозванца. Однако, какъ же быть съ угрожающими войсками Сигизмунда, который идетъ къ Москвѣ! Набрано было 80т. ратниковъ, и Шведы [illegible] къ Смоленску. Во главѣ этой рати сталъ Дмит. Ив. Шуйскій. У Клушина произошло сраженіе; Жолкѣвскій побѣдилъ; русскія войска разбѣжались. Это было въ 1610г. Захаръ Петр. Ляпуновъ явился съ нѣсколькими людьми въ царскіе чертоги и объявилъ царю, что за его государево несчастіе онъ долженъ отказаться отъ престола. Гермогенъ былъ противъ этого и уговаривалъ стоять за царемъ Вас. Ив.; но его не слушали, толпа свела съ престола и перевела въ боярскій домъ. Боялись, что онъ будетъ еще [illegible], желая опять быть царемъ. Тогда рѣшено было постричь его въ монахи. Князь Тюфякинъ произносилъ за него обѣты. Гермогенъ говорилъ, что за него постриженъ Тюфякинъ. Постригли и царицу Марію Петровну. Послѣ сведенія съ престола Вас. Ив. Шуйскаго патріархъ Гермогенъ называлъ кандидатами Вас. Вас. Голицына и молодого сына Филарета Михаила Өед. Романова. Князь Вас. Вас. Голицынъ выдѣлялся въ тогдашней аристократіи. Пожарскій говорилъ, что, еслибы стоялъ такой столпъ, какъ В. В. Голицынъ, то онъ не принялъ бы начальства надъ войскомъ. Эти слова показываютъ, какъ высоко стоялъ Голицынъ въ общественномъ мнѣніи. Мих. Романовъ выдвигался преимущественно отъ того, что отецъ его былъ близкій родственникъ царицы Анастасіи. Гоненія, которымъ подвергались Романовы при Борисѣ, вызвали къ нимъ сочувствіе въ Русской землѣ. Масса народа стояла на сторонѣ Романовыхъ. Носился слухъ, что, когда Өед. Иван. умиралъ, онъ будто бы передалъ скипетръ Ө-

доръ Роман., у котораго его отняли Годуновы. Это свидѣтельствуетъ, что въ народномъ представленіи одинъ изъ Романовыхъ долженъ быть царемъ. Однако предложеніе Гермогена не было принято. Москва колебалась въ выборѣ между двумя врагами: Тушинскимъ воромъ и Владиславомъ Сигизмундовичемъ. Къ Москвѣ отъ Коломны приближался Тушинскій воръ, отъ Смоленска шелъ гетманъ Жолкевскій. Бояре рѣшили идти на встрѣчу Жолкевскому и предложить Московскій престолъ Владиславу. У Дѣвичьяго монастыря они встрѣтились; бояре предложили слѣдующія условія: безъ бояръ никого не судить, не возводить низшихъ людей въ бояре и не освобождать крестьянъ. Затѣмъ требовали дозволенія путешествовать за границу. Гермогенъ прибавилъ къ этому, чтобы Владиславъ принялъ православіе. На этихъ условіяхъ Жолкевскій обѣщалъ предложить Владиславу московскую корону. Въ это время изъ Смоленска пріѣхалъ торговый человѣкъ Ѳедоръ Андроновъ съ извѣстіемъ, что Сигизмундъ не хочетъ отпустить сына, а самъ желаетъ быть царемъ въ Москвѣ. Жолкевскій очень хорошо понималъ, что царствованіе Сигизмунда въ Москвѣ не возможно, взялъ съ собою посольство, въ которомъ находились В. В. Голицынъ, Филаретъ Романовъ, Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой Лавры, нѣсколько дьяковъ, среди которыхъ выдвигался Луговской. Съ этимъ посольствомъ Жолкевскій отправился предложить Владиславу царство. Еще раньше этого бояре предлагали ему занять Кремль польскими войсками. Первое время между русскими и поляками установились довольно сносныя отношенія. Жолкевскій, человѣкъ обширнаго ума, весьма серьезный, строго относился къ проступкамъ своихъ солдатъ и назначилъ смѣсный судъ для разбора тяжбъ между русскими и поляками. Онъ скоро долженъ былъ оставить Москву, которая въ это время избавилась отъ Тушинскаго вора. Крещеный татаринъ Урусовъ убилъ на охотѣ Тушинскаго вора. Очень немногіе собрались около его малолѣтняго сына, провозглашеннаго Иваномъ Дмитріевичемъ. Его поддерживалъ Заруцкій, къ которому перешла и Марина.

Между тѣмъ Жолкѣвскій пріѣхалъ къ Смоленску. Между послами и королемъ начались переговоры. Король требовалъ сдачи Смоленска; послы отказали и упорно требовали, чтобы Владиславъ пріѣхалъ изъ Польши. Пословъ отвезли въ Польшу, гдѣ уже находился В. Шуйскій вмѣстѣ со своими братьями. Среди поляковъ онъ велъ себя съ достоинствомъ; такъ разъ на королевскомъ обѣдѣ надъ нимъ начали трунить, говоря, что у нихъ въ плѣну московскій царь; тогда онъ сказалъ: „чѣмъ вы хвастаетесь? Сегодня вы въ Москвѣ, а завтра мы будемъ въ Варшавѣ." (Шуйскій умеръ въ Варшавѣ, тѣло его при Мих. Ѳед. погребено въ Архангельскомъ соборѣ вмѣстѣ съ другими царями. Одному только Борису Годунову не нашлось мѣста тамъ). Въ это время въ Русской землѣ грамоты писались отъ имени Владислава; сохранились монеты съ его именемъ. Между тѣмъ Московскіе бояре, сидя въ Кремлѣ, писали къ королю Сигизмунду, прося у него, чтобы онъ отдалъ имъ, его холопамъ, помѣстья и вотчины. На сѣверѣ Делагарди захватилъ Новгородъ, и Новгородскіе бояре призвали на престолъ шведскаго королевича, писали къ нему и къ Делегарди точно такія же грамоты, какъ и Московскіе бояре. Самозванецъ умеръ, появились новые самозванцы. Во Псковѣ явился нѣкій дьяконъ Исидорка, который объявилъ себя царемъ Дмитріемъ Иван. Итакъ, мы видимъ, въ какомъ положеніи находилась Русская земля: во Псковѣ - Исидорка, въ Новгородѣ - Делегарди, въ Москвѣ - бояре. Среди послѣднихъ Мих. Глѣбов. Салтыковъ и Ѳедоръ Иван. Мстиславскій, первый - измѣнникъ, второй - человѣкъ ничтожный. Лучшіе люди въ Польшѣ. Но въ Москвѣ было одно лицо - это патріархъ Гермогенъ. Онъ разсылалъ грамоты, которые возбуждали народъ. Но и онъ скоро погибъ; его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и скончался голодною смертью. Грекъ Игнатій снова появился на сцену патріархомъ. Въ Кремлѣ же находился и другой грекъ - Арсеній, епископъ Элассонскій, человѣкъ, стоявшій то за одну, то за другую сторону. Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго, скоро долженъ былъ наступить переворотъ. Главнымъ дѣятелемъ въ немъ явился Прокопій Петр. Ляпуновъ, человѣкъ очень подвижной, являвшійся первымъ во всѣхъ смутахъ

этой эпохи, приходивший изъ стана въ станъ единственно по подвижности своей натуры. Въ главѣ рязанскія городскія дружины; скоро къ нему присоединились другіе города. Сподвижниками Ляпунова въ главѣ ополченія стали люди не совсѣмъ чистые: приверженцы самозванца, напр. Просовецкій. Явились тушинскія ополченія, во главѣ которыхъ стоялъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой. Козаки подъ предводительствомъ Заруцкаго образовали ополченія для освобожденія Москвы. Эти три различныя ополченія сошлись подъ Москвою. Вожди ихъ рѣшили, что управлять государствомъ будутъ они: Прокопій Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Трубецкой прежде всего вспомнилъ о себѣ и наградилъ себя богатою Вагою, которою Борисъ Годуновъ хранилъ цѣлое время. Такое верховное правленіе не могло долго держаться. Земля мало вѣрила этимъ вождямъ. Кромѣ того они скоро перессорились между собой. Гонсѣвскій прислалъ къ козакамъ грамоту, писанную якобы Ляпуновымъ. Въ ней послѣдній приглашалъ ополченіе къ избіенію козаковъ. Козаки призвали къ себѣ Ляпунова и убили его вмѣстѣ съ Иваномъ Ржевскимъ, который хотѣлъ было защищать его. Заруцкій соединился съ Мариною; къ нимъ присоединился и Трубецкой; они дѣйствовали во имя Ивана Дмитріевича, Маринкина сына. Вся русская земля волновалась; находились только болѣе или менѣе городскія населенія и мелкое дворянство. Въ одномъ изъ городовъ подавленной Украйны, въ Нижнемъ Новгородѣ сходились разныя рѣчи къ народу по поводу смутъ „и шатости" въ русской землѣ. Такія рѣчи производили протестъ и городской голова (и земскій староста) Козьма Мининъ Сухорукъ. Въ нихъ они приглашали народъ встать на защиту Русской земли. Разъ Козьма Мининъ на площади передъ Кремлемъ произнесъ страстную энергичную рѣчь. „Продадимъ все свое имущество, заложимъ женъ и дѣтей, пойдемъ спасать отечество," говорилъ онъ. Эта рѣчь возбудила всѣхъ. Всѣ поняли, что здѣсь идетъ дѣло о благѣ, народности, Русской земли. Здравый смыслъ русскаго народа рѣшилъ, что надо постоять за свою отчизну. Около Минина начали сходиться нижегородцы, и мало по малу составилось ополченіе. Вопросъ о томъ, кто будетъ предводительствовать этимъ ополче-

ніемъ, рѣшились сами собою. Около Нижняго Новгорода жилъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, потомокъ захудалаго княжескаго рода; онъ жилъ въ Ландехѣ (Гороховскаго уѣзда; въ 60 верстахъ отъ Нижняго). Выборъ былъ удачный. Дмитрій Мих. Пожарскій былъ истинный образецъ русскаго героя, представитель велико-русскаго понятія о долгѣ, человѣкъ не дѣйствующій изъ личныхъ интересовъ и цѣлей. Онъ является вездѣ послѣднимъ: послѣднимъ онъ призналъ названнаго Димитрія, послѣднимъ онъ ушелъ отъ него, послѣднимъ защищалъ В. Ив. Шуйскаго. Онъ покорно шелъ туда, куда нужно было идти вслѣдствіе необходимости, и никогда не старался занять первое мѣсто. Современная критика, считающая мужикомъ, грабившимъ своихъ согражданъ, относится къ нему свысока, потому что онъ не могъ быть ни Кромвелемъ, ни Бонапарте; не могъ подобно послѣднему промчаться съ громомъ и блескомъ. Князь Димитрій М. Пожарскій долго колебался принять званіе воеводы; онъ подчинился просьбамъ посольства только потому, что не было другого человѣка, способнаго предводительствовать народнымъ ополченіемъ. Онъ оставался вѣренъ девизу Татищева: „на службу не напрашиваюсь и отъ службы не отказываюсь." Князь Д. М. Пожарскій долго собирался въ Нижнемъ и, наконецъ, отправился по той дорогѣ, по которой именно и нужно было идти. Онъ отправился не на Владиміръ, а на Ярославль. Ярославль лежитъ по дорогѣ къ сѣвернымъ городамъ; Пожарскому необходимо было обезпечить себя на этой дорогѣ. Прежде чѣмъ идти далѣе и приступить къ дѣлу, онъ долженъ былъ осмотрѣться. Убѣдясь въ безопасности и удостовѣрясь въ возможности подкрѣпленій, онъ пошелъ далѣе. Подъ Москвою стоялъ Трубецкой. Нужно было войти въ сношеніе съ казаками. Это принялъ на себя Мининъ, который дѣйствовалъ тутъ вмѣстѣ съ Палицынымъ. Палицынъ — лицо, о которомъ трудно судить въ этомъ случаѣ. Защитники говорятъ, что онъ притворялся согласнымъ съ Польшей, потому что считалъ свое присутствіе нужнымъ въ Россіи. Ополченіе заняло Китай-городъ. Ходкевичъ былъ разбитъ на Поклонной горѣ. Поляки заперлись въ Кремлѣ вмѣстѣ съ ними и бояре, державшіе сторону ихъ. У нихъ открылся голодъ. Князь Пожарскій заставилъ ихъ сдаться. Въ день Казанской Божіей

Матери (22го Октября.) Кремль былъ очищенъ отъ поляковъ. Прежде всего вышли оттуда бояре съ женами и дѣтьми; между ними былъ Михаилъ Ѳедоровичъ. 22го октября праздновался какъ день освобожденія Москвы отъ поляковъ. Въ Москвѣ стоитъ памятникъ этого важнаго событія — церковь Казанской Божіей Матери на углу Никольской улицы. Ее построилъ Пожарскій. Когда Москва была очищена, повсюду разосланы были грамоты, чтобы собрался великій земскій соборъ. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, касающихся этого собора; только огромная переписка съ выбраннымъ уже царемъ; но никакихъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, кто были кандидаты, кого предлагали. Мы знаемъ, что послѣ многихъ споровъ, наконецъ, сошлись въ мнѣніи. Болѣе 1½ мѣсяца прошло въ совѣщаніяхъ на этомъ соборѣ. 21го Февраля избранъ былъ царемъ Михаилъ Ѳедоровичъ. Были поданы два запечатанные пакета, и въ этихъ пакетахъ было написано одно и тоже имя: Михаилъ Ѳедоровичъ. Такъ говорили современники. Князь Долгорукій, одинъ изъ самыхъ недостовѣрныхъ свидѣтелей, увѣряетъ, будто бы онъ видѣлъ письмо, въ коемъ говорилось: „выберемъ Михаила Ѳедоровича; онъ — паренъ добрый и намъ будетъ поваденъ". Говорятъ, что новому царю были предложены условія. Но этихъ условій не существуетъ. Однако темный слухъ о томъ, что были какія-то, ходилъ уже тогда. Котошихинъ говоритъ, что были такія условія („Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича" стр. 2.) — предлагались условія Сигизмунду, Владиславу. Предложеніе шло отъ тѣхъ людей, кои не симпатичны были коренному русскому люду, какъ Салтыковъ, Андроновъ, точно также какъ и тѣхъ, которые стояли вокругъ князя Шуйскаго. Договорное условное начало возникло въ сословіяхъ болѣе или менѣе сознающихъ свое право. Такое условіе было окончательно дискредитовано во время смуты. — Въ Новгородѣ, дѣйствительно, князю предлагались условія, которыя вырабатывались въ небольшомъ правительственномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ старыхъ бояръ, посадниковъ и тысяцкихъ. Это было учрежденіе не постоянное, но оно существовало фактически, хотя ни кѣмъ не созывалось. Оно было единственнымъ руководителемъ, какъ вѣча, такъ и правительства, изъ него выходили условія; такъ что трудно себѣ представить, чтобы эти условія

высказывались въ огромномъ собраніи лицъ, какъ земскій соборъ. Это учрежденіе было необходимо въ Новгородѣ при аристократическомъ устройствѣ. Въ Москвѣ бояре были дискредитованы передъ земскими собраніями. Въ эту минуту они не выдвигались, должны были уступить; они явились только зрителями, свидѣтелями; они уже послѣ взяли верхъ. На соборѣ явились люди, стоящіе внѣ аристократической сферы: явились нижегородскіе земскіе старосты и захудалые князья. Иначе нельзя объяснить выборъ Михаила Романова. Люди, хорошо знавшіе Филарета, предполагали, что онъ не вернется изъ Польши, а если вернется, то возьметъ ихъ въ свои руки. Такимъ образомъ Михаилъ Ѳедоровичъ не былъ царемъ богатыхъ, а низшихъ сословій, которыя освободили русскую землю, т. е. служилаго и посадскаго сословій, кои были явились спасителями русской земли.

Подъ начальствомъ Ѳеодорита, епископа рязанскаго, отправилось посольство въ Костромской Ипатьевскій монастырь, гдѣ Михаилъ жилъ съ матерью. Мы видимъ изображеніе этого посольства, которое было сдѣлано при Алексѣѣ Михайловичѣ. Послы предлагаютъ тронъ молодому Романову. Мать его Марѳа говоритъ за сына; она типъ чисто русская. Она говоритъ, что принять престолъ сыну ея опасно, потому что Московскіе люди измалодушествовались. Тогда Ѳеодоритъ отвѣтилъ, что Московскіе люди „понаказались и пришли въ единодушіе". Послѣ этого она согласилась. Къ этому времени относится извѣстный эпизодъ съ Сусанинымъ. Сусанинъ, какъ полагаетъ Соловьевъ, имѣлъ дѣло съ какой-нибудь шайкой воровъ, потому что поляковъ тогда уже не было, а были простые воры, которые просто дѣлали нападенія на богатыхъ людей. Романовъ пріѣхалъ 2го Мая въ Москву. Съ избраніемъ новаго царя кончились смуты. Смуты произведены были не столько частными явленіями, какъ думали многіе, но болѣе общими, коренными причинами. Московское государство болѣе или менѣе создалось искусствомъ Московскихъ князей, оно образовалось военною диктатурою, оно подчинило службѣ всѣ сословія, унизило старыхъ князей, сдѣлало ихъ простыми царскими слугами и холопами, отняло у нихъ тѣ права, кото-

они [illegible] и старались удержать. Князья не могли этого [illegible] московскимъ государямъ. Но ряды княз[illegible] были разстроены казнями Грознаго и сняты [illegible] ными руками Годунова. Имъ нельзя было [illegible] прямо. Но не одни князья были [illegible] Московскимъ государствомъ; вольный Новгородъ, управлявшій огромною территоріею, не могъ также скоро позабыть своего прежняго высокаго государственнаго положенія; Новгородъ и Псковъ, въ особенности последній, который меньше подвергся казнямъ, чемъ Новгородъ, не могъ забыть недавней самостоятельности. Кромѣ того, отяготительная служба, строгія кары и, наконецъ, большое количество податей вызвали образованіе огромнаго класса людей недовольныхъ, которые выходили изъ государства, или въ степь и здесь приставали къ казакамъ. Старое явленіе казачество теперь привлекаетъ къ себѣ людей. Московское государство не одно отличалось преобладаніемъ бродячаго населенія, и въ другихъ государствахъ, въ особенности въ Англіи, намъ представляется подобное же явленіе, но тамъ не было такого простора. [illegible], что въ нашихъ лесахъ, болотахъ и степяхъ, гдѣ являлась возможность для образованія казачества. Туда [illegible] значительная масса людей, кои порвали [illegible] съ обществомъ, находясь съ нимъ только въ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ: они обращались только къ государству за порохомъ и деньгами. Это были люди, мечтавшіе о своемъ особенномъ государствѣ, понимая его по своему. И вотъ всѣмъ этимъ элементамъ смутное время дало возможность выйти наружу. Первымъ выступилъ тайный слухъ, что Димитрій живъ. [illegible], возбуждаетъ слухъ, ставятъ своею цѣлью [illegible] не [illegible], а теперь только удалить Годунова. Они [illegible], что Годуновъ силенъ, что имъ нельзя столкнуть его [illegible] было, что у каждаго изъ нихъ тутъ-то и является другой врагъ. Они и выставили одного кандидата, хотя у нихъ было ихъ много. Но Годуновъ сидитъ на престолѣ твердо. Свергнуть онъ не можетъ иначе, какъ только именемъ Димитрія, сына царя Ивана Вас. [illegible] они уже постараются свергнуть Димитрія. Тогда въ минуту этой катастрофы можно вдругъ заявить

власти. И действительно, князь В. И. Шуйскій [illegible] не-
[illegible] царя; онъ заявилъ даже, что онъ — царь „Божіей
милостью“, а не говорилъ, что онъ — царь по избранію; онъ
считалъ, что онъ по наслѣдству получилъ престолъ, по-
тому что имѣлъ на это право точно такъ, какъ его пре-
докъ Димитрій Константиновичъ сѣлъ на Владимірскій
столъ. Но положеніе Димитрія Кон. и положеніе Василія
Ив. было нѣсколько различно: Димитрій Кон. былъ равенъ мос-
ковскимъ князьямъ, онъ имѣлъ признаніе хана — ярлыкъ,
тогда какъ ничего подобнаго не имѣлъ [illegible] царь
Вас. Ив. Шуйскіе въ глазахъ народа теперь были про-
стыми холопами, какъ всѣ остальные бояре. Они не были
принцами крови, и народное сознаніе потеряло ихъ
изъ виду. Москва не признавала другихъ князей. Москов-
скій князь считался какъ бы единственнымъ династомъ;
никто изъ другихъ князей не входилъ въ родственныя
отношенія съ нимъ. Иное положеніе было у [illegible]
ціи: тамъ прямо всѣ признавали родственниковъ
королевскаго дома; они являлись къ [illegible]
центромъ. Подобнаго у насъ не было: здѣсь другіе прежніе
государи считались покоренными, завоеванными, а не
родственниками, какъ члены царскаго дома. [illegible]
[illegible] Дома Александра Невскаго родъ князей Суздальскихъ
становится также далекъ отъ царскаго дома, какъ князья
Одоевскій, Вяземскій и др., такъ что [illegible]
уже было потеряно. Шуйскій напрасно выставлялъ это род-
ство: оно уже не существуетъ въ народной памяти. Мы пони-
маемъ, что они — принцы крови, [illegible]
нашими предками; и вотъ разница этихъ [illegible]
[illegible] намъ, почему народъ такъ смотрѣлъ на Шуйскаго. Тѣ
условія, на которыхъ Шуйскій вступилъ на престолъ, были против-
ны народному чувству, такъ какъ они поддерживали не одного
государя, а нѣсколькихъ государей вмѣстѣ съ нимъ. Но въ то
время было служилое сословіе, имѣвшее особыя условія своего
положенія. Кромѣ служилаго сословія были люди посад-
скіе, которымъ было что охранять: свое имущество, животы свои,
торговлю, промыслы. Эти сословія были преимущественно
недовольны боярскою кликою, потому что видѣли въ этой
кликѣ давленіе себѣ. Города въ старину были наполнены посад-
скими и отчасти служилыми людьми. Служилые очень часто
живутъ въ городахъ. Горожане и служилые люди могли отправ-

лять депутацію къ князю Пожарскому и звать его. Эти два класса были недовольны боярскимъ преобладаніемъ; и когда Шуйскій хотѣлъ исполнять предложенныя ему условія, то это возбудило недовольство. Потомъ онъ началъ мирволить нѣкоторымъ лицамъ, напр. Шаховской получилъ иное наказаніе, чѣмъ Телятевскій и Болотниковъ. Видна стала слабость правительства и оно, дѣйствительно, было слабо. Бѣгаетъ человѣкъ въ Тушино и получаетъ боярство; воротившись въ Москву, онъ признается бояриномъ, такъ что людямъ болѣе сильнымъ дается поблажка. Но все таки тутъ поддерживается Московскій царь, какъ видимый, существующій знакъ, и тотъ, кто представляетъ собою всю русскую землю. Въ смутное же время боярство является въ весьма независимомъ положеніи. Бояре жалуются другъ на друга, просятъ помѣстьевъ и вотчинъ у всѣхъ, кто господствуетъ, и не умѣютъ держать себя съ надлежащимъ достоинствомъ. В.В. Голицынъ выдѣляется изъ нихъ, но его нѣтъ. Эти бояре пользуются полнымъ пренебреженіемъ русскаго народа; вотъ почему всегда его взоры обратились не къ нимъ... Семибоярщина, сидящая въ Москвѣ, князь Д.Т. Трубецкой, стоящій подъ Москвою, были равны въ глазахъ русскаго народа; ни къ тому, ни къ другому не обратились, а обратились къ своему вождю. Боярскій элементъ попробовалъ, не можетъ ли онъ создать своего государя. Польско-русскій идеалъ носился въ глазахъ нашего боярства; особенно соблазнительна была вольная панская рада. Гордости сословной у насъ не было: мѣстничество, въ которое выродилась родовая гордость была форма совершенно противоположная самостоятельности и независимости, которая соединяется съ настоящею аристократіею. Могъ ли кто-нибудь изъ нашихъ бояръ сказать: „roi je ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis". Никто не былъ способенъ сказать это. Такихъ аристократовъ, какъ Роганъ, Монморанси, у насъ не было. Это видно изъ всего теченія русской жизни. Когда государство возстановилось, высшіе служебные ряды опять заняли свои мѣста, а въ ту минуту не заботились объ укрѣпленіи своего господства. Новгородъ, преимущественно Псковъ, опять завели у себя самозванцевъ: Псковъ опять призвалъ вора Сидорку. Тотъ элементъ, который наиболѣе выдается въ смутное время, элементъ казачій, состоящій изъ воровъ, бродячій и безпокойный, вноситъ особенное представленіе о государствѣ: по ихъ понятію, государство — казачій кругъ. Такое государство, создаваемое бездомовниками, относящееся къ самымъ первоначальнымъ воззрѣніямъ людей должно было встрѣтить нерасположеніе со стороны осѣдлаго населенія. У осѣдлаго населенія

была собственность и уступать ее первому пришедшему было невыгодно. У самихъ казаковъ начинаютъ образовываться знатные казаки и изменяется казачій кругъ въ настоящемъ своемъ видѣ долго не удерживается; еще мало по малу образуется въ оседлаго человѣка. Знатные стараются образовать изъ себя поземельную аристократію: на Дону — дворянство, на Днѣпрѣ — шляхту. То и другое стремится примкнуть къ тому государству, къ которому прилегаютъ владѣнія, и получить отъ него признаніе. Отсюда постоянное колебаніе, переходъ на сторону того, кто обѣщаетъ больше правъ и преимуществъ. Описывая смуту, наша лѣтопись говоритъ, что дѣло дошло до послѣднихъ людей, и стали послѣдніе люди, какъ одинъ человѣкъ. Это было городское населеніе и служилое низшее сословіе. Очевидно, большинство посадскихъ и служилыхъ людей не могло ожидать ни скораго обогащенія, ни скораго возвышенія. Они, какъ хотѣли сохранить то, что у нихъ есть, хотѣли обезпечить себя отъ движенія. Вообще, во время революцій, сперва выдвигаются разные недовольные люди, кои стараются достигнуть крайнихъ требованій, а въ концѣ концовъ торжествуютъ умѣренные люди, кои въ борьбѣ не участвовали; они получаютъ обыкновенно перевѣсъ; они и выдвигаются впередъ. У нихъ есть охранительное начало, и эти элементы выступаютъ обыкновенно послѣдними. Такъ было и въ наше смутное время. Русскую землю спасли и помогли утвердиться эти консервативные элементы. Имъ нуженъ былъ человѣкъ, который не имѣлъ участія въ смутахъ. Мих. Өед. Романовъ не отличался ничѣмъ: никогда не выдвигался и никогда не былъ компрометированъ. Этотъ 16ти лѣтній мальчикъ, который по понятіямъ народа имѣлъ право на престолъ по связи съ Анастасіею Романовою, и потому, какъ много страдали Романовы при Борисѣ, онъ то и оказывался такимъ человѣкомъ.

Послѣ избранія Михаила Өедор. Романова депутація изъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ отправилась къ нему въ Костромской Ипатьевскій монастырь (Годуновскій). Его мать, инокиня Мароа (Ксенія Ивановна, по замужеству Шестова) долго не соглашалась на это избраніе, указывая на постоянныя смуты въ государствѣ и на [illegible] истощеніе казны. Послѣ долгихъ усилій со стороны депутатовъ, Мароа благословила сына при-

нять престолъ. Но Михаилъ Өедор. не могъ тотчасъ-же отправиться въ Москву: она была разорена; дворецъ разграбленъ и уничтоженъ. Болѣе мѣсяца прошло въ заботахъ объ устройствѣ дворца. 14-го Марта 1613 года принялъ Михаилъ престолъ, а только 2-го Мая въѣхалъ въ Москву.

По свидѣтельству Котошихина, Михаилъ Өеод. былъ избранъ съ ограничительными условіями. Котошихинъ прибавляетъ, что такія ограниченія предложены были бы и Алексѣю Михайловичу, если бы его не считали слабоумнымъ и потому неопаснымъ. Но мы знаемъ, что Михаилъ Өед. и Алексѣй Мих. вступили на престолъ почти одинаковыхъ лѣтъ; если же бы были предложены ограниченія Алексѣю Мих., то, вѣроятно, они не были предложены и Михаилу. Причина же, выставляемая Котошихинымъ, не основательна. Личность Михаила Өед. гораздо бѣднѣе Алексѣя Мих.; послѣдняго князь Долгорукій ставитъ даже выше Петра. Кромѣ показанія Котошихина есть темное преданіе о существованіи письма такого рода: „выберемъ Мишу Романова! Онъ парень добрый и намъ при немъ будетъ повадно." Петръ Долгорукій увѣряетъ, что самъ видѣлъ это письмо. Но его свидѣтельство не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, потому что онъ не обращалъ большого вниманія на критическую оцѣнку источниковъ. Въ его книгѣ, вышедшей на французскомъ языкѣ въ царствованіе Николая Павловича, проводится та мысль, что боярская дума была палатою пэровъ, а земская — палатою общинъ. Конечно, проводить такую мысль, параллель нѣтъ никакихъ основаній.

Подъ вліяніемъ этихъ толковъ сложился историческій предразсудокъ, что Михаилу Өедоровичу предложены были ограниченія, уничтоженныя только по пріѣздѣ Филарета Никитича (1619 г.). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что избирательная грамота была составлена и подписана позднѣе, такъ какъ составленіе ея требовало большой осторожности и обстоятельности. Но С. М. Соловьевъ ставитъ вопросъ: кто могъ въ то время предлагать условія? Бояре были дискредитованы въ общественномъ мнѣніи; а земскій соборъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ. Дѣло это было новое, непривычное и неудобное по практическимъ соображеніямъ, въ виду примѣровъ Шуйскаго, Сигизмунда и Владислава. Когда, гораздо позднѣе, подобныя ограниченія предложены были олигархической партіей Аннѣ

Іоанновичъ, они возбудили всеобщее негодованіе въ русской земли, и рѣшено было принять безусловную власть по старому обычаю. Такимъ образомъ, если эта форма ограниченнаго правленія оказалось неудобной по представленію большинства русскихъ людей XVI, то какимъ же образомъ она могла быть удобной въ XVII столѣтіи. При томъ нельзя упускать изъ виду того, что въ земскихъ соборахъ, кромѣ аристократіи родовой, дворянъ, служилаго сословія были представители городовъ, представители тяглыхъ людей. Требованія ихъ значительно разнились другъ отъ друга; а условія предполагаютъ соглашеніе, компромиссъ, сдѣлку. На взаимныя уступки надѣяться было трудно. Поэтому, конечно, надо признать вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что никакихъ условій Михаилу не было предложено. Нельзя также выводить ограниченія Михаила Өедоровича изъ того, что земскій соборъ почти не расходился до пріѣзда Филарета. Это имѣло совершенно иное значеніе. Правительство не чувствовало себя достаточно сильнымъ. Оно должно было постоянно обращаться къ экспертамъ, знакомымъ съ землею, чтобы не прервать непосредственныхъ связей; такими экспертами служили члены земскаго собора, представители земли. Только при возможности постоянныхъ связей съ землею и могло удержаться правительство Михаила Өедор. при полномъ отсутствіи государственныхъ людей. Классы имущіе, желавшіе сохраненія порядка, поддерживали правительство. До насъ дошла одна грамота, свидѣтельствующая о томъ, что само правительство нуждалось въ ихъ поддержкѣ не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи. Въ этой грамотѣ требуется прислать „людей добрыхъ", чтобы, такъ сказать, не замолчала государственная машина. Так. обр. новому правительству необходимо было призывать этихъ людей, и на нихъ оно опиралось, а вовсе не приходилось ему дѣйствовать какимъ-нибудь давленіемъ силы. У правительства и народа было общее сознаніе взаимныхъ нуждъ и интересовъ. Постоянное существованіе собора въ первые годы царствованія Михаила, что можно назвать [illegible], потому что мы постоянно видимъ [illegible] періода, было слѣдствіемъ полнѣйшей необходимости общенія земли съ правительствомъ.

Когда царь Михаилъ вступилъ на престолъ, Московское государство находилось въ самомъ тяжеломъ и печаль-

наго положенія. У правительства не было денегъ, не на что было содержать служилыхъ людей, а отъ государства требовались громадныя усилія для войны съ врагами внутренними и внѣшними. Лисовскій безнаказанно грабилъ русскую землю, Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ сидѣли въ Астрахани, подъ Москвой были шайки разбойниковъ, въ Новгородѣ — Шведы, въ Смоленскѣ — Поляки. Царь и духовенство отъ имени собора разослали грамоты съ просьбой о помощи государству въ его тяжелой нуждѣ. Соловецкій монастырь прислалъ вмѣсто денегъ посуду, Строгоновы оказали поддержку деньгами. Противъ казаковъ, грабившихъ подъ самою Москвою подъ предводительствомъ Баловня, послано войско. Его поймали. Лисовскій самъ удалился изъ Россіи; преслѣдовать его не было возможности: онъ былъ самый быстрый партизанъ. Казаки его, лисовчики, удалились вмѣстѣ съ нимъ на западъ, гдѣ онъ участвовалъ въ 30-лѣтней войнѣ. Заруцкаго не взлюбили и выдали сами казаки. Онъ былъ посаженъ на колъ, сынъ Марины повѣшенъ, а она сама умерла въ тюрьмѣ. Такъ окончилась судьба этой гордой польки. Предпріятія противъ Шведовъ и Поляковъ кончились неудачами. Противъ Шведовъ посланъ былъ Дмитрій Тимоѳ. Трубецкой, который потерпѣлъ пораженіе отъ Делагарди. Тѣмъ не менѣе Шведамъ не удалось завладѣть Псковомъ, храбрымъ защитникомъ котораго былъ Морозовъ. Второй разъ Псковъ выдерживаетъ осаду отъ величайшихъ полководцевъ того времени: Стефана Баторія и Густава Адольфа. Отчаянная защита Пскова заставила Шведовъ желать заключенія мира. На встрѣчу этому миру пошли морскія державы Англія и Голландія, стремившіяся получить въ Россіи право безпошлинной торговли и позволеніе ѣздить Волгою въ Персію и даже въ Индію. Съ помощью англійскаго посла Джона Мерика былъ заключенъ въ Февралѣ 1617 г. Столбовскій миръ. Уполномоченные долго спорили, на чей землѣ вести переговоры. Наконецъ, русскіе построили шатеръ у русской границы, а у самой границы Шведской построили шатеръ Шведы. Когда поднялась раздѣлявшая оба, примыкавшіе другъ къ другу, шатра занавѣска, то оказалось, что уполномоченные сидѣли за однимъ столомъ. Столбовскій миръ лишилъ насъ Кареліи, Ингріи, Нарвы и так. обр. отодвинулъ насъ отъ моря. Это

удаленіе Россіи отъ моря произвело восторгъ въ Швеціи, и Густавъ Адольфъ говорилъ, что за этимъ ручьемъ, т.е. за Нарову, русскіе никогда не перейдутъ. Предсказаніе его не исполнилось. Отдѣлить насъ отъ Балтійскаго моря, отрѣзать отъ сношеній съ Европой было всегда завѣтной мечтой нашихъ сосѣдей, такъ какъ они понимали, что Бѣлое море слишкомъ отдалено. Новгородъ по Столбовскому миру возвращенъ Россіи. Между тѣмъ поляки продолжали поддерживать кандидатуру Владислава. Въ Октябрѣ 1617г. Владиславъ съ гетманомъ Ходкевичемъ двинулся изъ Кракова въ Россію, напутствуемый благословеніями католическаго духовенства и надеждами на завоеваніе Россіи. Города по дорогѣ сдавались ему подъ какимъ-то паническимъ страхомъ. Между прочимъ весьма любопытно, какъ правительство Михаила Ѳедор. относилось къ преступленіямъ разныхъ лицъ. Одинъ изъ воеводъ Ададуровъ сдалъ городъ (Дорогобужъ) Владиславу, а потомъ, попавшись въ руки Московскаго правительства, былъ сосланъ въ ссылку. Въ то время Ѳедька Щербаковъ, пограничный дворянинъ бѣжалъ въ Литву. Послѣ разныхъ приключеній, онъ снова попалъ въ Москву и былъ казненъ. Такимъ образомъ болѣе тяжкое государственное преступленіе — сдача города — навлекло наказаніе болѣе мягкое, чѣмъ простое дезертирство незначительнаго лица. На помощь Владиславу пришли казаки съ гетманомъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, за что онъ и получилъ значительныя привилегіи. Сагайдачный умѣлъ согласить интересы поляковъ и казаковъ, это было время наиболѣе согласной жизни тѣхъ и другихъ. Но поляки не успѣли взять ни Москвы, ни Троицкой Лавры. Простоявъ безполезно подъ Москвою, поляки вынуждены приступить къ мирному договору. Уполномоченные съѣзжались сначала на рѣчкѣ Прѣснѣ (гдѣ теперь прѣсненскіе пруды), потомъ переговоры происходили въ самой Москвѣ, наконецъ въ деревнѣ Деулинѣ, не далеко отъ Троицкой Лавры, заключенъ мирный договоръ (1618г.), который, впрочемъ, имѣлъ значеніе простаго перемирія. Смоленскъ отходилъ къ Польшѣ, и даже Владиславъ не вполнѣ отказался отъ своихъ правъ на Московскій престолъ. Но для русскаго правительства было важно возвращеніе Филарета въ Москву. Съ его возвращеніемъ начинается новая эпоха царствованія Михаила. Военныя [illegible]

престолъ окруженъ былъ людьми мало даровитыми, даже не отличавшимися особенной нравственностью. Между ними первое место занимали Борисъ и Михаилъ Салтыковы, родственники царя по матери. Это были люди своекорыстные, старавшiеся удалить царя отъ другихъ. Многiе деятели смутнаго времени оставались ещё въ тени. Самъ Пожарскiй, возведенный еще въ 1613 г. въ боярское достоинство въ день венчанiя Михаила на царство, былъ тогда выданъ головою Салтыкову, такъ что долженъ былъ просить у него прощенiя и помилованiя. Почти въ одно время съ Пожарскимъ Мининъ былъ пожалованъ въ думные дворяне. Но другiе не получили подобающихъ наградъ. О Сусанине вспомнили после возвращенiя Филарета. Въ сущности подвигъ Сусанина не имелъ государственнаго значенiя, такъ какъ онъ имелъ дело съ воровскою шайкою, желавшей ограбить богатаго помещика, но не допустилъ до этого, заведя поляковъ въ чащу леса. Во всякомъ случае подвигъ его незначителенъ, такъ какъ на это есть указанiе въ грамоте. Обстановка дела его легендарна. Такъ принимаетъ и Соловьевъ. Дiонисiй, Троицкiй архимандритъ, которому поручено было исправить церковныя книги отъ грубыхъ ошибокъ переписчиковъ, исключилъ слово „огнемъ" изъ молитвы, где говорилось: „духомъ и огнемъ", на томъ основанiи, что этого нетъ въ греческомъ подлиннике. Тогда враги обвинили его въ ереси, преследовали, мучили, водили на разные допросы, уверяя, что онъ хочетъ вывести огонь изъ земли. Но это были все вопросы частные, не препятствовавшiе общности интересовъ въ русской земле. Вопросомъ общимъ былъ вопросъ объ управленiи, о водворенiи порядка, и для решенiя нужно было содействiе земства. Все остальное было въ рукахъ людей, окружавшихъ царя. Это былъ вопросъ о лицахъ, который имелъ также свое значенiе. Самый бракъ царя былъ остановленъ придворною интригою. Михаилъ Федор. выбралъ невестой Марiю Ивановну Хлопову, которая была названа великой княгиней и царевной. Она находилась уже въ Воскресенскомъ монастыре, какъ вдругъ съ нею сделался припадокъ. Царю объявили, что эта болезнь постоянная и скрытая родителями ея отъ Государя. Вследствiе этого ее съ отцомъ сослали въ Сибирь въ ссылку въ отдаленный городъ. Затемъ при патрiархе Филарете они были возвращены. Так. обр. и здесь действовали

интриги. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для разъясненія этого дѣла. Подобный же случай былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, и тогда Морозовъ нашелъ ему другую невѣсту Марію Ильиничну Милославскую, а самъ женился на ея сестрѣ для упроченія своего вліянія. Но Михаилъ Өедр. упорно стоялъ на расположеніи къ прежней своей невѣстѣ. Встрѣча Филарета съ сыномъ была торжественна. Онъ былъ названъ святѣйшимъ патріархомъ и великимъ государемъ. Теперь все дѣлалось по мнѣнію Филарета. Собственно говоря, Филаретъ еще при Самозванцѣ (Тушинскомъ ворѣ) былъ патріархомъ. Но трудно допустить, чтобы Филаретъ при своемъ обширномъ умѣ, не понималъ, что Тушинскій воръ – плутъ. Онъ могъ принять санъ ростовскаго Митрополита отъ перваго Самозванца и поддерживать его, надѣясь, что власть самозванца будетъ прочною. Кромѣ того надо полагать, что грамота отъ имени Филарета изъ Тушинскаго лагеря была написана безъ его вѣдома и согласія.

Царствованіе Михаила Өедоровича.

Двоевластіе. Характеристика свѣдѣній о времени Михаила Өедоровича. Дѣятельность Филарета. Вопросъ о землевладѣніи. Податная система. Польская война. Взятіе Азова. Занятіе Сибири. Внѣшнія дѣла. Олеарій и положеніе иностранцевъ. Семейныя дѣла Михаила Өедоровича.

По возвращеніи изъ плѣна Филаретъ названъ былъ великимъ государемъ и святѣйшимъ патріархомъ. Титулъ великаго государя соединялся у насъ съ титуломъ Патріарха впервые. Эта новость повела за собой и другую: грамоты внутреннія стали писаться отъ двухъ великихъ государей, при чемъ имя царя писалось первымъ. Иностранные послы представлялись и патріарху какъ и царю; наравнѣ съ царемъ вручали ему грамоты и подносили дары. Словомъ, образовалось двоевластіе. Но это двоевластіе было только видимое. Въ сущности всѣмъ правилъ Филаретъ. Это былъ человѣкъ сильнаго характера, большаго ума и твердой воли. Понятно, что онъ выступилъ на первый планъ и по праву отца царскаго и по превосходству своего характера надъ мягкимъ характеромъ еще малоопытнаго сына. Можно полагать даже, что самъ Филаретъ, а если не самъ онъ, то другіе причины ему

царскій престолъ еще за долго раньше до этого времени. Мы знаемъ, что существовало преданіе: будто бы Феодоръ Ивановичъ, умирая, отдалъ свой скипетръ одному изъ бояръ Романовыхъ (Александру Никитичу), но Годуновъ вырвалъ его, и Романовъ былъ вынужденъ отказаться за себя и за братьевъ отъ престола. Это преданіе записано извѣстнымъ Буссовымъ (†1617 г.); кромѣ того оно встрѣчается и въ нашихъ отечественныхъ извѣстіяхъ. Ясно, что сознаніе правъ Романовыхъ на престолъ коренилось въ то время въ народѣ и передавалось въ разсказахъ. Есть и еще одинъ любопытный и очень загадочный фактъ. Въ 60-хъ годахъ Барщевскій нашелъ портретъ патріарха Филарета. Когда начали очищать эту картину, то краски слѣзали, и подъ патріаршимъ платьемъ оказался царскій нарядъ, нашлась и надпись: „царь Феодоръ Никитичъ". Этотъ портретъ находится теперь въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ; кто его рисовалъ неизвѣстно. Очевидно здѣсь одно: для кого-то было необходимо представить Филарета царемъ. Можетъ быть, самъ онъ былъ не прочь отъ царскаго сана, разсчитывая на то, что, по понятіямъ того времени, невольное постриженіе не есть постриженіе. Такъ высказался Гермогенъ относительно постриженія В. Шуйскаго. „Клобукъ не гвоздемъ прибитъ къ головѣ", выражались въ то время. Отъ той эпохи дошло до насъ нѣсколько хронографовъ, т. е. рукописей, въ которыхъ авторъ записывалъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ видѣнныя имъ событія и свои мнѣнія и впечатлѣнія. Одинъ изъ этихъ хронографовъ хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ; въ немъ находится очень строгое и недружелюбное сужденіе о Филаретѣ, какъ человѣкѣ гордомъ, властолюбивомъ, „опальчивомъ и мнительномъ". Между прочимъ здѣсь даже польская война объясняется желаніемъ Филарета отомстить полякамъ за долгій плѣнъ и за притѣсненія, которыя онъ терпѣлъ отъ нихъ. Разумѣется, это неправда. Дѣйствительно, Филаретъ не былъ мягкимъ человѣкомъ, но это былъ человѣкъ несомнѣнно умный, и то время, когда онъ стоялъ около сына (1619–1633 г.), принадлежитъ къ лучшимъ годамъ царствованія Михаила Өед. Въ эти годы въ управ-

ленія Московскимъ государствомъ нужна твердая рука и государственный умъ. Къ сожалѣнію при Михаилѣ и Филаретѣ почти не было наблюдательныхъ людей, хотя бы иностранцевъ, которые оставили бы намъ свои записки объ этомъ періодѣ. Мы знаемъ, какъ важны эти записки: Алексѣй Михайловичъ и его время гораздо яснѣе для насъ именно потому, что тогда въ Москвѣ было больше людей, способныхъ свидѣтельствовать о событіяхъ здраво и обстоятельно. Съ времени же Михаила такихъ свидѣтельствъ очень мало, и потому многое въ его царствованіи объясняется лишь по догадкамъ: Его царствованіе извѣстно намъ болѣе своей внѣшней оффиціальной стороной. Мы имѣемъ очень много сухихъ оффиціальныхъ данныхъ и почти ничего личнаго, внутренняго, такъ сказать, характеризующаго людей, нравы и воззрѣнія. Напр., мы имѣемъ подробное описаніе избранія и свадьбы царя Михаила Өедор. въ двухъ книгахъ, наполненныхъ рисунками. Но эти книги представляютъ намъ только показную сторону: онѣ имѣютъ значеніе только какъ изображеніе внѣшней стороны тогдашняго быта. Какъ бытовыя картины, эти описанія очень интересны, но въ историческомъ отношеніи онѣ не имѣютъ большой важности. Легко можетъ показаться, что въ то время, желая сохранить порядокъ и поддерживая его, старались сторониться отъ постороннихъ взглядовъ. Что касается до намѣреній, цѣлей, побужденій, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то мы знаемъ очень мало; видимъ только вообще путь государственной дѣятельности съ оффиціальной. Далѣе въ увеселенія двора мы проникаемъ случайно.....

Дѣятельность Филарета проявлялась больше въ гражданскихъ и церковныхъ дѣлахъ. Къ дѣламъ гражданскимъ онъ болѣе тяготѣлъ, потому что самъ былъ по своему складу человѣкомъ свѣтскимъ и къ духовному званію онъ не готовился. При немъ въ Москвѣ заводились школы (Греко-Латинское училище въ Чудовскомъ монастырѣ); при немъ была сдѣлана попытка исправленія церковныхъ книгъ. (Дѣло это было поручено троицкому архимандриту Діонисію, и онъ много потерпѣлъ за него по обвиненію въ ереси). При Филаретѣ же былъ поднятъ вопросъ о перекрещиваніи желающихъ перейти въ православіе изъ „римской и лютеранской вѣры" и

вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ихъ крестить вторично. Но главными и существенными дѣлами Филарета были дѣла свѣтскія. О внутреннемъ устройствѣ Россіи и о внѣшнихъ отношеніяхъ нужно было думать послѣ смуты болѣе, чѣмъ о чемъ либо. Первымъ вопросомъ являлся вопросъ о земельной собственности. Смутное время совершенно перепутало владѣнія: иныя земли были заняты новыми владѣльцами, иныя конфискованы, очень многія владѣнія были разграблены и разорены, такъ что иностранцы, проѣзжая по Россіи, удивлялись ея пустотѣ: они находили цѣлыя деревни выгорѣвшими, опустѣвшими и т. п. Возстановлять права собственности по старымъ документамъ по той простой причинѣ, что эти документы были частью уничтожены пожарами, частью раскрадены или просто затеряны. Вообще возвращеніе права на собственность и передача владѣній изъ однихъ рукъ въ другія въ подобныхъ обстоятельствахъ считалось непригоднымъ средствомъ. Послѣ смутъ, поколебавшихъ уже разъ собственность, правительства уже не возвращали ее прежнимъ владѣльцамъ почти никогда. Стремленіе правительства реставраціи дать большое вознагражденіе эмигрантовъ за потерянныя владѣнія было крупной ошибкой; но даже это правительство реставраціи, требуя вознагражденія, не рискнуло требовать возвращенія собственности и возстановленія прежняго порядка владѣнія. Тѣмъ менѣе могло рѣшиться на это правительство московское: оно понимало, что ему слѣдовало признать создавшійся во время смутъ порядокъ землевладѣнія. Такъ оно и поступило. Оно стало собирать свѣдѣнія съ цѣлью опредѣлить самое владѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было послѣ смуты. Польское правительство рѣшилось на другую мѣру: оно отъ владѣльцевъ собственности и титуловъ потребовало указаній, на какомъ основаніи они владѣютъ ими, и результатомъ этого явились смуты въ Малороссіи, которыя повели къ отпаденію ея отъ Польши. (Вопросъ о Субботовѣ можно разсматривать, какъ частный случай въ вопросѣ отысканія правъ, на какихъ владѣли казаки и поляки). Это было ошибкой со стороны польскаго правительства. Московское же правительство рѣшилось допустить принципъ: владѣть тому, кто владѣетъ. По всей Россіи посланы были писцы съ

цѣлью произвести общее межеваніе, а для контроля надъ ними отправили „дозорщиковъ", такъ какъ злоупотребленія со стороны писцовъ были возможны и на практикѣ случались часто. Результатомъ писцовой работы были подробныя описи земельныхъ владѣній или „писцовыя книги", составлявшія кадастровый документъ.

Съ тогдашнимъ землевладѣніемъ была тѣсно связана податная система. Главная подать того времени, т.е. прямой налогъ — лежалъ на землѣ, а не на людяхъ (кадастровая система). Тогда платили такъ называемую „посошную" подать съ извѣстной „сохи" т.е. съ такого участка земли, какой можно обработать одною сохою. Вся земля дѣлилась на „сохи"; причемъ „сохи" различались по качеству земли: были „сохи" земли лучшей, средней и худшей; вмѣстѣ съ качествомъ земли принималось въ соображеніе и то, подъ чѣмъ земля находится: подъ лугомъ ли, лѣсомъ или пашнею. Тогда, какъ и нынѣ, у насъ преобладала трехпольная система, т.е. поле озимое, паровое и яровое. Городская собственность была пріурочена къ собственности земледѣльческой и расчитывалась на „сохи" сообразно доходности. Однимъ словомъ, единицею мѣры была „соха". Кадастровая система, преобладавшая въ древней Руси, имѣетъ громадное преимущество предъ системою, господствующею теперь, т.е. предъ системою подушной подати (capitatio), но Петръ В. ввелъ ее, потому что посошная подать падала неравномѣрно, возбуждала ошибки и заблужденія вслѣдствіе своей сложности и злоупотребленій. Дѣло въ томъ, что прежде надобно было точно опредѣлить землевладѣніе и всякую собственность, а потомъ уже можно было распредѣлять подати. Для этого требовался огромный правительственный механизмъ; былъ еще необходимъ и обширный контроль надъ писцами, потому что писцы по дружбѣ писали меньше „сохъ", а по враждѣ — больше; такъ какъ подати брались съ „сохи", то понятно, было выгоднѣе скрыть свою собственность. При такомъ положеніи дѣла для правительства было удобнѣе принять болѣе легкій способъ взиманія податей, способъ capitatio, подушный. При этомъ способѣ

нужно было только расчитать, сколько налицо тяглыхъ душъ въ извѣстной мѣстности и сколько нужно брать съ каждой души. Больше ничего не требовалось, не принимался даже въ расчетъ самый возрастъ. Старики и новорожденные здѣсь одно и тоже; платили равно всѣ, по послѣднимъ ревизскимъ сказкамъ. Очевидно, эта подать падаетъ совершенно неравномѣрно, но на это тогда не смотрѣли въ виду болѣе легкаго собранія податей. Эта подать, какъ сказано, введена Петромъ В.; до нея практиковался болѣе точный способъ взиманія на основаніи „писцовыхъ книгъ". Въ нихъ была описана вся Россія, и эти писцовыя книги приводились въ нашихъ судахъ еще въ 40-хъ даже въ 50-хъ годахъ для доказательства правъ на землевладѣніе и для показанія количества земли.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ Филаретъ занялся важнымъ вопросомъ о польскихъ отношеніяхъ. Владиславъ еще не отказался отъ титула Московскаго царя; и польское правительство не признавало Михаила царемъ, не величало его царскимъ титуломъ и вообще относилось къ нашему правительству враждебно. Сверхъ того, условія Деулинскаго перемирія были слишкомъ для Москвы невыгодны. Поэтому война казалась необходимою, и къ ней стали дѣятельно готовиться. Начали нанимать иностранныхъ солдатъ и офицеровъ, покупать въ Швеціи, Даніи и Англіи военные запасы и оружіе, набирать войска и давать иностранцамъ, напр. Андрею Виніусу съ братомъ, Марселіусу и др., привилегіи на устройство ружейныхъ заводовъ. Так. обр. возникъ существующій и нынѣ первый у насъ Тульскій оружейный заводъ. Онъ построенъ Виніусомъ въ 1632 г. Въ войска приглашали иностранцевъ и даже считали необходимымъ обучить русское войско по иностранному. Это желаніе учиться у иностранцевъ ратному дѣлу высказывалось не впервые: еще при Вас. Ив. Шуйскомъ переведено было западное руководство тактики временъ Карла V.

Въ 1632 г. Сигизмундъ умеръ, въ Польшѣ настало междуцарствіе, возникли смуты на избирательномъ сеймѣ, и это время сочли въ Москвѣ самымъ удобнымъ для войны. Войска наши двинулись къ Смо-

ленску, но здѣсь потерпѣли неудачу. Въ войскѣ Шеина подъ Смоленскомъ оказалось полнѣйшее отсутствіе дисциплины. Иностранцы не оказывали никакого повиновенія русскимъ властямъ и ссорились между собою. Пограничные съ татарами дворяне отказались оставаться въ войскѣ и удалились на защиту своихъ имѣній, такъ какъ ихъ грабили татары. Это нападеніе татаръ было дѣломъ поляковъ. Благодаря безпорядкамъ въ русскомъ войскѣ, Смоленскъ держался восемь мѣсяцевъ, пока не пришелъ на помощь Владиславъ, избранный королевичъ. Онъ окружилъ обоихъ и, заградивъ пути отступленія, заставилъ Шеина капитулировать, сдать полякамъ обозъ и орудія и съ позоромъ отойти къ Москвѣ. Вернувшись въ Москву (1634г.), Шеинъ не засталъ въ живыхъ Филарета (†1633г.), который относился къ нему хорошо, и со стороны котораго онъ могъ ждать себѣ защиты. Поэтому вся придворная клика накинулась на него и его обвинили въ измѣнѣ. Вопросъ объ измѣнѣ Шеина вызвалъ даже цѣлое сочиненіе: въ 60ᵗʰ годахъ вышла статья, посвященная спеціально этому вопросу; а между тѣмъ дѣло ясно. Шеинъ не былъ измѣнникомъ; онъ палъ вслѣдствіе придворной интриги. Предъ походомъ, „на отпускѣ у руки государевой" онъ похвалялся своей службой предъ царемъ, говоря, что онъ дѣломъ служилъ царю, когда многіе бояре „по запечьямъ сидѣли и сыскать ихъ было нельзя". Эта выходка, конечно, не пришлась по душѣ многимъ боярамъ, и Шеину послѣ неудачи трудно было разсчитывать на ихъ заступничество, слѣдовало, напротивъ, ждать ихъ наговора, что и случилось. Сильные люди отомстили за свое униженіе: Шеинъ и его помощникъ Измайловъ были казнены, какъ измѣнники, съ нѣсколькими товарищами; многіе были сосланы. Послѣ Смоленскаго погрома военное счастіе перешло снова на сторону русскихъ: подъ Бѣлымъ поляки потерпѣли пораженіе. Владиславъ, боясь войны съ турками, поспѣшилъ окончить эту войну и въ Маѣ 1634г. заключилъ миръ (Поляновскій), по которому оставилъ за собой всѣ города, отданные въ Деулинѣ, и согласился признать за Московскимъ царемъ права на престолъ.

Вскорѣ за этимъ едва не случилась новая

война — съ турками. Въ 1637 г. донскіе казаки завладѣли Азовомъ. Казацкое „сидѣніе" въ Азовѣ составило предметъ народныхъ пѣсенъ и сказаній; настолько оно выдѣлилось своимъ молодечествомъ. Казаки обратились къ Московскому правительству, прося его принять взятый городъ подъ свою державу и выслать казакамъ помощь и денегъ. Правительство одобрительно отнеслось къ дѣлу казаковъ и выслало имъ „5000 руб. денегъ", но понимая, что принятіе Азова подъ свою державу повлечетъ за собой войну съ Турціей, оно собрало земскій соборъ и спросило: нужно ли поддерживать казаковъ и оставить Азовъ за собой? Голоса подавались разные: соглашались на принятіе Азова и на войну съ Турціей, но въ то же время указывали на внутреннее неустройство, на общее разореніе; жаловались на дьяковъ и „судебную волокиту", на взятки, говорили, что дьяки побогатѣли, „покупили себѣ многія вотчины и домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что недѣлѣ сказаемыя". Въ концѣ концовъ помощь казакамъ не была оказана, турки снова заняли Азовъ, разоренный и оставленный казаками, и вопросъ объ Азовѣ заглохъ.

Неудачно стремясь на западъ, Россія удачно шла на востокъ. Въ Сибири начинаетъ строиться рядъ городовъ, и казаки подвигаются все дальше и дальше. Обыкновенно вопросъ о колонизаціи нашихъ окраинъ нисколько не зависѣлъ отъ того, что дѣлалось въ Москвѣ. Казаки шли сами по себѣ „искать новыхъ землицъ" и, находя, отдавали ихъ московскому правительству. Так. обр. при Михаилѣ Ѳедор., несмотря на довольно большія бѣдствія государства, и даже на смутное время, казаки продолжали двигаться дальше и дальше и заняли въ это время почти всю Сибирь. Сопротивленія со стороны туземцевъ оказывалось мало, развѣ только въ томъ случаѣ, когда казаки чересчуръ ихъ грабили.

Внѣшнія отношенія поддерживались съ Голландіей, Англіей и Франціей. Стремленіе Голландцевъ получить нѣкоторыя торговыя монополіи и привилегіи было неудачно. Англичане просили дозволенія провозить безпошлинно свои товары въ Персію Волгою, но имъ было отказано, такъ какъ это

было убыточно для русскихъ купцовъ. Съ тѣмъ же требованіемъ явилось (въ 1629 г.) французское посольство, но тоже не имѣло успѣха. Въ 1685 г. руское посольство ѣздило во Францію, прося помощи противъ поляковъ и возвратилось ни съ чѣмъ, такъ что руское правительство ничѣмъ не было связано въ отношеніи Франціи.

Въ 1634 и 1636 г. пріѣзжалъ въ Россію извѣстный Олеарій. Его хотѣли оставить въ Москвѣ; царь писалъ ему: „Вѣдомо намъ, что ты гораздо наученъ и навыченъ Астрономіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ надобнымъ многимъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ".(x) Однако Олеарій не пожелалъ остаться въ Москвѣ. Онъ рисуетъ намъ положеніе иностранцевъ въ Москвѣ довольно печальнымъ. Народъ не смотрѣлъ сочувственно на иностранцевъ; жили они въ особой слободѣ и часто возбуждали въ рускихъ подозрѣнія и неудовольствіе. Подозрѣнія эти иногда бывали очень курьезны. Такъ, напр., одинъ цирюльникъ завелъ у себя скелетъ; однажды, онъ открылъ окно и игралъ на какомъ-то музыкальномъ инструментѣ; между тѣмъ вѣтеръ, проникая въ окно, шевелилъ скелетъ; это увидали, и въ народѣ пошелъ слухъ, что нѣмецъ заставляетъ мертвыхъ плясать; за это нѣмецъ чуть не поплатился жизнью. Однажды, патріархъ благословилъ нѣмца, бывшаго въ рускомъ платьѣ; послѣ этого не велѣно было носить иностранцамъ рускаго платья, чтобы патріархъ ненарокомъ не благословилъ нѣмца и въ другой разъ. Большинство иностранцевъ въ Россіи состояло тогда изъ военныхъ авантюристовъ и медиковъ. Но между иностранцами попадались люди, которыхъ нельзя назвать авантюристами по ихъ происхожденію и сношеніямъ съ лучшими европейскими людьми. Изъ медиковъ назовемъ англичанина Коллинса, врача царя Алексѣя. Коллинсъ оставилъ записки о Россіи; въ нихъ онъ, впрочемъ, обращаетъ большое вниманіе на естественныя произведенія Россіи и много говоритъ о грибахъ.

(x). См. С. М. Соловьева т. IX стр. 457 изд. 1860 г.

Михаилъ Өедор. былъ женатъ два раза: первою его женой была княжна Марія Долгорукая; она скоро умерла, и царь женился на дочери бѣднаго дворянина Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Родъ Стрѣшневыхъ черезъ это поднялся до званія боярскаго. Михаилъ Өедор. имѣлъ сына и трехъ дочерей, которыхъ онъ думалъ устроить браками европейскими. Для этого былъ приглашенъ въ Москву датскій королевичъ Вольдемаръ. Но и второй проектъ брака датскаго принца съ русской царевной не осуществился, какъ и первый. На этотъ разъ помѣшалъ вопросъ о вѣрѣ.

Михаилъ Өедор. царствовалъ съ 1613 по 1645 г. и, когда онъ умеръ, на престолъ вошелъ его сынъ Алексѣй Михайловичъ, которому въ это время было 16 лѣтъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.
(1645-1676 г.)

О личности царя Алексѣя Мих. лучше всего можно судить по его собственноручнымъ письмамъ къ близкимъ людямъ: Матюшкину, кн. Одоевскому, Никону; эти письма возбуждаютъ къ нему большое сочувствіе, хотя и не отличаются тою литературною отдѣлкою, которая весьма замѣтна въ письмахъ царя Ивана Вас. Грознаго, посвященнаго во всѣ тайны современной ему грамотности.

Алексѣй Мих. былъ человѣкъ замѣчательно мягкаго характера, очень добродушный, уступчивый, способный подчиняться вліянію окружающихъ его людей. Какъ примѣръ его деликатности можно указать на то, что, когда по смерти патріарха Іосифа онъ сталъ его душеприкащикомъ, то не пожелалъ не только оставить себѣ что нибудь изъ оставшагося имущества, но и купить, говоря: „какой я буду прикащикъ: самому мнѣ брать, а деньги платить себѣ же!" Мягкость его характера сказалась между прочимъ въ томъ, что когда однажды пріѣхавшій въ Москву грузинскій посолъ хотѣлъ предать казни своихъ людей, его сопровождавшихъ, то Алексѣй Мих. воспрепятствовалъ, объявивъ, что на русской землѣ онъ долженъ подчиняться русскимъ законамъ, а грузинскіе не имѣютъ силы. Но Алексѣй Мих. при всемъ томъ былъ вспыльчивъ, хотя вспышки его ограничивались обыкновенно

упреками, направленными на виновное лицо.

Другая черта царя — набожность, чинность, аккуратность даже в потехах (он напр. сам распределял роли сокольников своих), не говоря уже о царских приемах, богомольях, выходах, посольствах, торжественных обедах и т. п. вся жизнь царя была подчинена обряду, удовлетворявшему его натуре, которая стремилась к изяществу и красоте. Самыя забавы Алексея Мих. были [illegible], мирного характера: он питал особую страсть к соколиной охоте, любил забавляться сценическими представлениями, игрою драматических пьес и т. п. Вообще Алексей Мих. принадлежал к тем кротким, благодушным натурам, которые более всего хотят, чтобы у них на душе и вокруг них все было светло; он не способен был к затаенной злобе и в случае вспышки [illegible] скоро успокаивался и старался помириться с тем, кто оскорбил. В нем ярко отразились лучшие черты 17-го века. К тому же он был человек необычайно религиозный и строгий исполнитель [illegible] благочестия. Он очень ценил правдивых, [illegible]; [illegible] был всегда открыт свободный доступ к царю, который принимал их очень приветливо. Вообще двор царя Алексея Мих. был идеальный двор 17-го столетия.

Царь был доступен и народу. Хотя он иногда и прибегал к казням, но это жестокость была не его личною, а основывалась на [illegible] законов, действовавших тогда в России. Алексей Мих. любил иногда вмешиваться в толпы народа, раздавал милостыню, ходил по богадельням, посещал тюрьмы, выкупал должников, прощал преступников и даже приглашал [illegible] в свои покои и угощал их сам. Он был очень любим народом и вообще всеми современниками. О [illegible] и сочувственном отношении к нему даже последующих поколений можно судить между прочим по дошедшему до нас разговору [illegible] с [illegible] о царе [illegible]. В царствование Алексея Мих. совершилось соединение [illegible] с

Малой Руси; это событіе вноситъ новый бурный элементъ казаковъ, для поддержанія и защиты которыхъ отъ поляковъ русское правительство нуждается въ правильно организованномъ войскѣ (а для этого наряду съ стрѣльцами учреждаются новыя войска по иностранному образцу), нуждается и въ болѣе прочныхъ внутреннихъ устройствахъ и въ болѣе широкихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранцами. Наплывъ новыхъ элементовъ заставляетъ государство стать на новую точку зрѣнія.

Другое важное событіе, которымъ ознаменовалось (собственно) царствованіе Алексѣя Михайловича — это рѣшеніе вопроса объ отношеніи церкви къ государству, рѣшеніе, которое надолго опредѣлило ходъ дальнѣйшей судьбы Русской Церкви. Съ этимъ вопросомъ соединился и другой — вопросъ о расколѣ. Причиной раскола послужила главнымъ образомъ коренившаяся въ духѣ времени суевѣрная привязанность къ одной внѣшней церковной обрядности безъ глубины вѣры; само духовно нравственное состояніе русскаго народа представляло обильную почву для распространенія раскола, такъ какъ жизнь народа не была оживлена и озарена въ достаточной мѣрѣ живительнымъ свѣтомъ просвѣщенія. При отсутствіи просвѣщенія, [illegible] возможность отличать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во внѣшней церковной обрядности кажется измѣненіемъ самаго существа религіи. Начавшись съ простаго протеста противъ измѣненій въ обрядовой формѣ религіи, расколъ, распространяясь все дальше, обратился въ обширное религіозное движеніе, сущность и сила котораго заключается ни въ одной упорной ревности о старыхъ обрядахъ, но и въ возбужденіи религіознаго сознанія, которое, хотя до сихъ поръ и выражалось въ грубыхъ формахъ вслѣдствіе недостатка просвѣщенія, но во всякомъ случаѣ имѣло и несомнѣнно будетъ имѣть еще громадное значеніе въ развитіи русскаго народа. Историческая наука коснулась многихъ сторонъ русской жизни въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Особенно С. М. Соловьевъ сдѣлалъ многое для научной обработки исторіи этой эпохи. Онъ внесъ чрезвычайно много матеріала въ исто-

исторіи Малороссіи; документы и акты которой разбросаны по разнымъ архивамъ (въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи), вслѣдствіе чего изслѣдователи царствованія Алексѣя Мих. упускали изъ виду много существеннаго. Дѣло Соловьева продолжаетъ теперь проф. Карповъ, но, конечно, уже безъ того высокаго умственнаго взгляда покойнаго, который къ тому же отличался безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу, что встрѣчается въ историкахъ очень рѣдко.

Вопросъ объ отношеніи духовной власти къ свѣтской въ царствованіе Алексѣя Мих. излагается въ сочиненіи Пальмера, англійскаго діакона, который хотѣлъ перейти въ православную вѣру. Англійская церковь, представляющая компромиссъ между протестантизмомъ и католицизмомъ, состоитъ собственно изъ 2-хъ церквей: одна клонитъ къ протестантизму, другая къ католицизму. Эта послѣдняя партія желала присоединиться къ православію, которое стоитъ ближе къ Вселенской церкви, чѣмъ католицизмъ; кромѣ того англійская церковь не хотѣла подчиниться власти папы. Пальмеръ, какъ одинъ изъ этой партіи сочувствующихъ православному исповѣданію, поѣхалъ въ Константинополь, чтобы принять тамъ православіе; но ему не понравилось, что восточная церковь принимаетъ отлучившихся отъ нея иначе, какъ съ вторичнымъ крещеніемъ (у насъ въ русской церкви этого обычая нѣтъ). Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Римъ и тамъ перешелъ въ католическую вѣру. Пальмеръ собралъ матеріалы для исторіи Никона: т. I - русскій архивный матеріалъ (въ англійскомъ переводѣ); т. II - путешествіе патріарха антіохійскаго Макарія (не все, а въ сокращеніи); т. III - исторія низложенія Никона газскаго митрополита Паисія; въ слѣдующихъ 3 томахъ онъ доказывалъ, что все, что было худаго въ русской церкви, все, что заслуживало порицанія, явилось результатомъ дѣятельности Никона. Подобное мнѣніе для насъ чрезвычайно важно. По тому же вопросу писалъ проф. М. И. Горчаковъ.

Вопросъ о расколѣ разъясняется трудами, издаваемыми при Братствѣ Св. Петра. Многое пояснено проф. Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣтописи русской литературы", многое помѣщено и въ изданіяхъ Археографической коммиссіи. Нѣкто подъ псевдонимомъ Ал. Б. написалъ „Описаніе нѣкот-

рыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками". Но удовлетворительнаго сочиненія по исторіи раскола до сихъ поръ нѣтъ (существующія лишены внѣшней формы). Пока существуютъ двѣ точки зрѣнія на этотъ вопросъ: во первыхъ богословская, которой придерживаются въ своихъ изслѣдованіяхъ церковные историки: по этому взгляду расколъ представляется явленіемъ, заслуживающимъ полнаго осужденія, какъ произвольное уклоненіе отъ истиннаго православнаго ученія. Другая точка зрѣнія — общественная. Здѣсь появленіе раскола объясняется причинами общественными и экономическими (въ такомъ духѣ писалъ напр. Щаповъ). Правда къ религіознымъ вопросамъ, которымъ обязанъ своимъ происхожденіемъ расколъ, должны быть присоединены и другія причины соціальнаго характера, но придавать имъ первостепенное значеніе нельзя. Есть, напр., люди, которые полагаютъ, что реформація была движеніемъ чисто политическимъ. Между тѣмъ первоначально реформація была вызвана причинами религіозными, и только впослѣдствіи къ нимъ присоединились движенія политическаго характера, способствовавшія дальнѣйшему развитію реформаціи. Но исключительно политическаго характера реформаціонное движеніе не имѣетъ. Полнаго всесторонняго изслѣдованія по исторіи раскола еще нѣтъ. Существуютъ попытки писать исторію раскола на основаніи раскольничьихъ свѣдѣній. Большой интересъ представляетъ автобіографія Аввакума, выставляющая раскольниковъ въ выгодномъ свѣтѣ. Но Аввакумъ многое преувеличиваетъ. Напр., онъ приводитъ разсказъ, какъ его взяли подъ стражу во время литургіи въ церкви. Между тѣмъ по другимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что онъ совершалъ литургію не въ церкви, а въ сараѣ. Это обстоятельство существенно измѣняетъ дѣло.

Итакъ, по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной и о расколѣ окончательныхъ результатовъ еще нѣтъ; да и понятно, потому что матеріалы еще не разработаны.

Гораздо лучше изслѣдована юридическая сторона жизни русскаго народа въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вопросъ о мѣстномъ управленіи хорошо разработанъ А. Д. Градовскимъ въ сочиненіи: „Мѣстно-

управленіе въ Россіи" и Б. Н. Чичеринымъ въ книгахъ: „О народномъ представительствѣ" и „Областныя учрежденія въ Россіи въ 17 вѣкѣ". Спеціально юридическими вопросами занимался Дмитріевъ, написавшій „Исторію судебныхъ инстанцій отъ судебника до учрежденія о губерніяхъ". Менѣе обработаны вопросы объ уголовномъ правѣ, устройствѣ земскихъ соборовъ и мѣстнаго самоуправленія. Общественная и частная жизнь, насколько она сказывается въ царскомъ быту, изслѣдована Забѣлинымъ въ сочиненіи: „Домашній бытъ русскихъ царей". Многое еще остается для изслѣдованія. Такъ, напр., нѣтъ ни одной полной біографіи тогдашнихъ дѣятелей, кромѣ Никона, между тѣмъ матеріаловъ по исторіи царствованія Алексѣя Мих. накоплено чрезвычайно много. На первомъ мѣстѣ стоитъ „Полное собраніе законовъ (съ Уложенія 1648 г.). Кромѣ того собраніе государственныхъ актовъ и договоровъ; акты историческіе, изданные Археографической коммиссіею; акты, относящіеся къ исторіи Юго-Западной Россіи; много матеріаловъ, относящихся къ исторіи царствованія Алексѣя Мих., находится въ изданіи Новикова: „Древняя Россійская вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій"; есть матеріалы и въ различныхъ другихъ изданіяхъ, напр. въ „Памятникахъ отдѣла славянно-русской филологіи", изд. Ламанскимъ / въ собственноручныхъ письмахъ Алексѣя Михайловича Никону и т. д. Также въ изданіяхъ „Общества любителей древности". Важное значеніе имѣетъ книга Котошихина, современника царя Алексѣя Мих. Онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, затѣмъ долженъ былъ бѣжать въ Швецію, гдѣ по требованію канцлера Делагарди написалъ свое сочиненіе: „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", носящее статистическій характеръ. Оно представляетъ отчетливое описаніе всего административнаго механизма, въ общихъ свѣдѣніяхъ, которыя дополняютъ отрывочныя показанія актовъ. Онъ касается и нравовъ, хотя бросаетъ только мимоходомъ ихъ стороны; картина нравовъ высшихъ сословій безотрадна и поразительна; онъ доказываетъ ихъ загрубѣлое невѣжество, какъ правителей и совѣтниковъ; о церкви и духовенствѣ онъ вовсе не упоминаетъ. за-

то съ ужасомъ описываетъ мрачную картину правосудія въ Россіи. Другое важное сочиненіе: „Русское государство въ половинѣ 17 столѣтія" серба Юрія Крижанича, католическаго священника; особенно любопытны въ этой книгѣ разсужденія его о томъ, какъ слѣдовало бы измѣнить современное положеніе дѣлъ въ Россіи.

Олеарій въ своемъ подробномъ описаніи путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію, изложилъ многія свѣдѣнія о нравахъ и событіяхъ начала царствованія Алексѣя Михайловича. Матеріаломъ для исторіи этой эпохи могутъ служить также показанія Мейерберга и другихъ членовъ австрійскаго посольства. Событія царствованія Алексѣя возбудили интересъ и въ польскихъ и иностранныхъ писателяхъ; такъ напр. въ европейскомъ журналѣ: „Theatrum Europeum", издававшемся Готфридомъ, были помѣщаемы статьи о Россіи.

Вообще жаловаться на бѣдность матеріаловъ нельзя. Главнымъ препятствіемъ къ изученію этой эпохи служило то, что ею пренебрегали. Только съ тѣхъ поръ, какъ С. М. Соловьевъ указалъ истинное значеніе для русской исторіи 17 вѣка и обратилъ на него вниманіе, онъ сталъ предметомъ тщательныхъ научныхъ изслѣдованій, тогда какъ прежде научная обработка исторіи касалась лишь событій древнѣйшихъ.

Когда Алексѣй Мих. вступилъ на престолъ, онъ былъ очень еще молодъ, ему было 17 лѣтъ. При немъ еще оставался бывшій его воспитатель Морозовъ, имѣвшій на него большое вліяніе, и подъ руководствомъ котораго онъ управлялъ дѣлами государства. Относительно личности и дѣятельности Морозова существуетъ монографія Зернина: „О смутахъ въ первые годы царствованія Алексѣя Мих.", помѣщенная въ „Библіотекѣ для чтенія" за 1860 г. и представляющая оправданіе дѣятельности Морозова. Дѣло въ томъ, что существовало убѣжденіе, что Морозовъ установилъ новую пошлину на соль изъ корыстныхъ цѣлей. Но по изслѣдованіямъ Зернина оказывается противное. Пошлина на соль замѣнила собою многія мелкія подати, которыя въ совокупности своей лежали тяжелымъ бременемъ на государствѣ и препятствовали успѣшному развитію матеріальнаго благосостоянія. Но съ другой стороны

потому что онъ прибѣгалъ къ ряду самыхъ непопулярныхъ мѣръ и постоянно возбуждаетъ сильное неудовольствіе народа. Такъ подобная же мѣра, принимаемая [illegible], служила причиной сильнаго озлобленія противъ него. Если принять во вниманіе указаніе Зернина, то во многомъ можно оправдать Морозова и во всякомъ случаѣ нельзя допустить, что мѣры его были вызваны личными соображеніями. Равнымъ обр. нельзя заподозрить въ этомъ и Плещеева и Траханіотова.

Что касается брака Алексѣя Мих., то въ этомъ дѣлѣ Морозовъ не былъ совсѣмъ чистъ. Царь выбралъ себѣ въ невѣсты Евфимію Өедоровну Всеволожскую, дочь Касимовскаго помѣщика. Ее нарекли Великою княжною; назначена была свадьба. Но когда ее одѣвали въ царскую одежду, женщины затянули ей волосы такъ крѣпко, что она, явившись предъ царемъ, упала въ обморокъ. Это приписали падучей болѣзни. Отца невѣсты со всею семьей сослали въ Тюмень за то, что онъ, какъ обвиняли его, скрылъ болѣзнь дочери. Молва приписывала несчастія Всеволожской боярину Морозову, который опасался, что родня царицы оттѣснитъ его отъ царя. Для упроченія власти ему нужно было, чтобы будущая царская родня была съ нимъ за одно. И вотъ онъ составилъ планъ выдать одну изъ дочерей своего вѣрнаго сподручника Ильи Даниловича Милославскаго за царя, а на другой жениться самому. Такъ и случилось. Новые родственники царя Милославскіе принимали участіе во всѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ царствованія Алексѣя. Не разъ обвиняли ихъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Милославскаго подозрѣвали въ распространеніи фальшивыхъ денегъ и т. п.

Народъ, выведенный изъ терпѣнія притѣсненіями Плещеева и Траханіотова, завѣдывавшихъ — первый земскимъ приказомъ, второй — пушкарскимъ, и налогомъ на соль, пришелъ въ волненіе и потребовалъ 25 Мая 1648 г. выдачи Морозова, Плещеева, Траханіотова. Правительство не было готово для такого рѣшительнаго образа дѣйствія. Царь послалъ для переговоровъ Никиту Иван. Романова, котораго народъ любилъ. Но увѣщанія его не повели ни къ чему. Пришлось выдать Плещеева, а потомъ и Траханіотова. Бунтъ былъ [illegible]

сильные, что служилые люди (стрѣльцы) стали на сторонѣ народа. Волненіе успокоилось, когда Морозовъ, о пощадѣ котораго самъ царь просилъ у народа, былъ высланъ изъ Москвы въ Бѣлозерскій Кирилловскій монастырь.

Волненіе распространилось и въ другихъ городахъ. Въ Новгородѣ народъ изувѣчилъ проѣзжавшаго датскаго посланника Граба, рѣшительныя мѣры Никона, митрополита Новгородскаго, противъ мятежниковъ еще болѣе озлобили ихъ. Въ Псковѣ набросились на Шведскаго агента Нумменса, везшаго 20000 руб., которые московское правительство должно было выплатить Швеціи по Столбовскому договору за выкупъ перебѣжчиковъ. Волненія въ Новгородѣ и Псковѣ утихли не скоро. Пришлось посылать военную силу и духовныхъ лицъ для примиренія. Псковичи воспользовались этимъ и хотѣли возвратить себѣ до нѣкоторой степени самоуправленія; они послали челобитную Никитѣ Ив. Романову, чтобы ихъ судили не въ Москвѣ, а въ Псковѣ и съ выборными старостами. Алексѣй Мих. былъ недоволенъ этимъ и упрекалъ Романова за сношенія съ Псковичами.

Почти одновременно возникли волненія въ Сольвычегодскѣ и Томскѣ по поводу притѣсненій воеводъ, но были скоро прекращены. Всѣ эти волненія вызвали необходимость созвать земскій соборъ и дать общее уложеніе. Лѣтомъ 1648 г. Алексѣй Мих. поручилъ коммиссіи составить уложеніе, или сборникъ законовъ. Въ Сентябрѣ уложеніе было уже окончено и представлено Земскому собору, который утвердилъ его. Уложеніе это по изслѣдованіямъ Загоскина внесло много новаго. Участіе земскихъ представителей въ составленіи уложенія значительно.

Но какъ могло быть оно составлено такъ скоро? Въ продолженіи XVIII ст. собирали матеріалы для Уложенія и однако ничего не составили. Тоже было и при Александрѣ Павловичѣ; лишь при Николаѣ I было окончено „Полное собраніе законовъ", и то приходилось за тѣмъ составлять значительныя дополненія, а многое надо было исключать. Какъ же въ столь короткій срокъ съ того, когда было поручено коммиссіи составить Уложеніе, до Октября, когда его утвердилъ великій земскій соборъ, могло совершиться такое великое дѣло, результатомъ котораго явилась книга, служившая основаніемъ законодательства въ продолженіе

ной русской земли до самаго появленія свода Законовъ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, т. е. до 1832 года; представлявшая единственный и главнѣйшій источникъ юридическихъ воззрѣній, правившихъ во все послѣдующее время жизнью русскаго народа; книга являющаяся первообразомъ русскаго законодательнаго ума, русскаго гражданскаго быта и юридическаго слова! Чѣмъ же объясняется эта быстрота? Дѣло въ томъ, что составители Уложенія, Одоевскій и Грибовъ, знали, что имъ нужно было дѣлать, ясно представляли себѣ задачу и потому могли въ короткое время окончить ее. Для составленія уложенія были приняты слѣдующіе источники: правила Св. Отцевъ и Св. Апостоловъ, градскіе законы греческихъ царей, прежніе судебники, указы государей и боярскіе приговоры, статьи дополненные судебники и царскими указами и Литовскій статутъ. Въ Уложеніе, слѣдовательно, вошли судебные обычаи и приговоры боярскіе т. е. рѣшенныя дѣла, которыя хранились въ указныхъ книгахъ для руководства судей, новаго же почти ничего не прибавлено. Этимъ объясняется неимовѣрная скорость въ составленіи этого кодекса. При всей своей обширности и важности этотъ великой трудъ, представлявшій первое положительное законодательство, поражаетъ своею ясностью смысла въ каждомъ данномъ случаѣ. Екатерина II приходила въ удивленіе отъ языка Уложенія. Особенно рѣзко выдается ясность изложенія Уложенія, если сравнить его съ запутанными, спутанными законами современными. Соборное Уложеніе сохранило единство стариныхъ, оно приняло и уложило въ себѣ всѣ стихіи русской общественной жизни не отвергнувъ даже заимствованнаго элемента, но при этомъ осталось самобытнымъ, цѣльнымъ, народнымъ произведеніемъ. Въ Уложеніе вошли также нѣкоторые указы относительно духовенства. Только при Петрѣ В. Патріархъ Адріанъ занялся составленіемъ сборника законовъ, по которымъ судится духовенство.

Другая важная мѣра, предпринятая Алексѣемъ Мих., это запрещеніе англичанамъ безпошлинно торговать въ Россіи. Англійская компанія потеряла свои права, англичанамъ велѣно было уѣхать въ отечество, пріѣзжать съ товарами они могли не иначе, какъ въ Архангельскъ и платить пошлины за товаръ. Мѣра эта была официально мотивирована тѣмъ, что англичане всею землею своего Карлуса убили до смерти. Это было въ 1649. Опять въ первый разъ русское правительство является солидарнымъ съ Европой; отказъ мотивированъ общими политическими соображеніями, как

будто Россія становится на защиту европейскихъ интересовъ.

Въ эту пору выдвигается замѣчательная личность Никона, сперва митрополита Новгородскаго, а затѣмъ патріарха Всероссійскаго. Сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вельдеманова, Минъ, Никонъ рано сдѣлался грамотнымъ. Онъ почувствовалъ влеченіе къ духовному званію. Къ тому же онъ зналъ, что здѣсь онъ могъ выдвинуться, такъ какъ изъ крестьянскаго сословія трудно было выдвинуться на другомъ какомъ-ниб. поприщѣ. Никонъ былъ замѣчательно сильный характеръ. Когда дѣти его умерли, онъ уговорилъ жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, затѣмъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь, наконецъ, будучи замѣченъ царемъ въ Москвѣ, онъ былъ поставленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Здѣсь онъ имѣлъ возможность часто видѣться съ царемъ и пріобрѣлъ сильное вліяніе на него. Въ 1648 г. онъ былъ поставленъ въ Новгородскіе митрополиты. Его энергическая дѣятельность въ Новгородѣ во время бунта немного поколебала довѣріе къ нему царя; но Никонъ пріѣхалъ въ Москву для личныхъ объясненій съ нимъ и возстановилъ прежнее расположеніе царя. Зная, что патріархъ вслѣдствіе преклонной старости долженъ скоро умереть, Никонъ мысленно готовитъ себя въ преемники ему. Своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ важному дѣйствію, въ которомъ выразилось преклоненіе свѣтской власти предъ духовной или скорѣе церковной. По порученію царя Никонъ отправился въ Соловки, чтобы перевезти оттуда мощи митрополита Филиппа, причемъ отправлена была грамота молитвенная царя къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ передъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царскою властью, молилъ св. мученика разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона царь писалъ къ нему письма, въ которыхъ выражается вся религіозная душа его. Въ нихъ сказывается также патріархальная простота отношеній, когда царь распоряжается самъ имуществомъ своимъ. Царь пишетъ Никону про смерть патріарха Іосифа и простодушно описываетъ, какъ онъ испугался и убѣжалъ изъ комнаты, когда забурлило въ животѣ у покойнаго, потому что ему казалось, что тотъ ожилъ. Ал. Мих. писалъ Никону и про то, что его многіе бояре и духовныя лица не любятъ, чтобы онъ обходился помягче съ ними, что нѣкоторые предпочитаютъ на Новой Землѣ

за Сибирью пропасть, чѣмъ съ Новгородскимъ митрополитомъ быть. Вообще въ этихъ письмахъ видна полная искренность отношеній царя къ Никону.

Такъ когда Алексѣй Мих. предназначалъ преемникомъ Іосифу Никона, то онъ писалъ ему пріѣхать поскорѣе въ Москву, чтобы выбирать на патріаршество нѣкоего Өеогноста, котораго три человѣка знаютъ: царь, его духовникъ и казанскій митрополитъ и про котораго говорятъ, что онъ святой мужъ. Конечно, Никонъ хорошо понималъ, что этотъ неизвѣстный Өеогностъ (извѣстный Богу) былъ онъ самъ. Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ Іюлѣ 1652 года и былъ выбранъ въ патріархи. Но ему хотѣлось не такого патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставила его отказаться отъ престола, но быть затѣмъ выбраннымъ съ предоставленіемъ полной власти. Въ Успенскомъ соборѣ царь въ присутствіи народа и бояръ со слезами лежалъ у ногъ Никона и молилъ принять патріаршество. Тогда Никонъ спросилъ, будутъ ли его слушать, какъ пастыря и отца и дадутъ ли устроить церковь? Всѣ дали клятву, что будутъ почитать его. Тогда онъ принялъ патріаршество.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ еще болѣе сблизился съ царемъ и пріобрѣлъ еще большее на него вліяніе. Но какъ человѣкъ рѣшительный, суровый, онъ возстановилъ противъ себя бояръ, которые стали бороться съ нимъ и старались поссорить его съ царемъ. Царь вслѣдствіе самъ сталъ тяготиться отношеніями къ Никону, вслѣдствіе чего они стали измѣняться, царь сталъ холоднѣе къ нему. Упорный Никонъ на это не обращалъ никакого вниманія и вмѣсто уступчивости, мягкости продолжалъ дѣйствовать также властно, какъ и прежде. Въ то время, какъ царь былъ въ отсутствіи на войнѣ съ Литвою, ему успѣли наговорить на Никона и окончательно вооружить противъ него. По возвращеніи въ Москву, царь совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Никону, который между тѣмъ, не смотря на всеобщее озлобленіе противъ него, продолжалъ быть такимъ же упорнымъ и суровымъ, какъ прежде, вслѣдствіе чего послѣдовалъ полный разрывъ между нимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ.

Во второй половинѣ XVII в. Русь восточная соединилась съ Русью Западной. Это даетъ намъ необходимый поводъ коснуться тѣхъ положеній, въ которыхъ была тогда Русь Западная и что побудило ее искать этого соединенія. Западная Русь, какъ вы знаете, составляла часть соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Въ концѣ XVI в. совершился въ этомъ государствѣ весьма важный фактъ: совершилась сначала политическая унія (Люблинская 1569 г.), а за тѣмъ и религіозная (1596 г. Брестская). Эти двѣ уніи, казалось, окончательно связали государство Польское и Литовское; Польша торжествовала побѣду надъ Русью, но эта побѣда была настоящимъ пораженіемъ самаго государства. Оба эти государства еще въ первую минуту своего соединенія при Ягайлѣ были уже очень не похожи другъ на друга. Литовское государство, какъ мы видѣли, было такимъ, гдѣ одинъ преобладающій голосъ многочисленныхъ князей и пановъ владѣлъ всей Литвой; это было исключительно олигархическое государство. Польша же представляла равенство всей шляхты; государство это скорѣе могло назваться демократическимъ. Поляки сами такъ и толкуютъ свое государственное устройство: шляхта — это то, что были cives въ древнемъ Римѣ, а всѣ остальные были рабами, хлопами. „Наше устройство — было устройство древняго міра", говорятъ польскіе ученые. Въ XVI в. Польша блистала этими римскими взглядами и старалась опираться на воспоминанія объ античныхъ преданіяхъ. Иное дѣло Литва. Послѣдняя, увлекаемая Польшей къ соединенію съ Литвой, постоянно разбивалась о сопротивленіе этой послѣдней, ибо князья и паны очень неохотно желали отказаться отъ своихъ преимуществъ и сравняться съ безправными потомками. Польша старалась тутъ развести. Самое понятіе о боярствѣ постепенно падало въ Руси Западной; и многіе лица, носившіе это названіе, сохранились въ низшемъ положеніи; панцырные бояре, составлявшіе княжескую дружину, обязанную извѣстной службой; но имъ не повезло; имъ не удалось пріобщиться къ шляхетству, и они такъ и остались свободными землепашцами, а впослѣдствіи обратились въ истинныхъ крестьянъ; когда введены были „сеймики", то эти землепашцы на нихъ не собирались; собирались же дигнитаты, маршалы и др., и ихъ рѣшенія разсылались уже остальнымъ для подписи; къ чему нерѣдко принуждали и насиліемъ; объ этомъ есть извѣстіе

у одного изъ депутатовъ на Люблинскомъ сеймѣ. Не смотря на то, что Польша привлекала низшее литовское дворянство, которое находилось на службѣ у князей, но этого еще было мало для окончательнаго соединенія, къ которому стремилась Польша. Сюда присоединилось еще различіе нравовъ и вѣръ. Въ Литвѣ католицизмъ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ и скоро отступилъ на второй планъ съ появленіемъ протестантизма; онъ появился и въ Литвѣ, гдѣ въ сенатѣ двое сенаторовъ были католики, а остальные лютеране или другихъ сектъ; кромѣ того жалобы извѣстнаго „Мелешки" во время послѣдняго Люблинскаго сейма, когда польскіе обычаи стали преобладать въ Литвѣ, свидѣтельствуютъ о громадной разницѣ въ нравахъ и убѣжденіяхъ между Литвой и Польшей. Еще одно обстоятельство мѣшало принятію въ Литвѣ уніи: унія въ Литвѣ открывала бы доступъ Полякамъ къ землевладѣнію, къ дигнитарству, что и было предметомъ постоянныхъ столкновеній между Литвой и Польшей; въ статутахъ Литовскихъ мы встрѣчаемъ законъ: чужестранцамъ не давать государ. должностей, даже не пускать ихъ (а разумѣется и поляковъ) въ Литовскую землю; поэтому унія и оставалась на бумагѣ; тѣ, кто стремился къ дигнитарству, гетманству, маршальству, воеводству, охотно принимали введеніе этихъ званій, а остальные не принимали,— все княженіе Казиміра прошло въ безплодныхъ попыткахъ къ соединенію; не удалось оно и при Александрѣ; а Сигизмундъ сначала отказался отъ него, такъ какъ былъ преданъ Литвѣ: онъ былъ женатъ на одной изъ Радзивилловъ и былъ чистый Литовецъ по своимъ взглядамъ и понятіямъ. Иное стало, когда онъ переселился въ Польшу. Онъ попалъ подъ вліяніе польскихъ пановъ, которые толковали ему о необходимости соединенія Польши съ Литвою, потому что династія Ягеллоновъ прекращается, и что Литва и Польша могутъ быть и безъ разныхъ государей. Рѣшенъ былъ съѣздъ въ Люблинѣ. Сеймъ этотъ продолжался болѣе полугода. На немъ было нѣсколько приключеній: сначала Литовцы уѣхали изъ сейма и отказались участвовать въ немъ; тогда король объявилъ, что онъ, какъ государь Литвы, уступаетъ ее Польшѣ; но это средство осталось втунѣ. Тогда рѣшились притянуть к-

раздору между Литвой и Русью, обратились къ Кіевлянамъ и другимъ представителямъ, и тѣ поддержали короля у ненависти къ Литвѣ. И вотъ на послѣднемъ засѣданіи сейма староста жмудскій кидался даже на колѣни предъ королемъ, умоляя его не настаивать на уніи, но напрасно. Рѣшено было, что оба государства составятъ одно, одну семью, что Поляки въ Литвѣ и Литовцы въ Польшѣ будутъ имѣть равныя права. Теперь въ Польшѣ стала являться на равныхъ правахъ литовская аристократія; извѣстно, что въ послѣднее время существованія Польши въ ней сильно сказалось вліяніе магнатовъ, которые были по преимуществу литовскаго происхожденія. Эти магнаты были окружены огромнымъ количествомъ леновъ и въ нихъ еще жили отдаленныя воспоминанія о преимуществахъ князей и пановъ литовскихъ. Съ другой стороны въ Литву открытъ былъ теперь полный доступъ Полякамъ, а Русь отдѣлилась отъ Литвы, даже казаки стали подъ управленіемъ коронного гетмана. Въ предѣлахъ впрочемъ Русь южная принадлежала [illegible] коронѣ, а [illegible] вся. Вопросъ о Волыни и Подоліи былъ спорнымъ еще современн[illegible] Литовцы помнили, что Волынь присоединилась къ Литвѣ по брачному союзу, а Подолія завоевана еще Ольгердомъ.

Вслѣдъ за политическимъ соединеніемъ въ концѣ столѣтія послѣдовало и религіозное. Это также вопросъ, начавшійся нѣсколько раньше. Какъ извѣстно еще во время Василія Темн., Исидоръ, убѣжавшій изъ Москвы, считался митрополитомъ южнорусскимъ. Ученикъ его Григорій управлялъ церковью западно-русской, когда Исидоръ уѣхалъ въ Римъ. При Казимірѣ былъ митрополитъ Іосифъ (хотя и недолго), который способствовалъ стремленію окатоличить Русь. Но католицизмъ не достигъ большихъ успѣховъ въ Подоліи и Волыни, такъ какъ во главѣ православныхъ стояли сильные вельможи, которые поддерживали свою вѣру и не давали ходу пропаганды (Константинъ Острожскій, Вишневецкій и др.). Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ Литвѣ не развился протестантизмъ. Онъ захватилъ почти всю аристократію и находился подъ покровительствомъ такого сильнаго человѣка, какъ Радзивиллъ, который печаталъ

въ собственной типографіи протестантскія книги и распространялъ ихъ. Тогда Виленскій епископъ Протасевичъ рѣшился обратиться къ отцамъ іезуитамъ. Отцы тайно пріѣхали въ Вильно въ 1569 г. и начали дѣйствовать въ тихомолку. Но скоро имъ удалось выйти на болѣе широкое поприще: въ Литвѣ скоро появилась язва; испуганные жители въ большинствѣ оставляли городъ, остались только іезуиты, которые стали здѣсь ухаживать за больными — и мало по малу распространили свое вліяніе на умы народа. Тогда іезуиты основали здѣсь училище и стали дѣйствовать по своей обычной системѣ: они берутъ мальчиковъ для воспитанія изъ разныхъ сословій, чтобы имѣть возможность вліять на всѣ слои общества. И употребляли для этого разныя мѣры: диспуты, на которыхъ доказывалось превосходство католичества надъ всѣми другими религіями, давались представленія, устраивались мистеріи; причемъ всячески старались, чтобы было побольше эффекту. Въ іезуитской системѣ преподаванія преобладаетъ знаніе внѣшнее, они не даютъ своимъ воспитанникамъ развиваться; они развиваютъ только тѣхъ, которые имъ нужны; остальныхъ же воспитываютъ такъ, чтобы вполнѣ надъ ними владычествовать. Эта жестокая система іезуитскаго воспитанія — опутывать всю жизнь человѣка. Они обращаютъ вниманіе на то, чтобы характеръ каждаго развивать такъ, какъ имъ нужно, и каждому дать только внѣшнее знаніе, нисколько не заботясь, на-с-чётъ укрѣпленія знанія внутренняго, такъ и развитія характера. Воспитаніе іезуитовъ есть воспитаніе съ извѣстными цѣлями; это самая страшная безнравственная задача, которой только могутъ задаться педагоги, образовать именно такого воспитанника, какой имъ нуженъ, воспитать человѣка съ извѣстною цѣлью. Благодаря такому іезуитскому воспитанію, очень многіе западно-русскіе дворяне стали обращаться въ католицизмъ. Русскому духовенству было трудно бороться съ католиками: оно, назначаемое по большей части патронами (основателями церквей и монастырей), было большею частью недостаточно. Участіе свѣтскихъ людей въ дѣлахъ церковныхъ было въ Новгородѣ и Псковѣ. Мы знаемъ слѣды этого участія; мы знаемъ, что оно было и въ другихъ мѣстахъ, что князья, мѣстные бояре, мѣстное населеніе участвовали въ избраніи

духовныхъ лицъ и въ управленіи церковью, и, вѣроятно, ново-учрежденныя братства имѣли такое именно назначеніе. Братства у насъ образовавшіяся при церквахъ и находились въ тѣсномъ соотношеніи съ церквами. Въ Западной Руси они начали развиваться особенно сильно съ одной стороны потому, что начало патронатства надъ церковью было здѣсь особенно развито, — съ другой, — что насиліямъ католичества необходимо было поставить отпоръ наступающему католичеству. Кромѣ того не малый толчекъ былъ данъ развитію братствъ борьбою съ самими лицами духовными: извѣстна борьба между Гедеономъ Балабаномъ и Львовскимъ братствомъ. Когда патріархъ Іеремія пріѣхалъ и разобралъ дѣло, оправдано было братство, и тогда Балабанъ началъ хлопотать объ уніи. Балабанъ нашелъ себѣ ревностныхъ соучастниковъ въ лицѣ Рогозы, Кирилла Терлецкаго, Ипатія Поцѣя, Владимірскаго епископа, который, говорятъ, былъ поставленъ изъ польскихъ сенаторовъ и очевидно для того, чтобы ускорить это дѣло. Балабанъ однако скоро отсталъ отъ уніи и явился ревностнымъ защитникомъ православія. Наши патріархи церкви видѣли въ немъ лучшую опору церкви, и дѣйствительно это было такъ во второй половинѣ его дѣятельности. Наконецъ, отщепенцамъ удалось составить планъ, по которому они требовали соединенія церквей. Съ этимъ планомъ отправившись въ Римъ и получивъ согласіе отъ папы, возвратившись изъ Рима (1595 г.) они начали проводить унію въ Брестѣ. Православные стали поставить противодѣйствіе распространенію уніи, были и въ связи съ протестантами, что и дало поводъ обвинять православныхъ, будто они желаютъ принять протестантство. Католики начали очень усердно распространять унію, и Вильно подвинулось даже такъ. Люди, какъ Смотрицкій и Острожскій, Іосафатъ Кунцевичъ, Полоцкій епископъ, особенно сильно ратовалъ за унію, за что и поплатился по убіенію витебскими жителями.

Казаки. Происхожденіе казачества и его распространеніе. Вражда съ шляхетствомъ. Богданъ Хмельницкій.

Казаки играютъ весьма видную роль въ русской исторической жизни. Имъ съ теченіемъ времени суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, от-

ранителями православной вѣры, проводниками свободы независимости и единенія русскаго народа."

Самое слово „казакъ" вовсе не русское слово. Происхожденіе его объясняютъ различно: одни производятъ отъ косоговъ (Кавказскаго народа), другіе отъ слова „казакій" (мѣстечко на Кавказѣ) и наконецъ отъ турецкаго слова „казъ" (гусь). Несомнѣнно только одно, что это слово (турецкаго) происхожденія и обозначаетъ „вольный человѣкъ". Впрочемъ относительно слова „казакъ" въ русскомъ языкѣ нужно замѣтить, что первоначально оно имѣло очень широкое значеніе и выражало въ общирномъ смыслѣ то, что называлось „гулящій человѣкъ" т. е. не связанный ничѣмъ, также бродяга, наѣздникъ. Возникновеніе казачества [illegible] вызывалось необходимостью защищать границы государства отъ разныхъ дикихъ народовъ. Еще ранѣе появленія и организаціи казачества подобную роль выполняли дружины, которыя селились на пограничныхъ мѣстахъ для отраженія нападеній дикихъ народовъ. Предводителями подобныхъ дружинъ являлись [illegible], которые и составляли было дружину изъ разныхъ поселенцевъ. Подобные дружины въ домонгольской Руси назывались бродниками. На южной Руси бродникамъ соотвѣтствовали [illegible]; позднѣе явились гулящіе люди.

Казаки были и у татаръ. По мнѣнію Н. И. Костомарова русскіе казаки образовались по примѣру татарскихъ. О татарскихъ казакахъ упоминаютъ нѣсколько свидѣтельствъ отъ XV в. Такъ, Василій Ив., московскій князь, жалуется турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлгородскіе казаки [illegible] предѣлы московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою.(8) Въ 1561 г. Крымскій ханъ, Махметъ Гирей писалъ литовскому государю, Сигизмунду I, что происшедшее нападеніе татаръ на Украйну было сдѣлано своевольными татарами, бѣлгородскими казаками. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. XVI. вѣкъ начается историками, какъ уже значительный періодъ

(8) Дѣла Мн. Арх. Ин. Дѣлъ.

дѣятельности козаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями козачества были: Хмельницкій, староста Лянцкоронскій, Евстафій Дашкевичъ, которому первому приписывается устройство козаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, и князь Д. Вишневецкій, знаменитый впослѣдствіи своими походами на Крымъ и Молдавію. На обязанности козаковъ лежало воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость постоянной обороны отъ нападеній татаръ заставляетъ правительство вообще жителей пограничныхъ городовъ на Украйнѣ держать на военной ногѣ. Такое распоряженіе правительства ложилось тяжелымъ бременемъ на мѣщанъ, которые, помимо военной службы, должны были еще нести разныя повинности государственныя. Вслѣдствіе чего явилась масса недовольныхъ, которые оставляли города и уходили на Низъ. Сюда же стекались холопы, недовольные своими господами. Эти бѣглецы и разнаго рода лица, обиженныя судьбою, положили начало другого рода козачеству — вольному. Ядромъ этого козачества была Запорожская Сѣчь. Когда образовалось гнѣздо Запорожской Сѣчи, мы достовѣрно не знаемъ. Есть упоминаніе въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 г. о томъ, что козаки на Низу, на Днѣпрѣ не только кочуютъ, какъ это бывало прежде, но живутъ уже постоянно. Мѣстожительство козаковъ, помимо Черкасъ и Канева, находилось на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ губ.: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской. По всему этому пространству жили козаки, связанные съ центромъ казацкой вольности Сѣчью Запорожскою. Одинъ изъ украинскихъ лѣтописцевъ говоритъ, что, когда царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: „сколько въ Украйнѣ козаковъ?" ему отвѣчали: „у насъ, гдѣ кракъ (кустъ), тамъ и козакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ".

Польское правительство не покровительствовало умноженію козаковъ, но и не желало уничтоженія ихъ, такъ какъ видѣло въ нихъ надежный оплотъ противъ нападеній татарскихъ. Въ 1557 г. король Сигизмундъ-Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за храбрые подвиги при отраженіи

татарскихъ нападеній, но не согласился держать гарнизонъ въ замкѣ, устроенномъ Вишневецкимъ на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ. Вообще польское правительство всѣми силами старалось препятствовать усиленію казачества, видя въ немъ своего опаснаго врага. Дѣйствительно, когда при Сигизмундѣ произошло соединеніе Великаго княжества Литовскаго съ Польшею и вся южная русская земля (губ. Кіевская, Полтавская, Волынь и Подолія) были присоединены къ Польшѣ, и когда русское дворянство, польщенное разнаго рода льготъ и привилегій, примирилось съ этимъ, то козаки первые заявили протестъ и стали во враждебныя отношенія какъ къ Полякамъ, такъ и русскому дворянству. Но еще сильнѣе были возмущены козаки, когда появилась унія и связанныя съ нею разнаго рода притѣсненій и насилій надъ русскимъ народомъ. И это недовольство скоро перешло въ открытое возстаніе, въ войну. Предводителями козаковъ явились Остряница и Наливайко, о подвигахъ которыхъ впослѣдствіи сложились разныя легендарныя сказанія. Но самымъ сильнымъ врагомъ Польши явился Богданъ Хмельницкій. Это былъ человѣкъ образованный по своему времени. Существуетъ разсказъ о томъ, что когда гетманъ Конецпольскій спросилъ у козаковъ: „каковъ вамъ кажется Кодакъ?“, то Богданъ Хмельницкій отвѣчалъ ему по латыни: „что человѣческими руками созидается, то человѣческими руками и разрушается.“ Поводомъ къ столкновенію Хмельницкаго съ польскимъ правительствомъ послужила ссора изъ-за хутора Субботово съ чигиринскимъ старостою Чаплинскимъ. Дѣло въ томъ, что казаки не имѣли владѣнныхъ грамотъ на земли свои, а между тѣмъ въ XVII в. польское правительство стало требовать отъ казаковъ владѣнныя грамоты. Чаплинскій воспользовался этимъ постановленіемъ правительства и предъявилъ претензію на хуторъ Хмельницкаго. Послѣдній не уступилъ. Чаплинскій захватилъ жену Хмельницкаго и сына, котораго такъ больно высѣкъ, что онъ вскорѣ скончался. Хмельницкій жаловался Владиславу, преемнику Сигизмунда III, но жалоба не имѣла успѣха. Тутъ-то говорятъ канцлеръ Оссолинскій сказалъ Хмельницкому: „такъ, имѣешь саблю при боку!“

Тогда Хмельницкій, возмущенный личною обидой и притѣсненіями народа отъ шляхты, пустился на войну съ польскимъ правительствомъ. Вообще разсчитывая на успѣхъ, Хмельницкій обратился съ просьбой о помощи къ крымскому хану Исламу-Гирею. Заручившись помощью хана, Хмельницкій кликнулъ кличъ къ козакамъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись козаки и возстаніе вскорѣ разлилось по всему краю. Противъ козаковъ были отправлены гетманы Потоцкій и Калиновскій. Хмельницкій подошелъ до Львова. Въ это время умираетъ Владиславъ и преемникомъ ему избираютъ Яна Казиміра. Начинаются переговоры съ козаками; но эти переговоры ни къ чему не привели. Снова начинается возстаніе, которое окончилось миромъ подъ Зборовымъ (1649 г.). Поляки скоро нарушили условія мира — и опять война. Хмельницкій приглашаетъ Хана, но войска хана въ одномъ сраженіи покидаютъ козаковъ. Послѣ этого козаки заключаютъ договоръ съ поляками при Бѣлой Церкви (1651). Договоръ этотъ еще болѣе стѣснилъ козаковъ, такъ какъ число реестровыхъ козаковъ, ограниченное по Зборовскому трактату въ 40000, было уменьшено до 20000. Так. обр. положеніе Малороссіи опять сдѣлалось такимъ, какимъ было до возстанія. Козаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю Московскую Украйну, гдѣ пустынныя до тѣхъ поръ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими поселенцами-слободами; таковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др. Хмельницкій сталъ искать выхода изъ этого затруднительнаго положенія. Видя невозможность одними собственными силами бороться съ Польшею, онъ еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ Московскимъ Царемъ и просилъ царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго трактата онъ съ большею настойчивостью возобновилъ свои просьбы, говоря, что въ крайнемъ случаѣ козаки должны будутъ отдаться турецкому султану. Тогда Москва, которая давно уже стала на правильную [illegible] Малороссіи, [illegible] по [illegible] Малороссіей и Польшею. [illegible] было въ [illegible] которое, [illegible] не достигло, а въ сущности [illegible]

чтобы оттянуть нѣсколько начавшіяся наступить враждебныя отношенія и дать возможность Москвѣ собрать войска.

Послѣ возвращенія посольства для обсужденія польскаго и малороссійскаго вопроса Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу въ 1653 г., на которой рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное Московское посольство, во главѣ котораго стоялъ бояринъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада, на которой Хмельницкій спросилъ казаковъ, будутъ ли они держаться Польши, склониться ли на сторону Турціи или признаютъ покровительство Москвы. Казаки отвѣтили, что готовы стать подъ покровительство Бѣлаго Царя. Давши присягу, Хмельницкій съ старшинами отправилъ посольство въ Москву просить объ утвержденіи разныхъ правъ за Малороссіею, и государь утвердилъ слѣдующія: число реестровыхъ казаковъ назначено было въ 60000, казаки сами имѣютъ право выбирать себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители должны быть изъ Малороссіянъ, они же собираютъ доходы.

Послѣ принятія Малороссіи въ подданство Москва начала войну съ Польшей[13]. Въ 1654 г. Алексѣй Мих. выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссіи Москвитяне перешли въ Литву, взяли Вильно, Ковно, Гродно, а Хмельницкій напалъ въ это время на поляковъ съ юго-востока и дошелъ до Вислы. Въ это же время съ третей стороны напалъ на Польшу Шведскій король Карлъ X Густавъ и также имѣлъ блистательный успѣхъ, овладѣлъ Познанью, Варшавою, Краковомъ. Т. обр. Польша находилась на краю гибели. Въ такомъ критическомъ положеніи Польша была спасена заступленіемъ австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло между русскими и шведами. Алексѣй Мих. былъ сильно раздраженъ противъ Карла X тѣмъ, что Шведскій король [illegible] у него добычу, захватилъ Польшу и [illegible]
[illegible]

съ Хмельницкимъ. Притомъ опасно было допустить усиленіе Швеціи на счетъ Польши, сліяніе двухъ враждебныхъ державъ въ одну. Вотъ почему Алексѣй Мих., когда послы австрійскаго императора Фердинанда III подали ему надежду, что поляки по смерти бездѣтнаго Казиміра изберутъ Московскаго царя на свой престолъ, и тогда Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою, согласился на перемиріе, удержавъ за собой Малую и Бѣлую Русь. Вслѣдъ за этимъ онъ обратилъ свое оружіе на Шведовъ, которые становились болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели поляки.

Въ іюлѣ 1656г. Алексѣй Мих., думая, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, къ завѣтной цѣли московскихъ государей, вступилъ въ Ливонію. Завоевавъ Динабургъ, Кокенгаузенъ и другія незначительныя мѣста, царь осадилъ Ригу; но здѣсь русскіе потерпѣли неудачу; тоже самое пришлось испытать русскимъ при осадѣ Орѣшка и Кексгольма. Завязались переговоры, которые окончились миромъ въ Кардисѣ (1661г.), по которому русскіе возвратили Шведамъ всѣ завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты въ Малороссіи и возобновившаяся польская война.

Богданъ Хмельницкій съ неудовольствіемъ узналъ о прекращеніи войны между Москвою и Польшею; онъ говорилъ, что самъ отвоевалъ бы отъ Польши Литву. Привыкнувъ къ самостоятельности, Хмельницкій позволялъ себѣ сноситься съ иностранными (посылалъ) государями, враждебными Москвѣ, позволялъ себѣ сноситься и съ Польшею, что влекло за собой разладъ между Москвою и Малороссіей. Въ 1657г. умеръ Богданъ. Еще до смерти Хмельницкій назначилъ преемникомъ своимъ сына своего Юрія, который отказался принять гетманство, когда его по смерти отца выбрали гетманомъ, такъ какъ онъ еще учился въ то время. Вмѣсто него былъ выбранъ временный гетманъ Выговскій, генеральный писарь, завѣдовавшій всѣми письменными дѣлами войска и бывшій главнымъ дѣятелемъ при управленіи Малороссіею. При избраніи Выговскаго временнымъ гетманомъ участвовали не всѣ казаки, не было ни Черниговскихъ, ни Запорожскихъ. Захвативъ въ свои руки гетманскую булаву, Выговскій измѣнилъ Москвѣ и тайными договорами съ поляками (въ Гадячѣ) обѣщалъ возвратить Польшѣ Малую Россію [illegible]
[illegible]
[illegible] малороссійскихъ гетмановъ [illegible]

ворили себѣ право засѣданія въ сенатѣ для Митрополита, независимость гетмана отъ короннаго, право открытія училищъ, Университета и многаго другаго, что дѣлало ихъ политическую жизнь болѣе или менѣе самостоятельною и независимою. Когда Беньевскій представилъ этотъ договоръ въ польскій сенатъ, то стали обвинять его въ томъ, что онъ далъ Малороссіи такія важныя права, на что онъ отвѣтилъ, что этотъ договоръ не болѣе, какъ клочекъ бумаги.

Противъ Выговскаго возстали козаки Запорожскіе и Полтавскіе и вмѣстѣ съ Московскимъ воеводой, Трубецкимъ, выступили противъ Выговскаго, но потерпѣли пораженіе, такъ какъ Выговскій соединился съ татарами. Когда же татары вышли изъ Малороссіи, то противъ Выговскаго возстали всѣ козаки, провозгласивъ своимъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Выговскій бѣжалъ въ Польшу, а Хмельницкій присягнулъ царю. Послѣ Выговскаго гетманы часто смѣнялись. Во время этихъ смутъ въ Малороссіи обнаружилось раздвоеніе ея на лѣвую и правую сторону Днѣпра; въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, а вторая тянулась къ Польшѣ.

Такъ какъ Польша не исполнила условій договора, то Москва снова начала съ нею войну, которая для нея не была такъ удачна, какъ первая: большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи опять перешла въ руки непріятеля. Утомленныя долговременною войною оба государства вступили въ переговоры, которые долго не могли ни къ чему привести, пока наконецъ Польша не принуждена была ограничиться незначительными требованіями Москвы, такъ какъ въ ней снова начались смуты. Перемиріе это было заключено на 13 лѣтъ знаменитымъ русскимъ дипломатомъ Ординъ-Нащокинымъ въ деревнѣ Андрусовѣ (1667 г.). По этому договору остались за Россіею Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра Малороссіи и кромѣ того Кіевъ на два года.

Всѣ тягости этой войны сильно отзывались на внутреннемъ состояніи Москвы; народъ былъ обремененъ тяжелыми податями, торговые люди потерпѣли. Послѣ того какъ англичанамъ была воспрещена безпошлинная торговля, то привозъ иностранныхъ [illegible] значительно уменьшился. Когда стали сильно ощущать недостатокъ серебряной монеты, то царь по совѣту окольничаго Ртищева приказалъ чеканить мѣдныя деньги, которыя должны были ходить въ равной цѣнѣ съ серебряными.

Сначала эта мѣра удалась: около 5-ти лѣтъ эти деньги дѣйствительно ходили, какъ серебряныя; но потомъ они начали понижаться въ цѣнѣ, когда въ Малороссіи послѣ измѣны Выговскаго перестали ихъ брать и когда появились фальшивыя мѣдныя деньги. Наступила страшная дороговизна. Мѣднымъ дѣломъ злоупотребляли люди вліятельные и приближенные; напримѣръ тесть царя Милославскій съ своими родственниками; они начали собирать всѣ серебряныя деньги въ казну, а въ выпускѣ мѣдныхъ несоблюдали никакой умѣренности. Отъ наступившей дороговизны больше всего бѣдствовали служилые люди, которые получали жалованіе монетой по ея номинальной цѣнѣ. Все это вмѣстѣ усиливало всеобщее раздраженіе. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ, который перешелъ наконецъ въ открытый мятежъ. Московская чернь бросилась въ село Коломенское (любимое лѣтнее мѣстопребываніе Алексѣя Михайловича), и потребовала отъ царя выдачи нѣкоторыхъ ненавистныхъ бояръ (Милославскихъ, Ртищева и др.). Когда на толпу не подѣйствовали увѣщанія царя, то, по приказанію царя, на мятежниковъ ударили придворные стрѣльцы: часть ихъ перебили и переловили, а остальные разбѣжались. Вслѣдъ за этимъ вышелъ указъ, которымъ мѣдныя деньги отмѣнялись, и всѣ платежи приказано производить прежнею серебряною монетою. Несмотря однако на всѣ принимаемыя мѣры, государство не скоро могло оправиться отъ сильнаго финансоваго разстройства.

Съ окончаніемъ второй польской войны, смуты въ Малороссіи не прекратились. Гетманъ западной стороны, смѣлый и честолюбивый Дорошенко, захватилъ въ руки и восточную сторону (гдѣ жители недовольны были новыми московскими налогами); онъ задумалъ изъ Малой Россіи составить особое владѣніе и отдался подъ покровительство турецкаго султана. Однако, на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ; они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича, а опасность со стороны Турціи заставила Московское и Польское правительство сблизиться между собой и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятеля. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному

опустошенію; только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго спасли Польшу отъ совершеннаго уничтоженія. Борьба съ Турціей и Малороссійскій вопросъ не были еще рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Мих. Въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностью къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда понемногу начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ Посольскимъ приказомъ; его значеніе еще болѣе увеличилось съ того времени, когда царь, потерявъ первую супругу, женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая была родственница Матвѣеву и воспитывалась въ его домѣ.

Умирая, Алексѣй Мих. оставилъ послѣ себя довольно многочисленное семейство. Отъ первой супруги (Милославской) у него было два сына: Θеодоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей; отъ второй — маленькій царевичъ Петръ, родившійся 30 Мая 1672 года.

<u>Расколъ и паденіе Никона</u>. Въ то время, когда шли переговоры о мирѣ съ Польшею (передъ Андрусовскимъ договоромъ), царя Алексѣя Мих. занимало самое крупное дѣло въ его жизни — судъ надъ патріархомъ Никономъ. Въ первые годы своего патріаршества Никонъ продолжалъ пользоваться сильною привязанностью и неограниченнымъ довѣріемъ царя; Алексѣй Мих. вполнѣ подчинился вліянію новаго патріарха и во время своихъ отлучекъ поручалъ управленіе почти всѣмъ государствомъ. Подобно отцу Михаила Ѳеодоровича Никонъ въ грамотахъ сталъ писаться „великимъ государемъ“; такимъ образомъ власть патріарха приравнялась къ власти царской. Но это небывалое приравненіе необходимо возбуждало вопросъ о законности его; вопросъ этотъ долженъ былъ подняться скоро, потому что Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайностей, умѣренно пользоваться своею властію. Своимъ властолюбіемъ, жестокостью и вспыльчивостью Никонъ въ скоромъ времени вооружилъ противъ себя самую царицу, родственниковъ ея Милославскихъ, Стрешневыхъ и многихъ другихъ вельможъ. Къ числу недовольныхъ пристали многіе изъ духовенства, оскорбленные крутостью нрава Никона и жестокостью наказаній, которымъ онъ подвергалъ многихъ вин[illegible]

нымъ же образомъ Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ церковныхъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій

Исправленіе богослужебныхъ книгъ является самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ дѣломъ Никона. По недостатку образованности съ теченіемъ времени въ церковныя рукописи вкралось множество ошибокъ. Когда же въ Московскомъ государствѣ появилось книгопечатаніе, то ошибки рукописей перешли въ печатныя книги, а вмѣстѣ съ ошибками вкрались въ нихъ разныя мнѣнія, несогласныя съ церковными уставами. Въ царствованіе Михаила Феод. приступили къ исправленію ошибокъ и поручили это дѣло сначала Діонисію, знаменитому архимандриту Троицкой Лавры, съ нѣсколькими монахами. Но за свои исправленія онъ былъ обвиненъ въ ереси, подвергнутъ истязаніямъ вмѣстѣ съ товарищами, заточенъ и освобожденъ Филаретомъ. А дѣло исправленія перешло въ руки другихъ людей, которые сами держались упомянутыхъ мнѣній и вносили ихъ въ новыя печатныя изданія. Для обсужденія возникшаго отсюда вопроса Никонъ созвалъ духовный соборъ. Рѣшено было исправить книги по старымъ русскимъ рукописямъ, которыя съ этою цѣлью были собраны въ Москвѣ въ большомъ количествѣ. Исправленныя и вновь изданныя богослужебныя книги разсылались по церквамъ, а книги прежнихъ изданій Никонъ приказывалъ вездѣ отбирать. Но противъ этого возстала часть духовенства, не любившая Никона за его строгости и начала смущать народъ разсказами о томъ, что будто патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди, привер-женные къ буквѣ устава, къ внѣшнимъ обрядамъ, стали сильно роптать на патріарха, а жестокія наказанія, которымъ Никонъ подвергалъ непослушныхъ ему священнослужителей, дѣлали ихъ мучениками въ глазахъ толпы. Съ того времени книги, напечатанныя при патріархахъ Іосифѣ или старыя, [illegible] священное значеніе въ глазахъ [illegible]. Они тщательно сохраняли эти книги и признавали, что только по нимъ [illegible], а Никона

уподобляли антихристу. Такіе люди получили названіе староверовъ или раскольниковъ. Главными вчитателями раскола были попы Лазарь и Никита Пустосвятъ, дьяконъ Ѳеодоръ и въ особенности протопопъ Аввакумъ, отличавшійся большою начитанностью и сильнымъ энергическимъ характеромъ. Его многочисленныя сочиненія, написанныя живымъ сильнымъ языкомъ, имѣли большой успѣхъ въ народѣ. Вооруживъ противъ себя многочисленную партію въ духовенствѣ и народѣ, патріархъ скоро возбудилъ къ себѣ вражду и въ боярскомъ сословіи. Онъ слишкомъ неумѣренно пользовался вліяніемъ на царя и хотѣлъ обратить въ свое неотъемлемое право то государственное значеніе, которымъ былъ обязанъ только личному расположенію Алексѣя Мих. Онъ стремился, повидимому, самую свѣтскую власть поставить въ зависимости отъ духовной. Но такое стремленіе не могло имѣть успѣха въ Московскомъ государствѣ при полномъ развитіи царскаго самодержавія. Раздраженные высокомѣрнымъ обращеніемъ и требованіемъ совершенной покорности, многіе бояре возненавидѣли Никона и стремились ослабить расположеніе къ нему царя. Усилія бояръ увѣнчались успѣхомъ тѣмъ скорѣе, что Никонъ пренебрегалъ ихъ мелкими интригами, а главное царь самъ началъ тяготиться своею зависимостью отъ неуступчиваго патріарха. Въ отношеніяхъ Алексѣя Михайловича къ Никону не замедлило обнаружиться охлажденіе, за нимъ послѣдовалъ открытый разрывъ, вслѣдствіе котораго патріархъ самовольно оставилъ свою паству.

Государь, однако, не скоро рѣшился покончить съ своимъ бывшимъ другомъ, и нѣсколько лѣтъ еще продолжалась ихъ распря, которую бояре усердно старались поддерживать, а Никонъ имъ помогалъ своимъ упрямствомъ. Наконецъ состоялся духовный соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (Александрійскаго и Антіохійскаго); Никонъ былъ осужденъ, его лишили сана и послали въ заточеніе въ Бѣлоозерскій Ферапонтовъ монастырь. [illegible] своимъ [illegible] онъ однако не смирился духомъ, и [illegible] оставался вѣренъ своему характеру.

[illegible] управленія Никона, былъ однако [illegible] на томъ же соборѣ, который низложилъ его съ патріаршаго престола. Никонъ не менѣе свѣдущими [illegible]

монастыряхъ не хотѣли принимать этихъ книгъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Узнавъ, что монахи этого монастыря не принимаютъ новыхъ книгъ, царь отправилъ къ нимъ архимандрита съ царскою грамотою, но онъ не имѣлъ никакого успѣха. Противъ мятежныхъ монаховъ отправленъ былъ отрядъ стрѣльцовъ. Но правительство, занятое въ то время на югѣ борьбой съ Разинымъ, не могло употребить большихъ силъ на сѣверѣ. Благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, раскольники цѣлыхъ восемь лѣтъ выдерживали осаду. Только въ 1676 г. воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ, перевѣшалъ главныхъ мятежниковъ, а остальныхъ разослалъ по разнымъ скитамъ и пустынямъ, чѣмъ значительно помогъ распространенію раскола.

Вліяніе Соловецкаго монастыря въ то время было чрезвычайно сильно. Мощи Св. Зосимы и Савватія, потомъ Филиппа привлекали сюда массу богомольцевъ со всѣхъ концовъ Московской Руси. Побывать въ Соловкахъ и поклониться соловецкимъ угодникамъ считалось дѣломъ спасительнымъ и богоугоднымъ. При такомъ вліяніи Соловецкаго монастыря его осада царскими войсками должна была еще больше увеличить его въ глазахъ народа и подорвала многихъ [illegible] въ прав[illegible]

Бунтъ Разина. Въ то время, какъ на сѣверѣ медленно тянулась осада Соловецкаго монастыря, югъ Россіи волновался. Низовья Волги и Дона занимали козацкія станицы. Донскіе козаки еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича признали надъ собою господство Москвы, но это господство было фиктивное, такъ какъ вольныхъ козаковъ трудно было удержать слабому въ то время Московскому государству. Донскіе козаки дѣлились на зажиточныхъ или домовитыхъ и голутвенныхъ или бездомниковъ. Первые жившіе въ станицахъ станичники, имѣвшіе возможность мирно существовать, тянули къ Москвѣ и охотно подчинялись московскому владычеству, которое касалось ихъ весьма слабо; вторые же, которые составляли большую часть изъ людей бѣглыхъ холоповъ, раскольниковъ и другого подобнаго сброду, были враждебно настроены къ Москвѣ и потому неохотно повиновались козацкимъ старшинамъ, непозволявшимъ имъ (насколько это было въ ихъ силахъ) предаваться грабежу. Поэтому вся эта голытьба только ожидала какого-нибудь предводителя, вокругъ котораго она могла бы скучиться и съ которымъ она могла бы удовлетворить своимъ наклонностямъ къ грабежу

телямъ. Такимъ выдѣлился [illegible] донской казакъ Степанъ Тимофеевъ Разинъ съ братомъ Фроломъ. Степ. Разинъ [illegible] промышлять подъ Азовомъ, но до этого [illegible] такъ какъ они были въ мирныхъ отношеніяхъ съ Турками. Тогда Разинъ направился на востокъ на Волгу и Яикъ (Уралъ). Разинъ [illegible] обманомъ здѣшній городъ и засѣлъ тутъ на зиму. Царскіе отряды, отправленные противъ него, были разбиты. На суевѣрныхъ людей [illegible] что Разинъ колдунъ, что его ни ружье, ни сабля не беретъ и пушки по немъ не стрѣляютъ. Тѣмъ съ большею охотою [illegible] (Замѣчательно, что о Разинѣ какъ о колдунѣ, о чародѣѣ сохранились еще и теперь въ народныхъ преданіяхъ, [illegible] въ народныхъ пѣсняхъ о немъ). Весною Разинъ вышелъ въ Каспійское море, ограбилъ русскія и персидскія торговыя суда, [illegible] берега Персіи, ограбилъ [illegible], разбилъ персидскій флотъ. Въ концу лѣта онъ [illegible] Волги; тутъ къ нему навстрѣчу [illegible] отрядъ царскаго войска. Воевода велѣлъ сказать Разину, что царь проститъ его, позволитъ спокойно вернуться на Донъ, если онъ возвратитъ захваченныя пушки, [illegible] суда и [illegible] служилыхъ людей, захваченныхъ [illegible] Разинъ согласился на предложенныя условія; пріѣхалъ въ Астрахань, принесъ повинную, но однако не выполнилъ всѣхъ условій, — а воеводы [illegible] не настаивали. Въ началѣ Октября Разинъ направился вверхъ по Волгѣ и на дорогѣ еще началъ буйствовать. Когда же онъ появился на Дону, то къ нему опять со всѣхъ сторонъ потянулись [illegible]. Весною 1670 г. Разинъ во главѣ громадной шайки [illegible] съ Дону, переправился на Волгу, овладѣлъ Царицынымъ, потомъ Астраханью.

Отсюда Разинъ, оставивъ начальникомъ [illegible], пошелъ вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару. [illegible] воеводъ, грабилъ купцовъ и т. д. [illegible] Нижегородской, Тамбовской, [illegible] и [illegible], которые [illegible]

дѣйствовать они распускали слухъ, что съ Разинымъ сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, и патріархъ Никонъ. Подняты были и инородцы, жившіе въ Волжскомъ басейнѣ: Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары. Въ Сентябрѣ Разинъ подошелъ къ Симбирску, подъ которымъ былъ задержанъ цѣлый мѣсяцъ воеводой Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, а въ это время успѣлъ подойти къ Симбирску князь Юрій Барятинскій съ царскимъ войскомъ, которое было обучено по западноевропейскому способу, и разбилъ Разина на голову. Послѣ этого Разинъ бѣжалъ съ казаками на югъ, но теперь его уже нигдѣ не принимали, и наконецъ на Дону онъ былъ схваченъ донскимъ атаманомъ Яковлевымъ и отправленъ въ Москву, гдѣ и былъ казненъ в Іюня 1671 года.

Послѣ Разина волненіе еще продолжалось нѣкоторое время, но главныя скопища мятежниковъ были разбиты и такимъ образомъ волненіе было утишено.

<u>Подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича</u>. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича потребность въ сближеніи съ западомъ, съ его цивилизаціей возрастала все болѣе и болѣе. Какъ въ церковной, такъ и въ государственной жизни потребность въ наукѣ стала вполнѣ очевидной. За научными учеными людьми обратились въ западную Русь, въ которой просвѣщеніе начало раньше развиваться вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ католичествомъ. Приглашены были въ Москву изъ Кіева для перевода книгъ ученые монахи Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій, при дворѣ явился ученый бѣлоруссъ Симеонъ Полоцкій, которому поручено было воспитаніе сыновей царя. Такимъ образомъ образованіе проникло на царскій дворъ, начало оттуда заимствоваться болѣе и вольностями. Начали по немногу въ русскую жизнь проникать западные обычаи, западная культура.

Знакомству съ западной жизнью особенно способствовали Ордынъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Нащокинъ, завѣдывавшій посольскимъ приказомъ, постоянно сталкивавшійся съ западной Европой, часто ѣздившій туда, сталъ указывать на необходимость преобразованій, указывая при этомъ, какъ дѣлается на западѣ. Онъ первый заговорилъ о необходимости

преобразованій въ войскѣ; въ поднятіи торговаго сословія; по его инициативѣ былъ построенъ первый русскій корабль „Орелъ", который былъ сожженъ во время Разинскаго бунта. Нащокинъ учредилъ почтовое сообщеніе съ западомъ. Извѣстія съ запада получались сначала при помощи гонцовъ, которымъ поручалось вывѣдывать, что творилось тамъ; но эти извѣстія о западноевропейской жизни часто бывали почерпаемы изъ сомнительныхъ источниковъ. При Нащокинѣ стали переводить извѣстія изъ иностранныхъ газетъ, и эти первыя русскія рукописныя газеты, назначавшіеся исключительно для правительства, назывались курантами.

Матвѣевъ, который по удаленіи Нащокина завѣдывалъ посольскимъ приказомъ, самый близкій къ царю человѣкъ, отличался приверженностью къ европейскимъ обычаямъ: домъ его былъ уже убранъ по европейски картинами, часами; въ внутренней жизни Матвѣева тоже было много новаго: къ нему съѣзжались знакомые, чтобы потолковать, поговорить, но не только для ѣды и бражничанья, что водилось у бояръ. Женщины у него не были такими затворницами, какъ у другихъ бояръ: жена выходила къ гостямъ, занимала ихъ. Царь бывалъ у Матвѣева запросто; тутъ онъ впервые узналъ Наталью Кирилловну Нарышкину, которая потомъ сдѣлалась его женой. При содѣйствіи Матвѣева при дворѣ при дворѣ появилось сценическое искуство: въ это же время начала появляться и свѣтская литература въ видѣ романовъ и повѣстей.

Изъ описаній царствованія Алексѣя Михайловича особенно замѣчательны подьячаго Григорія Котошихина и барона Мейрберга, императорскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1661 году.

Царствованіе Өеодора Алексѣевича.

Послѣ Алексѣя Мих. на престолъ вступилъ сынъ его Өеодоръ, котораго онъ провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ еще въ 1674 г. Өедоръ Алексѣевичъ, слабый здоровьемъ, молодой еще, такъ какъ ему было всего 14 лѣтъ, очевидно долженъ былъ найти въ средѣ бояръ руководителей и приближенныхъ. Началась борьба партій. Милославскіе, родственники царя по матери, взяли верхъ и стали отстранять сторонниковъ царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Въ числѣ первыхъ пострадалъ бояринъ Матвѣевъ, кото-

[illegible] бывшаго [illegible] Алексѣя Михайловича. Онъ сначала былъ сосланъ въ Казань, а оттуда въ Пустозерскъ, откуда [illegible] до конца царствованія Ѳедора Алексѣевича, а позже былъ переведенъ въ Мезень. На самое видное мѣсто въ царствованіи Ѳедора Алексѣевича заняли Языковъ и Лихачевъ.

Въ внѣшнихъ событіяхъ этого кратковременнаго царствованія было окончаніе Малороссійскаго вопроса и уничтоженіе мѣстничества. Въ то время, когда въ Москвѣ происходили эти придворныя перемѣны, въ южной части Малороссіи продолжалъ еще держаться Дорошенко, противъ котораго подъ Чигиринъ отправились московскій воевода князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ. Дорошенко, стѣсненный ими, долженъ былъ сдать Чигиринъ и отказаться отъ притязаній на гетманское достоинство. Турецкій султанъ однако не хотѣлъ отказаться отъ Малороссіи и два раза приходилъ подъ Чигиринъ. Въ первый разъ турки были разбиты Ромодановскимъ, а во второй разъ они, хотя и овладѣли Чигириномъ, но не смогли въ немъ долго удержаться. Наконецъ въ Бахчисараѣ было заключено въ 1680 20-лѣтнее перемиріе, вслѣдствіе котораго Украина и Запорожье навсегда утвердились за Москвой. По окончаніи военныхъ дѣйствій возникъ вопросъ о преобразованіи войска. Это преобразованіе было поручено выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Выборные въ числѣ другихъ преобразованій указали на необходимость уничтоженія мѣстничества, которое очень часто служило причиною многихъ неудачныхъ походовъ. Государь созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства и членовъ боярской думы, объявилъ имъ мнѣніе выборныхъ людей и предложилъ вопросъ: уничтожить ли мѣстничество или оставить его по прежнему? Соборъ единогласно рѣшилъ, что мѣстничество, какъ источникъ многихъ золъ, должно быть отмѣнено. Тогда по приказанію царя были принесены разрядныя книги и [illegible] дѣла по мѣстничеству и [illegible] въ присутствіи бояръ и духовенства. [illegible] же противъ соборнаго приговора было назначено лишеніе званія и имущества. Но [illegible] легко было [illegible], какъ былъ произнесенъ приговоръ надъ книгами. [illegible] характерная черта

русскаго общества, которая начала обнаруживаться еще во вре-
мена первыхъ царей и успѣла [illegible] (?) против-
ныхъ [illegible] пустить глубокіе корни, вызывала еще во вре-
мена Ивана Васильевича рядъ мѣръ и указовъ къ прекра-
щенію ея. Но эти указы не имѣли, да и не могли имѣть зна-
чительнаго вліянія. Такъ со времени собора о [illegible],
когда это было подтверждено [illegible] [illegible]; это начало
мало по малу оставляться.

Въ царствованіе Федора Алексеевича [illegible] составленіе проекта Московскаго училища были осно-
ванія. Предметы этого училища были вызваны необхо-
димостью въ большемъ развитіи духовенства, чтобы [illegible] вредное вліяніе со стороны западныхъ уче-
ній. Уставъ этой академіи былъ написанъ вѣроят-
но подъ вліяніемъ Федорова наставника Симеона
Полоцкаго, который учился въ польской академіи
и былъ у насъ представителемъ западнаго образова-
нія. Несмотря на то, что новая Московская академія
по своему уставу являлась училищемъ [illegible],
однако на ней были возложены обязанности
[illegible] наблюденія за иностранцами, чтобы они не рас-
пространяли своихъ вредныхъ ученій; [illegible]
академіи [illegible] за [illegible] всѣхъ иностран-
цевъ, обратившихся въ православіе; [illegible] ака-
деміи также должна была [illegible], что у [illegible] не было
запрещенныхъ церковью книгъ. Все это указываетъ,
что академія учреждалась [illegible] въ ви-
дахъ церковныхъ и должна была служить охрани-
телемъ православія отъ иностранныхъ ученій.

Федоръ Алексеевичъ умеръ въ 1682 году.

Двоевластіе.

По смерти Федора Алексеевича [illegible] царемъ, такъ какъ Федоръ [illegible] не оставилъ наслѣдника, а [illegible] было [illegible] Иванъ [illegible] и умственно, поэтому [illegible] [illegible] партія [illegible] [illegible] большинство [illegible] способностями. Когда былъ собранъ народъ на площади и его спросили, ко-

му изъ двухъ царевичей быть на царствѣ, что почти единогласно отвѣтили, что Петру Алексѣевичу, хотя также были подаваемы голоса и за Іоанна.

Но послѣ провозглашенія Петра царемъ, опять начались смуты. Отстраненная при Ѳеодорѣ царица Наталья Кирилловна теперь снова пріобрѣтаетъ вліяніе и силу. Она тотчасъ же возвратила изъ ссылки своего воспитателя Матвѣева для занятія при управленіи того же поста, что онъ занималъ при царѣ Алексѣѣ. Противъ царицы Натальи и ея родственниковъ Нарышкиныхъ вооружилась партія Милославскихъ, душой этой партіи сдѣлалась умная и честолюбивая Софія, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Въ домѣ отца Софья пользовалась значительной свободой сравнительно съ другими женщинами того времени, такъ какъ женское затворничество въ домѣ царя значительно пало, вслѣдствіе начавшихся проникать въ него западныхъ обычаевъ. Она познакомилась съ государственными дѣлами и принимала участіе въ управленіи при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Когда же управленіе перешло къ ея мачехѣ, то естественно что царевна была потерять все свое вліяніе; поэтому она встала во главѣ партіи Милославскихъ и всѣми мѣрами старалась возстановить свое вліяніе и могущество. Для достиженія своей цѣли эта партія воспользовалась стрѣлецкимъ войскомъ, которое въ это время заволновалось. Поводомъ къ этому волненію послужило то обстоятельство, что всѣ жалобы на притѣсненія нѣкоторыхъ изъ полковниковъ были оставлены почти безъ послѣдствій, такъ какъ правительство ограничилось только нѣкоторыми незначительными мѣрами. Тогда они стали самовольно расправляться съ своими нелюбимыми полковниками и другими начальниками. Но стрѣльцы сознавали, что рано или поздно они будутъ наказаны за свои буйства и безпорядки, поэтому, когда изъ дворца къ нимъ стали доходить вѣсти, что будто Нарышкины извели царское семейство, и что за эту услугу имъ будутъ угрожать вел

вины и обещаніе разныя выгоды; тогда они поспѣшили загладить свою вину. По внушенію Софьи и ея сообщниковъ между стрѣльцами были распространены слухи, что царевичъ Іоаннъ отстраненъ незаконно, что Нарышкины даже покушаются на его жизнь, что стрѣльцы должны спасти царевича и т. п. раздражающія ихъ вѣсти. Когда 15 мая 1682 г. утромъ сообщники Софьи проскакали по стрѣлецкимъ полкамъ съ вѣстью, что Нарышкины задушили царевича Іоанна, тогда стрѣльцы взбунтовались и огромной толпой направились въ Кремль, крича, что они хотятъ убить царскихъ измѣнниковъ. Придя въ Кремль они потребовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича. Царица Наталья вывела на крыльцо обоихъ царевичей, и Іоаннъ сказалъ, что никто его не изводитъ. Тутъ начали уговаривать стрѣльцовъ Матвѣевъ и другіе бояре и успокоили было ихъ, но начальникъ стрѣлецкаго приказа князь Долгорукій испортилъ все дѣло, начавъ кричать на стрѣльцовъ. Послѣдніе снова разсвирѣпѣли, ворвались на крыльцо, сбросили на копья товарищей Долгорукаго, потомъ Матвѣева и стали искать по всему дворцу поименованныхъ у нихъ въ спискѣ ненавистныхъ стрѣльцамъ бояръ. Братъ царицы Натальи Иванъ Нарышкинъ успѣлъ скрыться и его нигдѣ не могли найти. Его искали и другой и третій день, и наконецъ онъ для прекращенія мятежа долженъ былъ отдаться самъ въ руки мятежниковъ, которые его пытали и потомъ казнили. Послѣ этого стрѣльцы нѣсколько успокоились. Но вдругъ потребовали они въ челобитьѣ, чтобы царствовали оба брата вмѣстѣ, а потомъ опять по внушенію Софьи явились съ требованіемъ, чтобы за малолѣтствомъ царевичей правленіе было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьѣ. На оба эти требованія собранный изъ разныхъ чиновъ соборъ московскихъ бояръ далъ свое согласіе.

Правленіе Софьи. Добившись власти правленія Софья должна была удерживать ее въ своихъ рукахъ съ стрѣльцами, которыми только и могла воспользоваться какъ нибудь противъ партіи. Между стрѣльцами стало появляться волненіе, которое было вызвано раскольниками

которыхъ среди стрѣльцовъ было не мало, и даже самъ
начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Хованскій, былъ
тайный послѣдователь раскола. Стрѣльцы-раскольники,
видя, какое значеніе и силу пріобрѣло стрѣлецкое войско,
попытались воспользоваться имъ для утвержденія сво-
его ученія. Явились старые раскольники, растри-
женный за расколъ священникъ Никита, прозванный
„Пустосвятъ", монахи и другіе. Расколоучители, снесшись
съ Хованскимъ, который пообѣщалъ имъ свое содѣйствіе,
начали открыто проповѣдывать на площадяхъ свое
ученіе, чѣмъ вызвали большое волненіе среди народа.
Потомъ они потребовали патріарха на лобное мѣс-
то для преній о вѣрѣ. Но послѣдній безъ семьи царскаго
дома не рѣшился выйти, и состязаніе по требованію
Софьи произошло въ Грановитой палатѣ. На состя-
заніе явились Софья, царица Наталья и двѣ другія
царевны. Раскольники вошли съ шумомъ и крика-
ми. Начались споры, которые при взаимныхъ раз-
драженіи спорящихъ окончились дракой. Но энергич-
ное требованіе Софьи [illegible] неудалось возобно-
вить и должны были прекратить споры, какъ бы-
то по причинѣ поздняго времени. При этомъ нельзя
не упомянуть нѣсколько важныхъ словъ, сказан-
ныхъ Софьею, когда споры приняли крайне бурный
характеръ и никакъ не могли успокоить раско-
льниковъ; она, плача отъ досады, обратилась къ стрѣ-
льцамъ выборнымъ съ словами: „чего вы смотрите?
пригоже ли такимъ мужикамъ къ намъ съ бунтомъ
приходить! Намъ здѣсь больше жить нельзя, пой-
демъ въ другіе города объявлять народу о такомъ
непослушаніи и разореніи." Эти послѣднія слова
свидѣтельствуютъ о томъ, что Софья для упроче-
нія своей власти и значенія хотѣла опираться
къ другимъ городамъ, что она потомъ и дѣлала,
такъ какъ она хорошо понимала, что власть въ
основѣ которой лежатъ уличные безпорядки, не
можетъ быть прочна.

Въ эту же ночь главные зачинщики рас-
кольничьяго движенія были схвачены, одни изъ нихъ
казнены, другіе заточены, а послѣдователи ихъ
[illegible] разбѣжались въ разныя стороны, [illegible]

долженствовавшая распространять свое ученіе.

Покончивъ съ раскольниками, Софьѣ предстояло болѣе трудное дѣло — освободиться отъ Хованскаго, который своимъ потворствомъ стрѣльцамъ привязалъ ихъ такъ къ себѣ, что [illegible] оставаться въ Москвѣ для Софьи было не безопасно. Она воспользовалась какъ причиной для выѣзда изъ Москвы подметнымъ письмомъ противъ Хованскаго, отправилась къ Троицкому монастырю, куда стали стекаться вызванные изъ городовъ служилые люди для усмиренія бунтующихъ стрѣльцовъ и Хованскаго. Хованскій вмѣстѣ съ сыномъ по приглашенію Софьи поѣхалъ къ Троицкому монастырю, но по дорогѣ былъ схваченъ и казненъ. Стрѣльцы, узнавъ объ этомъ, заволновались, но когда увидѣли, что подъ Троицкимъ монастыремъ собралось много войска, смирились и просили патріарха, чтобы онъ былъ ихъ заступникомъ. Взяли позволеніе выборные умолять царей о пощадѣ, [illegible] [illegible], своевольство и дерзость. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа былъ назначенъ думный дьякъ Шакловитый, преданный Софьѣ и ей [illegible] по своему незнатному происхожденію.

Кратковременное правленіе Софьи ознаменовалось замѣчательными узаконеніями: ограниченъ былъ обычай выдачи [illegible] должниковъ въ закладъ, [illegible] [illegible]; [illegible] заимодавцамъ [illegible] [illegible], чтобы [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] имущества; уничтожено было закапываніе живыми женъ за убійство мужей, а замѣнена эта казнь отсѣченіемъ головы; за произнесеніе возмутительныхъ словъ замѣнена была смертная казнь наказаніемъ кнутомъ и ссылкою. Такимъ образомъ въ этихъ мѣрахъ уже видно смягченіе [illegible]

жестокостей, но не смотря на эти жестокости она сохранилась при преслѣдованіи при преслѣдованіи старообрядцевъ и раскольниковъ: ихъ жгли, били кнутами, однимъ словомъ ни чѣмъ не стѣснялись для того, чтобы уничтожить расколъ. Но не смотря на всѣ преслѣдованія онъ продолжалъ все болѣе и болѣе усиливаться.

Потомъ въ правленіе же Софіи былъ заключенъ вѣчный миръ съ Польшею (1686 г.), по которому Кіевъ навсегда оставался за Москвою. Слѣдствіемъ этого мира была война съ Турціею. Эта турецкая или правильнѣе крымская война ознаменовалась двумя походами князя Вас. Вас. Голицына, любимца Софьи и присоединенное къ нему 50000 казацкое войско съ гетманомъ Самойловичемъ, должно было вернуться изъ степи вслѣдствіе безкормицы, такъ какъ татары зажгли передъ войсками степь. Однимъ изъ слѣдствій этого похода было сверженіе гетмана Самойловича, которого обвинили въ измѣнѣ, такъ какъ онъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе своею гордостью и корыстолюбіемъ. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь, а на его мѣсто былъ избранъ Мазепа. На слѣдующій годъ (1689 г.) Голицынъ съ такимъ же войскомъ отправился противъ татаръ, дошелъ до Перекопа, но вслѣдствіе безкормицы и отсутствія воды и [illegible] не добившись никакой пользы въ военномъ отношеніи, возвратился обратно. Несмотря на неудачу обоихъ этихъ походовъ, Софья щедро наградила Голицына и другихъ воеводъ, участвовавшихъ въ этихъ походахъ. Въ томъ же 1689 году русскій уполномоченный Головинъ заключилъ съ Китаемъ Нерчинскій миръ, по которому китайцамъ возвращались оба берега Амура.

<u>Воспитаніе Петра</u>. Въ то время, какъ усиливались значеніе и вліяніе Софьи, росъ и крѣпъ младшій царевичъ Петръ. Послѣ удаленія царицы Натальи, они принуждены были жить вдали отъ двора правительницы и такимъ образомъ [illegible] дворцовыхъ интригъ. Петръ былъ [illegible] свободенъ отъ разныхъ стѣснительныхъ правилъ [illegible], по которымъ царскія дѣти до извѣстнаго возраста не покидали внутреннихъ покоевъ дворца. Въ своемъ воспитаніи онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Сначала

еще въ царствованіе Феодора къ нему наставникомъ былъ приставленъ дьякъ Зотовъ, который по своей ограниченности не могъ имѣть на него сильнаго вліянія и его обученіе ограничилось только грамотностью. Зотовъ также показывалъ ему всевозможныя картинки и этимъ возбуждалъ въ немъ страшную пытливость. Видя, что его любознательности и пытливости не удовлетворяетъ Зотовъ, Петръ постарался самъ пріискать себѣ подходящихъ людей въ нѣмецкой слободѣ. Не находя удовлетворенія своей кипучей дѣятельности, онъ бросился на улицу и тутъ же къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться живые молодые люди. Изъ нихъ онъ образовалъ себѣ дружины, предался военнымъ забавамъ, экзерцировалъ подъ руководствомъ нѣмецкихъ офицеровъ два потѣшныхъ регулярные полка и всею душою предался военному искусству. Въ это же время онъ случайно нашелъ [illegible] англійскій ботъ, осматривая вещи своего дѣда Никиты Ивановича Романова. Пытливость его не давала ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ человѣка, спустившаго ботъ и показавшаго ему, какъ имъ управляться. Голландецъ Францъ [illegible] удовлетворялъ пытливости и любознательности Петра, спустилъ ботъ на Яузу. Пристрастившись къ этой новой забавѣ, онъ уже не ограничился Яузой, а перенесъ сначала ботъ на Измайловскій прудъ, потомъ отправился на Переславское озеро, чтобы устроить тамъ цѣлый потѣшный флотъ.

На всѣ эти забавы и въ особенности сближеніе съ иностранцами очень не нравилось царицѣ Натальѣ, и она, думая какъ нибудь отвлечь его отъ нихъ, рѣшила женить сына; но женитьба его на Евдокіи Феодоровнѣ Лопухиной не могла отвлечь Петра отъ его любимыхъ забавъ, и отвлекла его на время смута Московская.

Партія Софіи. Забавы Петра нисколько не озабочивали Софью, она даже была имъ довольна, потому что это отвлекало Петра отъ дѣлъ правленія. Но для приверженцевъ Софьи опасны были потѣшныя войска Петра. Поэтому вся ненависть была направлена противъ царицы Натальи, которая съ [illegible] своими [illegible] Нарышкинымъ и княземъ [illegible] [illegible] и [illegible] при [illegible] [illegible] любимца Софьи.

Шакловитый, видѣвшій въ Софіи единственную свою опору, всѣми мѣрами старался поддержать и даже рѣшился посягнуть на жизнь Натальи и Петра. Когда Шакловитый сталъ искать между стрѣльцами соучастниковъ къ этому дѣлу, то ихъ нашлось весьма ограниченное число. Вечеромъ 7 авг. 1689 г. по приказанію Шакловитаго собрались стрѣльцы въ Кремль подъ предлогомъ защиты Софіи, которую будто бы Петръ думаетъ напасть съ своими (стрѣльцами) потѣшными. Двое стрѣльцовъ бѣжали въ Преображенское и увѣдомили Петра, что противъ него предпринимается. Разбуженный [illegible] въ чемъ дѣло, онъ съ постели выскочилъ въ окно; а оттуда верхомъ [illegible] и тотчасъ же ускакалъ подъ защиту укрѣпленій Троицкой лавры. За нимъ пріѣхали царица Наталья съ дочерью, невѣстою, женою Петра. По призыву его прибыли отовсюду войска и всѣ приверженцы Петра. Явились также и стрѣльцы, которыхъ никакъ не могли удержать угрозами Софіи. [illegible] оставились крайне ограниченными; всѣ мѣры [illegible] къ тому, чтобы возвратить Петра въ Москву не удались. Наконецъ, она сама рѣшилась поѣхать къ Троицѣ [illegible], но была возвращена съ дороги въ Москву. Послѣ того въ Москву явились посланные [illegible] Шакловитаго, Медвѣдева и др. соумышленниковъ. Никакія мольбы Софіи къ народу и стрѣльцамъ не убѣдили ихъ стоять за нее; она должна была выдать Шакловитаго, который былъ немедленно подвергнутъ [illegible] у Троицы вмѣстѣ съ своими сообщниками. Софья принуждена была удалиться въ Новодѣвичій монастырь; [illegible] были сосланы въ [illegible]. Послѣ Петръ началъ самостоятельное правленіе [illegible]. Иванъ по своему [illegible] характеру никакъ [illegible] въ государственныя [illegible] весь свой [illegible] въ [illegible] правленія [illegible] и [illegible] за правительство и [illegible] весьма [illegible]. Онъ умеръ въ 1696 году.

Царствованіе Петра. Первые шесть лѣтъ царствованія Петра, по удаленіи Софіи, не отличаются никакими [illegible]; [illegible] самъ Петръ былъ окруженъ [illegible] талантливыхъ людей, а самому Петру было всего 17 лѣтъ въ началѣ царствованія [illegible]. Въ это время онъ [illegible] свое воспитаніе въ военномъ [illegible]. Онъ постоянно [illegible] въ [illegible] Нѣмецкой слободы, [illegible]

приближенными лицами къ нему были Лефортъ и шотландецъ Гордонъ. Первый вслѣдствіе своей молодости, веселости и остроумія пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра и остальной компаніи.

Въ это время умеръ Патріархъ Іоакимъ и наступили новые выборы. При этихъ выборахъ двѣ партіи: первая старая, стремившаяся къ уничтоженію иноземнаго элемента въ русской жизни, выставила своего кандидата, казанскаго митрополита Адріана, другая же партія - новая - хотѣла видѣть на патріаршествѣ псковскаго митрополита, человѣка ученаго, который могъ благопріятствовать распространенію западнаго вліянія. Петръ, не окрѣпшій еще вполнѣ въ своихъ стремленіяхъ къ сближенію съ западомъ, уступилъ старой партіи, и патріархомъ былъ назначенъ Адріанъ. Но торжество старой партіи было только видимое, потому что западное вліяніе на Петра проявлялось все больше и больше. Не удовлетворяясь своими забавами на Переяславскомъ озерѣ, онъ отправился впервые на Бѣлое море въ Архангельскъ. Путешествовавъ по Бѣлому морю, полюбовавшись на иностранные корабли, заложивъ свой русскій корабль, а другой велѣлъ купить въ Голландіи. Въ 1694 г. онъ вернулся въ Москву, откуда, похоронивъ мать, опять уѣхалъ въ Архангельскъ. Возвратившись оттуда, онъ далъ примѣрное сраженіе подъ именемъ Кожуховскаго, которое было произведено за деревней Кожуховомъ, расположенной на р. Москвѣ. Тутъ было построено земляное укрѣпленіе, которое защищали стрѣльцы подъ начальствомъ Бутурлина, а потѣшные и подданные осаждали его подъ начальствомъ боярина Ромодановскаго. Послѣ нѣсколькихъ дней осады укрѣпленіе было взято приступомъ. Осталось описаніе этого сраженія, написанное въ юмористическо-серьезномъ тонѣ.

Азовскіе походы. Это примѣрное сраженіе послужило какъ бы началомъ дѣйствительныхъ военныхъ походовъ. Первый такой походъ былъ совершенъ подъ Азовъ въ 1695 г., такъ какъ война съ турками, начатая при Софьѣ, не была еще окончена. Отправивъ большое Московское войско съ казаками малороссійскими подъ начальствомъ боярина Бориса Петр. Шереметьева въ Крымъ, самъ царь съ другимъ войскомъ отправился водой по Москвѣ, Окѣ, Волгѣ до Царицына, а оттуда дошелъ до Дона сухопутьемъ ко

Дону подъ Азовъ. Войско это шло подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Головина, Лефорта и Гордона, а самъ былъ въ качествѣ бомбадира Преображенскаго полка; а во флотѣ онъ носилъ званіе шкипера. Походъ былъ неудаченъ по неопытности войски. Петръ снялъ осаду Азова и въ ноябрѣ возвратился въ Москву. Но эти неудачи не поразили Петра; а напротивъ удвоили его энергію. Въ одну зиму въ Воронежѣ было построено 30 военныхъ судовъ, для нихъ былъ сформированъ въ Москвѣ морской флотъ и адмираломъ этого флота былъ назначенъ любимецъ царя Лефортъ, а генералиссимусомъ сухопутнаго войска Александръ Семеновичъ Шеинъ. Весною снова былъ предпринятъ походъ подъ Азовъ. Новорожденный русскій флотъ преградилъ путь турецкому, и Азовъ былъ взятъ. Распорядившись укрѣпленіемъ Азова, Петръ возвратился въ Москву, куда въѣхалъ въ построенныя по этому случаю тріумфальныя ворота.

Что бы укрѣпиться окончательно на берегахъ Чернаго моря, Петръ немедленно приступилъ къ сооруженію большаго флота. Въ началѣ ноября 1686 г. въ царской думѣ было опредѣлено, что бы землевладѣльцы духовные съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10000 выстроили по кораблю оснащенному и вооруженному, а торговые и посадскіе люди 12 судовъ, слѣдствіе чего помѣщики и вотчинники должны были явиться въ Москву для соглашенія, кому съ кѣмъ складываться для корабельной постройки, или, какъ тогда выражались кому съ кѣмъ быть въ „кумпанствѣ." Постройка судовъ производилась на воронежской верфи, окрестности которой изобиловали въ тѣ времена густыми первобытными лѣсами. Для обученія же морскому дѣлу царь отправилъ до 50 молодыхъ людей изъ знатныхъ стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Италію, и Голландію. Но эта мѣра не могла удовлетворить Петра. Онъ не могъ разсчитывать, что-бы эти молодые люди достаточно изучили морское дѣло такъ, какъ ему бы желательно было самому его знать. Поэтому Петръ рѣшилъ самъ съѣздить заграницу, все увидѣть, узнать. Было снаряжено большое посольство къ различнымъ западнымъ дворамъ и въ числѣ волонтеровъ этого посольства находился инкогнито самъ царь подъ именемъ

дворянина Петра Михайлова.

Въ Февр. 1697 г., когда все уже было готово къ отправленію посольства, Петръ узналъ о составившемся противъ него заговорѣ Цыклера, Соков[illegible] и Пушкина. Недовольные всѣми новшествами и стремленіемъ Петра къ сближенію съ Западомъ, они рѣшились погубить его. Послѣ того какъ заговоръ былъ открытъ и сообщники его казнены, великое московское посольство въ Мартѣ мѣсяцѣ тронулось изъ Москвы. На первыхъ же порахъ Петру пришлось потерпѣть маленькую неудачу: ему не позволили осмотрѣть рижскихъ укрѣпленій, что его сильно разсердило. Далѣе онъ довольно долго задержался въ Бранденбургѣ, такъ какъ въ это время умеръ король Янъ Собѣскій и наступили новые выборы, а Австрія и Россія хлопотали о томъ, чтобы не былъ избранъ союзникъ султана французскій принцъ Конти, и Ромодановскій, въ случаѣ нужды, долженъ былъ силою дѣйствовать противъ француза и его партіи. Въ это время онъ посѣтилъ курфирстину Бранденбургскую Софью-Шарлоту и мать ея Софью, курфирстину Ганноверскую, которыя оставили очень интересныя письма о немъ. Пріѣхавши въ Голландію, онъ принялся за работу. Поселился въ Саардамѣ, началъ работать на верфи, но ему не дали работать, такъ какъ быстро разнеслась вѣсть, что русскій плотникъ самъ царь, и стали любопытные постоянно наскучать ему. Онъ переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ около 4 мѣсяцевъ проработалъ на верфи ост-индской компаніи. Изучивши практически судостроеніе, Петръ отправился въ Англію для теоретическаго его изученія. Проработавъ тутъ около 2 мѣсяцевъ, онъ выѣхалъ изъ Англіи и направился черезъ Вѣну въ Венецію. Но по выѣздѣ изъ Вѣны онъ получилъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ и вмѣсто Венеціи поспѣшилъ въ Москву. Стрѣльцы, передвинутые изъ Азова къ Литовской границѣ, роптали на тягости походной жизни, на разлуку съ семьями. Около 200 человѣкъ изъ нихъ бѣжало въ Москву, но оттуда они были   и возвратились въ свои полки съ письмомъ Софьи: „теперь Вамъ худо, писала Софья, а впредь будетъ еще хуже, ступайте къ Москвѣ, что

все стали! про государя ничего не слышно." Началось волненіе и, когда противъ бывшихъ начались преслѣдованія, стрѣльцы возстали; прогнали своихъ начальниковъ, захватили оружіе и двинулись къ Москвѣ. Подъ Москвой ихъ встрѣтили бояринъ Шеинъ и ген. Гордонъ. Когда увѣщанія и убѣжденія смириться ни къ чему не привели, тогда послѣ нѣсколькихъ залповъ артиллеріи стрѣльцы въ ужасѣ разбѣжались. Главные зачинщики были переловлены и казнены, такъ что, когда Петръ пріѣхалъ въ Москву, то возстаніе было усмирено. Но Петръ не былъ доволенъ произведеннымъ розыскомъ, такъ какъ не было открыто участіе Софьи въ этомъ дѣлѣ. Тогда начались новые розыски, по которымъ оказались участницами царевна Софья и сестра ея царевна Марѳа Алексѣевна. Послѣ этого Софья и Марѳа были пострижены, а многіе стрѣльцы, участвовавшіе въ возмущеніи казнены; стрѣлецкое войско мало по малу было совершенно уничтожено. Въ сентябрѣ 1698г. была пострижена въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и царица Евдокія Ѳеодоровна подъ именемъ Елены. Петръ при своей пылкой, подвижной и полной дѣятельности натурѣ никакъ не могъ примириться съ той семейной жизнью, какую ему должна была бы вести сообразно требованіямъ царица, которая, воспитанная по старымъ обычаямъ, была для него совсѣмъ не подходящимъ человѣкомъ. Это заставило его развестись съ своей женой.

Возвратившись изъ путешествія, Петръ запретилъ свѣтскимъ людямъ, кромѣ крестьянъ носить бороды, что послужило первымъ шагомъ къ сближенію съ Западомъ, такъ какъ бороды служили однимъ изъ отличій русскихъ отъ западно европейцевъ. А если кто изъ свѣтскихъ людей носитъ бороду, то долженъ былъ платить пошлину. Далѣе было приказано служилымъ людямъ и горожанамъ замѣнить старинную долгополую одежду короткимъ европейскимъ платьемъ. Потомъ съ начала XVIII ст. царь велѣлъ праздновать начало новаго года не 1го Сент., какъ прежде, а 1 Января, какъ у другихъ европейцевъ. Эти быстрыя перемѣны не обошлись безъ сильнаго ропота со стороны народа. —

Окончивъ стрелецкій розыскъ, царь отправился въ Воронежъ, где достраивались [illegible] корабли. Со своимъ флотомъ онъ ходилъ въ Азовское море и отсюда послалъ посла Украинцева на русскомъ корабле въ Константинополь для мирныхъ переговоровъ съ Турціей, такъ какъ онъ желалъ поскорее окончить съ ней войну и начать войну со Шведами. Въ то время все его вниманіе было устремлено на то, чтобы вернуть принадлежавшіе некогда Россіи берега Балтійскаго моря. Берега эти были теперь необходимы для Россіи, чтобы моремъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Западомъ. Балтійское море представлялось къ тому гораздо более удобнымъ, чемъ Азовское, отделенное отъ цивилизованныхъ странъ владеніями негостепріимной Турціи. Обстоятельства благопріятствовали стремленіямъ Петра: короли датскій и польскій заключили съ нимъ наступательный союзъ противъ Швеціи. О заключеніи этого союза преимущественно хлопоталъ лифляндецъ Паткуль, который принадлежалъ къ партіи дворянъ, недовольныхъ шведскимъ правительствомъ за отобраніе у нихъ въ казну многихъ земель. По его плану польскій король Августъ решился отнять у Шведовъ Ливонію, между темъ русскіе должны были захватить Ингрію съ Кареліей, а датчане — герцогство Голштинское.

Весною 1700 г. короли датскій и польскій начали войну со Швеціей, а въ Іюле русскому послу Украинцеву удалось заключить миръ съ турками на 30 летъ: Азовъ со всеми новыми и старыми городками остался за Россіей, и крымскій ханъ отказался отъ ежегодныхъ поминокъ, которые до сихъ поръ обыкновенно присылались ему изъ Москвы. Узнавъ о заключеніи мира, Петръ на другой же день издалъ манифестъ о войне со Шведами и далъ приказъ войскамъ двигаться для осады Нарвы. Но въ это время оба союзника Петра потерпели уже пораженія, такъ что самъ Карлъ явился для защиты Нарвы противъ русскихъ, у которыхъ было до 40000 войска, состоявшаго большею частью изъ новобранцевъ [illegible]. Карлъ неожиданно подступилъ, внезапно напалъ на русскихъ, опрокинулъ [illegible] полки, захватилъ артиллерію, а [illegible] офицеры и иностранцы [illegible], такъ что русскіе [illegible]

ихъ не перебили. Одною изъ главныхъ причинъ пораженія русскихъ при Нарвѣ нужно считать то, что почти всѣ полководцы русскихъ войскъ были иностранцы и не внушали къ себѣ довѣрія со стороны русскихъ солдатъ. Такъ, напр., главнокомандующимъ былъ цесарскій генералъ французъ де-Кроа. Петръ въ это время былъ въ Новгородѣ, такъ какъ ему нужно было лично наблюдать за отправкой продовольствія войску. Карлъ вступилъ въ переговоры съ русскими генералами и обѣщалъ отпустить русское войско съ оружіемъ и знаменами, но обѣщаніе это не вполнѣ было сдержано.

Но Карлъ, будучи прекраснымъ солдатомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ плохимъ политикомъ. Вольтеръ о немъ говорилъ, что это образцовый солдатъ въ рукахъ такого вождя, какъ Петръ. Побѣдивъ русскихъ, онъ не воспользовался своею побѣдою, а поспѣшилъ въ Польшу, чтобы покончить съ третьимъ своимъ врагомъ. Увлекшись своими побѣдами надъ слабымъ иноземнымъ королемъ польскимъ, Августомъ, онъ оставилъ русскихъ въ покоѣ на нѣсколько лѣтъ и такимъ образомъ далъ возможность Петру значительно укрѣпиться.

Послѣ Нарвскаго пораженія Петръ не палъ духомъ, а какъ бы удвоилъ свою энергію, что служитъ отличительнымъ признакомъ великихъ государственныхъ дѣятелей. Приготовивъ артиллерію, устроивъ новую армію, принялся завоевывать пограничныя шведскія провинціи, которыя были защищены незначительными силами. Фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха и занялъ восточную часть Лифляндіи. Но тутъ разнеслась вѣсть, что шведы хотятъ овладѣть единственною гаванью русскихъ на Балтійскомъ морѣ — Архангельскомъ. Петръ поспѣшилъ въ Архангельскъ, но слухи оказались напрасными. Петръ возвратился назадъ и теперь направилъ свои завоеванія къ устьямъ Невы, къ завѣтной цѣли стремленія послѣднихъ московскихъ царей. Взявши Нотебургъ (древній Новгородскій Орѣшекъ) и переименовавъ его Шлиссельбургомъ, онъ взялъ крѣпость Канцы и 16 Мая 1703 года заложилъ у устья Невы на островѣ Лустъ-Эйландѣ крѣпость Петербургъ, столицу новой Россіи.

Между тѣмъ Карлъ въ продолженіи 1704-1705 г.г. продолжалъ преслѣдовать въ Польшѣ короля Августа. Петръ ре-

собравшись съ силами за это время, отодвинулъ русскія войска къ польской границѣ. Тутъ русскіе вступили далѣе въ Литву, заняли Вильно и Гродно и въ послѣднемъ укрѣпились. Узнавъ объ этомъ, Карлъ оставилъ на время Августа и направился противъ русскихъ. Русскіе должны были отступить и по плану Петра направились въ Украйну, опустошая все по пути, что бы затруднить движеніе непріятеля. Августъ въ это время былъ въ Саксоніи и Карлъ рѣшилъ сначала покончить съ нимъ въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, а потомъ направить свои движенія противъ русскихъ, такъ какъ опасался въ тылу у себя оставить врага. Августъ, желая спасти Саксонію отъ опустошенія, заключилъ съ Карломъ миръ въ Альтранштедтѣ, по которому отказался отъ польской короны въ пользу познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго и порвалъ союзъ съ Россіею. Послѣ этого Карлъ направился въ Россію.

Въ эту критическую минуту Петру пришлось заняться усмиреніемъ внутреннихъ смутъ. Недовольные разными нововведеніями и подстрекаемые сыномъ одного казненнаго стрѣльца, поднялись сначала астраханцы, но они скоро были усмирены Шереметевымъ. Но гораздо опаснѣе было возмущеніе донскихъ казаковъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ многіе недовольные новыми налогами и различными тягостями, которыя ложились на народъ вслѣдствіе продолжительной войны, бѣжали на Донъ. Въ 1707 году для розысканія такихъ бѣглыхъ отправленъ былъ съ отрядомъ князь Юрій Долгорукій. Когда бѣглыхъ начали ловить и возвращать обратно, они возмутились, собравшись около войскового старшины Кондратія Булавина, напали на отрядъ Долгорукаго и истребили его вмѣстѣ съ предводителемъ. Послѣ этого Булавинъ, потерпѣвъ пораженіе отъ казаковъ, бѣжалъ въ Запорожье и вскорѣ вспыхнувшее опять возмущеніе снова появился на Дону. Собравъ около себя громадную толпу недовольныхъ, онъ убилъ атамана донскихъ казаковъ Ефремомъ, кажется Максимова (атамана казаковъ, разбившаго раньше Булавина) и прочихъ старшинъ и самъ провозглашенъ былъ атаманомъ. А другіе шайки мятежниковъ дѣйствовали въ это время на Волгѣ подъ начальствомъ Некрасова и [illegible]. Волненіе начало пріобрѣтать страшные размѣры, и было наконецъ усмирено

этого ряда незначительныхъ [illegible] княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, [illegible] убитаго Булавинымъ.

Въ эту критическую минуту Петръ [illegible] миръ съ Карломъ [illegible], что принимаетъ условія мира въ Москвѣ. [illegible] внутрь Россіи [illegible] по странѣ [illegible]: онъ могъ направиться на сѣверъ къ новымъ [illegible] русскимъ при Балтійскомъ морѣ, прямо на Москву, или же, наконецъ, на югъ въ Украйну. Петръ будто приготовился встрѣтить [illegible] по всему этому пространству [illegible]. Карлъ направился на югъ, [illegible] Могилевъ, [illegible] съ нимъ генералъ Левенгауптъ, шедшій изъ Лифляндіи съ большими запасами [illegible] Левенгауптъ [illegible] направился далѣе на югъ. [illegible] шведская войска была разбита [illegible] Мих. Мих. Голицынымъ. Петръ же [illegible] с. Лѣсной, 28 Сентября разбилъ отрядъ Левенгаупта, [illegible] всего артиллеріи [illegible] запасами, которые были такъ нужны [illegible] ему пришлось двигаться по пустынной [illegible]. Карлъ торопился въ Малороссію, думая, что найдетъ тамъ все необходимое, такъ какъ гетманъ Мазепа завелъ съ нимъ сношенія. Но ожиданія его не сбылись: Мазепа примкнулъ къ нему съ незначительнымъ отрядомъ, а всѣ остальные козаки остались вѣрными Петру.

Мнѣнія относительно Мазепы довольно разнорѣчивы: одни видятъ въ немъ какого-то героя, другіе — большаго честолюбца и упрекаютъ его въ измѣнѣ. Поведеніе Мазепы можетъ быть легко объяснено, если взглянуть на его критическое положеніе: находясь среди двухъ сильныхъ враговъ, онъ не зналъ, къ которому изъ нихъ пристать. Оставаться вѣрнымъ Петру, если одержитъ верхъ Карлъ, было для него крайне невыгодно, а съ другой стороны, не будучи въ состояніи опредѣлить исходъ этой войны и боясь Петра, онъ не рѣшался открыто пристать къ Карлу. Этимъ можно объяснить [illegible] его поведенія въ эту войну; [illegible] которая [illegible] давала ему возможность не исполнять требованій Петра. Когда же Карлъ вступилъ въ Малороссію, и Мазепѣ ничего было не

что нибудь [illegible], он [illegible] присягать къ царю. До Петра доходили доносы на Мазепу, но онъ не вѣрилъ имъ; когда же наконецъ и измѣна стала очевидною, Петръ, желая прекратить дальнѣйшія послѣдствія измѣны, издалъ манифестъ съ извѣщеніемъ, что гетманъ измѣнилъ и заключилъ договоръ съ Карломъ и Станиславомъ Лещинскимъ, чтобы Малороссію поработить по прежнему полякамъ, а церкви божіи и святые монастыри отдать въ унію. Кромѣ того онъ двинулъ Меньшикова къ Батурину и Батурина, гетманская столица, эта была взята приступомъ и сожжена. Послѣ этого былъ избранъ гетманомъ Скоропадскій. Послѣдній обратился къ народу съ вопросомъ, на чью сторону стать Малороссіи: на сторону ли иновѣрца Карла, который изъ-за моря не сможетъ защищать Малороссію, или на сторону Руси. Народъ избралъ послѣднее, и так. обр. надежды Карла на Малороссію рухнули; такъ какъ Карлъ ожидалъ значительной военной помощи, а вмѣсто [illegible] былъ ограничиться только незначительнымъ числомъ казаковъ, перешедшихъ съ Мазепою и запорожцами, которые тоже перешли на его сторону.

Зиму 1708 года враждебныя войска провели на зимнихъ квартирахъ. Петръ въ это время былъ у Воронежа и Азова, которымъ грозили нападенія со стороны Турціи. Къ веснѣ Карлъ двинулся къ Полтавѣ и осадилъ ее. Осада длилась [illegible], но безуспѣшно. Когда Петръ узналъ, что Полтава очень уже ослабѣла, онъ рѣшилъ напасть на Карла. Къ этой битвѣ Петръ долго готовился. Знатоки военнаго дѣла говорятъ, что [illegible] замѣчательно важныя [illegible]. 27 іюня войска [illegible] встрѣтились. Началась знаменитая Полтавская битва, которая окончилась полнымъ пораженіемъ Шведовъ. [illegible] преимущество Шведовъ на сторонѣ [illegible] былъ окруженъ Карлъ, [illegible], и на сцену политической жизни запада выступила Россія. [illegible] битвы [illegible] Карла [illegible] него; вся сѣверная Европа [illegible] противъ него. Русскіе заняли Ригу, Ревель, Выборгъ и др. города. Карлъ же въ это время успѣлъ поднять противъ русскихъ Турцію. Петръ хотѣлъ покончить съ этимъ [illegible] врагомъ при помощи [illegible] славянскихъ племенъ, находившихся подъ владычествомъ Турокъ. Надѣясь на сильную поддержку со стороны [illegible]

нихъ онъ безъ запасовъ и съ небольшими силами направился въ Турцію. Но войдя въ Молдавію онъ попалъ въ точно такое же положеніе, какъ и Карлъ въ Малороссіи: надежды его не сбылись и [illegible] не оказалось, и Петръ, узнавъ, что турецкая армія приближается, началъ отступать, но на Прутѣ былъ окруженъ непріятелями. Турки сдѣлали нападеніе, но [illegible] сильный уронъ. Петръ предложилъ миръ, который охотно былъ принятъ визиремъ. Такую по[illegible] можно объяснить опасеніемъ, чтобы успѣхъ не [illegible]. Условія мира для Россіи были весьма тяжелыя: пришлось отказаться отъ Азова и другихъ укрѣпленій, которыя стоили также громадныхъ затратъ.

Сохранилось извѣстіе о замѣчательномъ письмѣ Петра, которое онъ писалъ въ сенатъ въ эту критическую минуту. Письмо это въ подлинникѣ до насъ не дошло, а въ нѣмецкомъ переводѣ. По поводу этого письма былъ возбужденъ большой споръ; одни изъ ученыхъ отвергали его достовѣрность, другіе утверждали ее. Письмо это было по[illegible] въ его статьѣ, помѣщенной въ [illegible]. Противъ мнѣнія Устрялова явился С. М. Соловьевъ, который утверждалъ, что отсутствіе подлинника нисколько не даетъ права заподозрѣвать его подлинность. Подлинникъ очень легко могъ быть затерянъ, будучи взятъ кѣмъ либо изъ ученыхъ сановниковъ для прочтенія. А между тѣмъ внутреннее содержаніе письма доказываетъ, что оно написано Петромъ. [illegible] однимъ изъ самыхъ лучшихъ свидѣтельствъ о характерѣ и личности Петра. Какъ о высокомъ политическомъ умѣ Петра сохранилось у насъ другое свидѣтельство — это рѣчь, произнесенная имъ при спускѣ одного корабля. Въ этой рѣчи онъ указываетъ, что свѣтъ просвѣщенія отъ Грековъ перешелъ въ Римъ, потомъ въ западную Европу и наконецъ къ намъ, что намъ не нужно быть постоянно учениками, а нужно стать и самимъ мастерами. Рѣчь эта сохранилась на русскомъ языкѣ и нѣмецкомъ.

Послѣ неудачи Петра на югѣ Россіи, всѣ военныя дѣйствія сосредоточились на Балтійскомъ морѣ. Въ 1714 г. русскій флотъ впервые одержалъ побѣду надъ Шведскимъ. Союзныя войска вытѣснили шведовъ изъ Помераніи, а русскіе заняли всю Финляндію, и Петръ началъ угрожать самой Швеціи. Наконецъ Карлъ, который въ это время былъ въ самой Тур-

нію, стараясь опять поднять [illegible] противъ Россіи; видя, что не имѣетъ никакого успѣха, поспѣшилъ въ Швецію. Въ это время отношенія Петра къ союзникамъ сильно испортились. Политическіе происки голштинскаго министра Герца, клонившіеся къ тому, чтобы помирить Петра съ Карломъ, вызвать раздоръ между союзниками и перенести войну на югъ и т. об., воспользовавшись этими [illegible], направить политику по своему желанію. Но со смертью Карла планъ его не удался; власть въ Швеціи захватила противная придворная партія; Герцъ былъ казненъ и враждебныя дѣйствія противъ Россіи усилились. Но это повело къ большему упадку Швеціи. Въ 1719 году русскія войска высадились въ Швеціи; отрядъ [illegible] опустошилъ страну до самаго Стокгольма. Въ 1720 г. опустошенія возобновились; наконецъ 30 авг. 1721 г. въ Ништадтѣ былъ заключенъ миръ, по которому Швеція отказалась отъ Ингерманландіи, Эстляндіи, Лифляндіи, части Кареліи и [illegible] Финляндіи.

Въ это время въ семьѣ Петра произошла страшная катастрофа; погибъ царевичъ Алексѣй, сынъ Петра отъ первого брака. Алексѣй, будучи сыномъ отъ нелюбимой жены, самъ былъ нелюбимъ. Въ дѣтствѣ онъ оставался при матери и подъ ея вліяніемъ въ немъ никакъ не могла развиться любовь къ отцу. Когда Евдокія была удалена въ монастырь, [illegible] воспитатель [illegible], Алексѣй по своему характеру былъ похожъ на своихъ [illegible]; [illegible], онъ любилъ читать не поучительныя [illegible] книги, [illegible] бесѣдовалъ съ духовными лицами о вопросахъ религіозныхъ. Т. об. по своей природѣ Алексѣй представлялъ полную противоположность личности Петра. Окружавшіе его [illegible] обиженные реформами отца, поклонниками старины, онъ самъ сталъ врагомъ всего того, что составляло предметъ самыхъ завѣтныхъ стремленій Петра. Т. об. [illegible] былъ поставленъ воспитателемъ [illegible], а потомъ баронъ Гюйсенъ, но воспитательная дѣятельность ихъ окончилась тѣмъ, что они выучили [illegible]. Когда онъ воспитывался [illegible] подъ полной командой Меншикова, ему поручали то то, то другія дѣла; [illegible], что ему поручено было написать жизнь Петра; [illegible] историческая свѣдѣнія. Объ успѣхахъ своего воспитанника [illegible] сообщалъ [illegible]

самыи [illegible]; и между тѣмъ, [illegible] его воспитательной дѣятельности была [illegible], лѣнь и другія качества въ воспитанникѣ. Воспитаніе было окончено. Царевичу Петръ поручалъ то то, то другое дѣло, но онъ увидѣлъ, что изъ царевича вышелъ человѣкъ совсѣмъ не такой, какого онъ желалъ въ немъ видѣть. Въ это время Алексѣю удалось [illegible] увидѣться со своею матерью. Послѣ этого свиданія въ Алексѣѣ еще больше окрѣпло враждебное отношеніе къ отцу.

[illegible] въ своей привязанности къ старинѣ, Петръ рѣшилъ женить его на иноземкѣ. Когда Петръ въ 1711 г. былъ за границей, то вызвалъ туда своего сына, чтобы устроить задуманное имъ дѣло. Тутъ состоялась женитьба Алексѣя на принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ Брауншвейгской. При этомъ нужно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что принцесса не приняла православія и осталась лютеранкой. Это первый фактъ, что въ царскую семью вступила иновѣрка. Въ новомъ супружествѣ начался разладъ; Софія не могла относиться къ Алексѣю вполнѣ довѣрчиво, она постоянно боялась, считала [illegible] и т. д. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Алексѣй не обладалъ такими качествами, которыя могли бы привязать къ нему женщину, притомъ выросшую среди извѣстной аристократической обстановки, среди людей, которыхъ уже [illegible] коснулась цивилизація; поэтому они были [illegible] чужіе между собою. Самъ Петръ никогда не [illegible] симпатіи въ Европѣ; на него смотрѣли какъ на [illegible] человѣка, и многое въ немъ имъ казалось крайне отталкивающимъ. Итакъ, если самъ Петръ при всей своей склонности къ западнымъ обычаямъ для Европы чужой, то тѣмъ болѣе чуждымъ былъ для нея Алексѣй. При этомъ Алексѣй не оставлялъ своей старой привычки, часто напивался въ компаніи горячихъ приверженцевъ старины. Начали выходить въ семейной жизни крупныя сцены и, говорятъ, онъ даже иногда билъ свою жену. Когда у Софіи-Шарлотты родился первый ребенокъ, то Петръ поручилъ присутствовать при родахъ [illegible] Ржевской. Это было необходимо для того, чтобы при этомъ не было какого-нибудь обмана, чтобы одного ребенка не подмѣнили другимъ. Появленіе чужой женщины [illegible] подѣйствовало на Софію. Софія умерла при вторыхъ родахъ.

Когда Петръ увидѣлъ, что женитьба не измѣнила

Алексея, то онъ заставилъ его отказаться отъ престола. Тотъ изъявилъ согласіе не только отказаться отъ престола, но и постричься въ монахи. Когда Петръ въ началѣ 1716 г. отправился за границу для излеченія тяжелой болѣзни, которою онъ страдалъ, то вызвалъ къ себѣ Алексѣя, все еще не рѣшаясь исполнить это тяжелое дѣло — лишеніе сына престола. Царевичъ выѣхалъ изъ Москвы, но вмѣсто того, чтобы отправиться къ отцу, отправился въ Вѣну къ нѣмецкому императору Карлу VI и отдался подъ его покровительство, говоря, что спасается отъ жестокаго гоненія и вѣрной смерти. Когда Петръ узналъ о поступкѣ сына, то послалъ Толстаго и Румянцева для отысканія царевича. Тотъ, желая избавиться отъ поисковъ отца, переѣхалъ въ Неаполь и поселился въ замкѣ Сантъ Эльмо. Предосторожности были тщетны. Толстой и Румянцевъ пріѣхали къ нему и стали уговаривать возвратиться. Алексѣй долго не соглашался, но когда ему обѣщали полное прощеніе и право поселиться съ любимой имъ Афросиньей въ деревнѣ, то онъ далъ свое согласіе и уѣхалъ въ Москву. Изъ Москвы онъ былъ потомъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ сначала потребовалъ отъ него отреченія отъ престола и затѣмъ далъ ему прощеніе, но съ условіемъ, что онъ укажетъ всѣхъ сообщниковъ его бѣгства за границу. Начался розыскъ, сопровождаемый обычными того времени пытками. Открылась вся закулисная жизнь Алексѣя, его свиданія съ матерью, недоброжелательство его къ дѣлгамъ отца и къ нему самому; были открыты всѣ сообщники этого дѣла. Былъ назначенъ судъ надъ царевичемъ изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ. Судъ приговорилъ царевича къ смертной казни. Но она не состоялась, такъ какъ несчастный царевичъ умеръ 26 Іюня въ своей темницѣ.

По поводу таинственной смерти царевича начали ходить по Москвѣ самые разнорѣчивые толки. Появилось изъ заграницы письмо, въ которомъ говорилось, что царевичъ задушенъ по приказанію Петра. Письмо это будто бы было написано Румянцевымъ. По поводу этого письма также было не мало споровъ. Устряловъ заподозрилъ его достовѣрность. Погодинъ [?] указываетъ другое письмо къ томуже [illegible]

Но каковы бы ни были условія смерти царевича Алексѣя, фактъ по прежнему остается крайне тяжелымъ пятномъ для Петра; но заслуги его столь велики, что умаленіе виновности Петра является совершенно лишнимъ.

У Германа находятся выписки изъ иностранныхъ донесеній, подтверждающихъ свидѣтельство о пыткахъ послѣ приговора, найденное Устряловымъ.

Многіе стараются видѣть во всемъ этомъ дѣлѣ происки Екатерины и Меньшикова. Хотя Меньшиковъ имѣлъ основаніе добиваться отстраненія Алексѣя отъ престола, однако видѣть только его одного виновникомъ этого дѣла невозможно. Столкновеніе Алексѣя съ Петромъ было фактомъ неизбѣжнымъ.

Мнѣнія о личности Алексѣя разнорѣчивы; одни считаютъ его крайне глупымъ, тупымъ, чуть ли не идіотомъ. Но этому противорѣчатъ многія черты дошедшей до насъ жизни Алексѣя. Правда онъ не былъ похожъ на своего отца, не былъ одаренъ его геніальными способностями; но все же онъ былъ далеко не глупымъ человѣкомъ и потому тѣмъ труднѣе помириться съ фактомъ отстраненія Алексѣя.

По окончаніи войны со Шведами, Петръ принялъ поднесенный ему титулъ Императора всероссійскаго. Затѣмъ Петръ обратилъ свое вниманіе на востокъ, желая открыть Россіи доступъ въ Индію, которая въ то время начала привлекать къ себѣ вниманіе всей Зап. Европы. Въ 1722 г. онъ началъ войну съ Персіей; овладѣлъ Дербентомъ, но по недостатку продовольствія долженъ былъ прекратить дальнѣйшія наступательныя дѣйствія. Послѣ этого Петръ возвратился въ Москву, а въ ноябрѣ того же года война съ Персіей и въ отсутствіе императора шла успѣшно. Слѣдствіемъ этой войны былъ миръ съ Персіей, по которому за Россіей остались Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Въ 1724 г. онъ короновалъ свою вторую жену, на которой женился передъ Прутскимъ походомъ въ 1712 г. Вторая жена его была Ливонская плѣнница Марта Скавронская. Осматривая работы у Ладожскаго озера, онъ простудился, такъ какъ [illegible] своего шатра уже настроеннаго, дорогою спалъ на сырой землѣ. Далѣе онъ подвергъ себя еще большей простудѣ при встрѣчѣ мощей св. Александра Невскаго, которые были помѣщены въ Александро-Невской Лаврѣ. Какъ бы

предчувствуя близкую кончину, онъ поторопился обрученіемъ своей дочери Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Въ это же время Петръ вынесъ значительныя нравственныя потрясенія, когда были произведены слѣдствія надъ Монсомъ. Говорятъ, что на этомъ слѣдствіи обнаружилось обстоятельство, кидавшее тѣнь на Екатерину. Замѣчательно то, что Петръ жестоко наказывалъ каждаго за обманъ, но онъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ относительно тѣхъ женщинъ, которыхъ нѣкогда любилъ.

Въ началѣ 1725 г. болѣзнь Петра усилилась и 28 Января Петръ скончался, не назначивъ послѣ себя наслѣдника. При его кончинѣ уже началась борьба партій. Противники новой аристократіи, выдвинутой Петромъ, хотѣли возвести на престолъ Петра II, сына царевича Алексѣя, но приверженцы Екатерины, во главѣ которыхъ былъ Меньшиковъ, всѣми мѣрами старались, чтобы наслѣдницей была провозглашена Екатерина, такъ какъ они хорошо знали, что если одержитъ верхъ противная партія, то все ихъ значеніе и сила рухнетъ. Благодаря расторопности Меньшикова, императрицей была провозглашена Екатерина.

Очевидцы и современники передаютъ объ этомъ разнорѣчивыя извѣстія: одни говорятъ, что онъ хотѣлъ назначить наслѣдницей дочь свою Анну Петровну, другіе, — что Екатерину. Послѣдніе утверждаютъ, что Петръ, короновавъ Екатерину, имѣлъ это намѣреніе.

1

Программа по курсу Древней русской исторіи

I. Задачи исторіи. Как [illegible] ное время; задачи ея теперь. [illegible] нія необходимыя для историка. . . . . 1–[illegible]

Объ источникахъ вообще, исторической критикѣ и наукахъ вспомогательныхъ. [illegible] нихъ. [illegible] знаній. . . . 7–[illegible]

Источники. Источники для исторіи [illegible] ныхъ эпохъ. . . . . 11–1[illegible]

Лѣтописи и сказанія. [illegible] время. Начало нашего лѣтописанія. [illegible] теръ ихъ. Перечень лѣтописей и [illegible] изъ нихъ. [illegible] лѣтописей. Сказанія, ихъ [illegible] и значеніе. . . . . . . 1[illegible]–2[illegible]

Житія святыхъ, записки. Житія [illegible] ихъ значеніе. Записки [illegible] ихъ появленія и значеніе. 26–34

Сказанія иностранцевъ. [illegible] и византійскихъ [illegible] писателей древней [illegible] . . . 34–4[illegible]

Акты. Ихъ значеніе. . . . 4[illegible]–52

Памятники устной словесности. [illegible] литературы для историка. [illegible] устной и письменной. [illegible] ея ученія. Былины, пѣсни. . . . . 52–5[illegible]

Памятники словесности [illegible] памятники вещественные. [illegible] ихъ значеніе. . . . 57–6[illegible]

[illegible] . . . 6[illegible]–7[illegible]

Географическій очеркъ Россіи. [illegible] ованія страны [illegible] ніе [illegible] и [illegible] развитія [illegible] ственной жизни отъ географическихъ условій. Разныя области Россіи . . . [illegible]

Этнографическій составъ ея [illegible] составныя части русскаго населенія [illegible] этнографическомъ отношеніи. Славяне, [illegible]

вый поселеній (по географ. названіямъ). Разселеніе Славянъ. Указанія на имя Славянъ у древнихъ писателей. Позднѣйшее раздѣленіе Славянскаго племени. Описаніе быта. Религіозныя вѣрованія; характеръ ихъ у разныхъ народовъ. Отраженіе народнаго развитія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Перечень всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ божествъ Славянъ и ихъ характеристика. Праздники ихъ культъ . . . . . 81–88.

Общественный бытъ Славянъ. Земледѣльческій бытъ. Семейныя общины. Мнѣніе о родовомъ бытѣ Славянъ. Его развитіе у другихъ народовъ. Отсутствіе такого развитія рода у Славянъ. Родовые суды и [illegible]. Обладаніе собственностью у славянъ. Нѣкоторые признаки существованія родового быта. Положеніе женщины у Славянъ. Соединеніе семейныхъ общинъ въ болѣе крупныя общественныя единицы (общины, верви, погосты, округи). Центромъ общественной единицы — городища. Племя. Князь, его происхожденіе. Развитіе княжеской власти. Вѣче, его значеніе . . . 88–97.

Матеріальная обстановка жизни Славянъ. Жилища Славянъ. Зависимость ихъ устройства отъ общественной жизни. Городища. Города. Торговля. Торговыя сношенія съ восточными народами. Земледѣліе. Торговыя дружины, „изгои". Предметы торговли. Рабство. Торговля съ западными народами. Торговыя сношенія съ западомъ. Промышленность. Литовскія племена . . . 97–102.

Инородцы — Финны и Тюрки. Финны. Мѣсто населенія; [illegible] этого населенія [illegible] своего перваго поселенія. [illegible] Финновъ. Извѣстія о Финнахъ у древнихъ народовъ. Біармія. Камскіе Болгары; предположеніе о ихъ тюркскомъ происхожденіи. Хозары. Столкновенія съ Варягами; ихъ происхожденіе. Вопросъ о вліяніи ихъ на славянъ. Научная обработка варяжскаго вопроса. Шлецеръ, Погодинъ, Куникъ, Гедеоновъ . . . 102–111

Варяжскій періодъ. Характеръ княжеской

власти въ варяжскій періодъ. Состояніе общества въ эпоху [illegible] характеристика дѣятельности первыхъ князей. . 111-118.

Принятіе христіанства и вліяніе Византіи. Причины принятія христіанства [illegible]. Вліяніе христіанской нравственности. Значеніе факта принятія христіанства съ Востока. Вліяніе Византіи: политическое, юридическое и литературное. . . 118-124.

Различныя мнѣнія объ удѣльномъ періодѣ. Дробленіе Руси между дѣтьми Владиміра, затѣмъ между дѣтьми Ярослава. Три теоріи объясненія удѣльно-вѣчевого періода: родовая (С. М. Соловьевъ), федеративная (Н. И. Костомаровъ) и договорная (проф. Сергѣевичъ). . . . . . 124-132.

Исторія княжествъ удѣльнаго періода. Распредѣленіе русскихъ княжествъ. [illegible] значеніе княжествъ [illegible]. Центръ Кіевъ. Кіевскій князь; его значеніе, ослабленіе этого значенія, причины. Зарожденіе идеи единства Руси при дробленіи ея на княжества. Княжество Кіевское. Переходъ кіевскаго великокняжескаго стола отъ одного князя къ другому, борьба между князьями за великое княженіе. [illegible] Владиміръ Мономахъ; различные взгляды на его личность (Устряловъ, Соловьевъ, [illegible]); [illegible] борьба за кіевскій столъ. Упадокъ значенія Кіева. Причины. Земля Переяславская — оплотъ Кіева съ востока. Черниговское княжество. Престолонаслѣдіе въ немъ. Муромо-Рязанское княжество. Княжество Волынское. Стремленіе волынскихъ князей овладѣть Галичемъ; причины. Галицкое княжество. Смуты въ немъ. Владимірко. . . 132-140.

Княжества: Смоленское, Суздальское и Полоцкое. Смоленское княжество. Борьба смоленскихъ князей съ Андреемъ Боголюбскимъ. Мстиславъ Удалой; борьба его съ новгородскими князьями Ярославомъ Всеволодовичемъ. Общій взглядъ на дѣятельность смоленскихъ князей. Суздальское княжество. Характеръ суздальскихъ князей. Составъ населенія. Города. Колонизація. Общее явленіе — центръ со [illegible] перемѣщеніе центра государственной жизни на сѣверъ. Новый духов-

[illegible] земли. Политика Андрея Боголюбскаго. Отношение Андрея к младшим братьям, к Греции [illegible] с Киевом, с Новгородом. Всеволод III. Княжение [illegible] особенности его. Положение князя. . . . . 140-148.

Князь, вече, дружина и люди. Соединение Руси [illegible] удельнаго периода под властью одного княжескаго рода. Новая форма общественной жизни. Князь — глава [illegible] удельнаго князя к одному роду. Отношения [illegible] значение удельнаго князя. [illegible] характер [illegible] князя по поучению Владимира Мономаха. Вече, его власть; [illegible] решение. [illegible] между вечем и князьями. Дружина, [illegible] люди. . . . . 148-15[illegible]

Суд. Признаки перехода из патриархальнаго быта в государственный. Первые юридические памятники, характер их и зависимость от развития [illegible]. Русская правда, ее характер. [illegible] . . . . . . 156-162.

Церковь. Состав [illegible]. Отношение греческой церкви к русской. Возрастание числа [illegible] духовенства. [illegible] Устав Владимира Святаго. Состав церковной юрисдикции. Номоканон, закон судный людем. [illegible] . . 1[illegible]

Литература Киевскаго периода и [illegible] состояние общества. Былины. Письменная литература. Византийское влияние. [illegible] Слово Даниила Заточника. Слово о полку Игореве [illegible] Торговыя сношения. Способы торговых оборотов. . . 170-177.

Татары. [illegible] татарскаго нашествия; внутренний строй [illegible]

теченій. Ясы. Первое появленіе татаръ. Нашествіе Батыя. Раздоры князей — причина паденія Руси сѣверо-восточной. Сарай. Завоеваніе Руси юго-западной. Отношенія русскихъ князей къ Ордѣ. Дань. Способы ея собиранія. Вліяніе татарскаго ига . . 17[illegible], 18[illegible]

Событія въ Руси Суздальской и Галичѣ. Усиленіе Руси сѣверо-восточной. Раздробленіе Суздальскаго княженія. Появленіе новыхъ понятій о старшинствѣ князей. Александръ Невскій, его характеръ и политика. Борьба послѣ его смерти за престолонаслѣдіе. Выступленіе на первый планъ Москвы. Внутреннія событія юго-западной Руси. Ростъ Галицкаго княженія. Даніилъ Романовичъ. Его характеръ и политика. Стремленіе Даніила освободиться отъ татарскаго ига. Упадокъ Галицкой земли. [illegible] на юго-западѣ [illegible] и [illegible] могущества. . . . [illegible]

II. Новгородъ. [illegible] особенности внутренняго устройства Новгорода. [illegible] ванie средневѣковыхъ городовъ. [illegible] ними и Новгородомъ. [illegible] древнихъ городовъ с Новгорода. Территорія Новгорода. Описаніе его; древность. Мнѣнія о происхожденіи первыхъ его поселеній. Трудность разрѣшенія этого вопроса. Раскопки Ивановскаго . . . 3–9.

Возникновеніе княжеской власти въ Новгородѣ. Первыя [illegible] Новгорода. [illegible] Новгорода. Суздальскіе [illegible] съ [illegible] князей. [illegible] князья въ Новгородѣ. Причина [illegible] княжеской власти. [illegible] князей въ Новгородѣ. [illegible] князей. [illegible] отношеній князя къ городу и [illegible] князей [illegible]. [illegible] Новгородцами [illegible] Новгорода съ Андреемъ Боголюбскимъ. [illegible] князей въ Новгородѣ (Александръ Ярославичъ (Невскій)). Отношенія Новгорода къ Москвѣ и другимъ горо-

дамъ . . . . . . 9–22.
Князь. Положеніе князя въ Новгородѣ. Слабость княжеской дружины. Земскіе бояре. Договорныя грамоты, ряды. Ограниченіе княжеской власти . . . 22–26.
Вѣче. Характеръ вѣча въ другихъ городахъ. Вѣче въ Новгородѣ. Составъ вѣча. Его значеніе, особенности. 26–28
Совѣтъ. Значеніе, составъ . . . 28–30
Посадникъ. Мнѣнія о его значеніи и происхожденіи. Отношеніе посадника къ князю . 30–32.
Тысяцкій. Его значеніе. Отношеніе къ посаднику . . . . . 32–33.
Судъ у княжаго тіуна, у посадника, у тысяцкаго и у архіепископа. Форма суда. Подсудность суду посадниковъ не новгородцевъ. Исключительство вѣча. . . . . . 33–34.
Церковь. Особенности новгородскаго духовенства. Выборъ владыки. Значеніе архіепископа. Штаты при немъ. Софіане. Союзъ. Борьба Новгорода съ Москвою изъ за независимости архіепископа. Благочестіе Новгородцевъ. Участіе вѣча въ церковныхъ дѣлахъ. . . 34–40.
Сословія. Извѣстія о сословіяхъ и раздѣленіи. Борьба между сословіями. Сила бояръ на вѣчѣ. Причины. Двинская область. Двинская грамота . . 40–43.
Торговля. Ея размѣры. Торговля съ [illegible]. Нѣмецкіе гости, ихъ постановленія. Состояніе торговли съ иноземцами. Ганзейскій союзъ. Торговыя общины, ихъ значеніе . . . 43–46.
Литература. Житія святыхъ. Сказанія. Былины . . . 46–47.
Псковъ. Положеніе его. Выдѣленіе Пскова. Зависимость. Отношенія Пскова къ Новгороду и Москвѣ. Боярство. Псковское вѣче. Братщина. Земли владѣльцы (Сябры). Псковская судная грамота. Описаніе города. Раздѣленіе его — концы, соборы 47–53.
Вятка. Возникновеніе ея, [illegible]. Управленіе. Духовенство. — Обзоръ внутренняго состоянія Руси съ XIV в. Русь восточная, Новгородская и западная. Стремленія князей восточной Руси. Постепенное усиленіе Москов-

скаго княжества. 54–60

Иванъ Даниловичъ и возвышеніе Москвы. Отношенія Ивана къ Ордѣ. Его скупость. Пріобрѣтеніе земель куплею. Постепенное усиленіе вліянія этого князя на другихъ князей. Увеличеніе количества населенія въ Московскомъ княжествѣ; причины. Способствованіе духовенства къ объединенію Руси. Высшее духовенство примыкаетъ къ Московскому княжеству; причины этого факта. Вліяніе бояръ на усиленіе Московскаго княжества. Географическое положеніе Московскаго княжества. Солидарность политики Московскихъ князей. Первыя свѣдѣнія о Московскомъ княжествѣ. Подчиненіе Твери. 60–70

Семенъ Гордый. Его характеръ и политика. Иванъ Ивановичъ. Характеръ этого князя. Правленіе. Митрополитъ Алексѣй. Димитрій Донской. Борьба Димитрія съ князьями. Мамаево побоище. Его значеніе. Внутренняя дѣятельность Димитрія. Василій Димитріевичъ. Присоединеніе Нижняго Новгорода. Политика этого князя. Василій Васильевичъ. Смуты въ царствованіе этого князя. Ослѣпленіе его. Правленіе совмѣстно съ сыномъ. Флорентійскій соборъ. Избраніе епископа Іоны. Событія конца царствованія этого князя. 70–80

Политическая жизнь Руси въ періодъ татарскій. Мнѣнія о политической жизни Руси этой эпохи. Вотчинное начало. Государственное начало. Чичеринъ. Вотчинники и князья. Постепенное развитіе государственнаго права. Помѣстная система. Неволинъ. Государственныя земли. Служилые и тяглые люди. 80–88

Духовенство. Митрополиты. Его [illegible]. Дворъ митрополита. Духовныя земли. Ихъ положеніе. Судъ. — Торговля, ея движеніе. Колонизаціонное движеніе. Монахи и ихъ вліяніе на это движеніе. — Города — ихъ внѣшній видъ. — Литература — посланія, житія. 88–94

Литовское государство. Трудность исследований истории этого государства. Источники этой истории. Литовское племя. [illegible] Кривичи [illegible] балтийских славян. Ордена Тевтонский и Меченосцев. Деятельность литовских князей начиная с Миндовга. Гедимин. Ольгерд. Ягайло. Борьба Литвы с немцами. Брак с Ядвигою. Витовт. Характер этого князя. Самостоятельная [illegible] в Литве. Свидригайло. Сигизмунд. Его могущество. Причина упадка этого могущества. Преимущества московского государства для усиления перед Литовским. Война Литвы с Москвою. Женитьба литовского князя Александра на дочери Иоанна III. Сигизмунд I. [illegible] Сигизмунда. Сигизмунд Август. Распространение протестантизма. Падение Ливонского ордена. Попытки избрания на литовский престол московского князя. Люблинская уния. Устройство Литовского государства во время его могущества. Борьба русского и польского элементов со времени присоединения Литвы к Польше. Сравнительный обзор Литовского и Московского княжеств. Внутренний состав Литвы. Крестьяне, их постепенное закрепощение. Казачество в Литве. Привилегии [illegible] собственностью [illegible] городах. Усиление еврейского элемента. . . . 99-130

Иоанн III Васильевич. Личность Иоанна III. — Карамзин. Соловьев. Иванов. Противоположность взглядов Карамзина и Соловьева. Как [illegible] смотреть на этого князя. Государь [illegible] и первый государь. 130-135

Покорение Новгорода. Политика Иоанна III относительно Новгорода. Борьба партий в Новгороде. Марфа Борецкая (Посадница). [illegible] Новгородцев. Поход. Покорение Новгорода. Окончательное падение Новгорода. 136-143.

Покорение Твери. Политика Иоанна III относительно Твери. Покорение Вятки. Пр-

соединеніе удѣла Верейскаго. . . 143-14[illegible]

Отношеніе къ Пскову и Рязани. Отношеніе къ роднымъ братьямъ. . 14[illegible]-14[illegible]

Бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ. Вліяніе Софьи на Іоанна. Интриги бояръ. Вопросъ о престолонаслѣдіи. [illegible]. Нашествіе Ахмата. Стояніе [illegible] Татарскаго ига. Гибель Ахмата. Паденіе Золотой Орды. Союзъ съ Крымомъ. Сношенія съ Турціей. Отношеніе къ Литвѣ. Отношенія къ Казани. Причина зависимости Казани отъ Москвы. Присоединеніе Перми. Походъ Курбскаго на сѣверо-востокъ. Сношеніе съ Даніей. Уничтоженіе торговли Новгорода съ Ганзою . . 148-[illegible]

Василій Ивановичъ. Характеръ этого князя. Покореніе Пскова. Отношенія къ Литвѣ. Отношенія къ Крыму. Внутренняя дѣятельность. . [illegible]-16[illegible]

Правленіе Елены Васильевны. Внутренняя дѣятельность. [illegible] монетная система. Правленіе бояръ. [illegible] подростающаго князя. Шуйскіе. Начало правленія Іоанна IV. Женитьба Іоанна IV. Коронованіе. Пожаръ въ Москвѣ. Сильвестръ и Адашевъ. Земскій соборъ. Покореніе Казани и Астрахани. . . [illegible]-181

Отношеніе къ Крыму. Ливонская война и причины ея. Отношеніе Европы къ Москвѣ. Состояніе Ливоніи. [illegible]. Окончаніе Ливонской войны. Завоеваніе Сибири. Характеристика Грознаго. . . 181-201

Ѳеодоръ Ивановичъ. Характеръ его правленія. Значеніе Бориса Годунова. Внутренняя дѣятельность Ѳеодора Іоанновича. Патріаршество. Прикрѣпленіе крестьянъ. Убіеніе царевича Димитрія. Изслѣдованія историковъ по этому факту. . . 201-209

Борисъ Годуновъ. Отношенія его къ боярамъ. Правленіе Бориса. Появленіе Лжедимитрія перваго. Мнѣнія о его происхожде-

нія. Появленіе его въ Москвѣ. Появленіе Лжедимитрія. Женитьба на Маринѣ. Смерть Лжедимитрія и избраніе Вас. Ив. Шуйскаго. Правленіе Шуйскаго. Смута. Тушинскій воръ. Осада Троицкой Лавры. Смутное время. Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Мининъ и Пожарскій. Земскій Соборъ. Избраніе Михаила Феодоровича Романова. Объясненіе причинъ вызвавшихъ смутное время. Событія въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича . . 209-257.

Царствованіе Михаила Феодоровича. Двоевластіе. Дѣятельность Филарета. Вопросъ о землевладѣніи. Податная система. Польская война. Взятіе Азова. Занятіе Сибири. Внутренняя жизнь. [illegible]. Семейная жизнь Михаила Феодоровича . . 257-268.

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Характеръ этого царя. Внутренняя дѣятельность. Вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, — о законахъ. Обзоръ литературы во времени Алексѣя Михайловича. [illegible] при Алексѣѣ Михайловичѣ. Соборное уложеніе. Никонъ. Состояніе западной Руси до соединенія ея съ восточной. Взаимныя отношенія Литвы и Польши. Борьба православія съ католичествомъ. 268-291.

Казаки. Происхожденіе казачества и его распространеніе. Вражда съ шляхетствомъ. Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ. Война Москвы съ Польшею изъ за Малороссіи. Попытки Москвы проникнуть къ Балтійскому морю. Отношеніе Малороссіи къ Москвѣ. Смуты въ Малороссіи. Выговскій. Распаденіе Малороссіи на двѣ части. Вторая война Москвы съ Польшею. Внутреннее состояніе Московскаго государства во время войны съ Польшею. Дорошенко. Конецъ царствованія Алексѣя Михайловича. Его сподвижники. . 291-

Расколъ и паденіе Никона. Причины, вызвавшія недовольство противъ Никона. Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Слѣдствія этого исправленія. Расколъ. Отношеніе бояръ къ Никону. Возмущеніе Соловецкаго монастыря.

Бунтъ Разина. Положеніе донскихъ казаковъ. Голутвенные. Разинъ. Разбои Разина по Волгѣ, на Каспійскомъ морѣ и берегахъ Персіи. Мѣры Московскаго [illegible] Разина. Усмиреніе волненій.

Подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Потребность въ сближеніи съ Западомъ. Приглашеніе ученыхъ. Ординъ Нащокинъ, его характеръ, значеніе и дѣятельность. Матвѣевъ, его значеніе.

Царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Борьба партій въ началѣ царствованія. Окончаніе малороссійскаго вопроса. Бахчисарайскій миръ. Преобразованіе войска. Уничтоженіе мѣстничества. Проэктъ Академіи.

Двоевластіе. Волненіе по смерти Ѳеодора Алексѣевича. Избраніе Петра. Софья. Стрѣльцы.

Правленіе Софьи. Волненія [illegible] раскольниковъ. Мѣры Софьи противъ раскола [illegible]. Внутреннія преобразованія. Миръ съ Польшею. Походы противъ [illegible].

Воспитаніе Петра. [illegible] воспитатели Зотовъ. Сближеніе съ нѣмецкой слободой. Потѣшныя забавы. Потѣшный флотъ. Женитьба Петра.

Паденіе Софьи. Отношеніе Софьи къ Петру. Происки приверженцевъ Софьи. Бѣгство Петра въ Троицкую Лавру. Положеніе Софьи. Ея удаленіе.

Царствованіе Петра. Воспитательное вліяніе нѣмецкой слободы на Петра. Лефортъ. Гордонъ. [illegible] Патріарха. Поѣздка въ Архангельскъ. Начало флота. Кожуховскія сраженія.

Азовскіе походы. Первый походъ. Постройка судовъ въ Воронежѣ. Второй походъ. Постройка флота „кумпанствами". Отправленіе молодыхъ людей за границу. Поѣздка за границу самого Петра. [illegible]. Работы Петра въ Голландіи и Англіи. Стрѣлецкій бунтъ. Розыскъ. [illegible] Софьи. Разводъ Петра съ женой. Первые шаги къ сближенію съ Западомъ. Миръ съ Турціей. Союзъ противъ Швеціи.

Великая сѣверная война. Нарва. Карлъ [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] до [illegible].

Царевич Алексей. Его воспитание. Характер. Отношение к отцу Петру. Женитьба Алексея [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] за границу [illegible] [illegible] [illegible] Суд над Алексеем. Его [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] поводу. Война с Турцией [illegible] годы царствования Петра. Избрание [illegible].

[illegible]

L8-J